

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представлять читателям новую хорошую книгу по той специальности, к которой и сам имеешь отношение, особенно приятно. А в данном случае приятно вдвойне, поскольку вольно или невольно испытываешь некую гордость, наверное. Гордость за то, что это именно твой бывший аспирант стал зрелым самостоятельным исследователем. Собственно говоря, эта научная зрелость получила подтверждение значительно раньше выхода в свет данной книги, в процессе написания и успешной защиты диссертационной работы. Защита этой диссертации об эвенках севера Читинской области состоялась в 2005 г., то есть шесть лет тому назад, и уже стали возникать опасения по поводу того, что эта работа, как это порой случается в науке, так и не будет опубликована. К счастью, эти опасения теперь развеяны.

На первый взгляд, что же тут особого? Еще одна книга, посвященная культуре недавних номадов-кочевников, таежных оленеводов. Сколько их, и, причем хороших, вышло только за последние полтора десятилетия! Но у меня есть уверенность, что даже на фоне работ таких известных авторов как Пирс Витебски, Николай Сорин-Чайков, Алексия Блок, Гейл Фондад, чьи книги об эвенках читаются на одном дыхании, книга Ольги Поворознюк не потеряется. Эту книгу, разумеется, надо читать, но я всё же попробую заранее показать читателям, в чем ее несомненные преимущества даже на фоне работ именитых российских и зарубежных коллег.

Прежде всего, это работа фундаментальная, написанная с соблюдением основных канонов жанра историко-этнографических монографий, к которому — с развитием внеисторичного социально-антропологического образования у нас в стране (корни этого феномена могут быть усмотрены, видимо, в абсолютизации не-историчного сциентизма антропологической программы Рэдклифф-Брауна) — все реже и реже обращаются молодые авторы. Чтобы ее написать, автору потребовались не только неоднократные выезды в поле, но и многолетние литературные и архивные разыскания.

Вместе с тем, мы не увидим в этой книге «стандартных» с точки зрения этого жанра этнической истории, пищи, жилища, одежды, поданных к тому же, как это часто водилось прежде, в статике. Как, скажете Вы, эвенки получились без жилищ, еды и одежды?! Нет, и в этом

еще один очевидный плюс представляемой монографии. На тщательно собранном и представленном материале автор ведет нас через все сложности, все трансформации и перестройки последних ста лет. И именно так, через рассказ о кооперации и коллективизации, о внедрении плановой экономики и культурно-массовой работы, о современных межэтнических взаимодействиях, социально-экономических проблемах и проблемах с образованием и этническим языком, мы постигаем и историю, и всю трагедию культуры эвенков севера Забайкалья.

И еще о пище, жилище и одежде. Ну как же без них! Автору удалось не только нарисовать некое общее полотно событий, процессов, проблем, но и максимально глубоко проникнуть в мир исследуемой культуры. Третья глава, в которой ярко, в рассказах самих людей, представлены два частных случая – семья оседлых и община кочующих эвенков, поистине стала украшением этой работы. И здесь-то читатель, жаждущий этнографических реалий, обнаружит их в достаточном количестве. Но вновь не в статике, а через культуру и судьбы реальных людей.

Реальность, реализм – пожалуй, одно из самых подходящих определений для этого труда. Основанная на тщательно собранных, выверенных фактах, глубоко осмысленная, благодаря прекрасному знанию автором научной литературы, эта книга займет почетное место ... хотел написать «на полках всех сибиреведов». Да, это так, но почему бы не пометать? Очень надеюсь, что эта книга окажется также в домах всех тех людей, которые делились с ее автором своими знаниями и воспоминаниями.

Д. А. Функ

ВВЕДЕНИЕ

Каларские, тунги́ро-оле́кминские и тунгокоченские эвенки представляют собой яркие и самобытные, по своей культуре и языку, группы коренного населения северных районов Забайкальского края. Их этническая история связана с миграциями эвенков с юга в труднодоступные районы севера Забайкалья в XIII–XIX веках и последующим периодом ограниченных контактов с соседствующими народами, способствовавшим сохранению оленеводческо-промыслового хозяйства и кочевого образа жизни вплоть до XX столетия.

Наиболее ранние сведения об эвенках-орочонах севера Забайкалья мы находим у Патканова¹. Его исследования охватили ареал расселения орочонов Читинского округа Забайкальской области, кочевавших в начале XX в. по Витиму и его притокам – Калакану и Калару, и в бассейне Олёкмы. Этнограф и лингвист Е.И. Титов, посетивший витимо-нерчинских эвенков в 1919–1926 гг., составил тунгусско-русский словарь, содержащий описание диалектов и данные по родовому составу, расселению и численности эвенков, кочевавших по Витиму и Нерче. В работе С.М. Широкогорова, исследовавшего этническую историю эвенков, приведены – данные по общественному и хозяйственному укладу, родовому составу и межэтническим взаимодействиям южных групп «северных тунгусов» Забайкалья². Сведения о расселении и межэтнических контактах эвенков северных групп содержатся в отчете П.А. Кропоткина³.

Фундаментальные труды, посвященные этногенезу, социальной организации, хозяйству, материальной и духовной культуре эвенков, принадлежат советским этнографам. Авторами известных публикаций по этнографии и истории эвенков являются А.Ф. Анисимов, Г.М. Василевич, В.В. Карлов, А.В. Смоляк, В.А. Туголуков. Так, обобщающая монография Г.М. Василевич⁴ основана на ее ценных полевых материалах по социальной организации, хозяйству, материальной и духовной культуре локальных групп эвенков Сибири и Дальнего Востока. Одна из ранних статей исследовательницы также посвящена описанию и анализу социально-демографического положения, отраслей хозяйства, образа жизни и благосостояния витимо-олекминских эвенков на начальных этапах советизации Севера⁵. Совместная публикация Г.М. Василевич и М.Г. Левина посвящена проблемам этнической

истории и происхождения оленеводческого хозяйства витимо-олёкминских эвенков⁶. В публикациях другого советского тунгусоведа В.А. Туголукова мы находим данные по этнической истории и численности забайкальских эвенков⁷. В его очерке «Витимо-олёкминские эвенки» рассматриваются вопросы этнической истории, описываются период коллективизации, положение северных колхозов, хозяйство и образ жизни, культура и быт эвенков севера Читинской области в 1950-х годах⁸. В работе А.С. Шубина, посвященной витимо-тунгир-олёкминским эвенкам, описаны миграции, расселение, этнические контакты и история северных групп эвенков в 1930–70-х годах⁹. В совокупности эти и другие публикации, дополненные и уточненные архивными исследованиями автора, позволяли в общих чертах нарисовать картину социально-демографического, экономического и культурного развития эвенков в советский период в первой главе монографии.

С 1990-х годов берет начало новая волна отечественных этнологических исследований народов Сибири, вызванная общими политическими и социально-экономическими изменениями в стране и сменой идеологической и теоретико-методологической парадигмы. В это же время появляются новые антропологические исследования по истории и современному положению коренных народов Севера, ставшие возможными в связи с «открытием» российского поля для зарубежных коллег.

Среди работ 1990-х – начала 2000-х годов следует отметить несколько публикаций, содержащих полезные сведения о разных аспектах жизнедеятельности эвенков севера Забайкалья в постсоветский период. В первую очередь, к ним относится коллективная монография, написанная читинскими географами по материалам проекта выделения территорий традиционного природопользования и содержащая сведения о естественной среде обитания и хозяйственном укладе эвенков севера Забайкалья¹⁰. Данные по занятости и социальной мобильности и миграциям эвенков рассматриваемых групп в 1990-х годах содержатся в монографии Е.В. Карпова¹¹. Интерес представляют также книга В.М. Булаева о расселении, миграциях, формирования этнического состава и демографической ситуации коренного населения Забайкальского края¹² и публикация О.В. Кузнецова, посвященная природопользованию и современному положению эвенков забайкальского Севера¹³. Среди исследований зарубежных авторов следует вы-

делит книгу географа Г. Фондейл, в которой на материалах ее полевых исследований среди тунгоченских эвенков анализируются проблемы закрепления территорий традиционного природопользования в годы социально-экономического кризиса. В статьях антрополога Д. Андерсона переосмысливается советский опыт колхозного строительства среди забайкальских эвенков, рассматриваются потенциал общественных движений в защиту прав коренных народов и перспективы формирования гражданского общества в контексте индустриального развития севера Забайкалья в 1990-х годах¹⁴.

Помимо довольно разрозненных данных, содержащихся в упомянутых работах, автор использовал сравнительные материалы по другим группам эвенков, опубликованные в ряде комплексных исследований и статей. Например, проблемы сохранения традиционного хозяйства коренного населения Бурятии рассматриваются в работах В.В. Беликова¹⁵ и Д.Д. Мангатаевой¹⁶. Автором ряда исследований, посвященных истории, расселению, природопользованию, мировоззрению и современному положению эвенков Иркутской области, является А.А. Сирина¹⁷. О социально-экономических трансформациях, практиках природопользования и хозяйствования в постсоветский период пишут Д.В. Воробьев (на примере эвенков Красноярского края)¹⁸ и В.А. Тураев (на примере дальневосточных групп эвенков)¹⁹. Этносоциальные процессы, развивавшиеся среди эвенков бассейна в 1990-е годы, описаны в коллективной монографии В.С. Зототрубова, В.П. Кривоногова и П.В. Каткова²⁰. Истории нерчинских эвенков южного Забайкалья в XVIII–XX веках посвящена книга Т.Б. Уваровой²¹. О межэтнических взаимодействиях эвенков с соседними народами пишет И. Шанта²². Полезные сведения по этнической истории, и материальной и духовной культуре разных групп эвенков содержатся в работах С.С. Бухаева, В.И. Дьяченко и Н.В. Ермоловой²³, В.С. Евдокимова²⁴ и С.С. Савоскула²⁵.

Современные проблемы эвенков анализируются и в более широком контексте, в сравнении с другими КМНС России. Так, в экспертном докладе под редакцией В.А. Тишкова анализируются демографические, социально-экономические, этнополитические, культурные и духовные аспекты жизни коренных малочисленных народов Севера в постсоветский период²⁶. Среди других обобщающих работ, посвященных постсоветским социально-экономическим и культурным трансформациям и правовому статусу КМНС, следует назвать сборник ста-

тей под редакцией Д.А. Функа, Х. Бича и Л. Силланпяя²⁷. Исследования западных антропологов П. Витебски²⁸, Х. Гранта²⁹ и К. Хамфри³⁰ содержат критический обзор советской политики колхозного и культурного строительства и анализ положения различных этнических групп КМНС в постсоветский период. Современные практики природопользования и хозяйствования КМНС являются актуальным предметом ряда исследований российских и зарубежных авторов: Э. Вигета (ханты)³¹, Е.П. Мартыновой и Е.А. Пивневой³² (обские угры и ненцы), П. Грэй³³ (чукчи), Ю. Константинова³⁴ (саами), Т. Туиску³⁵ (ненцы). Правовым и социально-экономическим аспектам жизнедеятельности коренных народов в условиях рыночной экономики и промышленного освоения российского Севера посвящены исследования Н.И. Новиковой³⁶, О. Хабэка³⁷, Ф. Штамллера и Э. Уилсон³⁸. Н.Я. Булатова³⁹, А.А. Бурыкин⁴⁰ и Н.Б. Вахтин⁴¹ пишут о языковых процессах, протекающих среди КМНС в последние два десятилетия.

Несмотря на обилие публикаций по современным проблемам и постсоветским трансформациям среди коренных малочисленных народов российского Севера и наличие отдельных работ, освещающих различные аспекты жизнедеятельности витимо-олёкминских эвенков на разных временных отрезках, комплексных историко-этнологических исследований, посвященных эвенкам севера Забайкальского края в XX–XXI веках, до настоящего времени опубликовано не было. Представленная на суд читателя книга является попыткой обобщить и интерпретировать разрозненные этнографические и антропологические данные по советской и постсоветской истории, демографии, хозяйству и культуре локальных групп эвенков, населяющих сегодня северные районы Забайкальского края. Советская история эвенков реконструируется на основе новых архивных материалов и опубликованных ранее источников. Описание и анализ современного положения эвенков стали возможными благодаря привлечению обширных полевых материалов, статистических данных и справок из текущих архивов органов власти, общественных и иных организаций, собранных мною во время полевых исследований в Каларском и Тунгокоченском районах в 1998–2000, 2002–2004, 2006, 2007, 2010 и 2011 гг.

В книге рассматриваются изменения, происходившие в трех основных сферах жизни эвенков севера Забайкальского края на протяжении советского и постсоветского периодов. Первая сфера включает рассе-

ление, социально-демографическое развитие, гендерные аспекты миграций и межэтнические взаимодействия. Вторая – хозяйственный уклад, традиционное природопользование, социально-экономическое положение и государственное регулирование. Образование, языковые и культурные процессы составляют третью сферу.

Особое внимание я уделяю современным социально-демографическим процессам. К ним относятся трансформации социальной и медицинской инфраструктуры, изменение демографических показателей, уровня здоровья и национального состава в местах компактного проживания эвенков. Эти показатели анализируются в контексте проблем определения этнической идентичности и ассимиляции. Для анализа и описания гендерных аспектов миграций, расселения и хозяйственной деятельности в местах проживания и кочевания эвенков я использую понятие «гендерный сдвиг»⁴², отражающие существование мужских и женских социoproфессиональных статусов, моделей расселения и образа жизни. Социально-экономическое положение эвенков я анализирую с точки зрения состояния традиционных отраслей хозяйства, практик природопользования, актуальных социально-экономических проблем и государственного регулирования. Для оценки социокультурных трансформаций я исследую уровень образованности и владения эвенкийским языком, а также процесс трансляции и популяризации традиционных знаний и культурных ценностей эвенков.

Ареал исследования, лежащего в основе моей монографии, включает три северных района (Каларский, Тунгиро-Олёкминский и Тунгокоченский) Забайкальского края, входящих в зону традиционного расселения и компактного проживания эвенков. Кроме того, в работе проводятся параллели с другими локальными группами эвенков, проживающими в Эвенкии, Бурятии, Якутии, Иркутской и Амурской областях, и другими коренными малочисленными народами российского Севера и Дальнего Востока. Хронологически книга охватывает советский и постсоветский периоды. В первой главе даны краткий очерк этнической истории (XVII – начало XX вв.) и сведения по демографии, хозяйству, образу жизни и культуре эвенков севера Забайкалья в 1920–1980-х годах. Хронология второй главы включает постсоветский период, под которым подразумевается отрезок времени с середины 1980-х годов – начала реформ и кризиса власти, приведших к распаду СССР – по настоящее время. В третьей главе особое внимание уделено анализу текущих

этнодемографических, социально-экономических и культурных процессов и перспективам развития забайкальских эвенков на примерах поселковой семьи и кочевой оленеводческой общины.

Книга основана на четырех основных видах источников – собственных полевых материалах, архивных данных, статистических показателях и опубликованных историко-этнографических работах. Наиболее важным источником являются полевые материалы, собранные мною во время экспедиций в Каларский (1998–2000 гг., 2002–2004 гг.) и Тунгокоченский районы (2006 г.). В 1998 г. мне впервые удалось побывать в поселках Новая Чара, Чапо-Олого и в селе Чара, где были установлены контакты со многими из будущих информантов и друзей-эвенков. В 2000 г. полевые исследования велись в одном из самых труднодоступных мест проживания эвенков – в с. Средний Калар, попасть куда можно лишь вертолетом или верхом на олене. В течение последующих полевых сезонов (2002–2004, 2006 гг.) полевые работы продолжались среди оседлых эвенков и старожилов поселков Новая Чара, Чапо-Олого, Куанда, Чара, Кюсть-Кемда, Неляты (Каларский район) и Верхние Усугли и Тунгокочен (Тунгокоченский район). Однако наибольшее впечатление на меня произвели поездки на таежные оленеводческие стойбища. Во время полевых выездов в 1998 и 1999 гг. мне довелось пожить на летнем поселении семьи Ильдиновых на р. Сень и принять участие в хозяйственной деятельности эвенков, в том числе связанной с оленеводством. В 2003 г. я побывала на таежном поселении семьи оленеводов Н. Даниловой и П. Кузьмина на р. Сьюльбан, а в 2004 г. – на летнем стойбище общины «Геван» на р. Читканда. Эти поездки дали превосходную возможность наблюдать за жизнью оленеводов и охотников, участвовать в их повседневных делах и хозяйственной деятельности, приобретая ценный опыт общения с людьми и изучения традиций и мировоззрения эвенков.

В результате экспедиционных выездов были собраны обширные полевые материалы по демографии, межэтническим отношениям, социально-экономическому положению, языку и культуре эвенков севера Забайкальского края. К ним относятся данные интервью, заметки из полевых дневников, данные похозяйственных книг и фотоматериалы. В основу исследования легли интервью с информаторами из числа эвенкийского и другого коренного населения поселков и таежных поселений, в т.ч. с представителями национальной интеллигенции и куль-

турными лидерами, а также с сотрудниками государственных учреждений, занимающихся проблемами коренных малочисленных народов Севера. Материалы похозяйственных книг дополнили информацию о социально-экономическом, культурном, образовательном, семейном и профессиональном статусе представителей местного населения. Похозяйственные книги обследованных мною поселков содержали интересные данные о национальном составе населения поселков, этнически смешанных браках, занятости, состоянии традиционных отраслей хозяйства и жизнеобеспечении эвенкийских семей.

Для написания первой главы, посвященной советскому периоду, были использованы архивные документы (справки, протоколы заседаний, отчеты) из фондов Витимо-Олёкминского национального округа и райисполкомов Каларского и Тунгокоченского районов Государственного архива Читинской области, а также данные Комитета Севера при ВЦИКе Государственного архива Российской Федерации. Материалы ГАЧО позволили получить представление о положении эвенков в период коллективизации и существования Витимо-Олёкминского национального округа. Большой массив архивных данных был представлен сводными планами развития отраслей колхозной экономики, докладными записками, справками и протоколами заседаний райисполкомов северных районов. Другой блок архивной информации включал важные статистические показатели, отражающие социально-демографическое положение, образованность и уровень здоровья эвенков, а также отчеты и справки о развитии основных и подсобных отраслей хозяйства севера Забайкалья в 1930–1980 годах. Материалы ГАРФ, использованные в работе, дополнили общие сведения о положении коренных народов Севера РСФСР в период существования Комитета Севера при ВЦИКе.

Важным источником информации стали материалы текущих архивов органов власти и государственных учреждений. К ним относятся информационные справки комитетов экономики, здравоохранения и культуры Администрации Читинской области (с 2008 г. – Министерств экономики, здравоохранения, культуры Забайкальского края). Так, информация, предоставленная двумя областными комитетами – комитетом экономики и комитетом культуры – в 2000 г., включала показатели демографического развития эвенков, данные об экологической обстановке в районах проживания эвенков, сведения о территориях тради-

ционного природопользования, о поголовье оленей, о национальных праздниках и культурных мероприятиях. Информация областных комитетов здравоохранения и экономики за 2003–2004 гг. включала данные по численности и географии расселения, демографические показатели и сведения о национально смешанных браках на севере Забайкалья. Они также отражали состояние традиционных отраслей и формы организации хозяйства эвенков, уровень занятости и деятельность культурно-просветительских организаций на севере Читинской области. В 2010–2011 гг. важную статистическую информацию и статистические данные по социально-демографическому и социально-экономическому положению и культуре эвенков мне любезно предоставили специалисты Министерства территориального развития Забайкальского края⁴³.

Во время экспедиционных выездов проводилась интенсивная работа с текущими архивами государственных и общественных организаций, общин, органов власти районного и местного уровня. В частности, отдел культуры администрации Каларского района любезно предоставил информацию о деятельности районных учреждений культуры. Материалы, полученные в администрации Чапо-Ологского сельского округа, содержали показатели демографического развития, занятости, уровня благосостояния, состояния традиционных отраслей хозяйства и социальной инфраструктуры поселка. Специалисты отдела культуры и социальной политики администрации Тунгокоченского района помогли мне в получении полных статистических сведений о численности, семейном положении, уровне образования и занятости тунгокоченских эвенков, которые также были использованы в данной работе.

Текущие архивы других государственных и общественных организаций, а также частных лиц включали отчеты, заявления, заключения и справки. Например, в годовых отчетах культурно-досуговых учреждений, предоставленных отделом культуры Каларского района, содержалась полезная информация о технической базе, видах деятельности, подготовке кадров культурных учреждений района, о работе с различными группами населения, о деятельности кружков и любительских объединений, о художниках и мастерах декоративно-прикладного творчества. Отчет отдела краеведения и туризма Каларского краеведческого музея включал описание мероприятий по изучению культуры и истории края, в которых участвовали дети эвенков. В отчетах центров национальной культуры содержатся ценные данные о формах и мето-

дах работы с эвенками, о праздниках, выставках и конкурсах песенно-танцевального и декоративно-прикладного искусства эвенков, о работе любительских клубов и кружков по изучению языка, фольклора, иных видов творчества эвенков⁴⁴. Документы, предоставленные общиной «Геван», помогли уточнить юридический статус пастбищ и охотугодий эвенков и изучить обычно-правовые нормы, регулирующие природопользование эвенков в современных условиях.

При написании работы привлекались также опубликованные материалы. К ним относятся, преимущественно, этнографические описания, отчеты и статистические сведения конца XIX – начала XX вв.⁴⁵ Другой вид опубликованных материалов включал статьи и заметки по истории, этнографии и современным проблемам забайкальских эвенков, опубликованные в местных периодических изданиях. Авторами статей о культуре и традиционном хозяйстве эвенков зачастую являлись представители местной интеллигенции и начинающие литераторы. Отдельно следует упомянуть статистические сборники Управления по статистике Читинской области и Госкомстата, основанные на данных национальных переписей населения 1959, 1970, 1989, 2002 гг. Ряд использованных мною статистических сборников регионального значения содержал более детальные данные по демографическому и социально-экономическому положению эвенкийского населения севера Забайкальского края.

Сбор материалов, на которых основана книга, был бы невозможен без использования классических методов полевой работы – включенного наблюдения, интервью, полевых дневников, работы с похозяйственными книгами и архивными документами, и без фотосъёмки, хорошо известных в этнологии и социальной антропологии. Главным условием успеха включенного наблюдения были искренняя заинтересованность и вовлеченность в жизнедеятельность коллектива и желание получить новые навыки и знания. На оленеводческих стойбищах я доила важенок, разжигала дымокуры, обрабатывала шкуры, принимала участие во многих других хозяйственных делах под «руководством» и опекой хозяев стойбища или дома.

С теоретико-методологической точки зрения, данная работа представляет собой пример современного историко-этнологического исследования. Для интерпретации, анализа и обобщения полученных полевых материалов в монографии были использованы *историческая ре-*

конструкция, компаративный (кросскультурный) и междисциплинарный подходы. Метод исторической реконструкции лежит в основе исторической этнологии – направления этнологии и социальной антропологии, изучающей происхождение и формирование этнических групп, эволюцию и трансформацию форм их общественного и хозяйственного уклада и культуры. Многие историко-этнографические исследования советского периода были посвящены этногенезу, формированию хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей. Однако после смены научно-теоретической парадигмы в 1990-х годах акцент сместился в сторону современных процессов и реконструкции сравнительно недавнего, обозримого прошлого⁴⁶ при переосмыслении и обновлении методов и подходов советской этнографии⁴⁷. Данная работа представляет собой попытку изучения современных (обозначенных как постсоветские) социальных изменений и реконструкции советского прошлого на примере забайкальских эвенков. Проведение этого комплексного исследования стало возможным, в частности, благодаря критическому подходу автора к методам сбора и анализа разнообразных полевых, архивных и статистических материалов.

Компаративный или кросскультурный подход, состоящий в выявлении общего и особенного в развитии сравниваемых народов и культур, в данной работе применяется, преимущественно, для привлечения и анализа данных по истории и современному положению других локальных групп эвенков и коренных малочисленных народов российского Севера. При этом проблемы, лежащие на стыке этнологии и других дисциплин, анализировались с позиций *междисциплинарного подхода*. Такие проблемы, как, например, демографическое развитие, уровень здоровья, семейно-гендерные и межэтнические отношения, можно было понять лишь с привлечением демографических и социологических данных и подходов. Современные практики природопользования и нормы обычного права эвенков анализировались с использованием методов юридической антропологии. Этнолингвистические подходы оказались полезными при составлении тематического словаря эвенкийского языка и изучении вопросов языковой и культурной преемственности.

Особое внимание в данной работе было уделено исследованию трансформационных процессов на микроуровне. Этот подход к организации этнографического материала, известный в западной антропо-

логии как метод анализа конкретных ситуаций (*case study method*) использовался в третьей главе. В ней советская история и современные процессы, протекающие среди эвенков севера Забайкалья, детально описывались и рассматривались «изнутри» на примерах поселковой семьи и оленеводческой общины.

Я безмерно благодарна всем тем людям, без которых не могло бы состояться исследование, лежащее в основе этой книги. Важнейшую роль в написании работы сыграли мои информанты – эвенки и представители других этнических групп, которые вдохновили меня на проведение этого исследования, щедро делясь со мной не только знаниями о своей культуре, но и кровом, пищей и личным временем. Я искренне признательна своим коллегам из Института этнологии и антропологии РАН – моему научному наставнику и ответственному редактору монографии Дмитрию Анатольевичу Функу, Зое Петровне Соколовой, Наталье Ивановне Новиковой и всем другим сотрудникам отдела Севера и моим рецензентам, которые принимали активное участие в обсуждении моего исследования и в подготовке к изданию основанной на нем монографии. Эта работа вряд ли состоялась бы без участия моих старших коллег из Читинского государственного университета: особые слова благодарности адресуются Олегу Владимировичу Кузнецову и Марине Николаевне Фоминой. На разных этапах мое исследование, особенно в части проведения полевых работ, оказывалось возможным благодаря финансовой поддержке Президиума РАН и отечественных научных фондов, которым я также выражаю свою признательность⁴⁸.

Особую роль в моем личностном и профессиональном становлении, как и в написании книги, сыграли члены моей семьи. Мой муж Дмитрий оказывал мне всяческую поддержку на протяжении всего исследования и процесса подготовки его результатов к публикации. Моя мать Татьяна Ивановна и мой покойный отец Алексей Николаевич Поворознюк, создавали все необходимые условия для реализации творческих планов и научных изысканий, итогом которых стала монография. Моим родителям посвящается эта книга.

-
- 1 Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897г. и других источников (с приложением к II ч. трех племенных карт) // Зап. ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXI. Ч. I. Вып. 1. Тунгусы собственно. СПб., 1906.
- 2 Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Northern Tungus. With Introductory Chapters Concerning Geographical Distribution and History of These Groups. Shanghai, 1929.
- 3 Кротошкин П.А. Отчет об Олёмминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопрогонного пути из Нерчинского округа в Олёмминский, снаряженной в 1866 году олекминскими золотопромышленниками, при содействии Сибирского отдела Географического общества. СПб., 1873.
- 4 Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX вв.). Л., 1969.
- 5 Василевич Г.М. Витимо-Тунгир-Олёмминские тунгусы (географическая характеристика) // Советский Север (общественно-научный журнал). 1930. № 3. С. 96–113.
- 6 Василевич Г.М., Левин М.Г. Олений транспорт // Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 11–54.
- 7 Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М., 1980; Он же. Эвенки // Этническая история народов Севера. М., 1982.
- 8 Туголуков В.А. Витимо-олёмминские эвенки // ТИЭ. Т. 78. IV Сибирский этнографический сборник. М., 1962.
- 9 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII – XX вв.). Улан-Удэ, 1973.
- 10 Задорожный В.Ф., В.С. Михеев, А.Т. Напрасников и др. Традиционное природопользование эвенков: обоснование территорий в Читинской области. Новосибирск, 1995.
- 11 Карпов Е.В. Проблемы социальной мобильности эвенков Забайкалья в 1950–1990-х годах. Иркутск, 2003.
- 12 Булаев В.М. Этно-национальные особенности формирования населения Восточного Забайкалья (социально-географическая интерпретация). Улан-Удэ, 1998.
- 13 Кузнецов О.В. Конфликт промышленного развития и традиционного природопользования эвенков севера Забайкалья // Социальная теория и антропологические вызовы XXI века: социальная антропология в научных и образовательных практиках современного общества. Сб. статей. Чита, 2010.
- 14 Anderson D.G. Turning Hunters into Herders: A Critical Examination of Soviet Development Policy among the Evenki of Southeastern Siberia // Arctic. Vol. 44. No.1. March, 1991; Он же. Property Rights and Civil Society in Siberia: An Exami-

nation of the Social Movements of the Zabaikal'skie Evenki // *Praxis International. A Philosophical Journal*. Vol. 12. № 1. April, 1992.

¹⁵ Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. Улан-Удэ, 1994.

¹⁶ Мангатаева Д.Д. Коренные народы Севера Бурятии (пути возрождения). Улан-Удэ, 1999; Она же. Социальные ориентиры у эвенков Бурятии // *Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сборник*. Вып. 1. Новосибирск, 1997. С. 130–136.

¹⁷ См. например: Сирина А.А. Катангские эвенки в XX в.: расселение, организация среды жизнедеятельности. М. – Иркутск, 2002; Она же. Народы Севера Иркутской области // *Исследования по прикладной и неотложной антропологии*. М., 2002.

¹⁸ Воробьев Д.В. Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX в. (Север Туруханского района Красноярского края) // *Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. № 140. М., 2001.

¹⁹ Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток, 2008.

²⁰ Золоторубов В.С, Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. Новосибирск, 1992.

²¹ Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М., 2004.

²² Sántha I. Buryat-Evenki Interethnic Relations // *Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2002–2003*. Haalle / Saale, 2003.

²³ Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока, XVII – XX вв. СПб., 1994.

²⁴ Евдокимов В.С. Амурские эвенки. Благовещенск, 1967.

²⁵ Савоскул С.С. Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе // *Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера*. М., 1970.

²⁶ Тишков В.А. (ред.). Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. Новосибирск, 2004.

²⁷ Функ Д., Бич Х., Силланпяя Л. (отв. ред.). Практика постсоветских адаптаций народов Сибири. М., 2006; Beach H., Funk D., Sillanpää L. *Post-Soviet Transformations. Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia*. Uppsala, 2009.

²⁸ Vitebsky P. *Reindeer people: living with animals and spirits in Siberia*. L.; Boston, 2005.

²⁹ Grant B. *In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas*. Princeton; New Jersey, 1995.

³⁰ Humphrey C. *Marx Went Away, but Karl Stayed Behind* (Updated Edition of *Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm*). Ann

Arbor, 1998; Humphrey C. *The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economics after Socialism*. Ithaca, 2002.

³¹ Вигет Э. Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // *Очерки истории традиционного землепользования хантов*. (Материалы к атласу). Екатеринбург, 1999. С. 157–214.

³² Мартынова Е.П. Коренное население Ямало-Ненецкого автономного округа: социальные проблемы современной жизни // *Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею д.и.н., проф. З.П. Соколовой*. М., 2010. С. 211–220; Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Традиционное хозяйство обских угров и рынок: возможности сосуществования // *Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сб. Вып. 5*. Новосибирск, 2003. С. 122–127.

³³ Gray P. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition // *Polar Research*. 2002. Vol. 19. № 1. 10–14 February, 1999.

³⁴ Konstantinov Y. Soviet and Post-Soviet Reindeer-Herding Collectives: Transitional Slogans in Murmansk Region // *People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Seattle, 2002.

³⁵ Tuisku T. Transition Period in the Nenets Autonomous Okrug: Changing and Unchanging Life of Nenets People // *People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Seattle, 2002. P. 189–205; Она же. Surviving in the Oil and Gas Age. Co-existence of the reindeer herding and petroleum development // *Social and Environmental Impacts in the North*. Dordrecht, 2003. P. 449–461.

³⁶ Новикова Н.И. Обычное право коренных малочисленных народов Севера в системе российского законодательства: прошлое и настоящее // *Обычай и закон. Исследования по юридической антропологии*. М., 2002. С. 175–192; Она же (отв. ред.). *Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. Исследования по юридической антропологии*. М., 2008.

³⁷ Habeck J.O. How to Turn a Reindeer Pasture into an Oil Well, and vice versa. // *People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Seattle, 2002. P. 125–147.

³⁸ Stammer F. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land // *Halle Studies in the Anthropology of Eurasia*. Vol. 6. Muenster, 2005; Stammer F., Wilson E. Dialogue for development: an exploration of relations between oil and gas companies, communities and the state // *Sibirica*. Vol. 5. Issue 2. Special issue on the oil and gas industry local communities and the state, 2006.

³⁹ Булатова Н.Я. Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте // *Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков*. Сб. науч. трудов. СПб., 1997.

⁴⁰ Бурькин А.А. Динамика языковой ситуации, функционирование письменности и этапы эволюции этнических культур малочисленных народов Севера: к проблеме взаимосвязи и взаимообусловленности языковых и социокультурных процессов // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. СПб., 1997.

⁴¹Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига. СПб., 2001.

⁴² Povoroznyuk O., Habeck J.O., Vaté V. Introduction: On the Definition, Theory, and Practice of Gender Shift in the North of Russia // *Anthropology of East Europe Review*. 29(2). Theme issue «Gender Shift in the North of Russia», 2010.

⁴³ Выражаю благодарность за предоставленную информацию заместителю начальника управления инвестиционной политики и программ Министерства территориального развития Забайкальского края Н.Н. Корягиной.

⁴⁴ Отчет ЦНК Каларского района за 2002 г.; Отчет ЦНК Каларского района за 2003 г.

⁴⁵ Кропоткин П.А. Отчет об Олёмминско-Витимской экспедиции...; Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири... 1906.; Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь с приложением книги М.А. Кастрена «Основы изучения тунгусского языка». Иркутск, 1926.

⁴⁶ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.

⁴⁷ Elfimov, A. *Ethnographic Practices and Methods: Some Predicaments of Russian Anthropology // Ethnographic Practice in the Present*. N.Y.; Oxford, 2010. P. 95–106.

⁴⁸ Проекты «Культура оленеводов Севера и Сибири в начале XXI в.: трансформационные процессы и адаптационные возможности» грант РГНФ № 02-01-00418а (2002–2004), «Коренные народы Севера и Сибири в условиях глобализации: адаптационные стратегии и практики» в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (2006–2008); «Принципы и методы оценки этносоциального воздействия современных управленческих решений на население Севера: мировой опыт и российская практика», грант РГНФ № 06-01-00152а (2006–2008), «Историко-культурное наследие в современной картине мира народов Севера и Сибири» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» (2009–2011); ««Коренные малочисленные народы города»: современные адаптационные стратегии и практики коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока», РФ грант РГНФ №10-01-00028а (2010–2011).

Глава 1. ОЧЕРК СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ ЭВЕНКОВ СЕВЕРА ЗАБАЙКАЛЬЯ В XX В.

Расселение и социально-демографическое положение

Среди коренных народов Сибири и Дальнего Востока, как и других народов мира, эвенки представляют собою одну из самых широко расселенных этнических общностей. При сравнительно небольшой численности¹ территория расселения эвенков составляет около 7 млн. км². В результате дисперсного расселения и многочисленных миграций в различных регионах российского Севера сложились многочисленные локальные группы эвенков, характеризующиеся различными диалектами, родовым составом, хозяйственным укладом и образом жизни.

Этнические корни забайкальских эвенков, по мнению исследователей, восходят к тюркоязычным племенам оленеводов, потомками которых, предположительно, являются представители родов *Вокрай* (*Вакурай*, *Бекерей*), *Дуликагир*, *Сартол*, *Узон*, *Каранут*². На формирование эвенков оказали влияние и более поздние группы монголов, к потомкам которых относят эвенков из родов *Илогир*, *Куркагир*, *Ангутский*, *Гальдегир*, *Гучитский*, *Тукчинский*, *Тумандинский*, *Улят*³. В XIX – начале XX вв. эвенки севера Забайкалья были представлены, преимущественно, родами *Бултэгир*, *Туруягир*, *Лакшикагир/Лаксыкагир*, *Катчин*, *Самагир/Шамагир*, *Чильчагир/Чальчигир*, *Киндигир/Кындигир* и *Кокогир*, мигрировавшими в места своего расселения с юга⁴.

Эвенки говорят на эвенкийском языке, который принадлежит к северной (тунгусской) подгруппе тунгусо-маньчжурской группы алтайской языковой семьи. Последствием дисперсного расселения эвенков является «дробление» эвенкийского языка на большое количество наречий (диалектов) и говоров. Язык, на котором говорят эвенки севера Забайкальского края, входит в группу близких друг другу витимолёкминских говоров, относящихся к восточной диалектной группе⁵. По другим классификациям, эвенки Тунгиро-Олёкминского и Каларского районов говорят на тунгирском и каларском говорах олёкминской группы говоров восточного наречия, в то время как эвенки Тунгокоченского района используют талочский говор южного наречия⁶. На сегодняшний день северные группы забайкальских эвенков составляют несколько языковых общностей, в основе которых лежит административно-территориальное и родовое деление. Эвенки Каларского и Тунгиро-

Олёкминского районов говорят на восточном наречии, близком языку усть-нюкжинских эвенков Амурской области. Эвенки Тунгокоченского района находят много общего в своем языке с эвенками Бурятии, т.к. обе группы говорят на южном наречии. Различные эвенкийские роды также имеют свои языковые особенности. Так, представители каларских родов *Инелас* и *Метаткар*, некогда мигрировавших из южного Забайкалья, где они длительное время были в тесном контакте с якутами и бурятами, используют в своей речи большое количество якутских и бурятских заимствований. Некоторые из них владеют якутским и реже – бурятским языками.

С XVII до середины XX в. распространенным названием эвенков был этноним *тунгусы*. В настоящее время под *тунгусами* подразумеваются два тунгусоязычных народа – эвенки и эвены, а общепринятым этнонимом более многочисленного из них является самоназвание *эвенки* («люди»). Эвенки севера Забайкальского края употребляют общий этноним *эвенки* наряду с одним из самоназваний *орочоны* или «оленные люди» (от эв. *орон* – «домашний олень» и *чен/чол* – «человек, житель»)⁷.

У большинства групп эвенков традиционное хозяйство имеет комплексный характер, однако в жизнеобеспечении одних групп доминирующую роль играют охота, оленеводство, предполагающие кочевой образ жизни, а в хозяйстве других – рыболовство, скотоводство, земледелие и другие отрасли, подразумевающие оседлость. В начале XX в. основными занятиями эвенков-орочонов, кочевавших в бассейнах рек Шилка, Витим и по склонам Яблонового хребта, были оленеводство и охота⁸. Южные группы забайкальских эвенков, помимо охоты и оленеводства, занимались разведением лошадей и другого домашнего скота, что было результатом монгольского, а позднее – бурятского влияния⁹. Северные же группы забайкальских эвенков на протяжении XX в. сохраняли традиционный промыслово-олeneводческий хозяйственный уклад и связанный с ним кочевой образ жизни.

Природно-климатические факторы

Основной ареал расселения изучаемых групп эвенков относится к северному Забайкалью, которое представляет собой регион, характеризующийся резко-континентальным климатом и сложными для жизнедеятельности человека природными условиями. Большое влияние

на заселение и хозяйственную деятельность здесь оказали сложное орографическое строение территории и повсеместное распространение вечной мерзлоты. Эти факторы также определили разнообразие ландшафтов региона, образующих комплексы сочетающихся тундрового, таежного и степного типов природной среды. Здесь преобладают гольцово-таежные ландшафты с фрагментами горной тундры среди тайги. Южная граница современного расселения северных групп эвенков проходит между системами двух природных комплексов - полустепи и горной тайги¹⁰.

Климатические условия северного Забайкалья по ряду показателей сходны с условиями Крайнего Севера. Основными признаками здешнего климатического пояса являются большие амплитуды колебания температуры воздуха и атмосферного давления, обилие солнечного сияния, неравномерное выпадение осадков и большая сухость воздуха¹¹. Лето здесь длится около 42 дней, в то время как средняя продолжительность зимы составляет 8–10 месяцев. Средняя температура летних месяцев составляет $+10^{\circ}\text{C}$ – $+18^{\circ}\text{C}$, а зимой понижается до -25°C – -40°C ¹². Осадки распределяются неравномерно: примерно половина их запаса выпадает в июле-августе¹³.

В рельефном отношении север Забайкалья является частью горного ландшафта, который граничит с центрально-азиатской степью на юге и Сибирским Плоскогорьем на севере. Горные системы представлены хребтами Удокан и Кодар (эв. *камень*, *скала*), которые простираются с юго-запада на северо-восток и в высоту достигают отметки 2700–2800 м¹⁴. Для северных районов, входящих в область Станового нагорья, характерна высокая тектоническая подвижность. Часть Удоканского хребта отнесена к сейсмическому району с вероятной максимальной силой землетрясений мощностью от 8 баллов и выше¹⁵.

Геологические особенности Каларского района способствовали формированию значительных запасов минеральных ресурсов. Так, наиболее крупным и стратегически важным является Удоканское месторождение меди, которое по запасам сырья занимает второе, после Норильского, место в России. Попутными компонентами меди являются серебро, золото, железо, сульфидная сера. Перспективными для развития региона также являются Сакуканское месторождение сынных руд, залежи медноникелевых руд в долине реки Чина и каменного угля в долинах рек Апсат и Читканда¹⁶. Более скромный, по сравнению

с Каларским районом, ресурсный потенциал Тунгокоченского и Тунги-ро-Олёкминского районов может служить основой развития золотодобывающей промышленности. В Тунгокоченском районе в настоящее время имеется 29 месторождений полезных ископаемых (золото, цветные и резкие металлы, плавиковый шпат). Здесь располагается крупный золоторудный район (Вершино-Дарасунское золоторудное месторождение). В Тунги-ро-Олёкминском районе на 2010 г. выявлено 25 месторождений полезных ископаемых (золото, молибден, полиметаллы, вольфрам)¹⁷.

Север Забайкальского края характеризуется хорошо развитой сетью поверхностных и подземных вод. Большинство рек, впадающих в Лену и ее правые притоки – Витим и Олёкму, относится к бассейну Северного Ледовитого океана. Витим является крупнейшей рекой и важной транспортной артерией северных районов Забайкальского края: вдоль его притоков проходили многие кочевые маршруты эвенков. Правый приток Витима, горная река Калар протяженностью 500 км, дал название многим географическим объектам севера Забайкалья – одному из районов Забайкальского края, горному хребту и таежному эвенкийскому поселку. Еще один правый приток Витима – р. Куанда (Конда) – вытекает из оз. Леприндокан и составляет 200 км в длину. Р. Чара, левый приток Олёкмы, вытекает из оз. Большое Леприндо и, петляя в горных ландшафтах Каларского района, уходит в Якутию до своего впадения в Олёкму. Помимо порожистых рек, стратегическое значение в освоении забайкальского Севера эвенками играли такие крупнейшие озера, как Ничатка, Большое Леприндо, Леприндокан, Большой Намаракит. Эти пресноводные реки и озера севера Забайкальского края являлись важным природным ресурсом и имели большое значение для формирования природных ландшафтов и для хозяйственной деятельности коренного населения.

Растительность севера Забайкалья представлена среднетаежным комплексом, где основной породой является лиственница даурская. В лиственничном лесу на моренах и надпойменных террасах встречаются примеси березы, рододендрона даурского и ольховника кустарникового. На высотах 1400–1700 м для растительности характерны лиственница, береза Миддендорфа, кедровый стланик, ольховник, рододендрон и береза тощая, в наземном покрове типичны лишайники и

ми. В самом высокогорном гольцовом поясе господствует тундровая растительность¹⁸.

Фауна охотничье-промысловых млекопитающих и птиц забайкальского Севера представлена более чем 40 видами животных. Основу охотничьего промысла эвенков традиционно составляли наиболее распространенные здесь виды млекопитающих – северный олень, лось, изюбрь, соболь, белка. Ресурсы водоплавающей дичи невелики и могут представлять определенное значение лишь на отдельных участках. К наиболее распространенным видам животных и птиц относятся горностаи, ласка, соболь, белка, лось, кабарга, глухарь, рябчик. В некоторых местах к ним также могут быть причислены снежный баран и черношапочный сурок.

Ихтиофауна северного Забайкалья также отличается разнообразием и включает в себя виды семейств лососевых (таймень, ленок, голец-даватчан, пелядь, валёк, тугун), хариусовых, щуковых, карповых, тресковых и окуневых рыб, обитающих в прозрачных и каменистых горных реках и глубоководных озерах и составляющих основу рыболовного промысла эвенков.

В целом по своим природно-климатическим условиям север Забайкальского края относится к дискомфортным для жизни людей районам. Наиболее адаптированным к этим условиям является коренное эвенкийское население, сформировавшее особый комплекс природопользования за несколько столетий проживания на территории Забайкалья. Южная граница зоны расселения и традиционного природопользования северных групп эвенков постепенно отодвигалась на север в связи с миграциями бурят и вытеснением эвенков с земель, пригодных для занятия сельским хозяйством. Сегодня эта граница отражает ландшафтную дифференциацию территории и проходит между природными комплексами полустепи и горной тайги. Растительный и животный мир ареалов расселения северных групп эвенков обладает высоким ресурсным потенциалом, наиболее всего подходящим для развития традиционных отраслей хозяйства коренного населения. Вместе с тем север Забайкальского края обладает мощным потенциалом развития горнодобывающей, перерабатывающей индустрии, энергетики и транспорта, что ставит вопрос о выработке разумной и сбалансированной политики освоения его природных богатств.

Этническая история и расселение

На севере эвенки граничили с якутами, проживавшими в нижнем течении Вилюя, Амги и Алдана, а на юге – с бурятами, заселявшими районы южного Прибайкалья и Забайкалья¹⁹. В XII–XIII веках под напором монголоязычных бурят ареал проживания эвенков Забайкалья начал существенно изменяться. В наибольшей степени бурятами были ассимилированы те группы эвенков, которые заселяли степи и лесостепи Южного Забайкалья и занимались скотоводством в долинах рек Онона и Ингоды. Это были конные и, частично, оленные эвенки родов *Баягир*, *Улят*, *Дуликагир*, *Колтагир*, *Почегор*, *Луникир*, *Украинский* (другие названия – *Вакасильский*, *Увакасильский*, *Вакарайский*), *Одзон* (*Узон*), *Гуновский*²⁰. В XVII в. известным предводителем эвенков Южного Забайкалья был Гантимур из рода Дуликагир, положивший начало административному роду эвенков *Гантимуровых*, которые впоследствии осуществляли административное управление нерчинскими эвенками. Изменив свой хозяйственный уклад, освоив лесостепи и степи Южного Забайкалья и Монголии, приняв христианство или ламаизм и перейдя на бурятский или русский язык к началу XX в., южные группы забайкальских эвенков изменили свою этническую идентичность и стали называть себя бурятами или русскими²¹.

Другая часть эвенков мигрировала из южного Забайкалья в северные горно-таёжные районы, оставляя широкие долины рек, пригодные для земледелия и оседлого скотоводства, русскому и бурятскому населению. В отличие от располагавшихся южнее тунгокоченских и баунтовских эвенков, которые частично были заняты в золотодобыче, эвенки севера Забайкалья сохранили традиционные формы ведения хозяйства и образ жизни. Так, для каларских и тунгиро–олёкминских эвенков основными занятиями оставались охота и оленеводство. Ко времени вхождения территории Восточной Сибири в состав Российского государства эвенки севера Забайкалья вели мобильный образ жизни, откочёвывая в высокие горы в летний период и в верховья рек, где были сосредоточены достаточные ресурсы промысловых животных и пищи для оленей, в зимний. Малооленные эвенки «тарбаганили»²² по склонам рек, занимаясь охотой и рыболовством²³.

В пользу позднего (XVII–XIX вв.) заселения Чарской котловины основной массой предков современных эвенков севера Забайкалья сви-

детельствуют архивные материалы и фольклорные данные²⁴. Согласно архивным источникам, проанализированным Долгих и Туголуковым, в XVII в. ясак с тунгусов собирали в Телембинском (основан в 1658 г. на р. Конда/Куанда), Еравнинском (1676 г., Бурятия), Иргенском (р. Хилок), Нерчинском и Олёкминском острогах, а также в Зидойском (предположительно на р. Джидотой), Акиминском (р. Нерча) зимовьях²⁵. За строительством казаками первого на территории севера Забайкальского края Чаринского зимовья (филиала Олёкминского острога) в 1648 г., последовало основание Патомского зимовья (1670 г.) и дальнейшее освоение края²⁶. Оленные эвенки-орочоны группировались вокруг Акиминского зимовья и Олёкминского зимовья и его филиалов, в то время как в остальных острогах ясак платили, преимущественно, конные эвенки.

Общая численность плательщиков ясака, прикрепленных к Чаринскому и Патомскому зимовьям, в 1652–1712 гг. оставалась неизменной (94 человека), тогда как численность ясакоплательщиков Олёкминского острога за упомянутый период увеличилась со 145 до 398 человек²⁷. Во второй половине XVII в. в ведении Олёкминского острога всего находилось 1000-1200 человек. Увеличение числа плательщиков ясака могло происходить как за счет привлечения «бродячих» тунгусов, скрывавшихся ранее от уплаты, так и за счет причисления к тунгусам части пришлых якутов.

Родовой состав эвенков, кочевавших в XVII в. в районе между Витимом и Олёкмой, был представлен, преимущественно, двумя крупными родами – *Нанагир/Нгангагир* (440 человек) и *Киндигир* (400 человек). Нгангагиры осваивали берега Лены от Нью до низовьев Олёкмы, а Киндигиры кочевали по рекам Витим, Жуя, Чара, Токко, Олёкма. Кроме указанных родов, в рассматриваемом районе расселялись эвенки родов *Вэкорой/Вакурай/Украинский* (145 чел.), *Почегор* (60 человек), *Вилякинский*, *Лаксикагир/Лакшикагир*, *Маугирский*. Эвенки этих родов входили в состав верхнеангарских, баргузинских, баунтовских, тунгокоченских и олёкминских эвенков²⁸.

В XVIII в. – начале XX в. с введением новых административных делений были нарушены прежние родовые связи, что повлекло за собой дробление компактных групп эвенков и появление новых родовых групп и, соответственно, новых родовых названий. Прикрепление эвенков к определенным управам или родовым управлениям ограни-

чивало дальность и длительность перекочевков и вело к ослаблению связей между группами эвенков, населяющих разные административные единицы (края, области, районы)²⁹.

К концу XIX в. на территории севера Забайкалья было зарегистрировано более 1,5 тыс. эвенков, плативших ясак. Если следовать методике Долгих, который для подсчета численности коренных жителей умножал количество плательщиков ясака на коэффициент 4 (для охотничье-оленоводческого населения) и на 5 (для степного скотоводческого населения), то получим около 6 тыс. эвенков, населявших северное Забайкалье в рассматриваемый период³⁰. В это время на севере современного Забайкальского края было основано четыре инородческих управления: Бултэгирское (169 чел.), Катчинское (114 чел.), Локшикагирское (18 чел.) и Туруягирское (456 чел.), к которым были причислены эвенки, кочевавшие в верховьях Витима и Олёмки и по их притокам. В Оловской инородной управе в конце XIX века также были зафиксированы три группы эвенков из родов *Бултэгир* (12 чел.), *Локшикагир* (23 чел.), *Тулуягир* (16 чел.)³¹.

По данным Патканова, в 1897 г. среди орохонов Читинского округа Забайкальской области, кочевавших и проживавших оседло в бассейнах рек Шилки, Витима, Олёмки, по склонам Яблонового хребта и на территории Южной Якутии, были зарегистрированы представители четырех основных родов: *Бультэгерский* (184 чел.), *Катчитский* (114 чел.), *Лакшикагирский* (141 чел.), *Тулуягирский* (462 чел.). Еще часть орохонов в это время была зарегистрирована в Нерчинском районе: роды *Булутский/Бэлётский*, (13 чел.), *Киндэгирский* (16 чел.), *Нинагирский* (20 чел.). Таким образом, в конце XIX в. численность эвенков (с учетом нерчинских орохонов) на территории современного Забайкальского края составляла 800-950 человек³².

Полевые исследования Широкогорова частично охватили современную территорию расселения эвенков севера Забайкальского края. По сведениям исследователя, эвенки, кочевавшие в это время по притокам Калара, Муи, Витимкана, принадлежали к трем основным родам – *Чикагирский I* (398 чел.), *Чикагирский II* (около 200 чел.) и *Киндигирский* (около 80 чел.). Всего же численность «северных тунгусов» Забайкалья в 1912–1913 гг. составляла около 680 чел.³³.

Формирование родового состава эвенков севера Забайкалья в XVII–XIX вв. проходило в условиях межэтнических контактов с соседя-

ми. Якуты начали проникать в низовья Олёкмы и на Чару еще во второй половине XVII в. Известно, что в середине XVII в. одна из групп якутов расселилась на территории обитания эвенков в районе оз. Кусь-Кендэ³⁴ в верхнем течении Чары. Очевидно, эта же группа якутов, была упомянута в отчете одной научной экспедиции, побывавшей в рассматриваемом районе в 1864 г.: «Тунгусы рассказывали, что на оз. Кюскендэ (зовут также Гуткандэ), находящимся в вершинах Чары вблизи от оз. Лемберми ... живут якуты, которые держат скот»³⁵. Далее от центра современного Каларского района якуты продвинулись к западу, на побережье Витима, где в 1863 г. ими, в частности, был построен современный пос. Муя. Результатом тесных межэтнических контактов стало смешение эвенкийских родов с якутами и появление новых родовых объединений с названиями *Якоткар*, *Инелас*, *Метакар*, *Огдыренкур*.

В Тунгокоченский район с середины XIX в. начали проникать и буряты. Баргузинские буряты в середине XIX в. селились по р. Джилинда (правый приток Витима). К XX в. буряты расселились более или менее компактными группами в южной и северной частях Тунгокоченского района: в поселках Ульдурга и Юмурчен, где местные эвенки называли их *баргузинами*. Русское население мигрировало в северные районы Забайкальского края с начала его освоения в XVII в. Ранние волны миграции русских в описываемый регион и их контакты, в первую очередь, с оседлыми эвенками, например, конными тунгусами *мурчанами* Урульгинской управы, привели к формированию метисированного населения, проживающего ныне на юге Тунгокоченского района. Более поздние межэтнические контакты русских с эвенками относятся к началу XX в. и связаны с миграциями в северные районы старообрядцев (*семейских*) с юга Забайкальского края и русского пришлого населения из западных регионов.

В конце XIX в. эвенки севера Забайкалья в административном отношении входили в состав Олёкминского округа Якутской области и Читинского и Нерчинского округов Забайкальской области. Витимские орочны находились в ведении Баунтовской инородной управы, административный центр которой располагался в зимовье на берегу оз. Баунт; каларские и олёкминские орочны входили в ведение Олёкминской инородной управы; небольшая часть орочнонов (Бультегирского рода) состояла в ведении Урульгинской инородной управы³⁶.

Примечательно, что к 1970-м годам у эвенков севера Забайкалья еще сохранялось четкое представление о своей родовой принадлежности. В это время в Тунгокоченском районе исследователями были зарегистрированы потомки родов *Чильчагир*, *Туруягир*, *Самагир*, *Бультогир*, *Киндигир*, *Джелокон*, *Молдягир*, *Сологон*; в Каларском и Тунгиро-Олёкминском районах – *Нанагир* (он же *Какагыр*, *Хахагыр*), *Лакшикагир/Лаксикагир*, *Чакигир*, *Якоткар*, *Инелас/Инелагир*, *Метакар*, *Огдыренкур*, *Букачар*³⁷. Эвенки, проживающие сегодня на территории северных районов Забайкальского края, существенно различаются между собой в родоплеменном отношении. Так, тунгокоченские эвенки относятся к родам *Киндигир*, *Чильчагир*, *Туруягир*, *Локшикагир*, *Бултэгир*, *Нодярил/Нгодярил*, *Малюкчер*, *Самагир*, *Кокогир*, *Сологон* и тяготеют к баунтовским и северобайкальским эвенкам. Тунгиро-олёкминские и каларские эвенки подразделяются на роды *Букочар*, *Донгоиль*, *Инголягир*, *Лалыгир*, *Локсекагир/Локшикагир*, *Нгангагир*, *Огдыренкур*, *Тамиганкур*, *Чакагир*, *Якоткар*, *Инелас/Инелагир/Инголягир*, *Метакар*, *Талигир*, *Конгзя*, *Эгдэрэл*. Каларские эвенки исторически делились на две подгруппы – чарских эвенков, предки которых кочевали по рекам Чара, Куанда (Конда), Сюльбан, и каларских эвенков, история которых связана с освоением р. Калар и ее притоков. Такое деление по родовому признаку обусловлено тяготением потомков родов *Метакар*, *Инелас* к якутским эвенкам, что проявляется, преимущественно, в самосознании (память о предках, кочевавших в Якутии) и языке (владение якутским языком). Эвенки, предки которых кочевали или кочуют в низовьях р. Чара, напротив, имели контакты с баунтовскими и северобайкальскими эвенками, кочевавшими по рекам Ципа и Муя и в настоящее время проживающими в Бурятии. Кроме Бурятии и Якутии, отдельные роды каларских эвенков были связаны и сохраняли память о контактах с амурскими и иркутскими эвенками³⁸.

Социально-демографическое развитие

Большое влияние на судьбу забайкальских эвенков в XX в. оказал процесс формирования новых административных единиц и самостоятельных национально-территориальных автономий – Якутской АССР (1922 г.), Бурят-Монгольской АССР (1923 г.), Витимо-Олёкминского национального округа (1930–1938) и Читинской области (1937). В 2008 г. после упразднения Бурятского Агинского автономного округа на

карте появился новый субъект РФ – Забайкальский край, административные границы которого фактически совпадают с границами Читинской области и включают три северных района с местами компактного проживания каларских, тунгокоченских и тунгиро-олёкминских эвенков.

Современная территория расселения эвенков поочередно входила в состав различных вновь образованных административных единиц. В 1922 г. территория современных Каларского и Тунгиро-Олёкминского районов, наряду с северной частью Тунгокоченского района, была присоединены к Якутии. Четыре года спустя, в 1926 г. в результате административно-территориальных преобразований территория Каларского района и север Тунгокоченского района вошли в состав Бодайбинского района Иркутского округа Сибирского края, а остальная часть Тунгокоченского района была отнесена к Читинскому и Сретенскому округам Дальневосточного края. Однако наиболее значимым событием в истории эвенков севера Забайкалья стало образование Постановлением ВЦИК РСФСР от 10 декабря 1930 г. Витимо-Олёкминского национального округа. Первоначально округ объединил Верхне-Каренгский, Калаканский и Тунгиро-Олёкминский районы, позднее к ним присоединились территории других районов северного Забайкалья, и вся территория округа была поделена на Калаканский (центр – пос. Калакан), Витимо-Каренгский (пос. Тунгокочен), Каларский (пос. Чара) и Тунгиро-Олёкминский (пос. Тупик) районы³⁹.

Точные данные о численности и демографических показателях эвенков севера Забайкальского края на начало XX в. отсутствуют. По сообщениям Титова, в 1920-х годах в витимо-нерчинском междуречье оседло проживали эвенки рода *Бултэгийр* (70 чел.). По Калакану, Бамбуйке, Ципе, Амалату, Нерче, Витиму, Калару, Каренге кочевали представители рода *Туруягийр* (167 чел.), по правобережью Витима – *Лакшикагийр* (78 чел.), по Калару и Калакану – *Катчин* (173 чел.). Исследователь упомянул, что «кроме этих резко выраженных родовых групп, в том же районе встречаются выходцы из других родов, живущих в отдалении» и «...представители родов угасших. Так, вниз по Каренге кочуют тунгусы рода Самагийр (ср. на Байкале), по Имурчену – Чильчагийр (ср. Верхняя Ангара) и Киндигир; на устье Калара имеют выход тунгусы Олёкминского района – Кокогийр»⁴⁰.

Приполярная перепись 1927 г. охватила менее половины всех эвенков; данные о значительной части эвенков, проживавших в южных

округах Якутии и Бурято-Монгольской АССР, куда в 1922 г. были отнесены орочоны севера тогдашней Забайкальской области, не вошли в перепись⁴¹. По сведениям Комитета Севера при ВЦИКе, в 1923 г. численность тунгусов Бурято-Монгольской АССР, в состав которой в это время входили северные районы современного Забайкальского края, равнялась 2000 человек⁴². Из эвенков, населявших в конце XIX в. север Забайкальской области, Приполярной переписью были учтены лишь южные группы тунгусов Читинского и Сретенского округов (5644 чел.), назвавших своим родным языком русский, часть тунгусского населения Бурято-Монгольской АССР (2791 чел.), которое своим родным языком считало бурятский, а также отдельные хозяйства тунгусских эвенков, которые встретились переписчикам по пути в центральную Якутию⁴³.

По архивным данным в 1928 г. на территории Витимо-Каренгского туземного района, учрежденного советскими властями, проживало 515 человек – 271 мужчина и 244 женщины, из которых было лишь 13 русских. По родовому составу эвенки делились на Бултегирский (*Бултегир*), Туруягирский (*Туруягир*), Локшекагирский (*Локшекагир*), Мочегирский (вероятно, *Манагир*), Чильчагирский (*Чильчагир*), Нгангагирский (*Нгангагир*), Качинский (*Качин/Качигир*) и Букачарский (*Букачар*) роды. Однако секретарь райисполкома, проводивший перепись населения, отмечал, что полных сведений о составе населения ему собрать не удалось из-за сложности охвата большой территории района и учета кочевого населения⁴⁴.

По сведениям Василевич, в 1929 г. в Тунги́ро-Олёкминском и Каларском районах, вдоль рек Витим, Нерча и Каренга кочевало 1430 эвенков. Прибавив к этому числу нерчинских эвенков, исследовательница пришла к выводу, что общее количество витимо-тунги́ро-олёкминских эвенков на 1929 г. составляло более 2000 человек или 60% от общего населения. Далее на основе данных Тунги́ро-Олёкминского РИКа Василевич приводит численность тунгусов по административным родам: Витимо-Олёкминский род – 113 чел., Средне-Олёкминский – 107 чел., Тунги́рский (Киндыгир) – 168 чел., Ньюжинский – 311 чел., Каларский – 639 чел., т.е. всего – 1538 чел. В действительности в упомянутые административные подразделения входили эвенки родов *Нгангагир/Нгангагир*, *Чакигир*, *Инголагир*, *Локсекагир/Лакшикагир*, *Лальгир*, *Букачар*, *Тамиганкур*, *Булпятьыр*, *Огдырен-*

кур, Якоткар, Донгошль. При этом общая демографическая ситуация была благоприятной, а прирост населения эвенков составлял 8,3%⁴⁵.

В 1930-х годах эвенки северного Забайкалья были сосредоточены на территории Витимо-Олёкминского национального округа, занимавшего около 209,6 тыс. км². На 1 января 1936 г. общая численность населения Витимо-Олёкминского округа составляла 10 371 человек, из которых было 1732 эвенка и 275 якутов (диаграмма 1). В трех северных районах, относящихся в настоящее время к Забайкальскому краю, численность эвенков была следующей: в Тунгокоченском – 491 чел., в Тунгиро-Олёкминском – 328 чел., в Каларском - 500 чел.⁴⁶

За годы существования национальной автономии на севере Забайкалья наблюдался прирост населения округа, обусловленный притоком русских старателей (диаграмма 2)⁴⁷. Наблюдалось и некоторое улучшение демографических показателей, обусловленное быстрыми темпами организации и роста системы здравоохранения среди коренного населения: помимо практики выездного медицинского обслуживания, в эвенкийских поселках строились больницы и ФАПы.

После ликвидации Витимо-Олёкминского округа в 1938 г. Тунгокоченский, Тунгиро-Олёкминский и Каларский районы вошли в административное подчинение учрежденной годом ранее Читинской области. Современный Тунгокоченский район был образован из двух районов – Каренгского и Калаканского, входивших в бывший национальный округ. После образования этого района кочевое эвенкийское население продолжало стягиваться в поселки, а русские и буряты-скотоводы, проживавшие в южной части района, были объединены в десять скотоводческо-земледельческих артелей. В 1950-х годах были образованы первые колхозы в пос. Усть-Каренга и Юмурчен. С образованием колхозов и оседанием эвенков в Тунгокоченском районе усилились межэтнические взаимодействия, хотя, как свидетельствуют полевые материалы⁴⁸, браки эвенков с русскими и бурятами не поощрялись.

В Тунгиро-Олёкминском районе в 1930-х годах было организовано 10 колхозов, в т.ч. 7 эвенкийских и 2 русских, а также 3 хозяйства типа ППО, включивших 27 эвенкийских семей, кочевавших по Олёкме, Мокле, Моклакану. Всего в 1932 г. в состав сельскохозяйственных артелей Тунгокоченского района входил 291 эвенк по сравнению с 224 эвенками в Каларском районе⁴⁹. В период коллективизации коренное население преобладало – 637 эвенков по сравнению с 413 русскими. В 1933 г.

население района составляло 1402 чел., а соотношение коренных и пришлых жителей существенно изменилось. К 1946 г. численность эвенков в районе сократилась и составила 209 чел.

Эвенки, административно входящие в Каларский район, в годы коллективизации были стянуты в поселки Кюсть-Кемда и Чапо-Олого, образованные еще до революции (см. карту-схему). В конце 1930-х гг. приток русских в район усилился, что привело к уменьшению доли эвенков и якутов в общем населении Каларского района. В 1940-х гг. в эвенкийских колхозах района насчитывалось 87 эвенкийских семей, 58 якутских, 5 русских⁵⁰.

Общая численность эвенков Забайкальского края по переписи 1959 г. составляла 1725 чел. В это число была также включена и часть бурятских и обрусевших конных эвенков юга Забайкальского края (Нерчинский район). Число оленных эвенков севера края составляло примерно 1200 чел.⁵¹ Данные переписи 1970 г. свидетельствуют об уменьшении общей численности эвенков Забайкальского края до 1445 чел., из которых 837 эвенков родным считало эвенкийский язык, 491 – русский, 117 – другие языки⁵².

Эвенки Тунгокоченского района расселялись в селах Тунгокочен (райцентр), Зеленое Озеро, Усть-Каренга, Юмурчен. Несколько семей эвенков проживало в юго-восточной части района по соседству с русскими старожилками. Согласно архивным материалам, в 1967 г. в Тунгокоченском районе проживало 355 эвенков⁵³. Во всех упомянутых выше поселках эвенкийское население составляло незначительный процент. Например, в Тунгокоченском сельсовете соотношение коренного населения к пришлому составляло 1:7,8. В Юмурченском сельсовете числилось 43 семьи, из них эвенкийских – 12, в Зелено-Озерском сельском совете – 31 и 15, в Усть-Каренгском – 39 и 19 соответственно. В 1973 г. всего в районе проживал 321 эвенк, в т.ч. 8 детей в возрасте до 1 года и 166 детей до 14 лет. Среди эвенкийского населения рождаемость составляла 25 чел., а смертность – 9,3 чел. на 1000 чел. При этом детская смертность отсутствовала, а естественный прирост был достаточно высоким и составлял 15,7 чел.⁵⁴

Значительное число эвенков (35 семей – 172 чел.) проживало в пос. Тунгокочен. Из пришлого населения в эвенкийских поселках проживали русские, реже (например, в Юмурчене) – буряты. При этом пришлое население в этот период было более мобильно по сравнению

с эвенкийским. Несмотря на долгую историю межэтнических контактов в Тунгокоченском районе, национально смешанные семьи здесь стали появляться только после укрупнения колхозов. Из 38 семей (172 чел.), находившихся в ведомстве Тунгокоченского сельского совета, было 13 эвенкийско-русских. Каждая эвенкийская семья в этом селе состояла в среднем из 5-6 человек, превзойдя по этому показателю семьи русских, якутов и бурят. В целом по Тунгокоченскому сельсовету среди эвенков количество детей в возрасте до 16 лет составляло 90 чел. или 52% по отношению ко всему эвенкийскому населению. Среди пришлого населения этот показатель равнялся 43,5%. Такое положение объяснялось традицией многодетности среди эвенков, которая в советское время поддерживалась за счет выдачи денежных пособий, предоставления бесплатного воспитания и обучения детям из многодетных семей⁵⁵.

В Тунгино-Олёкминском районе в этот период эвенкийское население было сосредоточено в четырех поселках: Средней Олёкме, Гуле, Моклакане, Заречном. Общая численность эвенков в этих селах превышала 200 человек, при этом процент эвенкийского населения, проживавшего в центральных усадьбах колхозов (с учетом оленеводов, работавших в стадах), не превышал 50. По соседству с эвенками, так же, как и в других северных районах, жили русские и якуты, населявшие, преимущественно, Ср. Олёкму. С 1970-х годов начался рост числа национально смешанных семей⁵⁶, очевидно, связанный с переводом эвенков на оседлость.

Эвенки, проживавшие в Каларском районе (центр – пос. Чара), административно были расселены в четырех поселках – Чапо-Олого, Средн. Калар, Кюсть-Кемда и Неляты и составляли всего 496 чел. (130 семей). В первые годы существования колхозов эвенкийское население преобладало по численности, но уже в конце 1930-х годах в результате большого притока русского населения процентное соотношение коренного и пришлого населения резко изменилось. К 1970-м годам эвенкийское население Каларского района было следующим: Чарский сельский совет – 266 эвенков (63 семьи), в т.ч. в пос. Чара – 13 семей, в пос. Чапо-Олого – 33 семьи, в пос. Кюсть-Кемда – 15 семей; в пос. Средн. Калар, в пос. Неляты – 230 чел. (80 семей). С учетом эвенков, проживавших в других населенных пунктах и кочевывших в тайге, численность эвенкийского населения составляла более 500 чел. В по-

селках эвенкийские семьи проживали по соседству с представителями других этнических групп. Среди них были русские (в пос. Чапо-Олого – 5 семей, в пос. Кюсть-Кемда – 4), якуты (в пос. Чапо-Олого – 3 семьи, в пос. Кюсть-Кемда – 8) и буряты. Эвенки Чапо-Олого связывают историю основания своего поселка с приходом якутского скотовода по имени Чапо, потомки которого расселились позднее по территории всего современного Каларского района и основали другие поселки⁵⁷. Смешанные по национальному составу семьи (преимущественно, эвенкийско-русские и эвенкийско-якутские) наиболее часто встречались в Чапо-Олого, Кюсть-Кемде и Чаре. Так, в Чарском сельсовете было зарегистрировано 15 эвенкийско-якутских и 6 эвенкийско-русских семей, образованных в 1950–1960-х годах. По воспоминаниям старожилов Чапо-Олого, в 1920–1930-х годах в поселке было много якутов, численность которых постепенно сокращалась, в то время как численность русских росла, а численность эвенков оставалась стабильной. Количество смешанных браков здесь начало стремительно расти с 1960-х годов.

*Эвенкийское население всегда преобладало, хотя в некоторые периоды, например, во время строительства БАМа, организации колхозов, возрастало количество русского, бурятского населения*⁵⁸.

*Жили здесь и украинцы, и русские всегда жили. Смешанные браки были, но до 60-х их не было так много. Я вышла замуж за украинца*⁵⁹.

В пос. Кюсть-Кемда по соседству с эвенками в советский период проживали русские и якуты.

*[В советское время] в поселке много было эвенков, были и якуты. Больше всех было русских. Смешанные браки были, но не так много, как сейчас. В основном, они заключались с русскими. Населения в поселке было больше, больше было эвенков. Эвенки кочевали по тайге, каюрили*⁶⁰.

Наиболее быстрыми темпами в годы колхозов и совхозов менялся национальный состав населения пос. Неляты: некогда многочисленное эвенкийское население здесь резко сократилось в связи с постоянными миграциями якутов, начавшимися еще до революции, и наплывом русских в годы коллективизации и последующее время. Старожилы так

описывают изменение демографической ситуации в поселке в советское время:

Жили, в основном, эвенки, якуты. Больше было якутов, особенно, приезжих из Якутии (приехали еще до революции). Работали в колхозе, занимались охотой, рыбалкой по заданию райпо⁶¹.

В целом в 1970-х годах демографическая ситуация среди эвенкийского населения Каларского района была благоприятной и характеризовалась высокой рождаемостью. Например, количество эвенкийских детей в возрасте до 16 лет в Чаре составляло около 45% от всего эвенкийского населения (по сравнению с 32% для неэвенкийского населения). Количество детей, рожденных от смешанных браков, постепенно росло. При этом до половины детей рождалось в смешанных, преимущественно, якутско-эвенкийских и русско-эвенкийских браках. Так, например, в пос. Кюсть-Кемда из 35 детей в возрасте до 16 лет 16 родилось от смешанных браков, а в пос. Чапо-Олого таких детей было 21 из 78 соответственно⁶².

В 1979 г. численность эвенков Забайкальского края, по официальным статистическим данным, уменьшилась до 1341 чел., из которых 635 чел. родным языком считало эвенкийский, 623 чел. – русский, 83 чел. – другие языки⁶³. Следующая перепись, проходившая в 1989 г., зарегистрировала 1271 эвенков, из которых 488 человек считало родным языком эвенкийский, 742 человека – русский, 41 чел. – другие языки (диаграмма 3). При этом основная часть эвенков – 1169 чел. – составляла сельское население и лишь 102 чел. – городское⁶⁴.

Таким образом, численность эвенков севера Забайкальского края в 1920–1980-х годах колебалась при сохранении тенденции к снижению. В 1920-х годах, по данным Василевич, численность витимо-олёк-минских тунгусов превышала 2000 человек. В 1930–1940-х годах численность эвенков в трех северных районах Витимо-Олёкминского округа составляла более 1300 чел. В 1950–1960-х годах, по округленным данным переписи, на севере Забайкалья насчитывалось 900-1200 эвенков. Численность эвенков северных групп на 1960–1970-е годы определить сложно из-за включения в статистические данные южных значительно метисированных эвенков. Если исходить из количества эвенков, считающих своим родным языком эвенкийский (а это, преимущественно, эвенки, проживавшие на севере области), можно предположить, что их численность колебалась в районе 800-900 человек.

Среди эвенков рассматриваемого региона в целом в советский период наблюдалась положительная демографическая динамика, в основном, за счет высокой рождаемости, которая определяла преобладание молодежи среди эвенкийского населения. С началом строительства Байкало-Амурской магистрали усилился приток многонационального населения в места компактного проживания эвенков. Как следствие этих миграционных процессов, с 1960-х годов наметилась устойчивая тенденция увеличения количества этнически смешанных браков эвенков не только с русскими, якутами и бурятами, брачные союзы с которыми не были редкостью и ранее, но и с представителями многих других этнических групп, населявших тогдашние советские республики. Активные межэтнические взаимодействия, в частности, межэтнические браки, отчасти способствовали усилению процессов метисации и культурной ассимиляции местного эвенкийского населения в 1960–1980-х годах. Эти процессы предопределявшие предпочтение незвенкийской этнической идентичности среди смешанных браков эвенков с представителями других этнических групп, также могут объяснять уменьшение в этот период численности эвенков, считавших своим родным языком эвенкийский, и эвенкийского населения в целом.

На пути в социализм: природопользование и хозяйствование

Традиционный хозяйственный уклад эвенков

Основные хозяйственные занятия. В конце XIX – начале XX веков эвенки севера Забайкалья вели комплексное хозяйство, базировавшееся на мясной и пушной охоте и мелкостадном (таежном) оленеводстве, игравшем вспомогательную (по отношению к охоте) роль. При таком типе оленеводства олени использовались, преимущественно, для транспортировки грузов и людей. Другие занятия – рыболовство и, отчасти, собирательство – играли подсобную роль и велись попутно с основными. Традиционный хозяйственный уклад эвенков предполагал круглогодичный кочевой образ жизни и сезонный способ освоения ресурсов окружающей среды и в разные периоды определялся потребностями охоты и оленеводства.

Охотничий промысел эвенков базировался на практически круглогодичной охоте на лося, изюбря и нерегулярной охоте на лесного северного оленя и кабаргу. На лося охотились, в основном, скрадом и

гоном на лыжах. Охотник преследовал животное, передвигаясь против ветра. Иногда при охоте гоном использовали собаку, которая догоняла зверя и старалась задержать его до прихода охотника. Охота требовала от охотника большой выносливости, так как преследование порой продолжалось в течение нескольких дней. Подобным образом охотились на изюбря и на дикого оленя *бэюн*. Помимо упомянутого способа промысла для охоты на парнокопытных также использовался приученный олень – «маньщик». Охотник оставался с подветренной стороны и выпускал «маньщика» вперед на длинном ремне, продвигаясь до тех пор, пока не появлялся дикий олень, которого он тут же убивал выстрелом⁶⁵.

Еще одним распространенным и сравнительно лёгким способом была охота на плывущего зверя. Хорошо зная повадки животных, которые во время миграций обычно переплывают через большие реки в одних и тех же местах, охотники, вооружившись всем необходимым, ставили лагерь и ждали зверя. Такой прием использовали при охоте на всех парнокопытных животных. Он приносил большую добычу, и поэтому часто применялся на практике. Четыре кольщика и несколько береговых загонщиков могли добыть до 200 животных в день⁶⁶.

Исследователи отмечают, что у забайкальских эвенков также была широко распространена охота на лося, изюбря и кабаргу *гивэчэн* во время гона с помощью *орёвуна* – специального манка из бересты или дерева, по внешнему виду напоминающего трубу. Охота с *орёвуном* эффективна в наиболее активный период гона, когда самцы в поисках самки издают характерный рев. Успех охоты «на рев» зависел, прежде всего, от точного знания мест гона. Похожим образом охотились на кабаргу, используя при этом *пичавун* – манок меньшего размера, изготовленный из полосок бересты⁶⁷.

Особое место в охотничьем промысле эвенков, как и многих других народов Сибири и Северной Америки, занимал медведь – хозяин тайги и ее обитателей. Охота на медведя была связана с древним культом, поэтому о соблюдении ритуала заботился каждый охотник⁶⁸. Существовало табу на произнесение самого слова «медведь» (эв. *амйкән*, *эбэчй*). Вместо него среди различных групп эвенков использовались множество эвфемизмов-иносказаний: «дедушка» (эв. *амākā*), «бабушка» (эв. *эбэкэ*), «черный» (эв. *коһномо*). Каларские эвенки тщательно выполняли ритуальные действия, связанные с охотой, разделкой и «по-

хоронами» медведя. Среди охотников всеобщим уважением пользовались специалисты – медвежатники. Они охотились на медведя с копьем *гида* или топором *пальма*, подходя к зверю на расстояние нескольких метров. Зимой охотились на медведя обычно в берлоге, а осенью отстреливали в кедровниках. Как правило, медведь попадался случайно, специально преследовали лишь раненого медведя или шатуна. Когда медведь был застрелен, все очевидцы и участники охоты, подходя к туше животного, произносили специальную формулу-заклинание «кук», «оправдываясь» перед зверем за свой поступок⁶⁹. Разделывание туши и употребление мяса медведя также происходили особым образом. Каларские эвенки готовили специальное ритуальное блюдо *саламат* из перемолотых внутренностей и легких медведя, которое обычно подавалось в большом тазу или сковороде всем участникам трапезы, включая детей. Взрослые и старейшины тщательно следили за тем, чтобы дети соблюдали все тонкости ритуала⁷⁰.

После употребления мяса медведя, которое также проходило по особым правилам и было связано со многими поверьями, кости зверя, его голова, лапы помещались на специально сооруженный культовый лабаз. У забайкальских эвенков ритуал «похорон» медведя отличался тем, что от всех частей туши медведя отрезались кусочки мяса, которые собирались таким образом, чтобы они напоминали целого зверя, и помещались на лабаз. Во многих случаях медвежьи глаза не употреблялись в пищу, а помещались на лабазе так, чтобы медведь мог «смотреть» в определенную сторону. Места, где находились такие лабазы, обычно держались в тайне⁷¹.

Кроме мясной охоты, у эвенков традиционно было развито пушное направление охотничьего промысла. Из пушных зверей витимо-олёкминские эвенки добывали белку *улукй*, колонка, горностая *делэжй*, лисицу *саҕил*, соболя *чипкән*, росомаху, выдру. Особо ценными считались шкурки белки и соболя: добыча этих двух видов пушных зверей зависела от размеров их популяции, которые могли изменяться пропорционально друг другу в определенные периоды. Так, в начале освоения Сибири уже в XVIII веке в ряде районов Сибири охота на соболя уступила место охоте на белку. У эвенков севера Забайкальского края в XIX–XX вв. на первый план также вышла охота на белку.

Для охоты на белку традиционно использовался лук с тупыми деревянными стрелами, которые в начале XX в. заменили кремневое

оружие и дробовики. Каларские эвенки-охотники активно использовали в своем промысле собак. Их держали как для охраны от возможного нападения медведя и отыскания раненного зверя, так и для охоты на пушного зверя. Хорошая собака-бельчатница при высокой и средней численности зверька являлась залогом удачного промысла. С собакой охотились в начале сезона; после выпадения снега охотник сам искал следы белки. Для этого он ходил по лесу на лыжах или ездил верхом на олене⁷². Специально дрессированных собак также держали для охоты на соболя. Стреляя в зверька, охотник старался попасть ему в глаз, чтобы не повредить ценную шкуру. С собаками на соболя охотились с середины октября до выпадения глубокого снега в январе. С января охота на зверька велась с помощью самострелов, которые специально настораживали вдоль троп.

Охота на других пушных зверей в определенные периоды служила источником доходов, но в целом не играла решающей роли в пушном промысле эвенков. Охота на колонка, горностаю, лисицу, выдру велась попутно с промыслом крупных животных, при занятиях оленеводством, ловле рыбы. При охоте на этих зверей широко применялись ловушки давящего и удушающего типа – плашки, кулёмы, пасти, ставились петли и капканы. Из активных средств охоты использовались лук и стрелы (часто с тупыми наконечниками, чтобы не повредить шкуру), а с начала XX в. – огнестрельное оружие *пэктырэвун*.

О роли различных видов пушных зверей в охотпромысле витимотунгиро-олёкминских эвенков в 1928–1929 гг. можно судить по цифрам, приведенным Василевич. Так, например, в факторию Куськомдя (современный пос. Кюсть-Кемда) за 1 год поступило 1776 белок, 18 колонков, 5 горностаев, 3 лисицы; в другую факторию – Сьюльбангу (пос. Сьюльбан) за этот же период было сдано 11 004 белки, 109 колонков, 35 горностаев, 21 лисица, 22 соболя и 1 росомаха. При этом наибольший процент поступления пушнины, сдаваемой каларскими и тунгирскими эвенками, отмечался в фактории Турик (пос. Турик). Исходя из количества пушнины, сданной в фактории, и числа охотников, промышлявших в данном районе, исследовательница привела показатели, согласно которым, в среднем, 1 охотник добывал 241 белку в год⁷³. По архивным материалам, в 1930 г. на территории расселения витимотунгиро-олёкминских эвенков официально было заготовлено 120860 штук пушных зверей, в 1931 г. – 151 625 шт. Сбыт пушнины происходил через

торгово-заготовительную сеть, включавшую в 1931 г. шесть точек в поселках Тупик, Гуля, Ньюжа, Кетымахта, Сюльбан и Калакан⁷⁴.

Неотъемлемыми атрибутами эвенкийского охотника были копье *пи-ка/гида*, эвенкийский топор *пальма*, лук и стрелы. Пальма представляла собой массивный, длинный (50-60 см), односторонне острый тесак, нижним концом вставленный в расщеп палки и обклеенный в этом месте полоской бересты. Традиционно существовало 2 типа луков: сложные (М-образные) и простые. К снаряжению охотника также относились колчан для стрел, напальник (кольцо для стрельбы из лука), поняга⁷⁵, лыжи и охотничья нарта. Вплоть до XVIII – середины XIX веков эвенки пользовались традиционными видами охотничьих орудий. Однако уже в конце XVIII века у некоторых групп появилось ружье *пэктырэвун*, знакомству с которым эвенки обязаны, прежде всего, русским и другим соседствующим народам, которые переняли его у русских раньше эвенков. Вначале у эвенков появились кремневые ружья, затем – шомпольные, пистонные, гладкоствольные и нарезные. Из ружья стреляли как с руки, так и с подпоры. Таким образом, к началу XX века лук со стрелами был вытеснен огнестрельным оружием и применялся только в засадах в качестве самострела в виде настороженного лука типа *беркан* или *черкан*. С XX века при охоте на крупного зверя большое распространение получил карабин⁷⁶.

Множество веками отработанных способов и приемов промысла мясных животных и пушного зверя, а также обилие продуманных деталей снаряжения свидетельствуют о том, что охота являлась одним из основных видов хозяйственной деятельности, обусловивших характер социокультурной адаптации эвенков севера Забайкальского края.

Другим традиционным занятием эвенков является оленеводство. У забайкальских эвенков оленеводство имело, преимущественно, транспортное значение. Распространение получил как вьючный, так и упряжной транспорт. У витимо-олёкминских эвенков, хотя верховая езда и была широко распространена, отсутствовало специальное верховое седло (верховое седло отличалось от вьючного только луками).

По типологии советских этнографов, оленеводство эвенков севера Забайкальского края относилось к т.н. эвенкийскому типу. Для этого типа характерно наличие небольшого стада оленей, которое держат для перевозки вьюков и для осеннего забоя на мясо. При этом присмотр за оленями осуществляется лишь в летний период и сводится к устройству

дымокуров и загонов во время отёла важенок. Во время перекочевок олени используются под выюк. Уход за оленями осуществляется женщинами, а маршруты кочевков определяются потребностями охоты и оленеводства. Забивали домашних оленей на мясо только в исключительных случаях: травмированных, больных, во время длительного голода или для проведения ритуала. В зависимости от цели различались способы убоя и разделка туши. Так, на мясо домашних оленей забивали ударом обуха топора по затылку или ножом. Ритуального же оленя убивали путем удушения петлей или ударом ножа или палки в сердце. Разделка туши домашнего оленя не отличалась от разделки мяса диких парнокопытных и производилась ножом. Характерно, что убивать домашнего оленя из ружья запрещалось⁷⁷.

Цикл транспортного использования оленя при эвенкийском типе оленеводства можно условно разделить на два периода. Весной с появлением рыхлого снегового покрова возобновлялось передвижение промысловых партий с транспортными оленями под выюком. В этот период проводились массовые заготовки мяса и шкур лося и частично дикого оленя. Животные добывались и разделывались охотником, в то время как транспортировкой добычи занимались члены его семьи или промысловой группы. Во время летнего кочевья использование оленей в меньшей степени было связано с охотой. Домашние олени в этот период использовались, в основном, для транспортировки имущества, запасов продуктов, частично для транспортировки свежедобытого мяса⁷⁸.

До коллективизации у эвенков севера Забайкалья размер стад был небольшим. Например, в 1920-х годах 69 хозяйств каларских эвенков владело 2052 оленями, а среднее количество оленей, приходившихся на одно хозяйство, составляло 30 голов, при колебании количества оленей в одном хозяйстве от 8 до 100 голов. У среднеолёкминских эвенков количество оленей в одном хозяйстве варьировало от 5 до 28 голов, у тунгирских эвенков – от 6 до 30, у верхнеолёкминских – от 10 до 25. При этом маршруты кочевания определялись одновременно охотничьим циклом и потребностями оленеводства. Так, в конце весны и в первой половине лета эвенки замедляли темп кочевья и прекращали его на период отела важенок, откочевывая в обдуваемые ветром гольцы или в места наледей, где олени спасались от мошки и гнуса. В конце лета – начале осени эвенки, напротив, руководствовались по-

требностями охоты, кочуя вместе со стадом к факториям для закупки товаров, а затем в места охоты⁷⁹.

Присмотр за оленями у эвенков включал сбор стада, постройку специальных оград для отела важенок, охрану стада от волков (с помощью отравляющих веществ либо путем привязывания оленей на ночь к деревьям на стойбище), постройку специальных изгородей, ограничивающих передвижения оленей, и навесов от солнца. В оленеводстве традиционно принимали участие, как мужчины, так и женщины. Например, мужчины регулярно осматривали и пересчитывали оленей, в то время как женщины занимались доением важенок и изготовлением молочных продуктов. Для контроля перемещений стада использовались колодка *чонхой*, привязываемая на шею оленю, мешочек с солью для приманивания оленя *турукэрук*, аркан *мāвут*, а также колокольчики, привязывавшиеся к шее и помогавшие найти пропавших оленей, особенно телят. Отношение к потомству от диких оленей у северных групп забайкальских эвенков всегда было неоднозначным. В одних хозяйствах его заботливо выращивали, считая более сильным и выносливым, в других – скрещивание домашних оленей с дикими старались и стараются предотвратить всеми способами, считая, что оно способствует одичанию домашнего стада⁸⁰.

У большинства витимо-олёкминских эвенков существовали верховые седла без «крылышек», которые отличались от вьючных тем, что луки у них были уже и ниже и обычно изготавливались из кости. При этом верховая и вьючная езда осуществлялись в течение круглого года. Вьючение и посадка на оленя, как и у всех эвенков, производились справа при помощи шеста. На седло под подпругу для расширения сидения мужчины подкладывали что-либо мягкое, а женщины – пару больших мягких вьючных сум с легким грузом. Для перевозки мягких вещей на олене витимо-олёкминские эвенки употребляли сумы на твердой (*инмэк*, *нама*) и на мягкой (*пōта*) основе. Олень использовался как под вьюк, так и в упряжке. Нарты *сирга* у олёкминских эвенков, по мнению некоторых исследователей, появились в конце прошлого века, когда эвенки стали принимать участие в зимних грузоперевозках, поэтому изначально этот вид транспорта применялся исключительно для перевозки груза. Нарта у всех олёкминских эвенков была невысокой, основанной на 3 парах вертикально поставленных копыльев, расположенных по всему полозу; деревянные вязы укреплялись несколь-

ко выше середины копыльев, при этом настил иногда отсутствовал. Обычно в нарты запрягалась парная упряжка. Лямки надевались правому оленю на правое плечо, левому – на левое. Недоуздок каждого оленя имел свой поводок. На нартах сидели, вытянув ноги вперед⁸¹.

В целом в начале XX в. оленеводство играло важную роль в хозяйстве северных групп забайкальских эвенков – оно давало возможность охватывать большие районы охоты, повышая ее эффективность, позволяло перевозить значительные грузы, в том числе запасы продуктов и добытых зверей, экономя время и деньги, давало продукты питания, шкуры, сырье для изготовления лекарственных средств (например, панты⁸²). Домашние олени забивались редко – в случае голода или в связи с каким-либо важным событием. Помимо мяса, полезным и питательным продуктом, получаемым от домашнего оленя, было молоко и его производные. Среди эвенков севера Забайкальского края было и до сих пор распространено доение важенок. Оленьё молоко, обладающее высоким процентом жирности, легко сбивалось в сливки, сметану и масло с помощью венчика *итык*. Молоко добавляют в чай, а производные молочные продукты часто употребляют с хлебом в качестве десерта⁸³.

Одним из важных видов транспортного использования оленя стала переброска грузов по зимникам. С открытием золотых приисков на Китемакте⁸⁴ в 1928 г. объемы перевозок увеличились, что дало возможность дополнительного заработка для олёкминских и каларских эвенков. В 1940-х годах после начала геолого-изыскательных работ на севере Читинской области, транспортное использование оленя получило дальнейшее развитие: в колхозах работали эвенки каюры – специалисты по сопровождению геологических экспедиций и перевозкам грузов⁸⁵.

Рыболовство и собирательство не играли решающей роли в жизнеобеспечении эвенков и носили подсобный характер. Основными орудиями для отлова рыбы в начале XX в. были лук, острога, перемет, сеть, невод, морды. Также использовали обычный охотничий лук с тяжёлыми или лопатообразными наконечниками стрел, изготовленными из дерева или кости. Наиболее древними способами рыбной ловли были поколка рыбы и стрельба по ней. Для поковки использовали острогу трёх видов. С острой охотились в конце лета и в начале осени на тайменей, хариусов, щук. У забайкальских эвенков также применя-

лась острога-гарпун, с помощью которой промышляли, преимущественно, крупную рыбу⁸⁶.

Еще одним распространенным методом ловли рыбы было лучение. Лучение применялось обычно летом в чистых и неглубоких водоёмах. При этом способе рыболовы шли пешком с горящей берестой в руках или в лодке с кострищем из смолья на носу. Заметив рыбу в воде, ее били острой или стреляли из лука, а позднее – из ружья. У витимо-олёминских эвенков был также распространен подледный зимний лов. Зимой рыбу ловили с помощью одного из древних способов – покотки рыбы с рыбкой-приманкой через лунку в проруби. Приманкой служила или живая рыбешка, или специально изготовленная костяная или каменная рыбка. Когда рыба, увидев приманку, подплывала к лунке, ее кололи острой с коротким древком. При этом самыми распространенными видами водного транспорта, использовавшихся для передвижения рыбаков и для перевозки снастей и других грузов, у северных групп эвенков в начале XX века были лодки-берестянки дяв, лодки-долбленки, дощатые лодки и плоты. Простым и надежным средством передвижения по воде у каларских эвенков был и продолжает оставаться плот, изготовленный из нескольких бревен, связанных тальниковыми лозами. Такой плот удобен для рыбалки и сплава по рекам и озерам⁸⁷.

В целом в традиционном хозяйстве эвенков севера Забайкалья значение рыболовства могло возрастать в определенные периоды, когда отсутствовали другие источники питания. Например, летом, когда наступал перерыв в охотничьем промысле, эвенки активно занимались рыбной ловлей для собственного потребления. Обычно рыба съедалась в свежем виде, хотя иногда ее небольшое количество заготавливали впрок – солили или вялили на солнце и над огнем.

Собирательство у эвенков играло еще меньшую роль: среди заготавливаемых природных продуктов можно выделить сарану, черемшу и дикий лук, которые либо сушили, либо засаливали в берестяных сосудах, а затем при выпекании лепешек добавляли их в тесто. В качестве дополнения к основному рациону летом собирали кедровые орехи и ягоду. Однако запасали это сырье на зиму крайне редко.

Хозяйственный цикл. Основные виды хозяйственной деятельности – охота и оленеводство – определили образ жизни, цикл освоения ре-

сурсов и характер социокультурной адаптации эвенков севера Забайкальского края в начале XX в. Основным условием комбинированного и экологически устойчивого использования всего комплекса таёжных угодий стал кочевой образ жизни и основанный на нём характер хозяйственной деятельности. При кажущейся беспорядочности и стихийности передвижения эвенков существовали определенные принципы, которыми руководствовались кочевники. Постоянство маршрутов ежегодных передвижений охотничьих групп определялось, прежде всего, их привязанностью к универсально удобным как с точки зрения оленеводства, так и с точки зрения охоты, кочевым тропам. Эти тропы являлись стержнями упорядоченной, цельной системы охотничьих и пастбищных угодий, а также непосредственно с ними связанных постоянных районов концентрации стойбищ, стоянок, стационарных и временных жилищ и хозяйственных построек⁸⁸.

Годовой цикл кочевья и освоения ресурсов окружающей среды, основанный на природных ритмах, начинался с периода обновления природы – весны. Так, в апреле с началом промысла копытных женщины, дети и старики продолжали жить на зимних стойбищах, в то время как мужчины объединялись в отдельные кочующие промысловые партии.

Во время промысла охотники жили на кратковременных стоянках в традиционных конических чумах *дю*, *дюкча*. Обычно каркасом чума среднего размера служили 25-30 шестов, установленных по кругу диаметром около 5 м. Летом чум покрывается обработанной специальным образом берестой. В холодное время использовалось покрытие из оленьей или лосиной шкуры.

Другим сооружением, которое относилось к комплексу сезонных, в т.ч. весенних поселений, являлся лабаз. По конструктивным особенностям исследователи выделяют два типа лабазов: 1. амбар (наземный / свайный), 2. собственно лабаз (помост на сваях). По функциональному назначению различают хозяйственные, вещевые, продовольственные и культовые лабазы. По внешнему виду и способам сооружения эвенки выделяют 2 вида лабазов: *нэку/ноку*, сооруженный в виде площадки из накатника, наложенного на балки и укрепленного на сваях, и *дэлкэн*, построенный в виде аналогичной площадки с помещенным на ней срубом с одно- или двускатной крышей. Самые простые по своей конструкции лабазы представляли настилы на опорах из стволов живых

деревьев высотой 2-3,5 м, иногда дополненные приставленными к ним шестами⁸⁹.

Весь май и первую половину июня до окончания отела у оленей эвенкийские семьи жили на весенних стойбищах. Центральное место в таких стойбищах обычно занимал загон для телящихся важенок *курэ*. С появлением гнуса и окончанием отёла важенок живущая на одном стойбище группа распадалась на отдельные кочующие семьи, которые отправлялись по своим кочевым маршрутам. В это время темпы кочевья увеличивались и основными жилыми постройками являлись кратковременные стойбища. В центре таких стойбищ обычно находился чум, вокруг которого сооружались дымокуры для оленей *самӄун*, являющиеся эффективным средством против насекомых и удерживающие оленей возле стоянок. В конце августа – начале сентября темп кочевья резко возрастал. В начале сентября семьи объединялись на осенних стойбищах, где жили оседло до начала пушного промысла в середине октября.

С выпадением снега семьи перебирались в корьевые жилища *голомо*. Корьево жилище представляло собой усечённый конус, сооружённый из толстых жердей или плах, проконопаченных мхом. В зимнее время голомо снаружи обкладывалось снегом для увеличения теплоизоляции. Основные элементы конструкции голомо в целом соответствовали элементам конструкции переносного чума. И, наконец, в декабре кочевые группы в полном составе полностью переходили на оседлость. Исключения составляли выезды в торговые пункты для обмена пушнины и кратковременные охотничьи экспедиции в тайгу.

Природопользование и обычное право. При постоянных перекочевках у эвенков севера Забайкалья существовал ряд принципов освоения территорий и других природных ресурсов, нашедших отражение в мировоззрении и обычном праве эвенков⁹⁰. Так, существовал ряд основанных на обычаях принципов использования территорий – тех участков земли, на которых располагались родовые промысловые угодья, временные стоянки и сезонные поселения. Идентификация себя с территорией кочевания происходила у эвенков в двух аспектах – психологическом и материально-хозяйственном. Так, привязанность к родовым землям «передавалась» из поколения в поколение, а кочевание на «чужих» территориях, хотя и не считалось неправомерным, ассо-

цировалось с психологическим дискомфортом⁹¹. Второй аспект, который условно можно назвать материально-хозяйственным, был связан с определенным способом организации среды жизнедеятельности, характерным для кочующего коллектива (семьи, рода). Совокупность тех и других условий определяла содержание понятия «своя земля» в обычно-правовом сознании эвенков.

У эвенков севера Забайкалья земля отходила пользователю по праву первооткрывателя. Однако территория, на которой пролегли маршруты кочевания или в определенный момент находилось поселение кочующего коллектива, считалась занятой им на период ее освоения. Земля считалась занятой, если на покинутых стойбищах оставались какие-либо вещи, имелись специальные знаки, метки, были установлены ловушки. При этом земли, принадлежавшие какому-либо эвенкийскому роду, могли быть временно использованы (в качестве временных стоянок) всеми желающими (за исключением враждебных родов) без оповещения хозяина. Хотя освоенные уже кем-либо территории не были формально закреплены, их примерные границы соблюдались при условии постоянного освоения.

Особое отношение к тайге и ее ресурсам предполагало у эвенков бережное отношение к природе, что объяснялось характерным для их мировоззрения отождествлением человека с окружающей средой. Так, например, по представлениям эвенков, некоторые животные (медведь, волк, олень и др.) наделялись качествами человека, а, следовательно, считались его братьями. Поэтому существовали отдельные запреты и ограничения на промысел этих животных, а также определенные способы охоты на них, являвшиеся частью экологического мировоззрения и религиозных представлений эвенков. Например, нельзя было добывать животных более того количества, которое охотник мог доставить на стойбище. Также существовали строго установленные сроки охоты на определенные виды животных, птиц, вылов рыбы. Было запрещено убивать стельных важенок, хотя и делались исключения в безвыходных ситуациях. Существовал запрет на загрязнение территории отходами после разделывания животных и обработки рыбы⁹². Эти и другие обычаи природоохранного характера основывались на разумности в использовании природных ресурсов территории. Их нарушение влекло за собой позор и порицание со стороны соплеменников.

Несмотря на то, что эвенки обладали относительной свободой в выборе и освоении незанятых земель, существовала и категория неиспользовавшихся территорий. Земля не подлежала использованию в том случае, если она была связана в народной памяти с какими-либо знаменательными событиями, либо на ней находились культовые места и захоронения. К таковым могли быть отнесены могилы предков, особенно шаманов, «худые» места, связанные с войнами между родами или с эпидемиями, и т.п. Территории с располагавшимися на них традиционными для эвенков воздушными захоронениями посещались ими крайне редко и только в течение трехлетнего срока со дня похорон. По прошествии этого периода эвенки избегали мест захоронений, боясь тревожить покойников, которые, по их представлениям, могли похитить души своих живых сородичей. К настоящему времени эвенки не практикуют воздушных захоронений, покойников хоронят на кладбищах современного типа, однако почтительное отношение к традиционным захоронениям у них сохраняется, и места расположения могил предков в настоящее время они также стараются обходить стороной⁹³.

В целом современными исследователями подчеркивается, что у многих коренных народов, включая эвенков, не существовало представления о частной собственности на землю, по крайней мере, в ее современном юридическом понимании. В то же время в работах конца XIX – начала XX века встречаются сведения о том, что у коренных народов Севера были некие границы земель и постоянные места кочевков. Так, например, И.М. Суслов, изучавший культуру тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски в 1920-х годах, писал, что за каждой семьей у них закреплялись родовые угодья на основе фактического пользования ими в течение 1–2 лет. Такие угодья могли передаваться по наследству и даже продаваться по решению родового собрания. При этом, как отмечал автор, споры о родовых угодьях занимали первое место среди судебных разбирательств тунгусов⁹⁴. В отношении других групп, например приаянских эвенков, исследователи писали: «Если кому не нравится соседство другого, он не станет заявлять претензии и просто удалится в другое место... На захват не жалуются: считают, что прибывший стал соседом»⁹⁵.

Тот факт, что у эвенков никогда не было землевладения, а было землепользование, может также объясняться и тем, что, по представлениям эвенков, земля принадлежала высшему духу – Буга («место»,

«мир», «территория»). Поэтому, приезжая на новое поселение, эвенки, прежде всего, заботились о том, чтобы «хозяин» этого места остался доволен. Отсюда же происходят такие обычаи забайкальских эвенков, как кормление огня и украшение деревьев обо, посвященных верховному божеству – Барелаху (Барелаке)⁹⁶.

Таким образом, у эвенков права на использование территории носили скорее коллективный, нежели индивидуальный характер. При отсутствии как таковой собственности на землю допускалось наследование земель и изменение их границ на основе коллективных решений, принимаемых на регулярно собиравшихся сугланах. В результате этой практики у забайкальских эвенков сложилась особая устойчивая система землепользования с постоянными маршрутами кочевания и соответствующая ей соционормативная система, регулировавшая взаимоотношения людей в сфере природопользования.

Кооперация и коллективизация на севере Забайкалья

Новый политический курс государства повлек за собой кардинальные преобразования в жизни коренного населения российского Севера. После революции 1917 г. делами коренных народов Севера занимался ряд государственных органов и общественных организации различных уровней.

Делами забайкальских эвенков занималась секция «Изучения и улучшения быта туземных племен Дальнего Востока», учрежденная при Забайкальском отделе Российского географического общества в 1923 г. Деятельность секции включала не только научные исследования «всех сторон жизни и быта туземцев ДВ», но и снаряжение исследовательских экспедиций, организацию магазинов и факторий, сбор пожертвований на выдачу пособий голодающему населению, а также оказание медико-санитарной помощи⁹⁷.

После создания Комитета Севера⁹⁸ административное управление витимо-олёкминскими эвенками стало осуществляться через уполномоченного по туземным делам. В 1924 г. от каждого эвенкийского рода были избраны уполномоченные, которым было поручено созывать общие собрания, по-прежнему называвшиеся сугланами, и руководить их работой, а также состоялось первое общее собрание эвенков Турягирского и Лакшикагирского родов. Вскоре на суглане родовых советов в Усть-Каренге был избран исполнительный комитет Нерчинско-

Каренгского района и организован Тунги́ро-Оле́кминский райисполком, которому подчинялись Калаканский и Каларский родовые советы⁹⁹. Однако в некоторых отдаленных местах эти органы самоуправления были учреждены лишь на бумаге и не играли существенной роли в жизни местного населения. Например, Якутский РИК, которому в то время административно подчинялись каларские эвенки, был официально организован в 1926 г. в г. Якутске, однако не вел практической работы с коренным населением в виду своей отдаленности от кочующих охотников и оленеводов и плохой связи с ними. Лишь в 1929 г. новый состав ТузРИКа сделал первые шаги по организации своей политико-пропагандистской и культурно-просветительской деятельности, которая заключалась в организации красной палатки и проведении расширенных заседаний родовых советов¹⁰⁰.

В 1928 г. советские власти, проводившие кампанию по укреплению административно-территориального самоуправления среди забайкальских эвенков, создали Витимо-Каренгский туземный район с центром в пос. Талача. Население района занималось оленеводством, разведением крупного рогатого скота, свиней и лошадей, охотой на лося, кабаргу и белку. В поселках Талоча, Джемкуя и Зеленое Озеро работали отделения кооператива «Зюльтуздо», которые снабжали местное население, в т.ч. охотников, необходимыми товарами и продуктами. Бедным эвенкийским хозяйствам предоставлялись долгосрочные ссуды для покупки оленей и скота. В пос. Талоча была открыта школа, которая, впрочем, работала с перебоями из-за отсутствия учебного плана и пропуска занятий детьми из кочевых семей эвенков. Отделение РОКК вело активную работу по организации медицинского обслуживания населения в районе. В отчетном докладе райисполкома за 1928 г. отмечалось: «Медицина постепенно, но верно завоевывает авторитет, туземец сознательно переходит от шамана к врачу...»¹⁰¹.

На реках Витим, Муя, Чара, где кочевали каларские эвенки, располагались фактории якутской кооперации «Саха». Большую работу по осуществлению политики кооперации среди местного населения также проводил кооператив «Тунгус». Этот кооператив играл большую роль в жизни эвенков, оказывая помощь в закупке оленей для малооленных хозяйств, принимая пушнину у местных охотников и обеспечивая их необходимым снаряжением. В области культурно-просветительской деятельности «Тунгус» отвечал за строительство школ, монтирование

радио- и киноустановок, подготовку и отправку студентов для обучения на Северном отделении рабфака Ленинградского университета¹⁰² и в других учебных заведениях. Несмотря на противодействие «орочонщиков» – торговцев, скупавших или выменивающих у эвенков пушнину за спирт, сеть интегральной кооперации постепенно расширялась.

К 1929 г. было установлено регулярное сообщение с наиболее крупными населенными пунктами, в которых проживало коренное население, что ускорило темпы кооперации и последующей коллективизации витимо-олёкминских эвенков. Кооперация охватила пос. Тупик с населением около 350 чел. и каларские прииски с населением около 700 чел., а также многочисленные фактории, в которых обычно проживало по 5-15 человек. Из 90% всего кооперированного населения района основную часть составили эвенки. В 1928 г. их было 1430 человек или 56% от всего эвенкийского населения района.

Основным занятием эвенков была охота: всего на данный период было зарегистрировано 56,8% охотников-оленоводов, что дало основания охарактеризовать район как охотничье-оленоводческий. Наименее обеспеченными из витимо-олёкминских тунгусов, по данным Тунгиро-Олёкминского РИКа, считались средне-олёкминские, каларские и тунгирские эвенки, у которых поголовье оленей составляло 2,25 – 3,5 головы на человека, в то время как, например, у верхне-олёкминских эвенков количество оленей на 1 человека составляло 4 головы, а у нюжинских – 4,3. Интересно сравнить имущество и доходы типичной для витимо-олёкминских эвенков «беднячко-средняцкой» и зажиточной семьи. Так, первая состоит из 6 человек, имеет 19 оленей, имущество «без излишков» и доход около 850 руб., получаемый преимущественно за счет пушной охоты. Вторая зажиточная семья включает 8 членов, имеет в хозяйстве 167 оленей, имущество «с избытком» и доход 2176 руб., получаемый от сдачи пушнины и перевозок¹⁰³. К 1932 г. общий процент кооперированного местного населения Витимо-Олёкминского округа без учета приисковых рабочих составлял 75%, а торгово-заготовительная сеть района включала 12 точек (факторий) и четыре районных кооператива¹⁰⁴.

Организация национальных округов и туземных районов дала новый толчок проведению коллективизации среди народов Севера¹⁰⁵. Колхозное строительство в Витимо-Олёкминском округе началась на основе мелких смешанных промысловых артелей, количество которых

постоянно менялась из-за распада или реорганизации хозяйств. Первый год существования округа ознаменовался организацией одной смешанной артели в Тунгокоченском районе. В состав артели «Умунуп» вошло 11 местных хозяйств, в которых работал 51 человек. К 1932 г. в округе было создано уже 27 сельскохозяйственных артелей, в т.ч. 1 – в Верхне-Каренгском районе, 12 – в Тунги́ро-Оле́кминском и 14 – в Каларском. Всего по округу было коллективизировано 30% хозяйств или 21,2% населения. В докладе о ходе коллективизации подчеркивалось: «Культурно-политический уровень туземного населения округа не достаточно высок, чтобы можно было без громадных усилий и умения работать поднять его и успешно проводить переустройство туземного кочевого малоодоходного хозяйства в крупное социалистическое коллективное хозяйство»¹⁰⁶.

Процесс коллективизации сопровождался целенаправленной политикой перевода эвенков на оседлость, которая, по мнению советских чиновников, должна была способствовать социально-экономическому и культурному развитию национального круга: «Эвенкийское население округа, в основном, кочевое; традиции и привычка кочевья создает сильное торможение в дальнейшем хозяйственном развитии округа. Без перевода населения на оседлость невозможно освоение природных богатств округа»¹⁰⁷. Реализация политики перевода на оседлость, частности, включала строительство домов и стационарных жилых комплексов для оленеводов, а также внедрение таких не свойственных кочевому образу жизни занятий, как животноводство и растениеводство.

В начале коллективизации оседание населения происходило вокруг колхозных усадеб – точек, в которых располагались администрация, школа, магазин и т.п. Места, выбиравшиеся для строительства колхозных поселков, не всегда совпадали с первоначальными усадьбами и могли неоднократно переноситься. Группы эвенкийских семей, кочевавших в годы коллективизации в Чарской котловине, были стянуты в небольшие поселки Кюсть-Кемда и Чапо-Олого, образованные незадолго до революции¹⁰⁸. В 1931–1932 гг. на территории Каларского района были организованы первые колхозы – «Красный бульчут», «Советский орон», «Красный таежник» и колхоз им. К.Е. Ворошилова. Однако в плане развития округа отмечалось, что «оседание в наших условиях – это большая и трудная работа, сила традиций еще очень велика, требуется большая политико-массовая работа»¹⁰⁹.

К 1940 г. в колхозы вступило 87 эвенкийских семей, 58 якутских, 5 русских и 2 – представителей других национальностей¹¹⁰. Велось активное строительство домов для оседания оленеводческих хозяйств эвенков. К 1970-м годам перевод эвенков на оседлость был официально почти завершен. Например, в колхозах Тунгокоченского района в 1970 г. было зарегистрировано 87 хозяйств эвенков с общей численностью 358 человек. Из общего числа хозяйств в с. Усть-Каренга продолжали кочевать лишь 2 хозяйства (3 чел.). В справке райисполкома отмечалось: «Эти две семьи с 19 головами оленей в 1969 году прибыли из Каларского района, нигде не работают, престарелые»¹¹¹. Примечательно, что семьи, перешедшие на оседлый, полукочевой образ жизни в колхозах, сохраняли особенности и привычки кочевого быта. Например, многие из них, не привыкшие жить в стационарном жилище, продолжали устанавливать чумы, иногда прямо во дворе своего дома. Некоторые бывшие кочевники, имеющие в своих новых домах мебель, продолжали сидеть на полу. Однако в целом образ жизни и представление эвенков о кочевании существенно изменились за период коллективизации. Кочевание стало восприниматься как сезонный запланированный образ жизни (у штатных охотников и оленеводов) либо как «зов предков», как традиция, которой следовали предки и которой в свободное время отдают дань их потомки¹¹².

Самым негативным и зачастую трагическим последствием коллективизации было «раскулачивание». В категорию подлежащих раскулачиванию людей, кроме зажиточных оленеводов, автоматически попадали шаманы и старейшины. При отсутствии четких критериев для «определения» кулаков высокая рентабельность хозяйства, привлечение наемного труда, всеобщий авторитет сородичей и, тем более, приверженность традиционным религиозным практикам и мировоззрению могли стать основой для, уплаты штрафов и лишения имущества и права голоса на выборах и собраниях¹¹³. На практике раскулачивание зачастую не ограничивалось обобществлением оленьих стад и большими штрафами и сборами, доходя до физической расправы с «кулаками»¹¹⁴. Неудивительно, что крупные оленеводы уклонялись и иногда противились вступлению в колхозы. Самым распространенным способом избежать коллективизации был уход со стадом в тайгу. Однако и это, в конечном итоге, не спасало от вступления в колхоз. Сегодняшние эвенки-старожилы, вспоминая историю образования северных

колхозов, рассказывают о печальной и иногда трагической судьбе своих раскулаченных родителей и дедов¹¹⁵.

Однако политика коллективизации постепенно приносила свои плоды. На 1934 г. в округе существовало 17 колхозов. Из них в Каларском районе было 5 колхозов, включавших 160 хозяйств. По социальному составу хозяйства распределялись следующим образом: батраки – 10, бедняки – 88, середняки – 42; по национальному составу колхозы включали: эвенков – 82 чел., якутов – 54 чел., русских – 13 чел., представителей прочих национальностей – 1 чел. В Тунгокоченском районе в 8 колхозов было зарегистрировано 147 хозяйств, в которых было 17 эвенков и 130 русских. В Тунгиро-Олёкминском районе в 4 колхозах состояло 124 хозяйства, в составе которых был 121 эвенк, 1 якут и 4 русских (табл. 1)¹¹⁶.

Экономика округа была представлена как традиционными отраслями хозяйства, так и домашним животноводством (разведение коров, лошадей) и полеводством: «Основной экономической базой в условиях нашего округа для развития колхозных хозяйств являлись оленеводство, дающее туземцу средство передвижения, одежду, пищу, служащее во время охоты основным средством помощи при переходах и дающее заработок при использовании на грузоперевозках; охота, занимающая одно из самых больших мест в бюджете туземца, и не освоенные области работы – рыболовство, сенокосение...»¹¹⁷.

Традиционные отрасли хозяйства эвенков, несмотря на появившиеся возможности финансирования, в целом развивались медленно. Основным источником доходов коренного населения и важной статьёй доходов в бюджет округа была охота. С начала 1930-х годов наметился устойчивый рост заготовок пушнины и получаемых от них доходов. В 1936 г. в округе было более 800 охотников, добывавших, в основном, белку, а также цветную пушнину (горностаи, колонок, бурундук, волк, рысь). Оленеводство в данный период в целом характеризовалось снижением поголовья оленей в результате эпизоотий и травли волками. Так, поголовье оленей в округе сократилось с 16 446 голов в 1932 г. до 12 060 в 1936 г. Наиболее выгодное направление оленеводства представляли грузоперевозки. Развитие домашнего животноводства было затруднено в связи со слабо развитой кормовой базой и недостаточной селекционной работой¹¹⁸. Занятие полеводством (в округе сеялись ярица, рожь, овес, ячмень, в некоторых местах – пшеница)

осложнялось из-за недостатка сельхозинвентаря, тягловой силы и семенного материала¹¹⁹. Оценивая опыт создания первой национальной автономии на севере Забайкалья, исследователи отмечают, что на протяжении времени существования округа экономика его колхозов была дотируемой.

Нельзя отрицать положительную роль, которую сыграло новое административное устройство в организации медицинского обслуживания, улучшении бытовых условий, предоставлении финансовой и материальной поддержки хозяйства северных артелей и колхозов, проведении культурно-просветительской работы, повышении национального и этнического самосознания эвенков. Однако, введение новых для эвенков отраслей хозяйства и свертыванием «невыгодных» традиционных занятий, сопровождавшееся раскулачиванием и фактически насильственным переводом кочевников на оседлость, не только трансформировали традиционный хозяйственный уклад, повышали уровень заболеваемости и психологической дезадаптации, но и вели к укреплению нового тоталитарного режима культурной ассимиляции эвенков и других этнических меньшинств.

Природопользование и отрасли хозяйства северных колхозов

К концу 1950-х годов в трех северных районах Забайкальского края было организовано 12 северных национальных колхозов, в которых, помимо эвенков, составлявших половину или большинство населения, работали русские и якуты.

В Тунгокоченском районе в это время эвенки работали в северных колхозах «Путь Ленина» (пос. Юмурчен), им. Кирова (пос. Тунгокочен), им. 18 партсъезда (пос. Зеленое Озеро), «Красный охотник» (пос. Усть-Каренга). На 1955 г. общая численность колхозных дворов по району составляла 142, а численность занятого в них трудоспособного населения – 234 чел. (табл. 2)¹²⁰.

В Тунгиро-Олёкминском районе эвенки работали в колхозах в поселках Моклакан и Средн. Олёкма¹²¹.

На территории Каларского района было организовано 6 колхозов: им. Ворошилова (позднее переименованный в колхоз «Заря», совхоз «Чарский», совхоз «Северный») в пос. Чапо-Олого, «Красный таежник» (позднее переименованный в совхоз «Чарский») в пос. Кюсть-Кемда, «Советский орон» (позднее переименованный в совхоз «Каларский») в

пос. Средн. Калар, «Победа» в пос. Сюльбан и «Красный бульчут» в пос. Бахтарнак.

Экономика северных колхозов и совхозов Забайкальского края основывалась как на традиционных, так и на новых для северных групп звеньев отраслях хозяйства, например, на животноводстве (в т.ч. звероводстве, коневодстве) и полеводстве (выращивании зерновых, картофеля, капусты, табака). Однако именно «северная триада» – охотничий промысел, оленеводство, рыболовство – была заложена в основу развития северных колхозов.

Пиком развития плановой экономики на севере Забайкальского края были 1970-е – начало 1980-х годов. Стабильной была зарплата колхозников, отлажено работала система снабжения населения продовольствием и промышленными товарами. Продукты в северные колхозы завозились напрямую, из областного или из районных центров по зимним дорогам зимой и по рекам на моторных лодках – летом. Заготовленные продукты оленеводства, охотничьего промысла и сельского хозяйства, в свою очередь, транспортировались из колхозов на вертолетах, а после строительства БАМа – по железной дороге¹²². В поселках работали все государственные учреждения: медицинские пункты, отделения связи, детские сады и школы, общественные бани, клубы, хлебопекарни и пилорамы, которые обеспечивали население рабочими местами и средствами к существованию.

В конце 1980-х годов в развитии колхозов наметился экономический спад. В протоколе заседаний Каларского районного совета народных депутатов от 1987 г., в частности, отмечались невыполнение планов по производству молока, продаже клеточной пушнины, неблагоприятная обстановка в растениеводстве и звероводстве и ухудшение показателей развития оленеводства. Например, совхоз «Чарский» в 1986 г. понес убытки в размере 640 тыс. руб., при уровне рентабельности, составившем 51,8%¹²³. Причины снижения уровня экономического развития колхозов сложны и разнообразны. Среди них можно выделить реорганизацию и укрупнение колхозов в совхозы в середине 1970-х годов, неблагоприятные для развития животноводства и полеводства природно-климатические условия, негативные последствия строительства Байкало-Амурской магистрали, вызвавшие ухудшение экологической обстановки и вытеснение звеньев из традиционных отраслей, а также неэффективное управление. Эти факторы вели к рас-

паду плановой экономики и дестабилизации социально-экономического положения эвенкийского населения.

Оленеводство. В советское время оленеводство было признано важнейшим видом продуктивного животноводства в условиях Севера – оленье мясо и молоко по своей вкусовой и питательной ценности не уступали говядине и коровьему молоку и традиционно входили в рацион питания эвенков. Кроме того, оленеводство обеспечивало сырье для изготовления бытовых предметов, инвентаря, традиционной одежды и обуви, покрывал для чумов.

Олень представлял собой безотходное производство: мясо ели, кости собирали, сушили и толкли, вываривали из них жир, а толченое отдавали собакам. Из рогов и копыт делали клей, из шкур шили одежду, даже кап и мозг оленя использовали для выделывания замши¹²⁴.

Содержание оленя также имело ряд преимуществ в условиях Севера. Животное не требовало заготовки кормов, постройки теплых помещений, специальной дорогостоящей сбруи и т.д. В колхозах уход за оленями сводился к таким основным оленеводческим мероприятиям, как проведение отельной кампании, подпиливание рогов, кастрация, и конечно, сезонный перегон стад в поисках подходящих пастбищных угодий, богатых ягельником. Все это приводило к сравнительно низким затратам на содержание оленьего поголовья и, в свою очередь, к низкой себестоимости оленины¹²⁵.

Еще одной причиной выбора оленеводства в качестве основной отрасли в северных колхозах Забайкальского края была признанная традиционность этого занятия и своеобразная психологическая зависимость коренного эвенкийского населения от нее. С одной стороны, оленеводство рассматривалась как отрасль, способная обеспечить занятость коренного населения и оптимальные условия для ведения полукочевого образа жизни в рамках колхозов. С другой стороны, оленеводство было компромиссным решением государственной власти, политика которой была направлена на дальнейшее вовлечение эвенков в новые отрасли колхозной экономики и полный перевод кочевников на оседлую жизнь в поселках.

Важным условием развития оленеводства являлись естественные пастбищные угодья. На севере Забайкалья их высокая продуктивность и большие площади способствовали развитию оленеводства эвенков в советский период. Во время колхозов, как и до коллективизации, организация оленеводства и выпас стад производились с учетом оленеёмкости пастбищ и сезонных особенностей питания оленей, основанных не только на традиционных экологических знаниях эвенков, но и на научно обоснованных расчетах. Так, зимой оленей пасли в местах с рыхлым и неглубоким снегом, богатых ягелем и защищенных от ветров и метелей. Весенние пастбища выбирались в сухих, закрытых местах, удобных для отела. Летние пастбища обычно выбирались по долинам рек, обильных травяной растительностью и хорошо обдуваемых ветром. Осенние пастбища были сходны с зимними.

В основе колхозного оленеводства лежала система пастибищеоборота, основанная на рациональном использовании пастбищ. При этой системе пастбища разбивались на участки и использовались не ежегодно, а через определенное количество лет, в течение которых восстанавливалась съеденная оленями при выпасе кормовая база. При этом за каждой оленеводческой бригадой руководством колхоза закреплялся определенный участок на период сроком до 25 лет. Такие «родовые» участки вместе со стадами оленей передавались от родителей детям, а профессия оленевода зачастую становилась наследственной.

Мне было 25 лет, и у меня трое детей было, когда я приняла стадо и начала работать. Все успевала делать... Стадо у меня было большое – 900-1500 голов. Пасла оленей здесь же. Это моя территория – я всегда здесь пасла оленей, и отец мой тоже. За ним эту территорию колхоз на 25 лет закрепил¹²⁶.

В колхозе, в основном, оленеводством занимались. Оленей до 1000-1500 было, постоянно кочевали, времени на охоту не было. Так с детства с родителями и кочевали. Сейчас-то не кочуем – немного побудешь в тайге, и уже в село тянет. Раньше круглый год кочевали, а иначе растеряешь оленей, они одно место истопчут и дальше уходят. Мы их постоянно водили, охраняли от хищников. Потом уже стали территории давать – а так куда хочешь, туда и идешь. А если [олень] место хорошо знает, то прячется¹²⁷.

Большое значение для развития отрасли имели техника выпаса и своевременное проведение основных оленеводческих мероприятий¹²⁸. К отелу оленеводы готовились с начала весны: с апреля стадо перегонялось на весенние пастбища, перед отелом важеньки отделялись от быков и молодняка и паслись отдельно. Подготовка совхозов к отельной кампании включала укрупнение мелких стад, завоз комбикормов, соли и продуктов в стада, снабжение бригадиров-олeneводоов спец-одеждой, палатками, печами, строительство изгородей в местах отела и выпаса и выбраковку оленей¹²⁹.

Другим важным мероприятием, направленным на контроль над численностью стад, был регулярный полугодовой пересчет оленей, который проводился после завершения отельной кампании и повторялся еще спустя 6 месяцев. Результаты пересчета обсуждались на заседаниях исполкомов сельсоветов народных депутатов и были основой для выводов об общем состоянии колхозного оленеводства, сохранности взрослого поголовья оленей, о деловом выходе телят, о падеже поголовья. Например, в решении исполкома пос. Средн. Калар от 1987 г. указывалось на необходимость принятия мер по сохранению имеющегося поголовья, по проведению своевременной обработки, осмотру и пересчету общественных и частных оленей¹³⁰.

Вплоть до 1990-х годов большое внимание уделялось ветеринарному обслуживанию стад, в т.ч. проведению прививок от подкожного овода и от других паразитарных и инфекционных заболеваний. С этой целью для работы в стадах из районного центра посылались специалисты. Другие оленеводческие мероприятия включали клеймение, кастрацию, подпиливание рогов и подготовку оленей к гону в конце августа – сентябре, круглогодичный отстрел и уничтожение хищников и бродячих собак с помощью ядов.

Техническая база оленеводства постепенно совершенствовалась. Если в начале существования колхозов продовольствие и предметы первой необходимости перевозились в оленеводческие бригады, преимущественно, на оленях как единственном и самом надежном виде транспорта, то с 1980-х годов в обиход начали входить и технические транспортные средства (например, снегоходы «Буран»). Помимо снегоходов, руководство колхоза обеспечивало бригады электростанциями, мотопилами, палатками и т.д.

В середине 1980-х годов под лозунгом улучшения быта оленеводов в тайге, в местах выпаса колхозных стад началось строительство т.н. «олeneводческих комплексов». Эти комплексы обычно включали основное жилое помещение (по форме напоминавшее юрту), баню, хозяйственные постройки (лабазы, настилы и амбары) и изгороди для оленей. По замыслу авторов и исполнителей этого экспериментально-го проекта, оленеводческие комплексы должны были прийти на смену переносным палаткам и чумам, улучшить «культурно-бытовые» и жилищные условия оленеводов, фактически завершив их переход на оседлость. В действительности, план строительства стационарных жилых комплексов изначально не учитывал основной потребности оленеводства – сезонной и годичной смены пастбищ, направленной на избежание перевыпаса, и связанного с ней цикла кочевья. Реализация этого плана строительства на практике также имела массу недостатков: например, дома были плохо утеплены и совершенно не подходили для проживания в них в условиях Севера. По этим причинам оленеводческие базы, так и не ставшие адекватной альтернативой палаткам и чумам, использовались редко¹³¹.

Организация и оплата труда звенков-олeneводов Забайкальского края соответствовала общегосударственным стандартам. Для ухода за оленями, проведения обязательных оленеводческих мероприятий, выпаса стад руководство колхозов формировало постоянные оленеводческие производственные бригады. В 1987 г. в совхозе «Чарский» работало 6 оленеводческих бригад, в совхозе «Каларский» – 4. Оленьи стада в этот период, по официальным данным, насчитывали от 72 до 868 голов. Подбор и комплектование бригад проводились с учетом квалификации, опыта и рабочего стажа оленеводов. По этим критериям пастухи подразделялись на пять разрядов. Бригадиром, отвечающим за выпас стада, мог стать пастух первого разряда с опытом работы в оленеводстве не менее пяти лет. Так, например, оленевод П. Мальчакитов около 16 лет проработал в оленеводстве, в т.ч. в качестве бригадира крупного стада. Известная в Каларском районе женщина-олeneвод Н. Данилова вплоть до распада совхозов проработала бригадиром стада, насчитывающего 900-1500 голов в разные годы.

Количественный состав бригад и зарплата занятых в отрасли определялись размерами стад, количеством пастбищ и нормой нагрузки на одного оленевода, которая в северных районах Забайкальского края в

среднем составляла 150 оленей на 1 человек¹³². Первоначально зарплата оленеводов высчитывалась на основе т.н. «трудодней». Нормы выработки и расценки в трудоднях на все виды работ с оленями разрабатывались руководством колхозов и принимались на общих собраниях колхозников. Лишь в 1970-х годах начала выплачиваться фиксированная ежемесячная заработная плата.

Основными направлениями развития оленеводства на севере Забайкальского края в 1950–1980-х годах были обеспечение населения мясом и, частично, молоком (мясное оленеводство) и организация грузоперевозок (транспортное оленеводство). Мясное оленеводство характеризовалось как запланированными массовыми забоями, так и вынужденными забоями выбракованных оленей и оленей «для личного употребления работниками оленеводства».

Транспортное оленеводство, как наиболее прибыльное направление животноводства, особенно активно стало развиваться в связи с геолого-изыскательными работами, проведение которых в Каларском районе началось в 1940-х годах. Многие из опрошенных информантов, по заданию колхозов, «каюрили» – занимались перевозкой грузов и снаряжения геологических экспедиций. Для обеспечения доступа к отдаленным участкам, на которых велись геологические разработки, правление колхозов выделяло дополнительный олений транспорт (нарты). Обычно в одни нарты запрягалось пара оленей. По установленным нормам мужчинам выделялось до девяти пар, женщинам – до семи, подросткам до 16 лет – до пяти. Одна пара оленей могла перевозить груз весом до 200 кг¹³³.

Общее поголовье оленей на севере Забайкальского края варьировало по районам и отдельным колхозам и совхозам. Так, в Каларском районе в 1935 г. общее поголовье оленей составляло 6332 оленя. Причинами слабого роста оленьего поголовья в 1930–1960-х годах являлись чрезмерная эксплуатация важенок на транспортировке грузов, потрава домашних стад хищниками, неэффективное ветеринарное обслуживание, приводившие к некробациллезу («копытке») и другим заболеваниям домашних оленей¹³⁴. На начало 1952 г. поголовье оленей в районе возросло до 9180 голов. Более четырех тысяч оленей насчитывалось в колхозе им. Ворошилова, 1324 оленя – в колхозе «Красный таежник», 2962 – в колхозе «Советский орон», 184 – в колхозе «Победа», 240 – в колхозе «Новый путь» и 229 – в колхозе «Крас-

ный бульчут»¹³⁵. 1970-е годы стали пиком развития отрасли – поголовье общественных стад в районе насчитывало 10 000-12 000 оленей¹³⁶. В середине 1980-х годов началось снижение качественных и количественных показателей развития оленеводства. Например, в 1987 г. во втором отделении самого крупного совхоза «Чарский» поголовье снизилось до 2224 оленей (табл. 3), в совхозе «Каларский» поголовье составило 2500 оленей. К началу 1990-х годов поголовье оленей в Каларском районе составляло около 7500 голов¹³⁷.

В Тунгокоченском районе численность стада также варьировала: в 1940 г. там насчитывалось 1240 оленей¹³⁸, а к 1955 г. их численность, по некоторым данным, снизилась до 988 голов¹³⁹. К 1957 г. оленье поголовье района восстановилось до 1116 голов, а к 1962 г. – до 1368. Из них 350 голов было в колхозе им. Кирова, 210 – в колхозе «Путь Ильича», 307 – в «Красном охотнике» и самое большое количество (501 олень) – в колхозе им. 18 партсъезда (табл. 4). Главными причинами медленного развития оленеводства в районе являлись большой процент гибели оленей и высокая яловость важенок. В докладной записке о состоянии оленеводства от 1961 г. предлагалось: запретить использование важенок в транспортном оленеводстве, более серьезно подходить к подбору оленеводов в транспортные бригады, ежегодно производить покупку оленей в других районах, улучшить бытовые условия и культурное обслуживание оленеводов, усилить борьбу с хищниками и ввести в освоение новые ягельные пастбища¹⁴⁰.

Охота. Другим важным традиционным видом хозяйственной деятельности эвенкийских колхозов была охота. Промысловые ресурсы северного Забайкалья предопределили регулярную охоту на крупнокопытных и пушных животных, однако структура и удельный вес добываемых видов в разные периоды различались. Например, в 1930-х годах в пушной охоте на первый план вышли соболь (до этого охота на него была запрещена) и горностай. В это же время «для обогащения местной фауны» в Каларском районе было выпущено семь самцов канадской чернобурой лисы; около р. Калакан была выпущена для акклиматизации большая партия ондатры (136 штук), и вскоре это животное стало объектом постоянного промысла. В 1952 г. на первом плане по добыче пушнины в Каларском районе стояла белка. Всего в этом году планировалось заготовить пушмехсырье на сумму

287 615 руб. и другую охотничью продукцию на сумму 31 550 руб. До начала 1990-х годов охотники добывали, в основном, соболя, при этом добыча белки резко снизилась¹⁴¹.

В период коллективизации в охотничьем промысле эвенков, наряду с нововведениями, продолжали применяться традиционные способы и орудия охоты. Информанты, например, вспоминали о случаях применения лука в Каларском районе, относящимся к 1985 г.¹⁴² Однако в годы расцвета колхозов традиционные орудия охоты и снаряжение эвенков начали повсеместно вытесняться. К 1980-м годам на севере Забайкальского края по линии райисполкома была отлажена система выдачи штатным охотникам нарезного оружия и карабинов для отстрела копытных животных¹⁴³. С 1980-х годов охотничьи бригады оснащались более серьезными техническими средствами, например, снегоходами.

Организация охотничьего хозяйства и оплата труда штатных охотников, как и в оленеводстве, производились по общегосударственным стандартам и планам. Большое внимание также уделялось вопросам трудовой дисциплины: строгие меры применялись в отношении охотников, злоупотребляющих алкоголем¹⁴⁴.

Промысловый сезон распадался на два основных периода: осенне-зимний и зимне-весенний, что в принципе соответствовало досоветской системе организации охотничьего промысла эвенков. Решающим являлся осенне-зимний сезон, дававший основную часть годовой добычи пушнины. Это время было наиболее благоприятным для охоты в связи с появлением большого количества белки и соболя (после периода размножения), отсутствием глубокого снега и морозов и возможностью использовать собаку для охоты по неглубокому снегу¹⁴⁵. Охота в летний период запрещалась, а нарушители этого запрета наказывались. В некоторые сезоны устанавливался лимит на отстрел копытных животных. Например, в 1987 г. в Каларском районе охотникам совхозов разрешено было убивать: лосей – не более 3 шт., диких северных оленей – до 20 шт., кабарги – до 60 шт.¹⁴⁶

*Летом ели рыбу, т.к. мяса не убивали – оно быстро портилось. Зверя летом не разрешали убивать – иначе, соседи на тебя могли пожаловаться в райисполком. Все тогда коммунистами были...*¹⁴⁷

В целях организации охотничьего промысла в колхозах создавались постоянные охотничьи бригады на срок не менее пяти лет. За бригадой закреплялись охотничьи и рыболовные угодья, охотничьи и другие производственные постройки, инвентарь, необходимый для ведения охоты и рыболовства. Так, в колхозе им. Ворошилова в 1952 г. работало три эвенкийских бригады под руководством опытных охотников П.Р. Мальчакитова, С.Н. Павлова и П.А. Павлова. В составе охотничьих бригад могли работать и женщины – многие из них кочевали вместе с другими охотниками, отстреливая белку, парнокопытных и других зверей¹⁴⁸.

Для организации безотрывного промысла колхозы часто осуществляли снабжение охотников продовольствием, снаряжением и боеприпасами. Охотникам, использующим свой собственный инвентарь, колхоз возмещал убытки, связанные с его износом. Подготовка и завоз всех необходимых товаров, в т.ч. палаток, печей, свечей, оружия производились в сентябре, перед открытием охотничьего сезона. Для транспортировки грузов, туш добытых животных руководство колхозов выделяло олений транспорт, иногда для этих целей охотники использовали небольшое стадо личных оленей. В летний период, когда охота прерывалась, бригада занималась добычей рыбы, заготовкой ягод, орехов, грибов и т.д.

Сбыт охотниками добытых мяса и пушнины осуществлялся в специальных пунктах при колхозах и совхозах. Вначале участие колхозов и совхозов в промысле ограничивалось заключением между охотниками и заготовительными организациями т.н. «договоров содействия». Однако с 1950-х годов колхозы начали осуществлять план «обобществления охотничьего промысла», согласно которому охотники сдавали пушнину в совхоз, заключавший затем от своего лица договоры с заготовительными предприятиями о сдаче пушнины государству.

После сдачи продукции охотничьего промысла в колхоз производилась оценка показателей выполнения плана, высчитывалась заработная плата. Например, в 1952–1953 г. в колхозах «Красный таежник» и «им. Ворошилова» каждый охотник должен был пробыть на промысле 120 рабочих дней, заготовить и сдать 600 хвостов пушнины на сумму 6000 руб. За перевыполнение сезонного задания, так же, как, например, за уничтожение волков и экономию патронов, охотники получали денежные надбавки¹⁴⁹. Иногда расчет с охотниками производился на-

туральными продуктами – картофелем, молоком, мясом и т.д. Так охотники-старожилы пос. Чапо-Олого вспоминают работу в совхозе:

При советской власти заключали договор с колхозом. И сейчас по договору охотимся; это, как разрешение: берешь патроны, ружья, потом сдаешь им пушнину – соболей, белок... Зарплата у нас была хорошая: нам сразу за полгода выдавали. Деньги половину дадут, а потом в Чите оценят и присылают разницу. Денег нам хватало. Хочешь – охоться, хочешь – нет, все равно зарплата будет¹⁵⁰.

В целом заготовка продукции охотничьего промысла проходила согласно принятому государственному плану. О масштабах развития пушного промысла свидетельствуют показатели государственных закупок пушнины (табл. 6). Для стимулирования процесса выполнения плана организовывались т.н. «социалистические соревнования», как правило, местного или районного уровня. Так, например, согласно плану районных социалистических соревнований в совхозе «Каларский» в 1987 г. была утверждена норма заготовки пушнины на сумму 78 000 руб. вместо первоначально планируемой суммы 77 000 руб. Ежегодное подведение итогов таких соревнований зачастую имело символический смысл: победители поощрялись почетными грамотами и званиями, а «проигравшие» и «отстающие» порицались.

В целом охотничий промысел, особенно, добыча пушнины, оставался важной и наиболее прибыльной отраслью экономики северных колхозов на протяжении почти всего советского периода. Благодаря организованной государственной системе закупок и сбыта пушнины, а также большим объемам, доходы от охотничьего промысла позволяли покрывать убытки от других менее рентабельных отраслей и писать, по крайней мере, в официальных отчетах, о развитии колхозов и совхозов севера Забайкальского края.

Земледелие и животноводство. Новыми для звеньев севера Забайкальского края отраслями хозяйства после организации колхозов стали земледелие и животноводство. Неблагоприятные природно-климатические условия севера Забайкалья не могли помешать государственным планам развития этих отраслей: в области разрабатывались программы их организации, в северные колхозы направлялись специалисты¹⁵¹. Постепенно земледелие (полеводство) и скотоводство, тесно связанные с оседлым образом жизни, заняли свою нишу в

колхозно-совхозной экономике. Однако наиболее важную роль они начали играть в личном подсобном хозяйстве поселковых эвенков.

Основным направлением земледелия северных колхозов Забайкальского края было полеводство. На юге Тунгокоченского района (в поселках Берея, Кыкер, Ульдурга, Усугли) эвенки, проживавшие по соседству с русскими, начали заниматься земледелием и разведением лошадей и коров еще до революции. Эвенки, проживавшие по соседству с якутами в привитимских поселках Догочан, Бахтарнак, Сюльбан Каларского района, также стали заниматься выращиванием пшеницы, картофеля, капусты, овощей, табака и конопли, наряду с разведением лошадей еще до начала коллективизации. Однако эвенки, кочевавшие в северных частях Тунгокоченского и Каларского районов, начали осваивать земледелие и животноводство лишь после образования колхозов.

Несмотря на усилия властей и администрации колхозов и совхозов: земледелие и животноводство развивались медленными темпами. В 1950–1960-х годах посевные площади северных колхозов в трех районах составляли лишь 87 га, а поголовье скота – 360 голов. Продукция, полученная от этих отраслей в данный период, составляла 6214 тыс. руб., а доход, принесенный животноводством и земледелием по трем районам, равнялся 404,5 тыс. руб.¹⁵².

С 1970-х годов государственные дотации были направлены на специальные программы поддержки растениеводства и животноводства на севере Забайкалья, успех которых был относительным. Так, в Каларском районе в 1970-х годах начала работать специальная продовольственная программа, направленная на сокращение объема завозимых овощей за счет развития местного овощеводства. Однако более успешным было развитие животноводства: в 1970–1980-х годах в северных районах работали десятки свиноферм, молочно-товарных ферм и коневодческих хозяйств. В Нелятах, Бахтарнаке и других привитимских селах Каларского района работали конные дворы, а в пос. Чапо-Олого и пос. Кюсть-Кемда действовало несколько молочно-товарных ферм, закрывшихся с распадом совхозов¹⁵³.

Судя по архивным данным, в 1980-х годах наибольшие доходы приносило разведение коров. В пос. Чапо-Олого содержалось более 40 дойных коров. В 1986 г. в совхозе «Чарский» государственный план заготовки молока был перевыполнен: вместо 150 ц. было заготовлено

170 ц. молока (табл. 5). Из цельного молока в колхозах производились другие молочные продукты – творог, сметана, масло. В целях развития молочного животноводства заготавливались сено и корм¹⁵⁴.

Я застала еще трудодни. Тогда обязателька была с 12 лет в колхозе работать. Ходили всё, проверяли, учитывали. Все тогда здесь было – картошка, капуста, табак. Я работала на звероферме – 12 лет отработала. Потом перешла работать в садик, оттуда ушла на пенсию директором. Муж мой работал везде – агрономом, на пересчете оленей, куда его отправлял колхоз... Денег, конечно, как таковых, видели мало, но мяса, молока – всего было вдоволь. Только 40 дойных коров было на нашу деревню. У нас на Инкуре [в пос. Инкур] были коровы, здесь [в пос. Чапо-Олого] были коровы¹⁵⁵.

Экспериментальным направлением животноводства, получившим на короткий период времени развитие в северных совхозах, было звероводство (клеточное лисоводство). Первые зверофермы на севере Забайкалья появились в конце 1940-х годов, однако толчок к развитию эта отрасль получила в середине 1950-х годов. В 1980-х годах в Каларском районе работало три лисофермы с общим поголовьем, составлявшим 800 черно-бурых лисиц. Одна из наиболее крупных лисоферм находилась в пос. Чапо-Олого. Новое здание лисофермы на 300 самок было построено в 1987 г. на участке, отведенном совхозу «Чарский». Основными продуктами питания лис были рыба и мясные отходы, которые, однако, поставлялись в объемах, не достаточных для развития коровой базы этой отрасли. По этой причине, как отмечалось в одном из протоколов заседаний Каларского районного Совета народных депутатов от 1987 г., разведение лис являлись убыточным. Архивные отчеты и показатели развития звероводства северных совхозов иллюстрируют состояние этой отрасли. Например, в 1986 г. государственный план по развитию клеточного звероводства в совхозе «Чарский» был выполнен лишь на 30,3%: при планируемой прибыли 52 000 руб. звероводство принесло доход в 15 800 руб. (табл. 5). В Тунгиро-Олёкминском районе в 1950-х годах затраты в звероводстве составили 100 124 руб., а полученный доход – всего 58 853 руб.¹⁵⁶

Подсобные отрасли. Еще одной традиционной отраслью звенков, имевшей подсобное значение в колхозной экономике, был рыбный

промысел. На севере Забайкалья освоение рыбных ресурсов в этот период осуществлялось при помощи некоторых традиционных орудий (острога) и средств передвижения (плот). Однако постепенно на смену им пришли сети, неводы и быстроходные моторные лодки. С 1960-х годов моторные лодки стали самым распространенным видом водного транспорта в Каларском районе¹⁵⁷.

В каждом колхозе было по одной-две рыболовецких бригады. Состав и количество членов бригады зависели от масштабов осваиваемых участков. В Каларском районе рыболовецкие бригады колхозов работали на реках Верхняя Талая, Конда, Калар и озерах Эбе, Амудиса, Наморокит. Рыболовный сезон на различных водоемах проходил в различные сроки, начинаясь преимущественно в июне и заканчиваясь в ноябре–декабре. В целом же рыболовство играло лишь вспомогательную роль и велось попутно с занятием охотой и иногда оленеводством, в основном, в летний период, в свободное от работы время для личного потребления.

Мы никогда не ловили много рыбы, потому что рыбаки считались лентяями. Охота и оленеводство всегда были важнее¹⁵⁸.

Раньше рыбы было много – окунь, сорога, щука. Отец много рыбачил. Для себя тоже рыбачили, но только в меру¹⁵⁹.

Рыбу замораживали в свежем виде, солили или сушили. В Каларском районе в 1952 г. всего было добыто 195 ц. рыбы, в т.ч. 20 ц. – на р. Верхняя Талая, 50 ц. – на оз. Эбе, 20 ц. – на р. Конда, 30 ц. – на оз. Амудиса, 20 ц. – на р. Калар и 30 ц. – на оз. Наморокит. В 1970-х годах в среднем по Каларскому району, по планам заготовки, добывалось от 14 до 88 ц. рыбы в год¹⁶⁰.

Собирательство или сбор дикоросов не играли большой роли в экономике колхозов района. Заготовка трав, грибов и, особенно, ягод осуществлялась попутно с занятием основными отраслями. В некоторых колхозах, однако, организовывались специальные производственные участки, на которых собирали ягоды и полезные растения. Так, например, в окрестностях с. Неляты в 1980-х годах работал участок для заготовки дикоросов, мяса, рыбы и овощей. На участке действовал оборудованный приемный пункт, коптильня для рыбы и мяса, была подготовлена тара для заготовки дикоросов. На участке местное насе-

ление активно собирало ягоды, дикий зеленый лук, которые перерабатывались и транспортировались на вертолетах в районный и областной центры¹⁶¹.

Плановая экономика и уровень жизни

Жизнь при колхозах и уровень благосостояния эвенкийских семей в советский период сегодня оцениваются по-разному. Многие информанты вспоминают, что в начале образования колхозов уровень их благосостояния был невысок, труд колхозников недостаточно хорошо оплачивался, не оказывалось помощи малоимущим семьям, большой была нагрузка колхозников, занятых в традиционных отраслях хозяйства¹⁶². Зарплата колхозников обычно тратилась на покупку необходимых продовольственных товаров и предметов потребления, продававшихся в ограниченном ассортименте. В некоторых случаях труд колхозников оплачивался натуральными продуктами – мясом, овощами, молоком.

Тяжелыми были условия труда эвенков, занятых в традиционных отраслях, особенно в оленеводстве. Даже в 1970-х годах материально-техническая оснащенность оленеводческих стоянок была неудовлетворительной: ноская и прочная одежда, снаряжение и покрывки чумов и палаток из традиционных материалов были вытеснены постельным бельем, спецодеждой и брезентовыми армейскими палатками, которые быстро изнашивались. Зачастую отсутствовали в тайге и такие «достижения цивилизации», как радиоприемники, транспортная и другая техника, облегчавшая жизнь поселковых жителей¹⁶³. При этом оплата труда не отражала качество и количество выполняемой работы, а продолжительность рабочего дня и общие условия труда существенно различались у работников одной и той же отрасли¹⁶⁴. По воспоминаниям информаторов зарплаты были достаточно высокими лишь у бригадиров.

Работа была тяжелой. У геологов был план, заставляли нас кочевать, а мы оленей теряли. Денег платили немного, но на жизнь хватало, т.к. все свое было... В конце уже хорошо получала как бригадир¹⁶⁵.

Одной из стратегий управления колхозами и колхозниками стало понятие трудовой дисциплины. Как справедливо пишет Витебски, советская концепция дисциплины основывалась на сочетании бухучета и формализма. Бухучет, выражавшейся в показателях развития и при-

были колхозной экономики и не учитывавший огромных государственных дотаций, имел чисто номинальный характер. В то же время формализм превратил дисциплину в трансцендентный нравственный идеал, в наивысший критерий человеческой добродетельности. Дисциплина описывалась как добродетель, которую постоянно стремились привить людям извне, как будто они не могли сделать ничего полезного по своей собственной воле¹⁶⁶.

Работа оленеводческих и охотничьих бригад четко и строго контролировалось колхозными администрациями. Любые «нарушения» трудовой дисциплины, будь то недостача оленей в стаде или отсутствие на рабочем месте (пусть и по уважительной причине), обсуждались на заседаниях правлений колхозов и совхозов и наказывались. Меры по отношению к «нарушителям» варьировали от общественного порицания и штрафов до увольнений и судебных дел¹⁶⁷.

Понятие дисциплины, как средства управления, также широко использовалось в периодически проводившихся антиалкогольных кампаниях¹⁶⁸. Наиболее эффективной была кампания 1985–1987 гг., когда был принят ряд государственных законов и административных мер по сокращению продаж и употребления спиртных напитков. В северных колхозах и совхозах Забайкалья случаи нарушения дисциплины, связанные с распитием алкоголя, в этот период наказывались с особой строгостью¹⁶⁹. Так вспоминают о трудовой дисциплине и «борьбе с алкоголизмом» информанты из поселков Неляты и Чапо-Олого:

Тогда было с кого спросить. Я была комсомолкой, коммунисткой, секретарем. Потом у меня муж погиб. Я попросила меня заместить по партийной линии, но меня никто не заместил... Особенно напряженными были административные комиссии, жестко контролировавшие ситуацию. Они могли наказать за явку на работу в нетрезвом виде. Было строже и лучше, чем сейчас. Алкоголизм очень сильно вырос в последнее время, пьют все¹⁷⁰.

Люди и тогда пили, но не так, как сейчас. На работу выходили всегда – иначе могли высмеять на собрании, нарисовать карикатуру, сделать выговор, а, в крайнем случае, уволить¹⁷¹.

Дополнительным средством к существованию эвенков в советский период стало личное подсобное хозяйство. Основой подсобного хо-

зяйства был, как правило, огород, в котором выращивали картофель, капусту, овощи. Однако, количество скота, разрешенного для содержания в личном хозяйстве, было ограничено. Обычно держали одну-две коровы, поросят, кур. Разрешалось держать и личное стадо оленей размером до 20-25 голов, которые обычно выпасались вместе с колхозными стадами. Скот и птицу в личном хозяйстве содержали не все эвенки, поскольку население, работавшее в колхозах, было обеспечено натуральными продуктами. Однако с середины 1980-х годов руководство колхозов начало стимулировать разведение животных в личных подсобных хозяйствах. Например, в 1987 г. исполком Среднекаларского сельсовета отмечал необходимость увеличения объемов продукции животноводства в личных хозяйствах: было принято решение об организации продажи комбикормов, осуществлении транспортировки грузов, выделении населению денежных средств на приобретение поросят¹⁷².

В период расцвета колхозной экономики уровень жизни эвенкийского населения повысился. С 1970-х годов начались стабильные выплаты заработной платы и премий, появились дополнительные источники доходов. Например, в Тунгокоченском районе почти у половины эвенкийских семей были собственные дома, личное подсобное хозяйство и крупный рогатый скот, а средний доход, составлявший 157 руб. на семью, для того времени был достаточно высоким (табл. 7).

Главное – была работа, т.к. был совхоз. Кто не мог охотиться, работал в овощеводстве. На лисоферме работало человек шесть-восемь. На животноводческой ферме также были рабочие места... И в то время, как и сейчас, уровень жизни был разным у разных людей. Зарплаты были низкими: хорошо жили охотники и оленеводы; работавшие на совхозных полях получали мало. Но деньги все-таки были, в отличие от сегодняшнего дня. Сейчас люди живут от пенсии до пенсии, почти все наличные расходуются на продукты. В финансовом плане было легче. Зарплата выплачивалась постоянно, независимо от производительности труда. Сейчас же ты получаешь доходы только после того, как сумеешь продать продукт своего труда. Например, охотник, сейчас должен уметь выгодно сдать пушнину, а потом на эти деньги еще и купить оружие и снаряжение. Раньше деньги выдавали и на продукты, и на боеприпасы, и на бензин.

Сейчас по причине отсутствия денег на бензин охотятся пешком или на оленях¹⁷³.

Здесь [в пос. Непяты] был конный двор, где держали рабочих лошадей, еще целое стадо паслось на Бахтарнаке. Еще занимались сбором ягод. На доходы от него я, например, купила всю свою мебель. Вся ягода, даже зеленый лук перерабатывались и увозились в Читу и другие места. Сдавали рыбу, мясо, пушнину, которую увозили на вертолетах. За это получали дотации. Люди работали, к чему-то стремились. Были возможности дополнительного заработка – на пилораме, в частных хозяйствах¹⁷⁴.

Культурное строительство как социальный эксперимент

С приходом советской власти формирование культурной политики по отношению к коренным малочисленным народам Севера было обусловлено влиянием идей об их «вековой отсталости» и «угнетении». С позиций зарождавшегося в 1920–1930-х годах государственного протекционизма «малые народы» представлялись жертвами империализма: «Нигде в бывшей Российской Империи национальное угнетение не выявлялось в таких резких и грубых формах, как в отношении малых народов Севера. Это угнетение совместно с огромной культурной отсталостью, малочисленностью, рассеянностью и племенной неорганизованностью северных туземцев создало у них страшную забитость, выработало пассивность, безответную покорность и полную неспособность сопротивления политическому и экономическому давлению со стороны более развитых и сплоченных народов. Такое положение вызывало необходимость пробудить в туземцах национальное самосознание, уважение к себе и сознание своей равноправности с другими национальностями....»¹⁷⁵. С целью культурной и социально-экономической «реабилитации» коренных малочисленных народов Севера была разработана программа культурного строительства – своеобразного социального эксперимента, мерилom успеха которого должна была стать советизация самобытных культур коренных народов Севера¹⁷⁶.

Основными задачами культурного строительства были строительство социальной инфраструктуры, организация медицинского обслуживания и образования и культурное просвещение. На первых этапах культурного строительства, проводимого под эгидой Комитета Севера,

министерств просвещения и здравоохранения и Российского общества Красного Креста, создавалась сеть медицинских и образовательных пунктов – т.н. красных палаток и культбаз. Если работа красных палаток, состоявшая в медицинском обследовании и оказании необходимой врачебной помощи населению, играла положительную роль в социальном развитии народов Севера, то деятельность культбаз, была менее однозначной. Официально она включала «укрепление органов управления и самоуправления народов Севера», а также изучение природных ресурсов и производительного потенциала районов Севера, быта и хозяйства их коренного населения. На практике она имела выраженную идеологическую окраску и была ориентирована не только на повышение грамотности и уровня образования коренного населения, но и на пропаганду социалистических ценностей и новой идеологии.

На севере Забайкалья культурно-просветительская работа среди коренного населения начала проводиться с 1930-х годов. В Витимо-Олёкминском национальном округе постепенно расширялась сеть красных палаток, ликбезов (пунктов ликвидации безграмотности) и туздомов (домов туземца), которые служили основными звеньями массовой просветительской работы (табл. 8). Часто на базе этих заведений открывались первые школы. Например, в Юмурчене (Тунгокоченский район) в 1937 г. при красной палатке работала школа, в которой 15 взрослых учеников обучались русскому языку (чтению и письму) и арифметике. Как писалось в протоколе собрания эвенкийского кочующего населения Юмурченского сельсовета, просветительская деятельность охватывала все местное эвенкийское население, однако занятие охотой значительно снижало посещаемость школы¹⁷⁷.

Кампания по ликвидации неграмотности и малограмотности среди коренного населения стала основным лозунгом народного образования Витимо-Олёкминского национального округа. Так, по официальным данным, в 1931 г. было «ликвидировано» 1029 и «обучено» 582 неграмотных. В отчете о развитии округа отмечалось: «Для успешного завершения построения фундамента социалистической экономики в Витимо-Олёкминском округе ... будет охвачено ликвидацией неграмотности и малограмотности 100% всего эвенкийского и смешанного населения»¹⁷⁸. В просветительской работе участвовали учителя, работники культурно-образовательных учреждений, счетоводы колхозов, секретари кочевых советов. Выпускники ликбезов зачастую записыва-

лись на курсы для подготовки специалистов – руководителей, бригадиров, счетоводов, ветеринарных фельдшеров, техников-оленоводо-в, фельдшеров-акушеров, что в последующие годы сыграло большую роль в формировании эвенкийской национальной интеллигенции¹⁷⁹.

Курс на образование и просвещение

Активное строительство образовательных учреждений на севере Забайкалья, подготовка специалистов и набор кадров из числа эвенков стали важным этапом культурного строительства, отражавшим национальную политику государства в тот период.

В Витимо-Олёкминском округе к 1930 г. было построено 3 начальных школы, где обучалось 94 человека, а к 1931 г. число школ выросло до десяти, а школьников – до 672 человек. В открывающихся школах проводился пересмотр методов преподавания, происходила ориентация учащихся на приобретение практических навыков, необходимых для работы в колхозах. Школы должны были участвовать в общественно-полезном труде и проведении различных кампаний, например, перевыборах советов, заготовках пушнины, борьбе с шаманизмом и «предрассудками» и т.д. На базе школ создавались органы детского самоуправления – прототипы пионерской организации, на которые возлагались функции надзора за соблюдением дисциплины среди учащихся, а также искусственно разворачивалась классовая борьба с кулаками и шаманами: «В противовес влиянию чуждой идеологии школы достаточно противопоставили свое коммунистическое влияние»¹⁸⁰. В первые годы существования школ их посещаемость эвенкийским населением была достаточно низкой. В пос. Талочи Витимо-Каренгского района в 1929 г. училось 22 человека: учеников-эвенков одевали, кормили и снабжали принадлежностями за счет государства. Родители-оленоводы часто увозили детей в тайгу, не дожидаясь окончания учебного года, о чем писалось в докладах районных советов. В 1931 г. в школах Витимо-Олёкминского округа обучалось 312 чел., в ликбезах – 329 чел. За 5 лет существования школ число обучающихся в них детей существенно возросло. Их национальный состав был следующим: 1044 русских, 214 эвенков, 124 якутов, 61 представитель других национальностей¹⁸¹.

Кочевое эвенкийское население обучалось, в основном, в школах-интернатах, что официально считалось необходимым, т.к. «их родите-

ли вели неоседлый образ жизни и не имели своих домов». С 1925 г. витимо-олёкминские эвенки посещали интернат в пос. Кыкер, а с 1925 – школу при форте Ньюжа. В целом строительство интернатов в Витимо-Олёкминском округе велось медленными темпами. Одним из первых был построен интернат в эвенкийском пос. Средн. Калар: учебный 1936–1937 год там начался в здании без крыши. «Чтобы не оставались за бортом школы, необходимы достройка и новое строительство школ, интернатов, детсадов и площадок», – подчеркивалось в плане развития округа¹⁸².

Образовательная политика интернатов менялась на протяжении советского времени. Если в 1920–1940-х годах дети обучались там добровольно, то в последующие десятилетия набор учащихся проходил практически принудительно, без учета мнения родителей¹⁸³. Лишь в 1970–1980-х годах органы власти начали замечать, что длительное пребывание детей вдали от родителей приводит к утрате навыков ведения оленеводства и охотничьего промысла, на которых основывалась экономика северных колхозов¹⁸⁴. Исследователи, занимавшиеся этой проблемой в 1980-х годах, уже писали о формировании среди воспитанников интернатов пассивной социальной установки, об их социально-психологической дезадаптации и «оторванности» от родственников и традиционного образа жизни и нарушении языковой и культурной преемственности¹⁸⁵.

К началу 1960-х годов в Тунгокоченском районе работало десять школ, в которых обучалось 1858 человек, в т.ч. 73 эвенка. Строились и расширялись интернаты в поселках Тунгокочен и Верх-Усугли, Кыкер. В информационной справке о народном образовании в районе писалось, что дети эвенков «учатся слабо, пропускают занятия, грубят с учителями, воспитателями, большинство курят. Бросают учиться больше мальчики, уезжают в тайгу вместе с родителями, и практически невозможно своевременно их вернуть в школу. Дети эвенков дошкольного возраста в большинстве своем проживают с родителями в тайге, и ежегодно не охвачены подготовкой к школе»¹⁸⁶.

В 1973 г. в школах-интернатах Тунгокоченского района обучалось и проживало 37 детей эвенков, которые находились на государственном обеспечении, покрывавшем расходы на питание, одежду, обувь. Летом большинство эвенкийских детей разъезжалось по родным селам и стойбищам, и лишь некоторые из них отправлялись в пионерские ла-

геря. В 1969/1970 учебном году из числа эвенкийских школьников 6 человек окончило 8 классов и 1 – 10¹⁸⁷.

Сегодня эвенки, получившие образование в интернатах, придерживаются разных, зачастую противоположных мнений о своем опыте пребывания в них. Одни информанты с ностальгией вспоминают о строгой учебной дисциплине и порядке, о материальной помощи государства, предоставляемой ученикам в виде одежды, книг и бесплатного питания. Однако многие рассказывают о трудностях, связанных с дискриминацией и унижением эвенкийских детей, неполноценным питанием и ветхой одеждой, вынужденной разлукой с родственниками и близкими и резкой переменой привычного образа жизни. Именно по этим причинам многие эвенкийские дети жизни в интернате предпочитали бегство в тайгу:

В советское время [в пос. Кюсть-Кемда] были ясли, начальная школа. Для получения полного среднего образования детей отправляли в школу-интернат в Чару. Сейчас отправляют в Куанду. Образование в начальных классах также получали в интернатах. Мои дети учатся в интернате в Куанде. Я окончил начальную школу в Кюсть-Кемде; после этого почти год отучился в интернате в Чаре, но не выдержал и сбежал в тайгу к родителям¹⁸⁸.

[Мои] дети жили в интернате – за ними присматривали мои родители. Мы и сами в интернатах жили: топили помещения плохо, одежду давали на 3 года, валенки – на 2 года. Родственников было много – дети по отцу и по матери, я была их единственным общим ребенком¹⁸⁹.

Еще в 1930-х годах на севере Забайкалья и на Дальнем Востоке начали появляться средние учебные заведения, в т.ч. педагогические, культурно-просветительские и другие специальные училища и техникумы, в которых обучались представители коренных народов Севера. Витимо-олёкминские эвенки проходили профессиональную подготовку в средних учебных заведениях городов Читы, Улан-Удэ, Иркутска, Хабаровска и Амурской области. Среднее специальное образование зачастую служило базой для поступления в Институт народов Севера, который сыграл значительную роль в подготовке специалистов и формировании местной эвенкийской интеллигенции.

В Витимо-Олёкминском национальном округе высшему образованию эвенков придавалось большое политическое значение. В 1933–1934 гг. в Институт народов Севера было отправлено 20 студентов, в т.ч. 14 из Тунгиро-Олёкминского района и 6 – из Каларского. Выпускники этого и других вузов, возвращаясь в округ, часто получали руководящие посты в рамках государственной политики «коренизации аппарата». Вступление в партию и работа «по партийной линии» создавали благоприятные условия для повышения профессиональной квалификации и карьерного роста и после упразднения национальной автономии. В 1960-х годах исследователи писали, что среди эвенков был высокий процент членов КПСС и ВЛКСМ и желающих вступить в эти организации.

В 1958 г. в Каларском районе 7 эвенков училось за его пределами. Двое каларских эвенкиек закончили тогда же Ленинградский пединститут им. Герцена и после возвращения в район получили работу по специальности. Среди образованных эвенков Каларского района 4 человека работало учителями, 1 – воспитателем интерната, 4 – бухгалтерами и счетоводами в районных учреждениях, 1 – ответственным секретарем районной газеты «Правда Севера», 2 – радистами, 2 – сотрудниками районного суда и прокуратуры, 2 возглавляли красные палатки, 2 были избраны председателями Среднекаларского сельсовета и колхоза им. Кирова (с. Средний Калар). В Тунгиро-Олёкминском районе в это же время 11 эвенков работало в хозяйственных и партийных организациях: 2 – преподавателями средней школы, 1 – первым секретарем РК КПСС, 1 – заведующим организационным отделом РК КПСС, 1 – заведующим отделом заготовок райпо, 1 – заведующим красной палаткой, 1 – библиотекарем, 1 – фельдшером, 3 – колхозными счетоводами¹⁹⁰.

В Тунгочеченском районе в 1969/1970 учебном году в высших учебных заведениях училось 6 эвенков, в т.ч. 2 – в Институте им. Герцена и 4 – в Красноярском мединституте. К этому времени 12 эвенков уже закончили высшие и средние специальные учебные заведения и вернулись работать в район (5 из них работало учителями). К 1975 г. 97 эвенков Тунгочеченского района имело начальное образование, 34 – восьмилетнее, 12 – среднее и только 4 – высшее¹⁹¹.

Средние и высшие учебные заведения являлись культурными и образовательными центрами, готовившими специалистов и работни-

ков интеллектуальной сферы из числа коренных народов. Однако, государственные льготы и квоты, выделяемые представителям КМНС, постепенно вырабатывали у эвенков иждивенческую установку и способствовали снижению уровня подготовки абитуриентов. Длительное проживание студентов в городах вело к тому, что молодые эвенки утрачивали навыки ведения традиционного хозяйства и само желание возвращаться на стойбища. Среди выпускников СУЗов и ВУЗов, получивших образование, не связанное с работой в социальной и культурной сферах, существовала проблема трудоустройства в родных поселках. Она, в частности, была связана с низким уровнем механизации труда в колхозах и совхозах и недостатком работы, требующей высокой квалификации. Эти факторы способствовали незначительному оттоку специалистов из числа эвенков в города. Выпускники институтов и техникумов, возвращавшиеся на Север, находили работу, в основном, в медицинских, культурных и образовательных учреждениях. Эвенки М.П. Сынгалаева, около 20 проработавшая учителем в начальной школе в пос. Чапо-Олого, так рассказывает о своем жизненном и профессиональном пути:

Родилась в 1961 г., окончила начальную школу в Чапо-Олого, среднюю школу – в Чаре, окончила Институт имени Герцена. Родители были оленеводами – приехали из Иркутской области и обосновались здесь... Я сама кочевала во время летних каникул. После окончания образования и замужества осела в поселке. С тех пор преподаю в начальной школе многие предметы: математику, русский, природоведение. В институте я получила специальность «преподаватель русского языка и литературы и языка народов Севера». Потом мне в школе дали дополнительные предметы. Сейчас на пенсии, продолжаю работать.

Проблемы школьного, среднего специального и высшего образования были тесно связаны с созданием письменности и литературы на языках народов Севера. Вклад в создание письменности и литературы на эвенкийском языке внесли как лингвисты-тунгусоведы М.Г. Василевич, В.И. Цинциус, А.Н. Мыреева, А.В. Романова, А.А. Пикунова, Н.Я. Булатова, так и поэты, писатели и переводчики с родного языка В.Н. Увачан, А. и Н. Салаткины, А. Платонов, Н. Сахаров. Изначально за основу эвенкийского литературного языка был принят непский говор

(по некоторым классификациям – диалект), распространенный среди эвенков Катангского района. Однако постепенно численность эвенкийского населения, пользующегося им, сократилась, что стало причиной перевода в 1952 г. литературного языка на основу полигузовского говора, на котором говорили эвенки Байкитского района Эвенкийского АО. Однако этот шаг не решил проблему существенных фонетических и лексических различий между литературным языком и говорами, распространенными во многих других районах проживания эвенков. Практика показала, что, несмотря на все ожидания, эвенкийская письменность так и не смогла стать для эвенков общенародным средством культурного общения¹⁹².

Языковую ситуацию в северных районах Забайкальского края также осложняло отсутствие учебно-методической литературы на диалектах каларских, тунгокоченских и тунгиро-олёкминских эвенков. Учебники, написанные на основе литературного полигузовского диалекта, являлись практически не пригодными для преподавания и, особенно, для обучения практике разговорной речи. Создание новых учебник и современных методик преподавания ставилось более актуальной по мере сокращения количества людей, свободно владевших эвенкийским, и сужения сферы использования самого языка в повседневной жизни¹⁹³.

Примечательно, что в Витимо-Олёкминском национальном округе предметы в школах преподавались на эвенкийском языке: «Во всех имеющихся эвенкийских школах введено преподавание на тунгусском языке, успех громадный, быстрое усвоение учащимися формальных знаний и навыков»¹⁹⁴. Однако после реорганизации округа число эвенков, владевших эвенкийским языком и считавших его родным, неуклонно сокращалось. Уже к 1950-м годам все эвенкийское население северных районов свободно говорило по-русски, а представители молодого поколения утрачивали знание эвенкийского языка. На этот процесс, помимо отсутствия учебников и пособий на диалектах эвенков северных районов, повлиял и недостаток специалистов и преподавателей в районных культурно-образовательных учреждениях, особенно, в школах. Переходу на русский язык способствовало и увеличение количества смешанных браков, где языком межнационального общения обычно становился русский. Это вело к нарушению языковой преемственности между старшим и средним поколениями, хорошо вла-

девшими эвенкийским языком, и молодежью, освоившей лишь основные навыки аудирования и разговорной речи.

Культурно-образовательная политика советского государства постепенно вела к повышению образованности и формированию национальной интеллигенции среди эвенков. К 1970-м годам среди эвенков севера Забайкальского края неграмотной оставалась лишь десятая часть населения. В 1971 г. группа эвенков, имевших общее образование, составляла 46% (среди русских эта группа включала 56%). Число эвенков со специальным образованием также увеличилось и составляло 5,7% по сравнению с 11,9% для русского населения. Процент эвенкийского населения с высшим образованием был незначительным, однако люди, составлявшие его, внесли наиболее заметный вклад в развитие эвенкийской культуры.

Эвенки севера Забайкальского края, окончившие Институт народов Севера и другие ВУЗы, работали директорами школ и детских садов, председателями сельсоветов и райисполкомов, литераторами, научными сотрудниками. Многие из них занимались преподаванием эвенкийского языка и литературы в детских садах, школах, отделах культуры и этнических центрах. Наиболее известными деятелями культуры и представителями эвенкийской интеллигенции края в советский период были писатель и поэт Никита Сахаров и собиратель фольклора, писатель и охотник Николай Германович Трофимов. Они внесли заметный вклад в создание и распространение письменности, литературы и фиксирование фольклорных произведений на диалектах эвенков севера Забайкалья.

Традиции эвенков и культурно-массовая работа

Большую роль в советском культурном строительстве среди народов Севера играла культурно-массовая работа – праздничные, досугово-развлекательные и культурно-просветительные мероприятия, ориентированные на вовлечение максимального количества участников. Культурно-массовая работа, с одной стороны, вела к популяризации знаний о самобытных языках и культурах коренных народов Севера, составлявших многонациональное советское государство, с другой стороны, способствовала неизбежной стандартизации и унификации традиционных видов народного творчества. Была у культурно-массовых мероприятий и выраженная идеологическая подоплека, состоявшая в пропаганде советских и социалистических ценностей. Не-

случайно культурные коллективы («бригады»), выезжавшие на оленеводческие стойбища с культурными программами, назывались «агитационными». Содержание проводимых мероприятий, как и деятельность местных СМИ, подвергались политической цензуре.

Организацией культурно-массовых мероприятий в национальных эвенкийских поселках занимались клубы, библиотеки и кинотеатры. Однако ключевую роль в культурной жизни местных жителей в советское время играли дома культуры, на которые была возложена ответственная миссия культурного просвещения масс¹⁹⁵. В небольших населенных пунктах дома культуры или сельские клубы, располагавшиеся в одном здании, вмещали кинозалы и концертные залы, библиотеки, помещения для занятий кружков и танцевальные площадки. Среди основных видов культурно-массовой работы, проводимой этими учреждениями, были организация конкурсов художественной самодеятельности, выставок и смотров предметов народного творчества местного населения, проведение праздников, запись читателей, особенно из числа коренного населения, в библиотеки и показ фильмов¹⁹⁶.

Сельские дома культуры должны были проводить основную часть культурно-массовых мероприятий: «в течение всего года отмечать праздники народов Севера, организовывать на них спортивные соревнования и смотры художественной самодеятельности, в апреле-мае проводить выставки предметов народно-прикладного творчества, рисунков и художественных фотографий, один раз в полугодие отмечать дни культуры совхозов, предприятий и учреждений района, представляя на них достижения коллективов трудящихся в народном хозяйстве и культуре»¹⁹⁷.

В 1980-х годах был принят ряд законов, направленных на усиление культурно-массовой работы среди эвенков¹⁹⁸. В связи с этим местные отделы культуры начали активно заниматься вопросами совершенствования материально-технической базы, пополнения квалифицированных кадров, развития художественной самодеятельности и народного творчества и проведения мероприятий среди целевых групп населения, особенно среди детей и подростков¹⁹⁹. Другие целевые аудитории включали социо-профессиональные группы: К другим основным потребителям массовой культуры были отнесены строители БАМа и работники колхозов. Эвенки-оленьеводы были выделены в отдельную целевую аудиторию, с которой проводилась особенно тщательная и

активная работа. В Тунгокоченском районе работа учреждений культуры была направлена на обслуживание охотников, оленеводов и коренного населения в целом. Руководители местных домов культуры, библиотек и клубов проводили обходы эвенкийских семей, особенно, тех, чьи члены были заняты в оленеводстве, проживавших в национальных поселках. В летнее время заведующие клубом и библиотекой лично выезжали на оленеводческие стоянки. Во время таких обходов и выездов работники культуры распространяли периодические издания, художественную литературу, а также проводили беседы на политические и экономические темы. Например, Отдел культуры Каларского райисполкома уделял особое внимание обслуживанию БАМовцев и оленеводов, планируя «организовывать работу агитпоездов по обслуживанию БАМовцев и оленеводов по особому графику» и «внедрять новые праздники и обряды в зоне БАМа»²⁰⁰.

Т.н. агитационные культурные бригады стали основными посредниками между культурными учреждениями и эвенками-олeneводоми севера Забайкалья в 1970–1980-х годах. Эти коллективы вели культурно-просветительскую и политико-пропагандистскую работу среди кочующих охотников и оленеводов и членов их семей. Для проведения крупных мероприятий АКБ организовывались в так называемые «агитпоезда». Это позволяло охватывать большую часть населения района, кочевавшего и работавшего в отдаленных от поселков местах. Так, в 1978 г. одна из агитбригад Каларского района сделала 6 вылетов на оленеводческие стойбища и в места работ геологоразведческих партий, 29 выездов на машине и моторных лодках. В результате было проведено 33 концерта, 26 лекций, бесед и докладов среди сотрудников 7 оленеводческих бригад и геологоразведческих партий, работавших в районе рек Сюльбан, Усть-Наминга, Тора, Апсат, Читканда, Чина и озера Леприндо²⁰¹.

В Тунгокоченском районе в 1972 г. при районном доме культуры была создана постоянно действующая агитбригада. В течение первого года своего существования ее коллектив по два раза побывал в каждом поселке, где проживало эвенкийское население, и организовал 8 концертов и 6 вечеров отдыха, «на которых исполнялись песни только для лучших оленеводов, охотников». Каждое культурное мероприятие непременно предвлялось агитационными лекциями на темы, варьиовавшие от междуна-

родного положения СССР и перспектив плановой экономики, до показателей развития традиционных отраслей в районе²⁰².

Однако воспоминания оленеводов и охотников об агитбригадах, связаны, в первую очередь, с незатейливыми развлечениями, вносившими разнообразие в повседневную жизнь на стойбище. Оленевод П. Кузьмин, работавший в совхозной оленеводческой бригаде, вспоминает:

Каждый год, один раз, весной в стада приезжали агитбригады, привозили киноустановку и показывали кино в юрте... Интересные советские фильмы показывали, пели и играли на баяне.

Помимо пропаганды советских ценностей и образа жизни, темами просветительских лекций и докладов, читавшихся кочевым и поселковым эвенкам, были борьба с алкоголизмом, воспитание детей и профессиональная ориентация молодежи. Согласно архивным данным, в 1978 г. в РДК Каларского района было прочитано 82 лекций и докладов, работали кинолекторий «Пьянству – бой», детский лекторий «Спешите к своему призванию». Одновременно улучшалась работа библиотек: к 1982 г. в районе была создана централизованная библиотечная система²⁰³.

Другим направлением культурно-массовой работы, охватывающей эвенков севера Забайкалья, была художественная самодеятельность, включавшая организацию песенных и танцевальных ансамблей, народных театров. Художественная самодеятельность коренных народов Севера была призвана внести свой вклад в становление советской социалистической культуры и одновременно способствовать сохранению этнических традиций²⁰⁴. Однако на практике сохранение традиций понималось по-разному – от демонстрации сохранившихся элементов традиционной материальной и духовной культуры на бытовом уровне до организации официальных смотров песенных и танцевальных коллективов эвенков.

Одним из известных творческих коллективов севера Забайкальского края является эвенкийский ансамбль «Дэ-бэй-дэ», который был создан в Каларском районе в 1975 г. В репертуар ансамбля входили танцевальные номера, прототипами которых были традиционный танец с песней импровизацией ёхорьё и пение *икэн*. Специально для выступлений эвенков-участников коллектива местными мастерицами шилась одежда, изготовлялись бубны, колотушки, луки со стрелами и другие

импровизированные атрибуты эвенкийских шаманов и охотников. Стилизация одежды и декораций, импровизация и популяризация исполняемых песенно-танцевальных жанров позволили этому коллективу получить одобрение, добиться успеха у широкой зрительской аудитории. В 1970–1980-х годах ансамбль «Дэ-бэй-дэ» пользовался популярностью не только в Каларском районе, но и за его пределами, регулярно принимая участие во всесоюзных мероприятиях²⁰⁵.

Кружки были еще одной формой организации художественной самодеятельности и способом сохранения и популяризации традиций эвенков севера Забайкалья. В 1980-х годах во всех сельских домах культуры Каларского района работали кружки художественной самодеятельности: в пос. Кюсть-Кемда – 6 кружков, в пос. Неляты – 5, в пос. Средн. Калар – 3, в пос. Чапо-Олого – 3. Кружки художественной самодеятельности включали как детей, так и взрослых, изучавших эвенкийский язык, песни и танцы²⁰⁶.

Государственные образовательные и культурные учреждения уделяли большое внимание развитию среди эвенков прикладного искусства как отрасли народного творчества. В 1970–1980-х годах работа местных культурных учреждений проходила под лозунгом «всемерного развития художественной самодеятельности и всех жанров народного творчества» эвенков²⁰⁷. За основу были взяты знания, полученные из «живых источников» – от эвенкийских мастериц, сохранивших навыки пошива традиционной одежды и хозяйственных предметов (сумок, седел и сбруи для оленей, ковров). Эвенкийские мужчины изготавливали туеса, посуду и бубны из бересты, занимались ковкой хозяйственных предметов из железа и сплавов, наносили орнамент на бубны, седла, рукоятки ножей. Их знания и навыки также стали играть роль источников информации, на основе которых реконструировалось «традиционное» декоративно-прикладное искусство эвенков. Нашли своё применение и сохранившиеся к тому времени техники. К ним относятся, например, традиция украшения обуви и сумок бисером, преимущественно белого, голубого и желтого цветов, характерных для витимолёкминских эвенков, пошив ковров из лоскутков светлого и темного меха в виде геометрических узоров, украшенных швами с подшейной белой шерстью оленя²⁰⁸.

Предметы, изготавливаемые мастерами и еще выполнявшие определенные функции в хозяйстве эвенков, вне условий кочевого быта,

получали название «предметов прикладного творчества». Такие предметы изготавливались преимущественно на заказ не только и не столько семьями оленеводов и охотников, сколько организаторами конкурсов традиционного декоративно-прикладного творчества и директорами районных и местных музеев и культурных центров для экспозиций, посвященных культуре эвенков. В сельских домах культуры Каларского района существовали и специальные кружки прикладного творчества, в которых эвенкийские дети обучались пошиву традиционной одежды, изготовлению поделок из бересты, шкур и других традиционных материалов, также с целью участия в конкурсах и выставках предметов декоративно-прикладного искусства. В Тунгокоченском районе в советские годы работали мастерские по пошиву традиционной одежды и принадлежностей из меха и шкур.

Ярким примером синтеза массовой культуры и обычаев и ритуалов, бытовавших среди эвенкийского населения, являлись праздники. По мере того, как в официальном праздничном календаре появлялись все новые даты, содержание, социальные функции и названия многих традиционных эвенкийских праздничных обрядов постепенно трансформировались. Праздники, отмечавшиеся в северных колхозах и совхозах Забайкальского края, были приурочены к нескольким видам событий: 1. государственные календарные праздники; 2. дни культуры и воскресники; 3. профессиональные праздники; 4. национальные праздники. Общими чертами этих праздничных мероприятий являлись их массовый характер и комплексность. Массовость достигалась за счет иногда принудительного привлечения населения поселков, прежде всего, работников колхозов. Значимые праздники обязательно проводились культурно-массовыми мероприятиями – смотрами художественной самодеятельности, спортивными соревнованиями, выставками предметов народного творчества²⁰⁹.

Смысл и содержание популярных календарных праздников – Нового Года, Дня защитника Отечества, 8 Марта, 1 Мая и др. – в эвенкийских колхозах практически не отличались от их организации по всей стране. Больше инициативы и творческих усилий от работников учреждений культуры требовала организация праздников колхозного, поселкового или районного значения. Они должны были иметь свою специфику и отражать, хотя бы формально, вкусы и духовные потребности местного населения. Так, в 1980-х годах в Каларском районе по-

мимо серии ежемесячных «массово-политических мероприятий», проводились праздники и обряды с этническим колоритом. Местное население, в т.ч. эвенки, работавшие в колхозах, с нетерпением ожидали этих праздников, т.к. к ним часто приурочивались народные гуляния, выплата премий, поощрений, вручение ценных призов²¹⁰. Профессиональные и национальные праздники проводились на колхозном/совхозном и поселковом уровнях и зависели от социально-профессионального и этнического состава местного населения. В северных колхозах, где основными хозяйственными отраслями были охота, оленеводство, рыболовство, а основное население составляли эвенки, профессиональные и национальные праздники часто приурочивались ко Дню охотника, оленевода или рыбака, к смотрам национального художественного творчества и выступлениям национальных коллективов.

Яркие воспоминания забайкальских эвенков связаны с Днем оленевода. Этот праздник отмечался ежегодно в марте в окрестностях одного из северных поселков. Участие в празднике принимали как опытные бригадиры, так и начинающие оленеводы. Постепенно в поселок, где было намечено проведение праздника, на оленьих нартах съезжались эвенки из соседних поселков и районов. Иногда День оленевода посещали делегации из соседних областей. Наиболее частыми гостями, по словам информаторов, были усть-нюкжинские эвенки. Ко Дню оленевода готовились заранее: выступавшие шили украшения, праздничную одежду, готовили снаряжение для оленя, репетировали. Одним из центральных событий праздника являлись состязания «в гонке на оленях». Помимо этого, мероприятие сопровождалось выступлениями эвенкийских коллективов художественной самодеятельности, самих оленеводов и членов правления колхозов, подводивших итоги работы и награждавших отличившихся колхозников.

Проводили День оленевода, когда устраивались гонки на оленях, на буранах в Чапо-Олого, в Чаре, в Кюсть-Кемде. Это были мероприятия, где оленеводов чествовали, давали возможность высказаться. И люди готовились к этому празднику. Например, моя бабушка шила специальную парадную одежду для себя и сбрую для оленя для участия в оленьих гонках. Отмечались и привычные календарные праздники²¹¹.

Весной, на Масленицу проводился Слет оленеводов. Организовывались олени гонки, игры, борьба, спортивные соревнования. В празднике участвовали команды из Чапо-Олого, Среднего Калара, Кюсть-Кемды. Победителям давали призы – часы, бинокли, вещи²¹².

День оленевода не только являлся одним из крупнейших культурно-массовых мероприятий, но и играл роль своеобразного суглана, на котором встречались, общались, решали споры и заключали сделки эвенки из разных родов и поселков. В культурно-развлекательную программу Дня оленевода регулярно включались и различные смотры и фестивали художественной самодеятельности, в которых участвовали оленеводы и члены их семей. Неофициальная часть праздника проходила в тесном общении эвенков со своими друзьями и родственниками из соседних поселков и сопровождалась танцами и песнями:

С праздниками было хорошо. Например, проводился День оленевода. На праздниках старики пели песни по-эвенкийски. Песни пелись импровизированно, шли от сердца. Помню, мои родители песни пели во время кочевания²¹³.

В поселках, население которых не было задействовано в оленеводстве, на первый план выходили такие праздники, как День охотника и День рыболова, сценарий которых напоминал День оленевода. Эти праздники были особенно актуальны в населенных пунктах с эвенкийским населением, находившихся в отдалении от колхозных центров. Дни охотника и рыболова также сопровождались песнями, танцами, конкурсами, и представляли собой возможность для тесного общения родственников, друзей, соседей.

День охотника отмечался строго. Чествовали передовиков, которые затем уезжали в район, где продолжали мероприятие. Дня оленевода не было, т.к. [в пос. Неляты] не было стад. Устраивали конкурсы пения...²¹⁴

К 1980-м годам на севере Забайкалья сформировалась сфера профессиональной культуры: культурно-просветительские учреждения были укомплектованы квалифицированными сотрудниками, совершенствовалась их материально-техническая база, улучшилось финансирование и качество массовых мероприятий (праздников, концертов,

тематических вечеров, бесед, докладов), на базе специальных центров начали разрабатываться методики их проведения. Так, областная коллегия управления культуры подчеркивала положительные моменты в деятельности учреждений культуры Каларского района. В частности, учреждения проводили работу по культурному обслуживанию рабочих совхозов, оленеводов и охотников. Увеличивались объемы финансирования заявок на приобретение оборудования и инвентаря, содержание и ремонт помещений. В районе была создана площадка для проведения дискотек, практиковалось проведение дней культуры. При этом уделялось внимание обслуживанию малонаселенных пунктов, производственных участков. Отлажено работала централизованная библиотечная система.²¹⁵

К этому же времени завершился еще один этап советского культурного строительства, знаменовавший институционализацию эвенкийской традиционно-бытовой культуры, этнических праздников и обрядов. Влиянию массовой культуры и унификации подверглись обычаи и обряды не только оседлых, но и кочевых эвенков, втянутых в орбиту влияния культурных учреждений.

Образ жизни: от интеграции к ассимиляции

Политика интеграции коренных малочисленных народов Севера в этническую мозаику народов СССР и планомерная пропаганда социалистической культуры способствовали формированию новых моделей поведения, культурных ценностей и образа жизни среди них. Десятилетия претворения подобной культурной политики в жизнь привели к тому, что в мировоззрении коренных народов этническая культура стала, с одной стороны, означать принадлежность к общенациональной советской культуре, а с другой стороны, овеществляться, ассоциируясь с правом на привилегированный доступ к образованию, товарам и услугам²¹⁶.

После перехода на оседлость большинство эвенков проживало в национальных поселках и поселках со смешанным населением. При этом многие эвенкийские семьи продолжали сочетать элементы кочевой жизни с оседлым бытом. В частности, к 1970-м годам в Каларском районе 80% эвенкийского населения было зарегистрировано в национальных поселках Чапо-Олого, Кюсть-Кемда, Средн. Калар, Неляты. На практике часть этого населения кочевала в тайге либо вела полу-

оседлый образ жизни, занимаясь колхозным оленеводством и охотой. Типичный национальный северный поселок 1960-х годов, кроме правления колхоза и сельсовета, включал амбулаторию или фельдшерско-акушерский пункт, детский сад или ясли, школу, дом культуры, библиотеку, отделение связи, магазин, баню и другие постройки, составляющие автономную инфраструктуру. Большинство крупных поселков было электрифицировано, регулярно сообщалось с административными центрами и соседними поселками. Происходило и постепенное включение поселков в систему интенсивного обмена информацией через СМИ – радио, телевидение, периодическую печать²¹⁷.

На севере Забайкальского края строительство поселков, в которых сегодня проживают эвенки, началось в 1900-х годах, и было активно продолжено в советское время. Например, в национальном поселке Чапо-Олого, основанном в 1913 г., были колхоз и сельский совет, ФАП, детский сад и ясли, начальная школа, дом культуры с библиотекой, отделение связи, магазин, общественная баня, пекарня, хозяйственные постройки и, конечно, жилые дома. Однако в некоторых отдаленных поселках, где проживали эвенки, строительство новых объектов и жилья велось медленно, а снабжение электроэнергией осуществлялось за счет автономных дизельных электростанций²¹⁸.

В советский период основным фактором, способствующим оседанию эвенков, была работа в колхозах и необходимость обучения детей. Полукочевой образ жизни продолжали вести бригады охотников в поисках охотничьей добычи и оленеводов, пасших в тайге олени стада. Однако и они все больше времени проводили в поселках. Этому способствовала, прежде всего, необходимость обучения детей. Многие эвенкийские семьи не хотели отдавать своих детей в организованные в районе школы-интернаты. Первыми переставали кочевать женщины, затем к ним присоединялись и мужчины, желавшие оставаться рядом со своими семьями и детьми.

Когда дети в школу пошли, я в село пришел – не хотел, чтобы они в интернатах жили. Сначала я еще один уходил кочевать на 1–2 месяца, но потом опять в село возвращался²¹⁹.

Иногда кочующие или оседлые семьи все-таки отдавали своих детей в интернаты в пос. Чара, а позднее – в пос. Куанда для получения полного среднего образования. В этих случаях детей привозили в тай-

гу к родителям или родственникам на период летних каникул. Поколение эвенков, проводивших почти все свое детство и юность в интернатах и поселках, сегодня не представляет жизни в тайге.

Бытовые условия эвенков, переходивших на оседлость, существенно изменялись. Дома в колхозных поселках обычно состояли из 2-3 комнат, одна из которых служила кухней, с сеними и каменной печью. Обстановка в домах бывших кочевников обычно включала самые необходимые предметы – кровать, обеденный стол, стулья или лавку и иногда шкаф для посуды. Интересно отметить, что при наличии стульев многие эвенки продолжали и до сих пор иногда продолжают сидеть на полу. Вещи и постель у эвенков обычно хранились в сумках или чемоданах. Многие продолжали вместо постельного белья использовать сшитые из шкур спальные мешки и покрывала. Сохранялись и отдельные предметы традиционной одежды эвенков, особенно в семьях охотников и оленеводов. Одновременно в быт эвенкийских семей входили элементы новой, преимущественно русской, культуры: в домах появлялись ковры, шторы, растения в горшках, бытовая техника.

Некоторые переходили на оседлость после образования колхозов. Появились новые вещи в быту – телевизор, генератор..., началось производство электричества. Это были полезные достижения²²⁰.

Неотъемлемой чертой советского образа жизни была трудовая дисциплина. Согласно принятым уставам, в колхозах должны были работать не только мужчины, но и женщины, и дети старше 11 лет. Особенно напряженным был труд женщины: помимо домашней работы, выполнение которой традиционно полностью входило в ее обязанности, женщина должна была принимать активное участие в общественной жизни и колхозном строительстве. Так вспоминает бригадир-олeneвод из Каларского района Н. Данилова советское время:

Все было на плечах женщины. Стадо сама [от отца] приняла. Родители были строгие – не давали нам, детям, отдохнуть. С детства помогала ухаживать за лошадьми, оленями. С утра пораньше, часов в шесть, шла искать оленей. Потом стала привязывать колокольчики – стали легче находиться.

Несмотря на трудности и лишения, которые пережили многие эвенки-старожилы, работавшие в колхозах севера Забайкальского края, представители старшего поколения с ностальгией вспоминают об этом времени:

*При колхозе жизнь, конечно, была лучше. Тогда весь народ занят был, начиная с 12-летних. Вся деревня работала, только детский сад оставался. Сейчас половина деревни не работает, занимается только пьянкой...*²²¹

В советское время влияние русской культуры и языка на культуры коренных народов Севера усилилось. На севере Забайкальского края заметное влияние русской культуры на эвенкийскую началось еще в период коллективизации и выразилось в преобразованиях в хозяйстве, культуре и быте коренного населения. Фактором, усилившим межэтнические взаимодействия на севере Забайкальского края, стало, в частности, строительство БАМа. В 1970–1980-х годах отмечался большой приток многонационального населения из бывших союзных республик в места традиционного расселения эвенков. Работая на протяжении многих лет, а иногда оседая в районе строительства БАМа, мигранты из Украины, Белоруссии, Армении, Грузии, Азербайджана и других республик, вступали в брачные отношения с эвенками. В этот период резко выросло число зарегистрированных и незарегистрированных межнациональных браков между эвенками и представителями приезжего населения. При этом замуж за представителей других национальностей выходили женщины-эвенки. Языком межнационального общения в таких семьях стал государственный русский язык, а общими культурными ценностями – социалистический образ жизни.

Введение новых отраслей хозяйства, рост количества национально смешанных браков с участием эвенков, распространение русского языка как основного языка общения, пропаганда социалистической идеологии и распространение массовой культуры вели к постепенной утрате эвенкийского языка, трансформации этнического самосознания и прогрессирующей ассимиляции эвенков.

Политика советского государства по отношению к коренным малочисленным народам Севера, направленная на их интеграцию в советское общество, предполагала, в основном, позитивную оценку соци-

ально-экономических и культурных преобразований, происходивших в жизни эвенков. Несомненными достижениями культурного строительства на Севере были создание сети образовательных учреждений и активная просветительская деятельность государства, результатами которой стали растущий уровень образования и формирование слоя местной интеллигенции среди эвенкийского населения. В то же время многие негативные аспекты советской культурной политики в отношении народов Севера не учитывались. Так, чрезмерный патернализм и образовательные и воспитательные практики школ-интернатов вели молодых эвенков к выработке иждивенческой установки, утрате традиционных знаний, навыков владения эвенкийским языком и ведения кочевого хозяйства. Выраженная идеологическая пропаганда и институционализация самобытной народной культуры эвенков способствовали ее постепенной унификации. Эти факторы ускорили сокращение сферы использования эвенкийского языка, трансформацию духовных традиций и необратимый процесс ассимиляции эвенкийской культуры.

¹ По итогам переписи 2002 г., общая численность эвенков в Российской Федерации составляла 35527 человек, в т.ч. на территории Читинской области проживало 1492 эвенка (www.perepis2002.ru).

² Василевич Г.М. Эвенки. С. 17; Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов. С. 161–162.

³ Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов. С. 164.

⁴ Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь... С. VI–VII.

⁵ Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948. С. 16.

⁶ Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. Л., 1985. С. 7.

⁷ Василевич Г.М. Эвенки. С. 12; *Она же*. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири) // VII Междунар. конгр. антропологич. и этнографич. наук. М., 1964. С. 8.

⁸ Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири... С. 10–11; Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь... С. VII; Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Northern Tungus. P. 26–38.

⁹ Туголуков В.А. Эвенки. С. 147–148.

¹⁰ Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 36–38.

-
- 11 Недешев А.А. Забайкалье: экономика, ресурсы, достижения, проблемы. Иркутск, 1981. С. 16.
- 12 Абсолютный минимум температуры воздуха зимой был зарегистрирован зимой на прииске им. XI лет Октября и составил -64°C .
- 13 Кулаков В.С., Рыжий В.С., Снегур А.Е. География Каларкого района. Чита, 2002. С. 57–63.
- 14 Там же. С. 47.
- 15 Недешев А.А. Забайкалье... С. 131–132.
- 16 Кулаков В.С., Рыжий В.С., Снегур А.Е. География Каларкого района. С. 28–30.
- 17 Информация о социально-экономическом положении территорий Забайкальского края, отнесенных к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям. 2011.
- 18 Кулаков В.С., Рыжий В.С., Снегур А.Е. География Каларкого района. С. 76–79.
- 19 Василевич Г.М. Эвенки. С. 4–6.
- 20 Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М., 1960. С. 336–337.
- 21 Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М., 1985. С. 149–151; Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 50.
- 22 «Тарбаганить» (локал.) на языке забайкальского старожильского населения означает «охотиться на тарбагана». Тарбаган или сибирский сурок (лат. *Marmota sibirica*) – млекопитающее рода сурков.
- 23 Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 13.
- 24 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 72.
- 25 Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 69, Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 485.
- 26 Кулаков В.С., Рыжий В.С., Снегур А.Е. География Каларкого района. С. 9.
- 27 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 72.
- 28 Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 485.
- 29 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 74–75.
- 30 Долгих Б.О. Родовой и племенной состав... С. 13–14.
- 31 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 72–74.
- 32 Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири... С. 19–20.
- 33 Shirokogoroff S.M. Social Organization of the Northern Tungus. P. 47, 115.
- 34 Ср.: современный пос. Кюсть-Кемда, расположенный в 7 км от пос. Чара, административного центра Каларского района.
- 35 Крopotкин П.А. Отчет об Олёкминско-Витимской экспедиции... С. 7.

-
- 36 Туголуков В.А. Витимо-олёкминские звенки. С. 71.
- 37 Там же. С. 70; Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории ... С. 69–70.
- 38 Там же. С. 70–71; ПМА. 2002–2004.
- 39 Задорожный В.Ф., В.С. Михеев, А.Т. Напрасников и др. Традиционное природопользование эвенков. С. 14–15.
- 40 Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь...С. VI–VII.
- 41 Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 гг.) // Труды Научно-исследовательской ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР. Т. 1. Вып. 1/2. Л., 1932. С. 19.
- 42 ГАРФ. Ф. РФ–3977. Оп. 1. Д. 87. Л. 20.
- 43 Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера... С. 61–62.
- 44 ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 1. Л. 18.
- 45 Василевич Г.М. Витимо-Тунгир-Олёкминские тунгусы. С. 99–100.
- 46 Задорожный В.Ф., В.С. Михеев, А.Т. Напрасников и др. Традиционное природопользование эвенков. С. 15–16.
- 47 Чураев А. Население Восточной Сибири. М. – Иркутск, 1933. С. 18.
- 48 ПМА. 2006.
- 49 ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 57. Л. 7.
- 50 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 98–104.
- 51 Туголуков В.А. Витимо-олёкминские звенки. С. 67.
- 52 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. С. 127.
- 53 ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 667. Л. 4.
- 54 ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 712а. Л. 26.
- 55 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 98–101.
- 56 Там же. С. 102–103.
- 57 По одной из версий название поселка Чапо-Олого произошло от якут. «стойбище Чапо».
- 58 ПМА. 2003. С. Каткова.
- 59 ПМА. 2003. Н. Габышева.
- 60 ПМА. 2004. П. Кузьмин.
- 61 ПМА. 2003. Н. Васиков.
- 62 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 103–106.
- 63 Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Статистический сборник. М., 1984. С. 101.
- 64 Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 43, 144.
- 65 Василевич Г.М. Эвенки. С. 54–56; Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М., 1969. С. 25.
- 66 Мазин А.И. Быт и хозяйство эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1992. С. 94.

-
- ⁶⁷ Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. С. 26–28; ПМА. 1999.
- ⁶⁸ Аверкиева Ю.П. О культе медведя у индейцев Северной Америки // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 142–143; Василевич Г.М. Эвенки. С. 58; Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. С. 153–155; Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочононов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск, 1984. С. 44.
- ⁶⁹ Мазин А.И. Быт и хозяйство эвенков-орочононов... С. 98.
- ⁷⁰ Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л., 1936. С. 70–73; ПМА. 2002. М. Юшкевич.
- ⁷¹ Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. С. 158–159; ПМА. 1998–2003.
- ⁷² Василевич Г.М. Эвенки. С. 60, 106.
- ⁷³ Василевич Г.М. Витимо-Тунгир-Олёмкинские тунгусы. С. 105–106.
- ⁷⁴ ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 57. Л. 87.
- ⁷⁵ Наспинная дощечка.
- ⁷⁶ Василевич Г.М. Эвенки. С. 63–64; Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. С. 19–20.
- ⁷⁷ Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов... М., 1964. С. 3–9, 74–76; ПМА. 2002.
- ⁷⁸ Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. (принципы освоения угодий). Иркутск, 1990. С. 95.
- ⁷⁹ Василевич Г.М. Витимо-Тунгир-Олёмкинские тунгусы. С. 101, 108.
- ⁸⁰ ПМА. 1998, 1999.
- ⁸¹ Василевич Г.М., Левин М.Г. Олений транспорт. С. 15–16.
- ⁸² Молодые, неокостеневшие, растущие рога взрослых самцов маралов, изюбрей и пятнистых оленей, покрытые кожей с нежным коротким бархатистым волосом. Срезанные панты используют для приготовления лекарственных средств и афродизиаков.
- ⁸³ ПМА. 1998, 2003, 2004.
- ⁸⁴ В 1920-х годах в верховьях р. Китемяхта (приток р. Калар) были обнаружены золотиносные россыпи и основан пос. прииск XI лет Октября, ставший административным центром Каларского района и остававшийся эпицентром золотодобычи Восточного Забайкалья до 1942 г. В последующие периоды китемяхтинские россыпи исследовались Восточной геологоразведочной экспедицией и золотодобывающими предприятиями «Каралон» «Чараголд», «Каларзолото».
- ⁸⁵ Василевич Г.М. Токминские тунгусы // Советский Север. 1930. №5. С. 27–38.
- ⁸⁶ Василевич Г.М. Эвенки. С. 81.
- ⁸⁷ Василевич Г.М. Эвенки. С. 80–85; Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. С. 60–65; ПМА. 2002.
- ⁸⁸ Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны ..., 1990. С. 132.

⁸⁹ ПМА. 1999, 2000.

⁹⁰ Поворознюк О.А. Природопользование каларских эвенков: государственное регулирование и традиционная нормативная система // Олень всегда прав. М., 2003.

⁹¹ Сирина А.А. Преемственность в организации среды жизнедеятельности (на примере эвенков верховья р. Нижняя Тунгуска) // Этнографическое обозрение. 1992. № 2. С. 80

⁹² Увачан В.В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX в. М., 2001. С. 91.

⁹³ ПМА. 2002, 2003.

⁹⁴ Суслов И.М. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры (Из материалов Чунской экспедиции 1926 года) // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономики народов Северной Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты и др.). М., 2000. С. 186.

⁹⁵ Пекарский Э.К., Цветков В.П. Очерки быта приаянских тунгусов (извлечение) // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономики народов Северной Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты и др.). М., 2000. С. 167.

⁹⁶ ПМА. 1998, 1999.

⁹⁷ ГАЧО. Ф. Р–517. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

⁹⁸ Комитет Севера, созданный в 1924 г., стал первым действующим специальным органом, осуществлявшим принципы политического курса нового правительства, которое взяло на себя права и обязанности опекуна по отношению к коренным народам Севера. В задачи Комитета входило учреждение административных органов, в т.ч. органов самоуправления, за которым следовало проведение кооперации и коллективизации среди коренных малочисленных народов Севера.

⁹⁹ Согласно «Временному положению об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР», принятому в 1926 г., были созданы первые органы самоуправления народов Крайнего Севера, которыми стали родовые собрания, родовые советы, районный туземный съезд и районный туземный исполнительный комитет.

¹⁰⁰ Василевич Г.М. Витимо-Тунгир-Олёкминские тунгусы. С. 113.

¹⁰¹ ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 1. Л. 61.

¹⁰² В настоящее время Российский государственный педагогический университет им. Герцена.

¹⁰³ Василевич Г.М. Витимо-Тунгир-Олёкминские тунгусы. С. 98, 100–113; Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 78.

¹⁰⁴ ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 57. Л. 87.

-
- ¹⁰⁵ Первый этап коллективизации заключался в образовании простейших производственных объединений или промысловых артелей, представлявших собой комплексные многоотраслевые хозяйства, на основе которых в дальнейшем учреждались национальные колхозы. См.: Ковязин Н.М., Кузаков К.Г. Советская Эвенкия (экономико-географический очерк). М.; Л., 1963. С. 52, 54; Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. Улан-Удэ, 1994. С. 86. Позднее происходило укрупнение хозяйств и образование совхозов.
- ¹⁰⁶ ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 57. Л. 6–7 об.
- ¹⁰⁷ ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 318. Л. 121.
- ¹⁰⁸ Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. С. 188.
- ¹⁰⁹ ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 318. Л. 121.
- ¹¹⁰ ГАЧО. Ф. Р–772. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.
- ¹¹¹ ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 652а. Л. 2.
- ¹¹² ПМА. 2002. М. Юшкевич.
- ¹¹³ Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX вв. (хозяйство и социальная культура). М., 1982. С. 128; Туголуков В.А, Шубин А.С. Колхозное строительство у эвенков Северной Бурятии и его влияние на их быт и культуру // Этнографич.сб. Вып. 5. Улан-Удэ, 1969. С. 48.
- ¹¹⁴ Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). С. 159; Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939. С. 78; Fondahl G.A. Gaining Ground? Evenkis, Land, and Reform in Southeastern Siberia. Boston, 1998. P. 60–61.
- ¹¹⁵ ПМА. 2002, 2003.
- ¹¹⁶ Задорожный, В.Ф., В.С. Михеев, А.Т. Напрасников и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 17–18.
- ¹¹⁷ ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 57. Лл. 6–6 об.
- ¹¹⁸ ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д.318. Лл. 123–128, 178–179; Р–612. Оп. 1. Д. 318. Лл. 126–128.
- ¹¹⁹ ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 57. Л. 74.
- ¹²⁰ ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 394. Л. 1.
- ¹²¹ Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 80.
- ¹²² ПМА. 2002, 2003.
- ¹²³ ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 706. Лл. 3, 24.
- ¹²⁴ ПМА. 2002. М. Юшкевич.
- ¹²⁵ Ковязин Н.М., Кузаков К.Г. Советская Эвенкия... С. 82.
- ¹²⁶ ПМА. 2003. Н. Данилова.
- ¹²⁷ ПМА. 2002. П. Мальчакитов.
- ¹²⁸ Слеваковский А.Б. Традиционное в современной хозяйственной деятельности коренного оленеводческого населения севера Дальнего Востока // Культурные традиции народов Сибири. Л., 1986. С. 200.

-
- 129 ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 694. Л. 15.
- 130 ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 695. Лл. 14–15.
- 131 ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 706. Л. 3; ПМА. 2003.
- 132 ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 702. Л. 26; ПМА. 2002, 2003.
- 133 ГАЧО. Ф. 772. Оп. 1. Д. 43. Л. 3; ПМА. 2002, 2003. Н. Дмитриева, П. Мальчакитов.
- 134 Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 83.
- 135 ГАЧО. Ф. 772. Оп. 1. Д. 44.
- 136 Кулаков В. С., Рыжий В.С., Снегур А.Е. География Каларского района. Чита, 2002. С. 177.
- 137 ГАЧО. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 714. Л. 7; Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 694. Л. 5; Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 695. Лл. 14–15.
- 138 ГАЧО. Ф. Р-617, Оп. 1. Д. 43. Л. 1.
- 139 ГАЧО. Ф. Р-617, Оп. 1. Д. 394, Л. 1.
- 140 ГАЧО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 508. Лл. 1–5.
- 141 Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 82; Кулаков В.С., Рыжий В.С., Снегур А.Е. География Каларского района. Чита, 2002. С. 77–79; Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 27, 60–65.
- 142 ПМА. 2000. В. Ильдинов.
- 143 ГАЧО. Ф. 927, Оп. 1. Д. 683. Л. 129.
- 144 ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 694. Л. 5.
- 145 Ковязин Н.М., Кузаков К.Г. Советская Эвенкия... С. 86.
- 146 ГАЧО. Ф. 927, Оп. 1. Д. 683. Л. 129.
- 147 ПМА. 2003. Н. Дмитриева.
- 148 ПМА. 2002.
- 149 ГАЧО. Ф. 772. Оп. 1. Д. 43. Лл. 38, 41.
- 150 ПМА. 2002. П. Мальчакитов.
- 151 Недешев А.А. Забайкалье... С. 137; Недешев А.А.; Котельников М.М. БАМ и развитие производительных сил Читинской области // Социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья. Новосибирск, 1980 С. 192.
- 152 Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 85–86.
- 153 ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 692. Л. 51; ПМА. 2003. Л. Крюкова, С. Каткова; География Каларского района. С. 183–186.
- 154 ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 706. Л. 3; Д. 700. Л. 8.
- 155 ПМА. 2003: М. Юшкевич.
- 156 Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 84–85; ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 679; Д. 706. Л. 3; Д. 700, Л. 8; ПМА. 2002, 2003; Кулаков В.С., Рыжий В.С., Снегур А.Е. География Каларского района. С. 184.
- 157 ПМА. 2002, 2003.

-
- 158 ПМА. 2002. М. Юшкевич.
- 159 ПМА. 2003. Н. Данилова.
- 160 ГАЧО. Ф. 772. Оп. 1. Д. 44. Л. 83; Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 84.
- 161 ГАЧО. Ф. 927. Оп. 1. Д. 692. Л. 51; ПМА. 2003. Л. Крюкова.
- 162 ПМА. 2003. М. Борисова, Н. Данилова.
- 163 ГАЧО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 712а. Л. 49.
- 164 О труде и социально-экономическом положении жителей поселков Бурятии в колхозозный период пишет К. Хэмфри: Humphrey С. Marx Went Away, but Karl Stayed Behind...Р. 258–260.
- 165 ПМА. 2003. Н. Данилова.
- 166 Vitebsky Р. Reindeer people...Р. 253–254.
- 167 ГАЧО. Ф. 772. Оп. 1. Д. 43. Л. 14.
- 168 Советские антиалкогольные кампании проводились на государственном уровне в 1958, 1972 и 1985 гг.
- 169 ГАЧО. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 685. Л. 72; Р-927. Оп. 1. Д. 695. Лл. 16–17.
- 170 ПМА. 2003. Л. Крюкова.
- 171 ПМА. 2003. Н. Данилова.
- 172 ГАЧО. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 694. Л. 34; ПМА. 2003.
- 173 ПМА. 2003. С. Каткова.
- 174 ПМА. 2003. Л. Крюкова.
- 175 Скачко А.Н. Проблемы Севера // Советский Север. 1930. № 1. С. 11–12.
- 176 О культурном и социалистическом строительстве на примере нивхов Сахалина см. также: Grant В. In the Soviet House of Culture...
- 177 ГАЧО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 11. Л. 60.
- 178 ГАЧО. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 57. Л. 80.
- 179 Ковязин Н.М., Кузаков К.Г. Советская Эвенкия... С. 64.
- 180 ГАЧО. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 57. Лл. 78–79.
- 181 Василевич Г.М. Витимо-Тунгир-Олёкминские тунгусы. С. 112; Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 18.
- 182 ГАЧО. Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 318. Л. 90.
- 183 См. аналогичные выводы по ненецким материалам: Лярская Е.В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала). Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. СПб., 2003. С. 60.
- 184 ГАЧО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 652а. Л. 6.
- 185 Турченко В.Н., Траскунова М.М., Еремин С.Н. О совершенствовании системы образования и подготовки к труду молодежи в условиях Советского Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск, 1986. С. 124–128.

-
- 186 ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 652а. Л. 9.
- 187 ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 712а. Л. 36.
- 188 ПМА. 2004. П. Кузьмин.
- 189 ПМА. 2003. Н. Данилова.
- 190 Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки. С. 92.
- 191 ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 652а. Лл. 1, 9.
- 192 Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. С. 10.
- 193 Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории... С. 70–71; ПМА. 2002, 2003.
- 194 ГАЧО. Ф. Р–612. Оп. 1. Д. 57. Л. 78.
- 195 Habeck J.O., Donahoe B., Gruber S. Constellations of Culture Work in Present-Day Siberia // *Reconstructing the House of Culture: Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond*. Oxford; N.Y., 2011.
- 196 Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. Улан-Удэ, 1994. С. 134; Бойко В.И., Еремин С.Н., Белошапкина В.Н. Новосибирск, 1979. С. 125–126.
- 197 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 18. Лл. 2–3.
- 198 См. постановления ЦК КПСС и Совета Министров «О мерах по дальнейшему улучшению культурного обслуживания населения» и «О мерах по дальнейшему развитию самостоятельного художественного творчества».
- 199 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 18. Л. 1; Соскин В.Л. (ред.). Культурное строительство в Сибири, 1941–1977. Новосибирск, 1987. С. 109, 163.
- 200 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 18. Лл. 2, 3–6; Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 712а. Л. 33.
- 201 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.
- 202 ГАЧО. Ф. Р–617. Оп. 1. Д. 712а. Л. 33.
- 203 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 12. Л. 2; Д. 18. Л. 1.
- 204 Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. С. 134; Воскобойников М.Г. Некоторые данные по этнографии эвенков Бурятии // *Этнограф. сб.* Вып. 2. Улан-Удэ, 1961. С. 42.
- 205 ПМА. 2003, 2004.
- 206 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 19. Лл. 2–3.
- 207 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.
- 208 ПМА. 1999, 2003.
- 209 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 19. Л. 3.
- 210 ПМА. 2002–2004.
- 211 ПМА. 2003. С. Каткова.
- 212 ПМА. 2004. П. Кузьмин.
- 213 ПМА. 2003. М. Сынгалаева.
- 214 ПМА. 2003. Л. Крюкова.
- 215 ГАЧО. Ф. Р–2283. Оп. 1. Д. 17. Л. 1.

²¹⁶ Grant B. In the Soviet House of Culture...P. 16.

²¹⁷ Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории...С. 60; Туголуков В.А Эвенки бассейна реки Турухан // Социальная организация и культура народов Севера. М., 1974. С. 73.

²¹⁸ ПМА. 2000.

²¹⁹ ПМА. 2002. П. Мальчакитов.

²²⁰ ПМА. 2004. П. Кузьмин.

²²¹ ПМА. 2002. М. Юшкевич.

Глава 2. ЭВЕНКИ СЕВЕРА ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КРАЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Современная этнодемографическая ситуация

В постсоветский период расселение, национальный состав населения, демографическая ситуация и межкультурные взаимодействия на территории проживания эвенков севера Забайкальского края претерпели ряд трансформаций. К негативным изменениям, связанным, прежде всего, с социально-экономическими реформами и кризисом 1990-х гг., относились деградация социальной инфраструктуры, высокая смертность и низкий уровень здоровья коренного населения, межэтническая напряженность и конкуренция за право доступа к природным ресурсам. Вместе с тем за прошедшее десятилетие наблюдалась относительная стабилизация социально-демографических показателей среди забайкальских эвенков вследствие укрепления российской экономики и незначительного повышения уровня жизни населения Севера в целом.

Инфраструктура мест компактного проживания эвенков

Эвенки, населяющие северные районы Забайкальского края, являются потомками объякученных родов *Ынгьлас/Ингелас/Инелас* (Курбалтуновы), *Метакар* (Габышевы), *Якоткар* (Мальчакизовы), а также *Нямагир* (Сынгалаевы) и *Киндигир*, *Букачат/Букачар* (Павловы), *Кэнгэя* (Кузьмины), *Лексигичи* (Урпиуловы), *Ламокоткар* (Кирилловы), *Нагагэн* (Павловы), *Чикагыт* (Трынкины), *Чакиткар* (Трынкины), *Чанниткар* (Павловы), *Улчкиткар* (Чекундаевы), *Лаксыкаир/Лакшикагир* (Максимовы)¹. В Каларском районе в пос. Чапо-Олого, который традиционно считается поселком с заметным якутским влиянием, проживают потомки родов *Метакар*, *Якоткар*, *Нямагир*, *Ынгьлас*, *Букачат*, *Чакигыт*, *Чакиткар*. В пос. Кюсть-Кемда проживают, в основном, эвенки родов *Кэнгэя*, *Лаксыкаир*. Фамилию Кирилловых – потомков рода *Ламокоткар* – носит почти половина жителей эвенкийского поселка Средний Калар. В пос. Неляты, где еще в советский период проживали представители объякученных эвенкийских родов, сегодня основную часть немногочисленного эвенкийского населения составляют метисы, рожденные в якутско-эвенкийских или русско-эвенкийских семьях и не помнящие своей родовой принадлежности по эвенкийской линии.

Сегодня в подавляющем большинстве случаев самоназвание эвенков севера Забайкальского края основано не на родовой, а на *метаэтнической* принадлежности. Основными вариантами самоназвания являются *эвенк* или *орочон* для мужчин и *эвенка* (но не *эвенкийка!*) или *орочонка* для женщин. Сами эвенки не могут четко объяснить, на чем основаны различия между этими двумя самоназваниями. По наблюдениям автора, *орочонами* чаще называют себя эвенки, непосредственно связанные с оленеводством (от эв. *орон* – домашний олень) или являющиеся потомками оленеводов. Эвенкийка из пос. Чапо-Олого, принадлежащая роду *Инепас/Ынгыпас* в интервью говорила:

Происхождение названия эвенки не помню. Просто народ сам себя так назвал. Иногда нас называют орочонами, но мы не орочоны, орочоны живут где-то в других местах. Есть и название тунгусы. Здесь местные нас вообще якутами называют, но я говорю, что якуты живут в Якутии².

Наряду с упомянутыми самоназваниями употребляется этноним *тунгусы*. В Тунгокоченском районе тунгусами называют потомков местного оседлого метисированного населения. Очевидно, здесь информанты имеют в виду южную группу нерчинских эвенков, перешедших на оседлость и занятие сельским хозяйством в досоветский период и начавших активно вступать в браки с бурятами и русскими еще в XVII–XIX вв³. Зона расселения этой группы эвенков включала юг Тунгокоченского района и граничила с территориями кочевых северных групп эвенков:

Сейчас эвенки-то метисированы. Тогда-то еще национальные эвенки были: язык знали, быт знали. Сейчас эвенками-то пишутся все, кто раньше русскими писались, тунгусы все...Мы их называем тунгусами, потому что они давно жили оседло, а мы же, эвенки, все время кочевали⁴.

У эвенков севера Забайкальского края сохраняется обычай определения названия и самоназвания по месту жительства – по названию поселка, колхоза, реки или местности. Например, термин *чапинские* относится к эвенкам, проживающим в пос. Чапо-Олого, *каларские* – к выходцам из Среднего Калара, *чарские* – к эвенкам, кочующим или кочевавшим по р. Чара и/или живущим в настоящее время в селе Чара⁵.

По сравнению с советским периодом картина расселения эвенков изменилась. Например, в Каларском районе в результате укрупнения поселков были закрыты привитимские села Бахтарнак, Сюльбан и Догочан. В более крупных поселках изменения произошли в соотношении эвенкийского и неэвенкийского населения. В 1990-х годах эвенкийское население севера Забайкальского края компактно проживало в следующих населенных пунктах: Каларский район – пос. Чапо-Олого (156 чел.), пос. Кюсть-Кемда (150 чел.), пос. Средний Калар (106 чел.), пос. Неляты (81 чел.); Тунгокоченский район – пос. Верх. Усугли (17 чел.), пос. Зеленое Озеро (23 чел.), пос. Юмурчен (10 чел.), пос. Красный Яр (3 чел.), пос. Усть-Каренга (25 чел.), пос. Тунгокочен (72 чел.); в Тунги́ро-Оле́кминском районе – пос. Заречное (70 чел.), пос. Тупик (57 чел.), пос. Моклакан (108 чел.), пос. Гуля (32 чел.), пос. Средняя Олёкма (53 чел.)⁶.

Население Каларского района в целом отличается этническим разнообразием. Кроме русских, в этнической мозаике севера Забайкалья присутствуют и другие группы коренного населения (буряты, якуты). Проживают здесь также представители многих других этнических групп, населяющих нынешнее постсоветское пространство, мигрировавшие на Север из Украины, Белоруссии, Прибалтийских государств, Кавказа, в основном, в период строительства Байкало-Амурской магистрали. Например, в самом крупном национальном поселке Чапо-Олого в 1995 г. всего проживало 274 чел., из которых было 147 эвенков, 63 русских, 10 бурят, 6 якутов, 4 украинца, по 1 представителю осетин, башкир, татар, белорусов, шорцев и 11 человек с неуказанной национальностью. В пос. Неляты эвенки представляют третью по численности (после русских и якутов) этническую группу. К поселкам с преобладающим некоренным населением, где удельный вес эвенков значительно меньше, чем в эвенкийских поселках, здесь относятся пос. Чара (66 эвенков), пос. Икабья (13 эвенков), пос. Новая Чара (11 эвенков) и пос. Куанда⁷. Во всех населенных пунктах, даже в национальных поселках, где они составляют большой процент населения, эвенки составляют меньшинство и живут в условиях тесных межэтнических контактов.

Тогда [в советское время] у нас много было эвенков... Теперь из тех, кто пишется эвенками, остались только Егоровы. Было и много

других национальностей – украинцы, грузины, русские, литовцы, латыши... – вспоминает эвенкийка, жительница с. Неляты Л. Крюкова⁸.

В Тунгокоченском районе, где местное эвенкийское население на протяжении нескольких веков проживало в условиях тесных межэтнических отношений с бурятами и русскими, степень метисации эвенков более высокая, чем в двух других северных районах. Вот как рассуждает об этнической принадлежности и идентичности современных эвенков преподаватель эвенкийского языка Верх-Усуглинской школы:

Эвенков мало становится очень; еще ведь много смешанных браков. Сейчас у нас идет 3-4 поколение метисов, у которых может быть, еще остался разрез глаз – а он, может быть, и опеня в глаза не видел. И потом в сознание раньше вбивали то, что стыдно было быть эвенком. Но сейчас немного все поменялось в обратную сторону – люди перестали стыдиться⁹.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. из 1271 эвенка, зарегистрированного на территории бывшей Читинской области, 1169 человек или 92% составляли сельское население и лишь 102 человека или 8% – городское¹⁰. На 1 января 2009 г. в сельской местности северных районов Забайкальского края проживало 1121 представителей КМНС, в т.ч. 1115 эвенков¹¹. Таким образом, урбанизация севера Забайкальского края (прежде всего, Каларского района), связанная с началом строительства БАМа в 1970-х годах., не способствовала заметному увеличению городского населения среди эвенков. Официально в Каларском районе к городским поселениям относится пгт. Новая Чара (основана в 1979 г.), в которой в 2002 г. проживало 37% всего населения района и лишь около двух десятков эвенков¹². В Тунгокоченском районе к поселкам городского типа относится Вершино-Дарасунский, в котором на 01.01.2010 проживало лишь 9 эвенков¹³. В Тунгиро-Олёкминском районе городских поселений нет.

Подавляющее большинство эвенков севера Забайкальского края сегодня живет в сельской местности. «Городские» эвенки, как правило, продолжают заниматься огородничеством на приусадебных участках и вести образ жизни, мало чем отличающийся от сельского. Миграции эвенкийского населения происходят, преимущественно, в пределах трех северных районов по осям «тайга-поселок» и «поселок-поселок».

В единичных случаях зажиточные эвенкийские семьи покупают и регистрируют на имя своих детей квартиры в многоквартирных домах в поселках городского типа, продолжая жить в частных домах в селах. Представители старшего и среднего поколения не представляют себе жизни в городских условиях. Однако модели поведения и потребления, идеалы и культурные ценности горожан, транслируемые СМИ, приобретают всё большее распространение среди эвенкийской молодежи, несмотря на то, что большинство ее проживает в сельской местности¹⁴. Как и в других регионах российского Севера, на севере Забайкалья процессы урбанизации и глобализации постепенно ведут к нивелировке различий в образе жизни и мировоззрении сельского и городского населения КМНС¹⁵, особенно если речь идет о молодежи.

Достоверные данные о количестве эвенкийского населения, ведущего неоседлый образ жизни отсутствуют. Драматические социально-экономические изменения двух последних десятилетий привели к тому, что подавляющее большинство эвенков утратило кочевой образ жизни как форму адаптации к геобиоценозам Севера. По статистике, в Читинской области в 1969 г. кочевой образ жизни вело три хозяйства (15 чел.), в 1970 г. – пять (21 чел.), в 1980 г. – одно (один человек) и в 1992 г. – три человека. В последующие годы кочевых хозяйств официально зарегистрировано не было. По другим данным, на севере Забайкальского края в 2004 г. кочевало 10-15 эвенков-оленьеводов. Такая противоречивость данных связана с формализмом и неточностью статистического учета неоседлого населения в России в целом¹⁶.

По нашим сведениям, полукочевой и кочевой образ жизни в Каларском районе ведут несколько оленеводческо-промысловых хозяйств. В 2011 г. на территории района официально было зарегистрировано две общины КМНС («Бэюн» и «Геван») и одно сельскохозяйственное предприятие (ООО «Токи»), занимающееся развитием традиционных отраслей¹⁷. Самое крупное из хозяйственных объединений каларских эвенков – община «Геван». Несколько человек, работающих в общине, кочует круглый год, в то время как остальные ведут полукочевой/полусоседный образ жизни, проводя часть времени в поселке. Менее крупные, не зарегистрированные семейные хозяйства, представляющие, как правило, пожилыми парами, почти постоянно ведут кочевой образ жизни в тайге¹⁸. При этом все кочующие эвенки имеют постоянную регистрацию в поселках, где проживают их родственники.

В Тунгокоченском районе на 2011 г. действовало две зарегистрированных общины КМНС («Гирки» и «Тунгир»), три ООО («Боюн», «Каренга», «Тунгокоченпромохота») и ОП СПК «Тайга»¹⁹. Согласно моим полевым материалам, кочевой образ жизни ведут члены крупнейшего оленеводческого хозяйства «Боюн», в то время как другие объединения развивают, в основном, охотничий промысел.

В Тунги́ро-Оле́кминском районе, по официальным данным, в 2011 г. была зарегистрирована община КМНС «Таежный путь»²⁰. Однако, по рассказам информаторов, неоседлый образ, ведут лишь единицы представителей старшего поколения, а само оленеводство находится на грани исчезновения²¹.

В Каларском районе часть населенных пунктов, в которых проживает эвенкийское население, расположена в притрассовой зоне БАМа. Другая часть находится от железной дороги на расстоянии от 4 до 10 км. Самыми труднодоступными населенными пунктами, с которыми в советское время поддерживалось регулярное воздушное сообщение, являются поселок Средний Калар, расположенный в глубине тайги, и привитимский поселок Неляты. Пос. Новая Чара, который первоначально строился как одна из узловых железнодорожных точек БАМа, сегодня самый крупный населенный пункт района, где проживает больше половины всего населения, расположены самые крупные магазины, единственная на весь район гостиница, больница, почта и другие «блага цивилизации». В пос. Куанда находится районная школа-интернат, где сегодня обучается большинство эвенкийских детей из отдаленных поселков района. Основателями железнодорожного поселка Икабья, основанного в 1980 г., считаются строители БАМа из Украины и Грузии. Сегодня, в здесь проживает около 500 чел., в т.ч. русские, эвенки, украинцы и представители этнических групп, мигрировавшие с Кавказа.

Одно из основных мест компактного проживания каларских эвенков, национальный поселок Чапо-Олого, расположено в 4-5 км от железнодорожного полотна БАМа. Несмотря на то, что пос. Чапо-Олого находится вблизи от районного центра, еще в 2004 г. регулярное автобусное сообщение с ним отсутствовало. Основными средствами передвижения здесь являются личные автомобили, транспорт местной администрации и рабочие поезда, останавливающиеся на ближайшем переезде 1-2 раза в день. Байкало-Амурская магистраль является ос-

новой транспортной артерией района, связывающей расположенные вблизи северные поселки с остальным миром.

С пос. Кюсть-Кемда, расположенным в 20 км от Новой Чары, в отличие от Чапо-Олого, действует постоянное автобусное сообщение. Из Новой Чары в Кюсть-Кемду раз в день курсирует автобус и автотранспорт районной администрации.

Пос. Неляты расположен вблизи границы с Республикой Бурятия, в 4 км. от пос. Муя и в 40 км. от пос. Куанда. В советское время регулярно совершались авиарейсы «Чита-Муя», а также автотранспортные перевозки по зимникам в холодное время года и на водном транспорте (паромах, баржах, моторных лодках) по р. Витим летом. После распада системы транспортного сообщения, обветшания совхозных средств передвижения в период перестройки связь с «цивилизацией» стала доступна только тем жителям поселка, у которых есть личные моторные лодки и автомобили²².

Более сложная ситуация сложилась в поселках, значительно удаленных от райцентра и других населенных пунктов. Отдаленный пос. Средний Калар находится в 75 км. от ближайшей железнодорожной станции Суюльбан и в 120 км. от районного центра. Существовавшее в советское время регулярное воздушное сообщение с поселком прекратилось в результате резкого повышения цен на топливо и керосин. Местный мини-аэродром порос травой, а сам поселок и его жители оказались практически отрезанными от внешнего мира.

В двух других северных районах – Тунгино-Олёкминском и Тунгокоченском – основной транспортной артерией является Восточно-Сибирская железная дорога, проходящая по их территории. Однако в отличие от Каларского района населенные пункты, в которых проживают эвенки, здесь более удалены от железной дороги. В декабре 2009 г. было возобновлено воздушное сообщение с Тунгокоченским районом, прекращенное из-за нехватки средств. В настоящее время, благодаря дотациям краевой администрации, из Читы два раза в неделю выполняются рейсы в пос. Тунгокочен и другие поселки района. С административным центром Тупик, в отличие от других поселков Тунгино-Олёкминского района, сегодня поддерживается автобусное сообщение. Однако проблема регулярного сообщения с отдаленными поселками (Гуля, Заречное, Моклакан, Средн. Олёкма) здесь остается такой же острой, как в пос. Средн. Калар:

В отдаленных поселках, таких же, как Средний Калар, нет никакой администрации, никого нет. Сами по себе живут. Они очень агрессивные, очень воинственные... Некоторые даже не выезжают в интернат – 4 класса закончили и всё. Или 9-10 классов и дома сидят. Это ведь надо же одеваться и детей учить. Это очень трудно. И потом они деградируют. В поселок приезжаешь – я там часто раньше бывала – они даже стесняются выходить на собрание. У них одежды нет – какая-то старая советская одежда, пиджаки остались. Все без зубов – смотреть страшно²³.

В годы социально-экономического кризиса также ухудшилось общение таежных оленеводческих стойбищ с поселками. Вместо вертолетов и вездеходов, с помощью которых осуществлялась заброска людей и продовольствия в тайгу в советское время, основным средством передвижения и транспортировки грузов стал домашний олень. Продовольственное снабжение стойбищ осуществляется, как правило, по железной дороге до станции или железнодорожного разъезда, ближе всего расположенного к оленеводческому стойбищу, после чего груз навьючивается на специально пригнанных оленей. Так, например, оленеводы из общины «Геван» закупают продовольствие и снаряжение в пос. Новая Чара, перевозят закупки по железной дороге до ближайшей к стойбищу станции, а затем доставляют на оленях до места²⁴. В таких условиях олень, как и в досоветский период, стал оптимальной альтернативой дорогостоящим вертолетам и незаменимым транспортным средством для эвенков-оленеводов.

В результате прекращения сообщения между поселками и районными центрами в период перестройки была нарушена система снабжения поселков севера Забайкалья. Наступивший в конце 1980-х – начале 1990-х годов продовольственный кризис больше всего ударил именно по отдаленным поселкам, население которых составляли, в основном, эвенки. В районах проживания забайкальских эвенков особенно заметно уменьшились розничный товароборот, включая питание, и реализация платных услуг населению²⁵. Это привело к нарушению рациона питания эвенков, снижению качества потребляемых продуктов, развитию авитаминозов, дистрофии и других социально обусловленных заболеваний.

Самыми тяжелым были 1991–1993 годы: в магазинах ничего не было, продукты давали по талонам. В 1992-ом году я рожала ребенка, тогда даже пеленки нельзя было купить. Шили все сами, не было нормального питания. Через два года постепенно обстановка начала улучшаться, – вспоминает эвенкийская жительница пос. Чапо-Олого²⁶.

Несмотря на улучшение ситуации со снабжением в начале 2000-х годов в местах компактного проживания эвенков, особенно в отдаленных поселках, по-прежнему отсутствовал регулярный завоз продуктов. Например, в Чапо-Олого эвенкийские хозяйки по-прежнему вынуждены были выпекать хлеб в домашних условиях. В Нелятах, где система снабжения так и не была восстановлена, население искало возможности добраться до Усть-Муи. В этом поселке, расположенном на противоположном берегу Витима на территории Бурятии, они закупали нацененные товары и продукты в частных магазинах мелких предпринимателей.

Раньше был отлаженный завоз продуктов из Читы по зимнику, склады всегда были полными, продавался хлеб всех сортов. Черным хлебом кормили только скот... Раньше [в 1990-х годах] держал магазин предприниматель К., потом он открыл новые магазины, вот, например, в Усть-Муе, и перестал привозить сюда продукты²⁷.

В самой тяжелой ситуации оказались жители Среднего Калара, снабжение которого производится только автотранспортом по зимникам. Местное население радостно встречает редко прилетающие вертолеты районной администрации, санавиации, научных экспедиций, которые не способны удовлетворить потребности жителей в продуктах и товарах. Проблема снабжения таких поселков по-прежнему остается одной из самых актуальных.

В постсоветский период прекратила свое существование и государственная система снабжения таежных оленеводческих поселений. По свидетельствам информаторов, в первые годы кризиса помощь охотникам и оленеводам оказывалась по линии областной Ассоциации коренных малочисленных народов, которая помогала в закупке охотничьего снаряжения и продовольствия:

Сначала Ассоциация заработала: организовывали снабжение охотников продуктами, мукой в обмен на пушнину, способствовали организации общин. Но общины быстро распались, и помощь от АКМНС прекратилась²⁸.

После сокращения финансирования это направление деятельности АКМНС свернулось:

Правительство свою работу не делает, не выделяет свои субсидии северные... Раньше нас спрашивали, куда и что отправить. Да, действительно, Ассоциация участвовала во всем. Она и ружья завозила. Она по всем северным селам ездила, и все равно какая-то помощь оказывалась. А сейчас денег нет, и они варятся в собственном соку, а фактически-то помощи никакой нет²⁹.

Оказавшись без поддержки, эвенки перешли, в основном, на натуральное хозяйство и питание продуктами, получаемыми от охоты и оленеводства. Постепенно выжившие после кризиса хозяйства переходили на самообеспечение и самостоятельную систему снабжения. Сейчас доставляемые в тайгу продукты и промышленные товары хранятся на перевалочных базах – обычно в лабазах, расположенных в тайге в укромных местах, известных только членам хозяйства.

Сейчас живем за счет оленеводства, которое совмещаем с другими занятиями по сезонам. Продукты закупаем – чай, сахар, крупы, макароны, муку, курево. Закупаем продукты в Чаре, потом нанимаем машину, везем на поезде до станции и на оленях. Иногда часть продуктов храним на перевале у машинистов. Некоторые из них – друзья, знакомые, бывшие одноклассники, – говорит хозяйка эвенкийского оленеводческого хозяйства Н. Данилова³⁰.

Последствия социально-экономического кризиса оказали большое негативное влияние не только на систему сообщения и снабжения поселков, в которых проживает коренное население севера Забайкальского края, но и на всю социальную инфраструктуру, включая жилые дома, медицинские, воспитательные, образовательные и культурные учреждения. Так, в 1990-х годах обеспеченность коренного населения севера Забайкалья жильем, больницами, врачами, существенно отставала от соответствующих показателей остального населения³¹. Трансформации медико-лечебной инфраструктуры были вызваны де-

градацией основных систем жизнеобеспечения, в т.ч. системы транспортного сообщения. В годы социально-экономического кризиса связь с отрезанными от внешнего мира эвенкийскими поселками осуществлялась лишь по рации. Традиционно действовавшая в «северном» здравоохранении цепочка «фельдшерско-акушерский пункт – центральная районная больница – областная клиническая больница» была разрушена в связи с неуккомплектованностью ФАПов, задержками рейсов санавиации, повышением закупочных цен на лекарственные препараты и сокращением их ассортимента. В 1990-х годах также прекратились регулярные выезды бригад медиков в эвенкийские поселки для профилактических осмотров местного населения. В 1995-1999 гг. сворачивалась медико-лечебная инфраструктура забайкальского Севера, сокращалось количество медицинского персонала и ухудшалось качество обслуживания (диаграмма 4). Несмотря на отток приезжего населения, показатели численности населения на одного врача на севере Забайкальского края были выше средних по краю³².

Проблема восстановления системы медицинского обслуживания в районах проживания эвенков, особенно на таёжных поселениях и в отдаленных поселках, все еще актуальна. В 2003 г. в Каларском районе работало всего 11 врачей 48 представителей среднего медперсонала на более чем на 10000 населения³³. Например, в пос. Чапо-Олого работал ФАП, в распоряжении которого имелся лишь минимальный набор лекарственных препаратов, при полном отсутствии условий для оказания экстренной помощи, принятия родов и т.п. При этом количество посещений за одну смену достигало в среднем 10 человек³⁴.

Медицинское обслуживание – ФАП; проверяет нас комиссия из района и комиссия из Читы один раз в год. Население болеет, большие проблемы с зубами. Приезжают терапевты, невропатологи; к стоматологу попасть сложно³⁵.

Однако, в других поселках, например, в Нелятах, из-за отсутствия кадров даже ФАП работает нерегулярно, поэтому больные люди и беременные женщины заблаговременно отправляются в райцентр на попутных средствах передвижения:

Много людей погибает, женщинам рожать негде – фельдшер ушел в отпуск. За роженицами приезжают из Чары, – говорила жительница пос. Неляты³⁶.

Одной из основных социальных проблем, по всеобщему мнению населения Нелят, является отсутствие какой-либо медицинской помощи, профилактических медицинских осмотров.

В начале 2000-х годов кочующее эвенкийское население практически не было охвачено медицинским обслуживанием. С некоторыми стойбищами и отрезанными от «цивилизации» поселками связь осуществлялась только по рации. Но даже в этих случаях не было возможности оказания экстренной помощи больным из-за высоких цен на топливо и отсутствия необходимого авиатранспорта³⁷. Единственным выходом в данной ситуации являлась транспортировка больного на оленях до ближайшей железнодорожной станции или населенного пункта.

По официальным данным за 2010 г. медицинское обслуживание местного населения трех северных районов улучшилось. В Тунгокоченском районе в рамках национального проекта «Здоровье» проводилось оснащение медицинских учреждений диагностическим оборудованием, проводилась вакцинопрофилактика и лечение больных ВИЧ и гепатитами, а также диспансеризация работающего населения, профилактика социально обусловленных заболеваний. В Каларском районе в 2009 г. специалисты центральной районной больницы вели профилактический прием населения, а в Тунгиро-Олёкминском районе бригады врачей выезжали в отдаленные села для проведения обследования населения³⁸. Такие показатели, как количество врачей, средних медицинских работников и коек в лечебных учреждениях почти равны средним по краю (Каларский район) или даже превышают их (Тунгиро-Олёкминский и Тунгокоченский районы) (диаграмма 5).

В ряду острых социальных проблем эвенков находится квартирный вопрос. Большинство эвенков, перешедших на оседлость еще в советский период, сегодня проживает в срубных избах русского типа, составлявших планировку национальных поселков. В период активного строительства на Севере жилых домов и культурно-бытовых учреждений строительная промышленность была недостаточно развита. Строительство велось хозяйственным способом из местных строительных материалов, которые не позволяли применять современные планировочные и конструктивные решения и не учитывали природно-климатических условий Севера и бытовых особенностей его населения³⁹.

Например, в пос. Чапо-Олого в период активного строительства (1980-е–1990-е годы) в эксплуатацию вводились более просторные по площади двухкамерные дома, в которые переехали многие эвенкийские семьи. Однако эти дома строились наспех, без учета климатических и ландшафтных особенностей местности, в которой находится поселок. В результате во многих домах отсутствовало необходимое для северной зимы утепление, а пол и стены отсыревали и покрывались грибком из-за болотистой почвы, на которой закладывался фундамент. В таких условиях одни семьи сами доделывали ремонт и утепление комнат, другие вынуждены были переезжать в свои старые дома. Так, в 2003 г. на каждого эвенка в пос. Чапо-Олого приходилось по 15,6 кв. м. жилья, но при этом общий износ жилого фонда составлял 70%⁴⁰.

После перестройки появилась проблема со строительством и жильем. Старые постройки разбираются на доски и стройматериалы для ремонта жилых помещений. В домах грибок, сырость, требуется ремонт, – утверждают эвенки из пос. Чапо-Олого⁴¹.

Во многих поселках севера Забайкальского края, где компактно проживают эвенки, проблема изношенности жилья является очень актуальной. Председатель сельской администрации пос. Тунгокочен в интервью с ним подчеркивал, что основной проблемой в поселке является ветхость жилого фонда. Основная часть жилья, в котором проживают эвенки, была построена еще в 1932 и 1938 гг. В Тунгокоченском районе на 01.01.2010 в жилье нуждалось 26 семей. Они ожидают выделения субсидий на строительство новых домов или проведение капитального ремонта по программе «Экономическое и социальное развитие КМНС», по которой в 2009 г. из районного бюджета была выделена лишь 31 тыс. руб. на ремонт домов⁴². Эвенкийские семьи, в которых супруги еще не достигли 35-летнего возраста, также стоят в очереди на улучшение жилищных условий по федеральной программе «Молодая семья». Однако материальная поддержка, оказываемая населению по этим программам, а также разовая помощь поселковых администраций (например, выделение бесплатных строительных материалов), не могут существенно удовлетворить потребностей местного населения в улучшении жилищных условий⁴³.

Кроме домов, в планировку северных поселков входят здания административных и общественных учреждений – сельсоветы, дома

культуры, детские сады и школы, а также магазины, почта, баня, хозяйственные постройки. Однако не все эти здания сохранились и продолжают работать с советского времени. В пос. Чапо-Олого, например, работают поселковая администрация, ДК, начальная школа, детский сад и новый магазин на окраине поселка. Остальные здания – почта, пекарня, пилорама, баня, переставшие функционировать вместе с распадом совхозов, были разобраны местным населением на дрова и строительство подсобных помещений на своих участках. Многие другие здания нуждаются в ремонте и установке современного оборудования.

Осталась проблема с технической оснащённостью школ – недостаточно места для занятий, нет спортивных снарядов и зала для занятия физкультурой. Сейчас дети физически неразвиты, – сообщает одна из опытных преподавателей Чапо-Ологской школы М. Сынгалаева.

В пос. Неляты из-за массового оттока населения, недостатка кадров и средств для финансирования основных социальных структур поселка в последние годы, сложилась критическая ситуация. На грани закрытия находится местная начальная школа, детский сад, почта:

Все боятся закрытия школы. Не будет школы и света – все отсюда уедут. Останутся такие же пенсионеры, как я, которые не могут бросить землю⁴⁴.

Оленеводческие стойбища и охотничьи стоянки в тайге образуют другую инфраструктуру и другой вид культурных ландшафтов⁴⁵. К ним относятся хозяйственные изгороди, загоны, теневые навесы для оленей, оставшиеся со времен совхозов, и т.н. «олeneводческие комплексы», построенные в 1980-х годах и включающие щитовые восьмигранные избушки (по форме напоминающие юрту или ярангу), бани, амбары и срубные избы для оленеводов и охотников. Все эти постройки сегодня используются по-разному. Например, на территориях общины «Геван» находятся несколько срубных домов на т.н. основных поселениях, оленеводческие комплексы и другие хозяйственные сооружения, например, лабазы и амбары. По словам членов общины, вдоль р. Читканда, по которой проходит маршрут их кочевания, находятся четыре комплекса, в которые входят щитовой дом, баня, два лабаза и другие сооружения. Однако оленеводы не живут на этих комплексах

постоянно, используя их, в основном, для хозяйственных нужд – хранения одежды, вещей, запасов продуктов. Срубные избы вблизи действующих поселений зимой иногда используются вместо бань⁴⁶. Члены другого эвенкийского семейного хозяйства живут на одном из таких комплексов на протяжении трех месяцев. Глава хозяйства Н. Данилова объясняла такое длительное пребывание в постройке своим плохим самочувствием и подчеркивала неудобства, связанные с жизнью на этом стойбище:

А этот комплекс очень холодный, мы его утепляли матрасами. Комплекс построили в 1984 г. Мы достраивали городьбу, настилы, небольшой домик – 6 км отсюда⁴⁷.

Основным переносным жилищем эвенкийских оленеводов и охотников во все времена года служит обыкновенная армейская брезентовая палатка или чум, покрытый современными материалами или тканями, реже – шкурами. Остов палатки сооружается из готовых жердей, оставленных в тайге на заброшенных поселениях. В центре эвенкийской палатки находится железная печка, которая во многих местах вытеснила очаг *гулувун* еще в досоветский период⁴⁸. Эвенкийский чум *дю* устанавливается традиционным способом. В систему хозяйственных построек поселений эвенков-олeneводоов также входят изгороди и загоны для оленей. В загонах на ночь закрывают телят, спасая их от хищников. Изгороди ставят с целью отгораживания пригодных для домашних оленей пастбищ от опасных мест (обрывов, рек), контроля над передвижениями стада, а в последнее время и для обозначения границ территорий, закрепленных за разными пользователями⁴⁹.

В целом материально-техническая база оленеводства и охотпромысла, которая обеспечивалась в советское время государством, к сегодняшнему дню в значительной степени износилась и устарела, а средств на приобретение новой техники и инвентаря у большинства охотничье-промысловых и оленеводческих хозяйств эвенков нет. Например, среди техники, принадлежащей общине «Геван» – рация устаревшей модели, ружья, мелкокалиберная винтовка ТОЗ и новая электростанция, работающая на бензине. А многие другие хозяйства не имеют и этих предметов.

Жесткие бытовые условия, отсутствие утепленных жилых построек или палаток/чумов, изготовленных с использованием традиционных

материалов, недостаток промышленных товаров и слабая, значительно отстающая от современных стандартов техническая оснащенность хозяйств, делают практически невозможным выживание в тайге людей, морально или физически не подготовленных к таким условиям.

Насущный вопрос строительства нового жилья и зданий для государственных учреждений, а также восстановления социальной инфраструктуры северных поселков сегодня стоит на повестке дня. Так, в рамках ФЦП «Экономическое и социальное развитие КМНС до 2011 г.». был намечен комплекс мероприятий, направленных на развитие социальной сферы и улучшение качества медицинского обслуживания коренных народов, ремонт и реконструкцию жилищного фонда, объектов социально-культурной сферы, решение проблем занятости. Реализация этих мероприятий, однако, должна была проводиться, преимущественно, за счет средств регионального бюджета. В Каларском районе в 2003 г. планировалось: изготовление изгороди для оленей в пос. Средний Калар, оборудования для хозяйств в пос. Чапо-Олого и грузового транспорта и радиостанций в селах Чара, Средний Калар и Неляты. В перечне строек на севере Читинской области на 2003 г. было указано строительство объектов непроизводственного назначения и жилья. В рамках этой же программы в Тунгокоченском районе в 2007–2010 гг. было запланировано строительство 14 домов, а также строительство оленеводческих баз⁵⁰. Краевая программа на 2010–2012 гг. предусматривает строительство и приобретение многоквартирных жилых домов для граждан из числа КМНС в целях переселения из ветхого и аварийного жилья в Каларском, Тунгокоченском, Тунгиро-Олёкминском районах. На этот же период запланировано строительство интерната в пос. Тунгокочен и Центра эвенкийской культуры, а также оборудование общественных пунктов доступа в Интернет⁵¹.

В действительности проконтролировать реализацию федеральной, краевой и районных программ социально-экономической поддержки КМНС сложно в связи с «непрозрачностью» механизмов поступления средств федерального трансферта и дефицитом областного и районного бюджетов. Данные, полученные в ходе полевых исследований, говорят о том, что мероприятия, направленные на восстановление и развитие социальной инфраструктуры в местах компактного проживания эвенков, слабо финансируются, выполняются несвоевременно, а механизмы их реализации остаются неясными для местного населения.

Социально-демографические показатели и уровень здоровья

В постсоветский период численность, основные демографические показатели и уровень здоровья эвенков севера Забайкальского края подвергались значительным флуктуациям, обусловленным общими социальными потрясениями, ухудшением экономического положения в стране, и особенно на Севере во время перестройки и в последующие годы. На 1 января 1991 г. в северных районах – Каларском, Тунгиро-Олёкминском и Тунгокоченском – проживало 1084 эвенка (2,5% от общего населения). В 1991-1999 гг. численность представителей КМНС севера Забайкальского края колебалась в пределах 1018 – 1085 человек (табл. 9)⁵².

В последнее десятилетие численность и этническое разнообразие КМНС в Забайкальском крае увеличивалась. Росло и число эвенков в трех северных районах. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., численность коренных малочисленных народов Севера в Забайкальском крае составила 1596 человек (0,14% от общей численности населения региона). Из 20 этнических групп, относящихся в КМНС, наиболее многочисленными были эвенки (1492 чел.), за которыми следовали эвены (35 чел.). При этом две трети от общей численности эвенкийского населения составляли северные группы, населяющие Каларский, Тунгокоченский и Тунгиро-Олёкминский районы. В 2003–2009 гг. численность эвенков Забайкальского края выросла с 1076 до 1109 чел. (диаграмма б). В Каларском районе проживало 43,7% от общей численности эвенков, в Тунгокоченском – 29,6%, в Тунгиро-Олёкминском – 26,7%⁵³. В 2010 г. представители КМНС севера Забайкальского края составляли 1143 чел. или 4,6% от всего населения северных районов (табл. 10).

Как известно, рождаемость – индикатор, позволяющий описать одну из важнейших составляющих воспроизводства этнической общности, процесс замены одного поколения другим. На уровень рождаемости влияют многие факторы: тип семьи (в больших семьях рождаемость выше), социально-экономические факторы (уровень образования, культуры, благосостояния супругов), степень урбанизации, профессиональные занятия, обуславливающие психологические установки людей в отношении рождения детей⁵⁴. В постсоветский период ситуация с рождаемостью КМНС во многом определялась процессом перехода от тра-

диционного к современному типу воспроизводства населения. Этот «демографический переход» основан на изменении норм детности в сторону ее снижения (отход от традиции многодетности), процессах естественной ассимиляции, увеличении числа неполных семей, нестабильности браков, распространении планирования семьи⁵⁵.

В 1990-е годы показатели рождаемости среди эвенков севера Забайкальского края отражали не только тенденцию демографического перехода, но и ситуацию социально-демографического кризиса в стране. В 1991–1999 гг. среди эвенков происходило снижение рождаемости: от 23,9‰ в 1991 г. до 14,7‰ в 1999 г. (табл. 9)⁵⁶.

В последнее десятилетие в Забайкальском крае наметилась тенденция роста уровня рождаемости. Так, в 2004 г. этот показатель среди эвенков составил 11,1‰, превысив показатель рождаемости общего населения на 0,6‰. В частности, наиболее высокой была рождаемость среди эвенков Каларского района (15,7‰) по сравнению с 12,2‰ по району в целом; в Тунгокоченском районе рождаемость среди эвенков понизилась до 7,1‰ по сравнению с 9,6‰ по району в целом, в Тунгиро-Олёкминском – до 6,8‰ по сравнению с 7,2‰ по району в целом⁵⁷. В 2010 г. коэффициент рождаемости у эвенков составил: в Каларском районе – +21,7‰, в Тунгокоченском – +16,0‰, в Тунгиро-Олёкминском – +13,7‰ (табл. 11). Такой сравнительно высокий уровень рождаемости в последние годы открывает перспективы роста численности эвенков и косвенно свидетельствует о стабилизации социально-экономической ситуации в местах компактного проживания КМНС, по крайней мере, в наиболее благополучных северных поселках Забайкальского края.

Говоря о естественном движении населения в постсоветский период, исследователи единодушно признавали высокий уровень смертности среди коренных народов Севера РФ. Уровень смертности эвенков севера Забайкальского края отражал отмеченные тенденции, колеблясь от 8,6‰ в 1991 г. до 13,8‰ в 1999 г.⁵⁸ В 2004 г. смертность среди эвенков севера Забайкальского края в среднем составила 11,1‰ по сравнению с 12,4‰ для трех северных районов в целом. Показатели смертности у эвенков были ниже, чем у некоренного населения Каларского района – 7,8‰ по сравнению с 8,7‰ и в Тунгиро-Олёкминском районе – 10,3‰ по сравнению с 13,9%. Лишь в Тунгокоченском районе смертность среди эвенков – 17,8‰ – была выше, чем по району в це-

лом – 14,8‰⁵⁹. В 2010 г. самый высокий среди северных районов уровень смертности эвенков был зарегистрирован в Тунгокоченском районе (18,6‰), а самый низкий – в Тунги́ро-Олёкминском (8,6‰).

Уровень младенческой смертности среди эвенкийского населения в 1992 г. составил 103‰. В 1994 г. среди эвенков северных районов умерло 12 чел., в т.ч. 8 в трудоспособном возрасте, в 1995 – 8 и 5, в 1996 – 13 и 8, в 1997 – 8 и 4, в 1999 – 15 и 9 соответственно⁶⁰. Коэффициент смертности среди эвенков в 2008 г. составил 13,3‰ (оптимальная величина – 7-8‰), что, тем не менее, было ниже показателя смертности в регионе. Еще одной отличительной особенностью эвенкийского населения севера Забайкальского края, как и КМНС в других регионах, является сверхсмертность мужчин⁶¹. В связи с этим в общей численности лиц старше трудоспособного возраста в 2007 г. мужчин было в 4,4 р. меньше женщин, а в 2008 г. – в 2,6 раз. Высокий уровень смертности эвенков, особенно, молодых мужчин трудоспособного возраста не способствует увеличению продолжительности жизни среди эвенкийского населения.

Хотя показатели смертности КМНС приближались к соответствующим показателям некоренного населения северных районов, отличительной чертой являлась структура смертности. Если среди причин смерти жителей края и России в целом первое место занимают болезни системы кровообращения, то у эвенков – смерть от внешних причин. В 1994–1999 гг. в структуре смертности коренного населения севера Забайкальского края большой удельный вес имели несчастные случаи, отравления и травмы, убийства и самоубийства, за которыми следовали заболевания системы кровообращения, бронхо-легочной системы, онкологические заболевания (табл. 12). При этом смертность от внешних причин и до 35-40% смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы были связаны с употреблением алкоголя, особенно лицами трудоспособного возраста⁶².

В 1990-х годах темпы естественного прироста малочисленных народов российского Севера резко снизились, достигая в отдельных случаях отрицательных значений. Среди эвенков севера Забайкальского края коэффициент естественного прироста оставался нестабильным, снизившись с 15,3‰ в 1991 г. до 0,0‰ в 1999 г.⁶³. В 2004 г. коэффициент естественного прироста эвенков в трех северных районах Забайкальского края составил 0‰ по сравнению с –1,9‰ для общего насе-

ления. Лишь в Каларском районе наблюдалась устойчивая положительная динамика естественного прироста как общего (3,5‰), так и коренного малочисленного (7,9‰) населения, что было обусловлено сравнительно низкой смертностью. В двух других северных районах динамика прироста населения была практически нулевой вплоть до середины 2000-х годов. В Тунгокоченском районе негативная демографическая ситуация сложилась в результате высокой смертности, прежде всего, коренного эвенкийского населения: коэффициент естественного прироста там составлял $-10,7‰$ среди эвенков по сравнению с $-5,2‰$ среди всего населения. В Тунгиро-Олёкминском районе коэффициент естественного прироста был равен $-3,5‰$ среди эвенков по сравнению с $-6,7‰$ среди всего населения района⁶⁴. В последние пять лет десятилетие наметилась устойчивая положительная динамика естественного прироста среди эвенков за счет превышения рождаемости над смертностью. При этом темпы естественного прироста эвенкийского населения выше, чем в крае в целом⁶⁵.

Половозрастная структура коренных малочисленных народов Севера, традиционно складывающаяся на фоне высокой рождаемости и высокой смертности, в постсоветский период претерпела трансформации. В частности, у многих народов Севера перестало обеспечиваться расширенное воспроизводство населения. При высокой смертности, особенно младенческой, даже высокий уровень рождаемости не позволял достичь соответствующего роста населения. В составе населения КМНС сохранялось преобладание числа женщин; доля населения трудоспособного возраста росла при сокращении возрастной категории лиц до 15 лет и лиц старше трудоспособного возраста⁶⁶. В 2004 г. гендерный состав эвенкийского населения характеризовался незначительным перевесом женщин (550 чел.) по сравнению с мужчинами (526 чел.). В 2007 г. мужчины трудоспособного возраста составляли 2,7%, а в 2008 – 5% от общей численности эвенкийского населения. Преобладание женщин и тот факт, что мужское старшее поколение практически не формируется, связан, прежде всего, с упомянутой мужской сверхсмертностью среди эвенков.

В возрастной структуре преобладали взрослые – 629 чел. (58%), за ними шли дети до 14 лет – 355 чел. (32,8%), и подростки – 96 чел. (8,8%). Среди мужчин наиболее многочисленной возрастной категорией были люди 16-59 лет (306 чел.), а наименее многочисленной – люди

60 и более лет (17 чел.). Среди женщин была подобная ситуация: в возрасте 16-59 лет было 317 чел., 60 и более – 63. В период с 2003 г. по 2008 г. численность детей и подростков среди эвенков сократилась на 14%. В 2008 г. их удельный вес составил 29,3%, что немного ниже оптимальной величины (33%). При этом удельный вес людей трудоспособного возраста в эти годы вырос с 57,3% до 61,4%, а людей старше трудоспособного возраста – с 7,4% до 9,3%. Уменьшение демографической нагрузки в этот период было связано с сокращением численности детей и подростков в возрасте до 15 лет⁶⁷.

Описанная половозрастная структура эвенков севера Забайкальского края в целом имеет прогрессивный характер: большой процент населения в ней составляют дети и подростки, значительный удельный вес имеют лица трудоспособного возраста. Тем не менее, высокая смертность среди младшего и старшего поколений, низкая продолжительность жизни, особенно сверхсмертность мужчин, не способствуют стабильному воспроизводству эвенкийского населения.

Важным показателем социально-демографического благополучия этнического сообщества и качества жизни его членов является уровень здоровья⁶⁸. Особенностью положения коренных народов во всем мире является широкое распространение среди них народной медицины и ограниченный доступ к организованной системе здравоохранения. Неадекватное функционирование медико-социальной инфраструктуры и социально-экономические проблемы коренных народов сказываются на уровне их здоровья, который практически всегда ниже этого показателя среди доминирующего населения. При этом уровень здоровья и заболеваемость коренных народов, отражаемые официальной статистикой, не всегда учитывает реальную ситуацию, т.к. большинство больных обращается за медицинской помощью только в кризисных ситуациях. О недоучете больных среди КМНС севера Забайкальского края косвенно свидетельствует и большой процент неустановленных причин смерти.

Наиболее важными факторами, негативно влияющими на состояние здоровья КМНС Забайкальского края, являются неполноценное питание и чрезмерное употребление алкоголя, недостаточное медицинское обслуживание и ухудшение экологической обстановки в районах проживания. Многие из перечисленных ниже заболеваний, распространенных среди взрослого и детского эвенкийского населения,

были обусловлены и природно-климатическими условиями севера Забайкалья. Негативно влияют на здоровье населения ультрафиолетовый дефицит, холодовой дискомфорт, сложные ландшафтно-геохимические условия, большие амплитуды колебания температуры воздуха и атмосферного давления в течение суток. Эти факторы ведут к распространению хронических бронхитов и других заболеваний органов дыхания среди местного, в т.ч. коренного населения. Влияние этих факторов усилилось на фоне социально-экономического кризиса и трансформации основных сфер жизнедеятельности коренных народов в 1990-х годах. В этот период в структуре заболеваемости коренных малочисленных народов российского Севера вырос процент травм, отравлений и заболеваний, вызванных внешними причинами, а также количество социально значимых заболеваний (табл. 13).

В 2003 г. показатель общей заболеваемости среди всего населения северных районов Забайкальского края составил 1497,9, а среди эвенков – 1384,6 соответственно. Наиболее высокие показатели были зарегистрированы в Тунги́ро-Олё́кминском районе – 1729,6 – среди всего населения и 1530,8 – среди эвенков, а наиболее низкие в Тунго́коченском – 1313,0 среди всего населения и 665,5 – среди эвенков. Каларский район занял промежуточное положение: в 2003 г. заболеваемость там составляла: среди всего населения – 1497,9; среди эвенков – 1384,6, в т.ч. 1437,1 – среди детей, 800,0 – среди подростков, 1444,4 – среди взрослых⁶⁹. Для сравнения: заболеваемость среди всего населения Читинской области в 2002 г. составила: 1180 – среди взрослых, 1534,5 – среди подростков, 1880,3 – среди детей⁷⁰. В 2010 г. общая заболеваемость среди эвенков составила: в Каларском районе – 1410, в Тунго́коченском – 2565, в Тунги́ро-Олё́кминском – 2663 (табл. 14).

Структура заболеваемости среди эвенков севера Забайкальского края менялась на протяжении 1991–1999 гг. Первое место в ней занимали болезни органов дыхания (18,5%), второе – болезни кровообращения (14,1%) и болезни глаза и его придаточного аппарата (14,1%), третье место – болезни мочеполовой системы (9,1%), четвертое – травмы, отравления и некоторые другие последствия внешних причин (8,6%), пятое – болезни органов пищеварения (8,3%). Структура заболеваемости среди подростков и детей несколько отличалась: первые три места в ней занимали болезни органов дыхания, болезни органов пищеварения, болезни эндокринной системы соответственно. Среди детей

эвенков специалисты отмечали большой процент больных с патологией щитовидной железы, с вегетативными и функциональными расстройствами нервной системы, с патологией опорно-двигательного аппарата (в основном, с нарушениями осанки), с хроническим гнойным отитом среднего уха (22% по сравнению с нормой ВОЗ или 4%) (табл. 13)⁷¹.

В 2010 г. структуре заболеваемости детей и подростков эвенков северных районов Забайкальского края первые места занимали заболевания органов дыхания, зрения, пищеварения и эндокринной системы. Среди взрослых наибольший удельный вес имели заболевания органов кровообращения, дыхания, пищеварения и мочеполовой системы (табл. 15).

На фоне снижения иммунных защитных сил организма и неблагоприятных социальных условий в 1990-х годах среди эвенков регистрировался значительный уровень заболеваемости такой социально обусловленной болезнью, как туберкулез. Так, в 1991–1999 гг. число эвенков, больных активной формой туберкулеза, в трех районах составляло от 5 до 11 человек. А среди наиболее уязвимой категории населения – детей – это число было больше в несколько раз⁷². К настоящему времени ситуация улучшилась.

Медико-демографическая ситуация среди эвенков севера Забайкальского края в целом определялась трансформациями системы жизнеобеспечения и снабжения населения. Эти трансформации привели к резким, в основном, негативным изменениям жилищных условий и рациона питания коренного населения, что не могло не отразиться на состоянии его здоровья. В связи с практически полным исчезновением оленеводства, резким повышением цен, проблемой дефицита многих продуктов и прекращением «северного завоза» во время продовольственного кризиса и в последующие годы из привычного рациона питания забайкальских эвенков были практически исключены такие традиционные виды продуктов, как мясо, некоторые виды молочных продуктов, круп, а также овощей, которые вошли в систему питания основной части эвенков. В результате пища эвенков стала однообразной, лишенной витаминов и полезных веществ, необходимых для сохранения здоровья людей в здешних природно-климатических условиях. Так, в «кризисные» 1990-е годы болезни органов пищеварения занимали первое место среди эвенков, проживающих в северных районах Забайкальского края. Сегодня этот класс

заболеваний занимает пятое место, что косвенно свидетельствует о некотором улучшении питания эвенков. Однако в таких отдаленных социально неблагополучных поселках, как Средн. Калар, Неляты и других, где до сих пор не восстановлена система снабжения, рацион питания остается скудным. В некоторых государственных учреждениях, в т.ч. школах, детских садах, где коренному населению предоставляется льготное питание, рацион и режим питания также нарушен. Это подтверждается данными о большом проценте эвенкийских детей с функциональными нарушениями пищеварения (хронические гастриты), особенно в Тунгокоченском и Тунгино-Олёкминском районах⁷³.

Серьезнейшей медико-демографической и социально-экономической проблемой, обусловленной рядом взаимосвязанных факторов, является «северный алкоголизм»⁷⁴. Общепринятой считается мнение о генетической обусловленности алкоголизма северных народов, в частности, недостатком фермента алкогольдегидрогеназы. Однако, как показал опыт постсоветских лет, алкоголизации коренного населения способствуют многие «внешние» факторы: бедственное социально-экономическое положение, социально-психологическая напряженность, вызванная отходом от традиционных занятий и наступлением индустриальной цивилизации, невнимание властей и общественности к проблемам коренных народов Севера. «Провоцирующим» фактором в постсоветское время стал и свободный доступ к алкоголю, многократно увеличивший его употребление. Упомянутые причины отчасти объясняют распространение алкоголизма среди рассматриваемых групп эвенков. Так, среди эвенков северных районов области в 1997 г. было зарегистрировано (в абсолютных цифрах) 37 больных хроническим алкоголизмом, в 1998 г. – 49, в 1999 г. – 30. Однако, уже на 2004 г. число эвенков, стоящих на диспансерном учете с хроническим алкоголизмом и алкогольными психозами, официально возросло до 41 человека. Заболеваемость алкоголизмом среди коренного населения на 100 000 чел. составляла 3796,3 чел. при областном показателе – 1807,2 чел⁷⁵. При этом приведенная статистика далеко не полностью отражает реальную ситуацию.

Полевые исследования, проведенные автором, свидетельствуют о высоком уровне алкоголизации эвенкийского населения: так, например, в отдаленных поселках Неляты и Средн. Калар, где большинство населения не трудоустроено и/или не имеет личного подсобного хо-

зьяйства, по словам информаторов, непьющих людей не осталось. В другом, относительно благополучном пос. Чапо-Олого практически все население, получающее пособия по безработице, по воспитанию детей, пенсии и т.д., в период выплаты этих льгот и пособий и в последующие дни регулярно употребляет алкоголь. В категорию непьющих или умеренно пьющих попадают единицы – эвенки с высоким образовательным и культурным статусом, а также охотники и оленеводы, находящиеся в тайге и не имеющие доступа к алкоголю. Все опрошенные эвенки признали алкоголизм если не основной, то одной из главных современных социальных проблем:

Алкоголизм остается на прежнем уровне. Алкоголь доступен даже подросткам. Сейчас нет контроля, никто не несет ответственности⁷⁶.

Употребление алкоголя провоцирует многие заболевания (например, психические расстройства, заболевания системы кровообращения) и часто является причиной трагической гибели людей в результате убийств, самоубийств, смерти от переохлаждения и других внешних причин. Так, до 35-40% смертности от заболеваний сердечно-сосудистой системы и смертность от внешних причин среди эвенков напрямую связаны с употреблением алкоголя. Среди эвенков известно немало случаев гибели людей в состоянии алкогольного опьянения от обмороживания в тайге или от руки нетрезвого соседа⁷⁷.

Индустриализация Севера в последние десятилетия привела к загрязнению окружающей среды промышленными объектами, что также негативно влияет на здоровье местного населения. Например, в 2000 г. в Каларском районе промышленная инфраструктура Байкало-Амурской магистрали, горно-геологические предприятия и кооперативы по добыче угля выбросили в атмосферу 4,92 тыс. тон загрязняющих веществ (SO₂, CO, NO₂). Постепенно увеличивается степень загрязненности естественных водоемов сточными водами. Одна из наиболее загрязненных рек забайкальского Севера – р. Чара, где содержание железа в 2000 г. в 3-13 раз превышало ПДК, ионов меди – в 3-5 раз, фенолов – в 4-11, нефтепродуктов – в 2-5⁷⁸.

В последние годы среди эвенков севера Забайкальского края регистрируется рост болезней эндокринной системы, нарушений иммунитета и обмена веществ. Сложившиеся природно-климатические и эко-

логические факторы особенно затрудняют адаптацию детей. Среди часто встречаемых, экологически обусловленных заболеваний – заболевания эндокринной системы, прежде всего, патология щитовидной железы, что указывает на существование очага йоддефицитной эндемии, очевидно, связанного с недостаточным содержанием биогенных элементов в природной среде. Так, в трех северных районах количество эвенков с заболеваниями эндокринной системы на 1000 населения выросло с 2,3 в 1991 г. до 69,4 в 1999 г. В 2004 г. в северных районах Забайкальского края проводились мероприятия по групповой и индивидуальной йодной профилактике, которые в Каларском районе привели к снижению распространенности тиреотоксикоза с 24 до 19% среди детей⁷⁹.

В настоящее время отмечается тенденция постепенной стабилизации ситуации здравоохранения и показателей здоровья КМНС. В частности, предпринимаются попытки восстановления социальной и медико-лечебной инфраструктур, способствующих более широкому охвату населения, в т.ч. эвенкийского, медицинским обслуживанием. Так, по официальным данным, в 2004 г. в Каларском районе работали центральная районная больница на 75 коек и 5 ФАПов, в Тунгокоченском районе – 3 больницы на 156 коек (в сумме) и 12 ФАПов, в Тунгиро-Олёкминском–районная больница на 25 коек и 3 ФАПа. Охват диспансерным наблюдением на 1000 коренного населения в целом составил в Каларском районе – 324,1, в Тунгокоченском – 342,4. Охват профосмотрами эвенкийского населения составлял в Каларском районе 96,8%, в Тунгокоченском – 76,3%, в Тунгиро-Олёкминском – 73%⁸⁰. В задачи краевой целевой программы «Экономическое и социальное развитие КМНС в Забайкальском крае на 2010–2012 гг.» также входит повышение качества жизни и создание условий для улучшения демографических показателей малочисленных народов Севера. По официальным данным, в рамках этой программы в 2010 г. власти Тунгокоченского района приступили к реализации мероприятий, направленных на развитие системы здравоохранения, улучшение санитарно-эпидемиологической ситуации, профилактику и лечение алкоголизма и наркомании среди местного населения. В двух других районах регулярно проводятся профилактические осмотры жителей национальных поселков⁸¹.

Структура межэтнических взаимодействий

В постсоветский период миграционные процессы среди коренного и некоренного населения российского Севера имели неоднозначный, разнонаправленный характер⁸². В целом в последние два десятилетия представители КМНС стали чаще мигрировать за пределы территорий своего традиционного расселения. Так, например, в конце 1990-х годов большая мобильность эвенкийского населения была зарегистрирована в Эвенкийском АО⁸³. Среди разных групп КМНС отмечались разные направления миграций – с одной стороны, отток населения из мелких поселков и стойбищ в более крупные поселки и города, с другой стороны, «уход в тайгу» аборигенного, особенно, мужского населения. Гораздо сильнее изменилась картина расселения некоренного населения – массовый отток, прежде всего, русского населения с Севера в литературе получил название «ухода с Севера». В результате этого процесса, с одной стороны, освободившиеся в социальной структуре ячейки стали заполняться коренным населением, с другой стороны, увеличились показатели иммиграции на Север беженцев и добровольных переселенцев из бывших советских республик⁸⁴. Все эти факторы вели к складыванию новой своеобразной этнической мозаики российского Севера, процесс формирования которой в настоящее время продолжается и в разных северных регионах имеет различный характер. В частности, современное население Байкальского региона, включает несколько этносоциальных слоев: 1. коренное население – преимущественно эвенки и буряты; 2. старожилы – преимущественно русские; 3. мигранты военных и послевоенных лет (переселились в связи с освоением целинных земель и развертыванием крупных новостроек); 4. мигранты постсоветского периода (приезжие из бывших советских республик); 5. иммигранты из Китая (их число постепенно растёт)⁸⁵.

Миграционные процессы среди эвенков севера Забайкальского края в постсоветский период не были массовыми. В Каларском районе в большинстве поселков численность эвенкийского населения оставалась стабильной. Так, в пос. Чапо-Олого в 1991–1995 гг. проживало 147 эвенков, в 1996 – 145, в 1997–2001 – 121, в 2002 – 132. Изменение численности эвенков в этом и других северных поселках было связано не с миграцией, а с естественным движением населения, что подтверждают слова информаторов:

Что характерно, никто не приезжает, и никто не уезжает из села. Конечно, приезжие могли мигрировать, если их что-то не устраивало... Но, в основном, население не хочет уезжать из дома⁸⁶.

Наибольший отток населения в 1990-х – начале 2000-х годов наблюдался в поселках с разрушенной инфраструктурой и сложной социально-экономической ситуацией. Например, в пос. Неляты, где еще в 2003 г. существовали проблемы с энергоснабжением, а основные учреждения находились на грани закрытия, практически каждый второй из опрошенных жителей стремился уехать из села в ближайшие населенные пункты – пгт. Таксимо (Бурятия) и пос. Куанда. Тем не менее, даже в этом поселке коренное эвенкийское население было сильнее привязано к земле, чем русское и «пришломое» население.

Очень сильно изменился состав села, где раньше проживало почти 400 человек. Почти половина населения Нелят, из тех, кто успел вовремя уехать и устроиться, сейчас живет в Куанде. А те, кто прирос к земле, остались, – говорит эвенкийка, жительница села Л. Крюкова⁸⁷.

Тенденция «ухода в тайгу» среди эвенков была связана с процессом создания общин, общественно-политическим движением в защиту прав КМНС и появлением новых возможностей для ведения традиционного хозяйства и образа жизни на российском Севере. По мере угасания аборигенного активизма в РФ эта тенденция ослабевала. Сегодня количество людей, занятых охотой и оленеводством и проводящих большую часть времени в тайге, среди эвенков севера Забайкалья невелико.

Миграции в тайгу, состав кочевого населения и ряд других демографических процессов среди эвенков в постсоветский период имели ярко выраженный гендерный аспект и являлись частью феномена, названного мною гендерным сдвигом (gender shift)⁸⁸. Так, более 90% населения таежных стойбищ сегодня составляют мужчины, в то время как женщины и дети большую часть времени живут и учатся в поселках. Исключение составляют несколько пожилых эвенкийских пар, которые ведут кочевое хозяйство совместно. Такая демографическая ситуация вызвана, во-первых, необходимостью обучения детей в школах, во-вторых, экстремальными условиями таежного быта, к прожи-

ванию в которых большинство молодых эвенкиек не готово. Обычно же женщины останавливались в поселках и селах временно, а иногда для постоянного проживания после рождения детей⁸⁹.

Гендерный сдвиг проявляется и в трансформации расширенной патриархальной и, как правило, моноэтнической семьи. На смену ей приходит нуклеарная модель с меньшим количеством детей, а также растущее количество одиноких матерей, воспитывающих детей самостоятельно либо при помощи представителей старшего поколения (как правило, бабушек). При этом растет число межэтнических браков между эвенкиями и мужчинами, принадлежащими другим этническим группам. Эта тенденция отражает стратегию поведения женщин, связанную с поиском партнера с равным или более высоким образовательным, профессиональным и социально-экономическим статусом, который, как правило, принадлежит к иной этнической группе⁹⁰. Так, например, эвенкийские женщины севера Забайкальского края часто вступают в союз с мигрантами из других регионов России и бывших советских республик. Однако такие межэтнические союзы редко бывают длительными и прочными, т.к. мужчины возвращаются на родину, нередко оставляя женщин и детей. Дети, рожденные в таких межэтнических браках, зачастую представляют собой примеры плавающей этнической идентичности, выбор которой зачастую определяется социо-культурным контекстом.

Предпосылки гендерного сдвига были заложены еще в советский период. Изменение технологии выпаса оленей в связи с переходом к т.н. «производственному оленеводству» способствовало постепенному вытеснению «бытового кочевания» и сокращению количества женщин, работавших преимущественно в качестве чумработниц (а в исключительных случаях бригадиров оленеводческих бригад) в тайге. Сегодня общины КМНС предоставляют вакансии охотников и оленеводов в подавляющем большинстве лишь мужчинам, в то время как официально оплачиваемые ставки чумработниц практически отсутствуют. Сами представительницы коренного населения сегодня зачастую не имеют необходимых навыков, желаний, идеологических или материальных стимулов для работы в оленеводстве и охотничьем промысле. Среди эвенков лишь немногие женщины сопровождают своих мужей или мужчин-родственников в тайге – в основном, они приезжают туда одни во время отпуска либо вместе с детьми во время школьных каникул.

Наиболее мобильным слоем населения севера Забайкалья в постсоветский период стали «приезжие». К этой категории относятся, прежде всего, строители БАМа («бамовцы»), мигрировавшие в регион в 1970–1980-х годах⁹¹, а также более поздние мигранты. В результате стягивания трудовых ресурсов всего бывшего СССР для участия в «стройке века» население Каларского района увеличилось почти в десять раз. Применяемый тогда метод «национальных бригад» способствовал привлечению самой активной и молодой части населения из всех регионов страны⁹². В годы социально-экономического кризиса «бамовцы» первыми стали покидать забайкальский Север в связи с ухудшением условий жизни. Хотя отток населения с севера Забайкальского края не принял такого массового характера, как, например, на Чукотке, общее население одного Каларского района лишь за 1995–1997 гг. сократилось с 13,6 тыс. чел. до 12,6 тыс. чел.⁹³. Отток «бамовцев» частично компенсировался за счет притока переселенцев из соседних регионов и предпринимателей из Кавказа, Средней Азии, Украины, Казахстана. Так, например, численность и состав населения пос. Чапо-Олого менялась за счет «приезжих» из соседних регионов и других постсоветских государств. В пос. Неляты, кроме эвенков и якутов, проживали русские, немцы, поляки, украинцы, грузины, латыши, литовцы. После оттока «приезжего» населения, в 2003 г., судя по записям в похозяйственных книгах, в поселке остались, в основном, якутские и русские старожилы⁹⁴.

В Тунгиро-Олёкминском и, особенно, в Тунгоченском районе значительную долю населения составляют буряты и русские старожилы, традиционно проживающие по соседству с эвенками и русским на протяжении веков. Удельный вес эвенков в национальном составе населения севера Забайкальского края в постсоветский период постепенно увеличился за счет оттока некоренного населения: до 4,9% в Каларском районе и до 17% в Тунгиро-Олёкминском районе⁹⁵. В целом «исход с Севера» некоренного населения, который частично восполнялся мигрантами новой волны, стал весьма ощутимым для такого региона с низкой плотностью населения, как Забайкальский край, и особенно, для его северных районов.

В результате миграций на севере Забайкальского края сложилась пестрая социальная и этническая мозаика, основными фрагментами которой стали: 1. представители коренных народов – эвенки, буряты и

якуты; 2. русские старожилы, мигрировавшие в регион в досоветский период; 3. «бамовцы» и специалисты, осевшие на Севере в советский период (русские, украинцы, белорусы, латыши, казахи и т.д.); 4. переселенцы и предприниматели новой волны (в основном, украинцы, грузины, армяне, азербайджанцы и т.д.). Межэтнические и межкультурные взаимодействия на забайкальском Севере в постсоветский период были обусловлены различными темпами адаптации коренного и некоренного населения к новым социально-экономическим условиям, продолжительностью контактирования коренного населения с различными слоями «пришлого» населения и конкуренцией коренного и пришлого населения при распределении ресурсов⁹⁶. Взаимоотношения между аборигенным и старожильческим населением Сибири, складывавшиеся на протяжении десятилетий как добрососедские, и постсоветский период, как правило, оставались таковыми⁹⁷. В то же время взаимодействия с «приезжими» («временщики», коммерсанты), прибывшими в район традиционного расселения эвенков в течение последних двух десятилетий, иногда становились напряженными.

Межэтнические взаимоотношения между коренными народами севера Забайкалья – эвенками, с одной стороны, и якутами и бурятами, с другой, характеризовались длительной взаимной адаптацией и аккультурацией. Примером тому служит пос. Неляты, где следующей по численности группой населения после русских являются якуты. По воспоминаниям старожилов, взаимоотношения между представителями различных этнических групп оставались мирными. Редкие исключения были связаны со злоупотреблением алкоголем⁹⁸.

Взаимоотношения между эвенками и бурятами, которых в Забайкалье традиционно разделяла этническая и естественная географическая граница «тайга–степь»⁹⁹, в постсоветский период в отдельных случаях могли обостряться, например, в связи с этническими стереотипами или политикой предоставления льгот. Так, эвенки пос. Чапо-Олого связывают распад местного совхоза с действиями председателя-буряты, которые привели к «наживе» управляющих и «разграблению имущества». При этом негативное отношение местных эвенков зачастую распространялось на всех бурят, приезжавших в национальные эвенкийские поселки. В то же время взаимоотношения эвенков с бурятскими старожильческими семьями оставались дружескими¹⁰⁰.

В Тунгокоченском районе, где численность бурят гораздо выше, чем в двух других северных районах, существует многовековая традиция межэтнических контактов эвенков с бурятами. Потомков обуряченных эвенкийских родов (представители фамилии Ульзуевы) местные эвенки называют хамнеганями. В то же время сами Ульзуевы начали «записываться» эвенками, что, по мнению информаторов, было связано со льготами для КМНС. В 1990-х в периоды распределения материальных ресурсов или поддержки АКМНС на этой почве между представителями двух групп местного населения возникали противоречия¹⁰¹.

Среди эвенков севера Забайкальского края традиционно дружественными считаются взаимоотношения с русским старожильческим населением: признается равноправие старожилов с эвенками во всех сферах жизнедеятельности, и те, и другие, относятся к категории «местных». Другое, более негативное отношение отмечается у коренного эвенкийского населения к «бамовцам», к которым эвенки автоматически относят всех поздних советских и постсоветских мигрантов. Негативные оценки в отношении «бамовцев» связаны, прежде всего, с отрицательным воздействием железнодорожной магистрали на экологию и традиционное хозяйство эвенков и распространением браконьерства не только среди работников БАМа, но среди более поздних «приезжих»:

БАМ оказал разрушительное влияние на здешнюю природу: выгорело много леса; истребление животных привело к тому, что некоторые животные исчезли в привычных местах своего обитания. В районе появилось много грузин, украинцев. К ним у местных отрицательное отношение, т.к. они виноваты в истреблении зверей... У них есть оружие. У многих эвенков просто нет оружия для охоты¹⁰².

Взаимоотношения эвенков севера Забайкальского края с более поздними мигрантами из Украины, Кавказа, Прибалтики в постсоветский период характеризовались межэтнической напряженностью как по причине ухудшения экологической обстановки и браконьерства, так и вследствие возникшего конфликта интересов этих групп населения. Этот конфликт на севере Забайкальского края, как и в других северных регионах, связан с распределением промысловых угодий и ТТП. С конца 1990-х годов «земельный вопрос» стал камнем преткновения в спорах эвенкийских общин и муниципальных и частных предприятий,

которыми зачастую дистанционно или номинально руководят выходцы их других российских регионов и постсоветских республик.

Вот здесь кочуем, на озере Эвонокит, здесь много рыбы. Я хочу здесь свою территорию сделать, планирую здесь туристический комплекс построить. Эту землю я сам охранял, они [администрация района] мне ее не дают, потому что им это не выгодно. Хохлы сюда кочевать без штанов приехали, они же воруют всё! А здесь мои предки были, здесь моих детей вырастить хочу – они этого не понимают, я им не нужен, – говорит председатель общины¹⁰³.

Эмоциональные высказывания эвенков-информаторов подтверждаются фактами: предприятия, организованные «временщиками», зачастую функционируют номинально или ликвидируются, оставляя за собой долги перед местным населением, как это происходило в 1990-х годах в Каларском районе.

В Тунгокоченском районе распределение земельных и природных ресурсов вызвало напряженность и между различными группами местного населения. Так, территории, которые когда-то были выделены для ведения традиционного хозяйства хозяйствам эвенков, фактически поделены между четырьмя предпринимателями. Эти влиятельные, по местным меркам, люди, ни один из которых не относится к КМНС, арендовали большие территории на длительные сроки для ведения охотничьего промысла. На практике предприятия, деятельность которых фактически не контролируется, субарендуют охотничьи угодья эвенкийским охотникам на крайне невыгодных для последних условиях. Этот факт вызывает межэтническую напряженность в северных поселках района и протест эвенкийского населения, для которых охота остается одним из основных источников жизнеобеспечения¹⁰⁴.

Еще одно явление, влияющее на общую этнодемографическую ситуацию и межэтнические взаимоотношения на севере Забайкальского края – национально смешанные браки. Исследователи выделяют несколько факторов распространенности смешанных браков. К ним относятся численность народа, инациональное окружение и удельный вес КМНС в структуре населения районов их проживания, статус традиционных отраслей хозяйства, а также наличие льгот, выделяемых КМНС¹⁰⁵. В последние десятилетия число межэтнических браков среди народов Севера многократно увеличилось. При этом в межэтнические

браки вступают, как правило, женщины, «оторванные» от традиционных отраслей хозяйства, имеющие высокий социально-профессиональный статус по сравнению с мужчинами своей этнической группы¹⁰⁶.

В местах компактного расселения эвенков севера Забайкалья, где сегодня проживает значительное количество представителей других этносов, по полевым наблюдениям автора, процент национально смешанных браков очень высок. Например, в национальном поселке Чапо-Олого, по данным похозяйственных книг, в 1991–1995 годах было зарегистрировано 11 смешанных браков с преобладанием союзов «эвенкийка/русский». К 2002 г. этнический состав поселка изменился: общая численность населения сократилась до 178 чел., из которых эвенки составляли 132 чел., русские – 28 чел., буряты – 5 чел, а количество смешанных браков уменьшилось до 5¹⁰⁷.

В Тунгокоченском районе традиционно распространены браки между эвенками и бурятами. Союзы между эвенками и русскими старожилками также не являются редкостью, хотя продолжительные браки между ними продолжают считаться необычным явлением. Замуж за представителей других этнических групп, как и в других регионах, выходят, в основном, женщины-эвенкийки:

У меня муж с вершины Дарасуна, курчавый, белый, голубоглазый. У него две сестры еще... У нас очень экзотическая семья! А я эвенка. Раньше [муж] сыну говорил: «Я ее поймал, привел, – говорит, – научил варить борщ». А сын черный – весь в меня¹⁰⁸.

По другим данным, в 2004 г. в Каларском районе среди 82 зарегистрированных браков лишь один был смешанным (эвенкийка/русский), а в 8 актах национальность супругов не была указана. В Тунгокоченском районе в том же году был зарегистрирован один смешанный брак (эвенк/русская), а в 10 актах национальность супругов не указывалась. В Тунгиро-Олёкминском были зарегистрированы один смешанный брак (эвенкийка/русский) и один брак без указания национальности супругов¹⁰⁹.

Расхождения между официальными данными и результатами полевых исследований объясняются несколькими причинами. Во-первых, большинство национально смешанных браков официально не регистрируются – все большее распространение, особенно среди молодежи, получает гражданский брак. Более того, на севере

Забайкальского края, где замуж за представителей других национальностей выходят женщины, отмечается большое количество браков местного коренного населения с «бамовцами» и другими группами мигрантов советского и постсоветского периода. Такие союзы, как правило, непродолжительны, и распадаются в связи с отъездом мужчин на родину или по другим причинам¹¹⁰. Во-вторых, определение точного количества зарегистрированных смешанных браков сегодня затруднено в связи с необязательностью указания национальности вступающих в брак в актах гражданского состояния.

При большом количестве этнически смешанных браков среди эвенков севера Забайкальского края возникают проблемы, связанные с определением этнической принадлежности детей, рожденных от смешанных браков. В советский период мотивами выбора этнической принадлежности были традиция определения национальности по материнской либо по отцовской линии, более высокий статус какой-либо этнической группы (чаще предпочтение отдавалось русским) и т.д. В постсоветский период новым мотивом для выбора этнической принадлежности, стало наличие льгот и привилегий для КМНС¹¹¹. За два десятилетия политика предоставления льгот подняла статус коренных малочисленных народов и стала механизмом формирования новых идентичностей на российском Севере. И хотя понятие аборигенности достаточно условно и порождает ряд ограничений и негативных коннотаций¹¹², на сегодняшний день институт «коренных малочисленных народов Севера» является единственной сравнительно эффективной формой защиты малочисленных этнических групп Российской Федерации¹¹³.

Представители старшего поколения эвенков севера Забайкалья, которые могут иметь в своей родословной представителей других национальностей, относят себя к эвенкам:

Мать моя местная, родилась в Чапо-Олого. Мой дед – Николаев Михаил Лукич – приехал сюда из Якутии. Он был метисом, сыном русского ссыльного поселенца. Его братья остались в Якутии, а он приехал сюда, украл себе невесту (нашу бабушку). Сама я считаюсь чистокровной эвенкой¹¹⁴.

В последние десятилетия в случаях рождения детей в смешанных браках стандартным выбором родителей также является национальность «эвенк/эвенка», что в большинстве случаев, по собственному

признанию информаторов, связано с выделением льгот. Однако ситуация с определением своей этнической принадлежности самими метисами в настоящее время выглядит гораздо сложнее и, помимо льгот КМНС, связана со многими другими условиями. На севере Забайкальского края, как в других регионах проживания КМНС, известны случаи «двойного», а иногда и «тройного» самосознания¹¹⁵, когда потомки от смешанных браков относят себя к этнической группе одного из родителей.

Сегодня самоидентификация молодого поколения метисов зачастую бывает ситуативной и зависит от социокультурного контекста. Например, в разговорах о «современной культуре», «цивилизации», жизни в городе и образовании мировоззрение и ценности молодых людей, родившихся в смешанных эвенкийско-русских семьях, склоняются в пользу русской этнической идентичности. В таких ситуациях стремление влиться в доминирующую культуру приводит метисов к отказу от признания культурных ценностей, традиций и языка эвенков. Противоположный пример представляют собой дискурсы и ситуации, связанные с традиционным хозяйством (оленоводство и охота) и образом жизни. Один молодой человек из пос. Чапо-Олого, мать которого наполовину русская, наполовину эвенкийка, а отец – кореец, во время моей первой встречи с ним пренебрежительно отзывался об эвенках. Через два года этот же молодой человек, работавший к тому времени в оленеводческой общине, стал считать себя орочоном¹¹⁶. Этот пример демонстрирует, что образ жизни и социально-профессиональный статус являются маркерами этнических границ, которые чаще «декларируются», чем «реализуются на практике». Они «представляют собой скорее культурные символы, стереотипы, элементы дискурса, чем адекватные описания реальности»¹¹⁷.

Таким образом, в постсоветский период частичное или полное разрушение социальной инфраструктуры в местах компактного проживания эвенков севера Забайкальского края повлекло за собой негативные последствия для питания, здоровья и нормальной жизнедеятельности людей. Коренное эвенкийское население северных районов было адаптированным к социальным и природно-климатическим условиям Севера. Однако оно потеряло это преимущество перед пришлым населением в период распада совхозов и политических реформ, по-

влекших за собой негативные социально-экономические трансформации в жизнедеятельности эвенков.

Реакцией на происходящие изменения стало ухудшение основных демографических показателей и здоровья эвенкийского населения, в т.ч. снижение коэффициента рождаемости и повышение уровня смертности, снижение темпов естественного прироста. Именно эти негативные тенденции, наблюдавшиеся в 1990-х – начале 2000-х годов среди большинства этнических групп российского Севера, послужили основанием для риторики о вымирании народов¹¹⁸. Анализируя этнодемографическую ситуацию эвенков севера Забайкальского края в постсоветский период, следует отметить, что подобные флуктуации демографических показателей среди эвенков и других коренных народов Севера уже имели место в другие «переходные» периоды российской истории (например, во время коллективизации). Однако они не привели к полному исчезновению этнических групп. Сегодня численность КМНС поддерживается государственной политикой льгот этой части населения. В последние годы среди эвенков севера Забайкалья наблюдается стабилизация демографических показателей и тенденция положительной динамики численности их населения.

Другая научная и общественно-политическая проблема – ассимиляция КМНС. Эта проблема приобрела большую актуальность в свете некоторого обострения межэтнических взаимоотношений и роста количества смешанных браков эвенков с представителями других национальностей, особенно, в постсоветский период. Так, взаимоотношения этнических групп на севере Забайкальского края, традиционно имевшие мирный характер, обострились в условиях социально-экономического кризиса и конкуренции при распределении природных, земельных и материальных ресурсов и льгот. Выраженное отрицательное отношение эвенкийского населения к местным предпринимателям и, особенно, «временщикам», мигрировавшим на Север в постсоветский период, было обусловлено объективными причинами.

Распространение национально смешанных браков, в определенной мере, способствовало культурной ассимиляции – утрате языков, традиций и ценностей малочисленных народов Севера¹¹⁹. Благодаря политике выделения льгот они не привели к “растворению” коренных народов в культуре доминирующего общества. Однако, представители молодого поколения, рожденные в этнически смешанных семьях эвен-

ков с другими народами, часто являются примерами ситуативной («плавающей») этнической идентичности, выбор которой зависит от социокультурного и политического контекста. Некоторый подъем этнического самосознания эвенков в период активной деятельности Ассоциации КМНС и пик движения в защиту прав малочисленных народов сменился разочарованием или социальной пассивностью. В разговорах о взаимоотношениях с другими группами населения и сохранении своей культуры, большинство эвенков пессимистично оценивало современное положение собственной этнической группы¹²⁰.

Представляется, что анализ современной этнодемографической ситуации КМНС, в частности, эвенков невозможен без учета новых подходов к пониманию этничности. С точки зрения конструктивизма, одним из возможных способов «этнического» выживания эвенков севера Забайкальского края может стать формирование новой этнической идентичности метисов. Официально она поддерживается через существующий механизм предоставления льгот и привилегий КМНС, реализуясь на практике в виде «множественной», ситуативной идентичности, позволяющей учитывать этнические корни и культурные традиции обоих родителей.

Советское наследие и рынок: есть ли выход из кризиса?

В системе жизнеобеспечения, хозяйственном укладе и социально-экономических условиях жизни эвенков севера Забайкальского края в постсоветский период также произошли серьезные преобразования. Перестройка стала периодом резких изменений социально-экономической ситуации и хозяйственного уклада эвенкийского населения. Экономические реформы 1990-х годов, в частности, реорганизация совхозов и изменение форм собственности привели к системному кризису и резкому спаду производства на севере Забайкалья. В это время и последующие годы в местах компактного проживания эвенков неоднократно реформировались организационно-экономические структуры, изменялся административно-правовой статус территорий традиционного природопользования, а также предпринимались попытки создания многоукладного хозяйства. На базе бывших совхозов и госпромхозов появлялись новые формы организации производства, основывающиеся на частной и коллективно-долевой формах собственности, а после принятия соответствующего закона – общины КМНС¹²¹. Однако традиционное

хозяйство эвенков, лишившись привычной государственной поддержки, оказалось неподготовленным к резким социально-экономическим трансформациям и новым хозяйственным отношениям¹²².

Другим фактором, осложняющим развитие традиционных отраслей хозяйства эвенков в последние два десятилетия, стала индустриализация севера Забайкалья, способствующая отчуждению земель эвенков под промышленное освоение и конкуренция за природные ресурсы между разными землепользователями. В таких условиях наблюдалось деградация традиционных отраслей (вплоть до исчезновения в некоторых районах такого важного занятия эвенков, как оленеводство), а также ухудшение качества жизни той части эвенкийского населения, благосостояние которой зависит от этих отраслей.

Еще в 1990-х годах исследователи подчеркивали необходимость создания благоприятных условий для развития традиционного хозяйства народов Севера. Эти альтернативные модели развития КМНС, основанные на сочетании традиционных и инновационных элементов их хозяйственного уклада, должны были привести к этническому возрождению этих народов¹²³. Сегодняшние реалии и национальные приоритеты экономического развития убеждают в целесообразности усиления государственного регулирования в сфере традиционного хозяйства КМНС и совершенствования политики предоставления социальной поддержки коренному населению, занятому в этой сфере.

Постсоветские трансформации оказали большое влияние на состояние традиционных отраслей. Еще до реорганизации совхозов они не играли решающей роли в развитии северных регионов в целом: их продукция составляла не более 23% от создаваемого здесь валового продукта¹²⁴. В постсоветский период удельный вес этих занятий в сельском хозяйстве продолжал снижаться: в кризисном состоянии находилось оленеводство, резко сокращались добыча пушнины и вылов рыбы. Основными причинами спада в развитии традиционного хозяйства являлись распад системы снабжения охотников и оленеводов продовольствием и снаряжением, прекращение госзакупок продукции охотничьего промысла, оленеводства и рыболовства и отсутствие рынка сбыта, деградация инфраструктуры. Частично этому способствовали браконьерство и истощение природных ресурсов, необходимых для ведения традиционных отраслей и отчуждение земель под промышленное освоение. Ухудшение состояния традиционных отраслей

хозяйства и изменение их роли в системе жизнеобеспечения, наряду с другими причинами, вызвали духовный кризис, пессимизм, апатию, иждивенчество и социальные недуги среди всего местного населения, и, особенно, среди эвенков.

После распада совхозов положение было страшным, особенно для охотников и оленеводов. Привыкнув жить сообща, люди не могли перестроиться. Кто-то, конечно, выкарабкался, но многие просто сломались. Люди, привыкшие к тому, что у них всегда была работа и зарплата, сбережения, определенная система, в которой они работали, были брошены на произвол судьбы и не могли привыкнуть к новой жизни. Поэтому-то и исчезли целые стада оленей. Это произошло не потому, что кто-то приехал и перебил всех оленей, а потому, что людям не на что было жить – олени забивались и продавались, многие пропивали полученные деньги. Поэтому кризис сильнее всего ударил по охотникам и оленеводам. Мы бюджетники, тоже испытывали трудности, но нам постепенно выплачивали зарплату товарами. Оленеводам и охотникам никто не помогал, поэтому они спивались и деградировали, – вспоминает жительница пос. Чапо-Олого С. Каткова¹²⁵.

В начале 2000-х годов доля занятых в охотничьем промысле и оленеводстве на севере Забайкалья в целом была значительной по сравнению с другими регионами. При этом наблюдалась тенденция изменения приоритетов развития традиционного хозяйства: предпочтение начало отдаваться охоте, в то время как в оленеводстве отмечался устойчивый спад в связи с плохой организацией отрасли, нехваткой кадров, развитием промышленного комплекса БАМа и другими причинами. Относительно высокие показатели занятости населения севера Забайкалья в традиционных отраслях объяснялись, прежде всего, притоком полиэтничного местного населения и постсоветских мигрантов в охотничий промысел в этот период. Сегодня среди директоров предприятий, заготавливающих пушнину в северных районах Забайкальского края, нет эвенков¹²⁶.

В период социально-экономического кризиса в жизнеобеспечении эвенков существенно возросла роль личных подсобных хозяйств, основанных на разведении скота, птицы и овощеводстве. Больше внимания стало уделяться и подсобным отраслям – сбору ягод, грибов и

др. дикоросов, а также рыболовству, которое продолжает практиковаться попутно с двумя основными отраслями, а иногда самостоятельно¹²⁷.

Охота

Это традиционное занятие эвенков является максимально приспособленным к местным условиям севера Забайкальского края по своему биолого-ресурсному потенциалу. Основной продукцией отрасли является пушнина, хотя одновременно ведется заготовка мяса копытных и боровой дичи. Главными промысловыми видами пушных зверей сегодня являются соболь и горностай, а также белка, заяц-беляк, ондатра, колонок и т.д. Основными объектами мясной охоты остаются изюбрь, согжой¹²⁸, лось, кабарга, другие виды промысловой фауны севера Забайкалья¹²⁹.

Сегодня на Севере охоту развивают государственные и кооперативные промысловые предприятия, а также охотники-любители. Охотой, как и в прежние годы, занимается значительная часть коренного населения. Например, в пос. Чапо-Олого практически все трудоспособное мужское эвенкийское население занимается охотничьим промыслом. Однако после распада совхозов большинство охотников официально не зарегистрировано. Так, например, в пос. Чапо-Олого, где в 2001 г. проживало 144 эвенка, было зарегистрировано лишь 17 охотников, хотя в действительности это число было большим¹³⁰:

Больше всего развивается охотпромысел. Многие мужчины, потерявшие работу после перестройки, стали активно заниматься охотой. Некоторые из них официально зарегистрированы, например, в общинах, в ООО, некоторые охотятся индивидуально, не регистрируясь официально. Охотники не регистрируются, т.к. нет опыта составления необходимых документов, подсчета налогов и т.п. Поэтому многие охотники со стажем не зарегистрированы в пенсионном фонде и не будут получать пенсии¹³¹.

Тем не менее, охота является стабильным источником доходов эвенкийских семей. Объемы добываемого зверя варьируют в зависимости от потребностей и наличия денежных средств для оформления необходимых документов. Так, например, охотник О.М. за сезон добывает не менее 15 соболей, в то время как семья Габышевых, в которой

охотятся трое мужчин, добывает за сезон до 100 соболей. Охота на пушного и мясного зверя проводится согласно традиционному хозяйственному циклу: с октября до Нового Года и с января до апреля. По-прежнему практикуются некоторые традиционные способы охоты, например, с помощью оленя-маньщика (на сохатого или изюбря), охоты «на берлоге» (на медведя), с использованием манка *пищауна* (на кабаргу), выкуриванием через отверстие в стволе дерева (на соболя), с использованием собаки (на пушного зверя) и т.д. На крупного зверя охотятся с карабином, на пушного – с мелкокалиберным оружием, капканами. Основным транспортным средством в немногочисленных оленеводческих хозяйствах служат олени:

Охотимся с собаками на нартах, обычно по 2-3 человека. Запрягаем до 12 нарт, на которых перевозим вещи и палатки. Уезжаем на охоту до Нового Года, когда возвращаемся на стойбище. В декабре в период самых коротких дней, ставим капканы на соболя¹³².

После реорганизации совхозов на севере Забайкальского края происходило распределение земель среди зарегистрированных охотничье-промысловых предприятий и общин. Сегодня охотничье-промысловые участки сдаются в аренду на срок до 25 лет. Районный охотовед выдает разрешение на оружие, охотничий билет, лицензию на добычу зверей, а в промысловых предприятиях на основе договора о приеме пушнины охотники получают оружие и патроны. Охотничий билет для представителей КМНС выдается бесплатно, тогда как разрешение на охотничье оружие, а также лицензии на добычу зверей, пушнины, водоплавающей птицы, а также разрешения на вылов рыбы эвенки должны приобретать самостоятельно. Если в 1990-х годах процедура оформления разрешения и лицензий была упрощенной и бесплатной для эвенков, благодаря поддержке АКМНС, то в 2006 г. подобные льготы уже отсутствовали¹³³. Чтобы получить разрешение на охоту, необходимо пройти процедуру заключения договора и приобретения лицензий на добычу животных у местного охотоведа. Из-за порой долгих бюрократических процедур, связанных с оформлением разрешений, а также растущих цен на покупку лицензий, многие эвенки вынуждены охотиться нелегально, чтобы обеспечить свое существование. Однако, в действительности, остро стоящая проблема браконьерства на севере Забайкальского края связана не столько с возросшим количеством неле-

гальных охотников-эвенков, сколько с «приезжими» браконьерами, добывающими зверей на продажу в больших количествах, порой без соблюдения элементарных экологических норм. Каларские эвенки связывают истощение природных ресурсов тайги именно со строительством БАМа и притоком мигрантов, занимающихся браконьерством¹³⁴.

Одной из основных проблем организации охотпромысла на Севере является отсутствие единой, регулируемой государством системы обеспечения охотников снаряжением и оружием, существовавшей в колхозно-совхозный период. Учитывая средний уровень доходов эвенкийской семьи, покупка простого карабина или даже мелкокалиберной винтовки является достаточно обременительной для семейного бюджета охотника.

Другая проблема – отсутствие отлаженного транспортного сообщения с таежными стоянками в результате деградации существовавшей в советское время инфраструктуры. Например, мясная охота затруднена в связи с отсутствием средств для транспортировки туш в большинстве хозяйств. Поэтому добывают крупного зверя лишь эвенки, которые имеют собственных оленей (или могут одолжить их у родственников) либо альтернативные транспортные средства. Ради получения охотничьего снаряжения и разрешения на охоту на своих «родовых» территориях многие охотники сегодня вынуждены подписывать договора с частными заготовительными предприятиями, принимающими пушнину на совершенно невыгодных для охотников условиях.

Появление большого числа частных заготовителей на российском Севере было вызвано реорганизацией промысловых хозяйств, государственных заготовительных организаций и отменой государственной монополии на закупку пушнины. В условиях отсутствия системы централизованного определения закупочных цен на пушнину, последние определялись предприятиями-заготовителями и менялись по регионам и административным районам, оставаясь более или менее зависимыми от спроса и цен на мировом пушном рынке и, прежде всего, на пушном аукционе в Санкт-Петербурге. Таким образом, заготавливающие предприятия, деятельность которых практически не регулируется, зачастую практикуют закупку пушнины по неоправданно низким ценам, неравноценный обмен пушнины на продовольствие и спиртные напитки. В Каларском районе с конца 1990-х годов попеременно работало несколько подобных МУПов, закупавших у охотников пушнину по

заниженным ценам. Так, например, в 2002 г. в пунктах приема пушнины в Каларском районе средние цены составляли 40 руб. за белку и 800-900 руб. за соболя, в то время как средние цены на пушнину на петербургских аукционах составляли 50 долл. США за шкуру соболя и 4,5 долл. США – за шкуру белки. В 2002–2005 гг. наметилась тенденция роста цен на пушнину по сравнению с их резким спадом в 1990-х годах, однако закупочные цены на пушнину в северных поселках остаются неизменно заниженными¹³⁵. Также известны случаи нечестного поведения предпринимателей, скупающих пушнину на севере Забайкалья. Так одно муниципальное предприятие по приему пушнины, возглавляемое «приезжим», так и не выплатило охотникам деньги за реализованных соболей, сообщив о пожаре на складе хранения пушнины и о своей дальнейшей ликвидации. Поэтому сегодня местные охотники, в т.ч. эвенки, настороженно относятся к деятельности заготовительных предприятий:

Раньше колхоз был, а сейчас частников ищем. Теперь, когда развалилось ТОО по приему пушнины, не знаю, куда они [сыновья и муж] будут сдавать. Директор ТОО тоже человек хитрый – у него ни отчетности не было, пушнину принимал по низкой цене, а потом перепродавал ее где-то. Надо чтобы ведомства в Чите следили за тем, чтобы пушнина действительно шла на аукцион, и поддерживали только честных предпринимателей. Я-то точно знаю цену пушнины, которая зависит от цвета, от размера...¹³⁶

В Тунгиро-Олёкминском районе в 2004 г., по официальным данным, действовало муниципальное унитарное предприятие «Тунгирпушнина», заключавшее с охотниками договора о поставке им необходимых продуктов и снаряжения в сезон охоты и реализацией пушнины¹³⁷. В 2010 г. в районе было зарегистрировано уже четыре предприятия, занимавшиеся охотничьим промыслом – МУП «Тунгирпушнина», ООО «Олёкма», ООО «Тунгирохота», община КМНС «Таежный путь». В охотничий сезон на промысел по договорам с ними выходит более 60 охотников-профессионалов и 150 охотников-любителей¹³⁸.

В Тунгоченском районе в 1990-е годы было зарегистрировано более 80 крестьянско-фермерских хозяйств, которые быстро распались в последующие годы. В 2006 г. в районе работало четыре охотничье-промысловых хозяйства. Эти предприятия, возглавляемые

представителями иных этнических групп, фактически поделили между собой все территории, на которых поколениями охотились местные эвенки. Сегодня охотники-эвенки не могут закрепить за собой «родовые» угодья и, продолжая охотиться там, должны сдавать пушнину, частным предпринимателям, которые оказались более быстрыми и юридически подкованными для того, чтобы оформить все бумаги, необходимые для аренды промысловых участков:

Получается, что они [братья] охотятся на своих участках только по привычке, а по привычке той, что на этой земле их прадеды и деды когда-то охотились и кочевали. Вот, например, у моей семьи участок назывался «Кингила» – это с районного центра, из Верх-Усуглей надо до Кыкера проехать 96 км. плюс еще от Кыкера 180 км. до Зеленого Озера и от Зеленого Озера еще 200 км. Вот там кочевали именно мои предки. И там они охотились. И когда мои родители КФХ оформили, там естественно и были сделаны и есть лабаз и все для того, чтобы там охотиться и жить в период охоты. Когда это все позакрывалось – получается, что за частным предпринимателем закреплен наш участок – они все равно, мои братья, как туда ездили, так туда и ездят охотиться. Но пушнину они сдают уже тому человеку, за которым закреплен этот участок¹³⁹.

По словам информаторов, в Тунгокоченском районе происходит ущемление прав и постепенное вытеснение эвенков из охотничьего промысла. Так, например, предприятия, с которыми охотники заключают договора, выделяют им отдаленные участки на расстоянии 200-250 км. от поселков, куда сложно добираться, а также принимают пушнину по заниженным ценам, которые не всегда покрывают расходы на снаряжение и транспорт и приносят какой-либо доход:

В зимнее время, когда открывается охотсезон, многие мужчины-охотники занимаются охотпромыслом, заключают договора на охоту с частными предпринимателями... Договора эти заключаются на кабальных условиях, пушнина принимается по низкой цене, порой хватает только покрыть все расходы, связанные с договором. А у многих имеются семьи, и жить надо еще до следующего охотсезона. И некоторые, чтобы выжить, стараются сдать пушнину по выгодной цене другим заезжим предпринимателям и из-за этого страда-

ют. Их грозят выгнать с охотучастка, не заключают договора. А это значит, что нет ни лицензии, ни охотснаряжения, и опять же звенк не может материально обеспечить семью. Имеются случаи, когда умирает глава семьи, и его детям не дают участок, где охотился их отец¹⁴⁰.

Итак, деятельность промыслово-заготовительных предприятий на российском Севере в постсоветский период характеризовалась уменьшением государственных закупок пушнины и переходом этой сферы в частный и муниципальный сектора. Эта тенденция отражается и в показателях закупки пушнины. Так, в 1990 г. государственные закупки пушнины в хозяйствах всех категорий в Каларском районе составили: соболя – 966, горностая – 391, белки – 7859, зайца-беляка – 7859, ондатры – 1451, колонка – 84; в Тунгиро-Олёкминском: соболя – 1607, горностая – 62, белки – 6633, зайца-беляка – 574, колонка – 618; в Тунгокоченском: соболя – 1091, горностая – 624, белки – 15 652, зайца-беляка – 20 780, колонка – 12,8¹⁴¹ (табл. 6). При этом реальные показатели заготовки пушнины, вероятно, в несколько раз превышали официальные в связи с тем, что в 1990-х годах потоки нелегально добываемой и сбываемой пушнины резко выросли.

Из-за отсутствия единой государственной системы учета заготавливаемой пушнины соответствующие данные, предоставляемые частными предприятиями, фрагментарны и неточны. Так, известно, что в Тунгиро-Олёкминском районе в 2009 г. объемы пушнины, заготавливаемой и реализуемой на международном пушном аукционе в Санкт-Петербурге, составляли 2-3 тыс. шкурок соболей на сумму 6-8 млн. руб. Кроме промысловой пушнины на этих же предприятиях ежегодно заготавливается около 2-3 тонн мяса диких промысловых животных (лось, северный олень) и примерно такой же объем выловленной рыбы¹⁴².

В Каларском районе заготовка мяса дикого оленя и лося происходит нерегулярно. Так, в 2003 г. в пос. Чапо-Олого, по официальным данным, было заготовлено 150 ц. мяса диких животных¹⁴³. Основная часть мяса добытого зверя шла на внутреннее потребление. В отдельных случаях, при больших объемах добычи мясо отвозилось, преимущественно, в районный центр, где оно реализовывалось по договорам с частными лицами и организациями¹⁴⁴.

Оленеводство

Современная ситуация в оленеводстве на севере Забайкальского края отражает общее кризисное состояние и основные проблемы этой традиционной отрасли в целом по стране¹⁴⁵. Если одни исследователи считают кризис оленеводства на Росийском Севере одним из этапов непрерывной социо-культурной адаптации оленеводческих народов¹⁴⁶, то другие рассматривают его как необратимый процесс, усилившийся с распадом плановой экономики¹⁴⁷. С началом экономических реформ сельскохозяйственные, в т.ч. оленеводческие, предприятия Севера оказались в состоянии глубокого экономического кризиса. Диспаритет цен на продукцию сельского хозяйства и промышленности, удаленность центров производства и возросшие цены на транспортировку, а также снижение уровня государственной поддержки вызвали резкий спад в развитии оленеводства в 1990-х годах. Это привело к сокращению основных фондов оленеводческих предприятий и возникновению многочисленных проблем в управлении отраслью¹⁴⁸. В районах эвенкийского транспортно-го типа оленеводства, снижение численности поголовья происходило плавно и не носило обвального характера, как в северо-восточном очаге оленеводства¹⁴⁹. Однако и здесь в 1990-е годы поголовье оленей уменьшилось в 4-9 раз¹⁵⁰.

На севере Забайкальского края в 1990-х – начале 2000-х годов наблюдалась устойчивая тенденция сокращения поголовья оленей. В 1990 г. здесь было 9509 голов, в 1992 – 8644, в 1994 – 7629, 1996 – 3039, в 2000 – 914, в 2003 – 582 (диаграмма 7). За период с 1990 по 2003 г. количество оленей в трех северных районах Забайкальского края сократилось более чем в 16 раз. Кризис оленеводства достиг своего пика в конце 1990-х годов, когда эта отрасль оказалась на грани исчезновения.

Деградация оленеводства началась в период экономического кризиса и развала совхозов и была вызвана ослаблением контроля над отраслью, бесхозяйственностью и стремлением к наживе управляющих совхозами в переходный период. Быстрое сокращение совхозного поголовья оленей являлись результатом забоя оленей на мясо, раздачи скота совхозным работникам в счет заработной платы, в частные подсобные хозяйства, где они впоследствии забивались, одичания оленей, оставленных без присмотра, потравы оленьих стад хищниками

и отстрела стад браконьерами. Так описывают информаторы беспорядки, начавшиеся после распада совхоза «Северный» в Каларском районе:

Олени исчезали из-за БАМа – с вертолетов оленей тогда убивали, воровали. Только сейчас об этом узнаю. Некоторые олени падали со скалы неподалеку... Некоторые на этом нажились, но на чужом добре все равно не разбогатеешь... При колхозах забивали оленей в больших количествах – директорам было все равно, они были приезжие из Бурятии, обогащались на этом¹⁵¹.

Многие оленеводы с большим стажем работы при реорганизации совхозного хозяйства получили в собственность небольшое количество оленей. Однако немногим из них удалось сохранить полученных оленей и продолжить заниматься оленеводством:

При перестройке нам оленей как пай раздавать стали в зависимости от того, сколько лет в совхозе проработал: кому – 5, кому – 15, кому – 40 оленей дали. Я получил 15 оленей, потом растерял их. Я их в стадо отпустил, они там и растерялись, другие одичали, а какие остались – брату отдал, – вспоминает бывший бригадир-олeneвод П. Мальчакитов¹⁵².

Небольшие стада оленей удалось сохранить в Каларском и Тунгоченском районах, в то время как в Тунгиро-Олёкминском районе оленеводство находится в критическом состоянии. По официальным данным на 1 января 2009 г., в Забайкальском крае насчитывалось 1427 оленей, в том числе в Каларском – 897, в Тунгоченском районе – 431, в Тунгиро-Олёкминском – 99. В Каларском районе было сосредоточено около 70% поголовья оленей в крае. Наибольшее количество оленей числилось в родовой общине «Геван» (около 1000 голов), а также в ряде личных подсобных хозяйств (236 голов). В Тунгоченском районе официально было зарегистрировано 3 хозяйства, но, в действительности, развитием оленеводства занимается лишь ООО «Баюн», насчитывавшее около 500 голов¹⁵³. В реальности эти цифры могут завышаться хозяйствами с целью получения больших субсидий за сохранность поголовья:

Много причин, почему оленей стало меньше. Раньше личное стадо было 30-40 оленей. Это еще мало считалось. В настоящее время по трем северным районам – 1200 оленей. И то эта цифра завышена. Например, я не знаю, сколько у нас в Тунгокоченском районе оленей осталось, а в Тунгиро-Олёкминском осталось 25-36 оленей – купили они там новых оленей и держат. И то держит Геннадий Федорович, которому 79 лет, жена у него умерла. Никто не хочет держать – его не станет, не станет и оленей¹⁵⁴.

В Каларском районе поголовье оленей в постсоветский период значительно колебалось. Если еще в 1993 г. в пос. Чапо-Олого насчитывалось, как минимум семь эвенкийских семей, владевших 182 оленями, то к 2002 г. ни у одной из этих семей оленей не осталось¹⁵⁵. К 2003 г. у 4-5 эвенкийских семей, зарегистрированных в поселке, насчитывалось 145 личных оленей¹⁵⁶. В среднем у каждой семьи было по 10-15 оленей, которые выпасались в более крупных стадах, принадлежащих родственникам или друзьям.

В 2009 г., помимо общины «Геван», в районе было зарегистрировано два индивидуальных предпринимателя и шесть личных хозяйств, занимающихся развитием оленеводства. По сведениям Министерства территориального развития Забайкальского края, были выделены субсидии за сохранность поголовья, размер которых в сумме достиг 1 млн. руб. (в расчете на каждого теленка, достигшего 6-месячного возраста)¹⁵⁷.

В Тунгокоченском районе разведением оленей на практике занимается эвенкийское хозяйство «Баюн». По словам информаторов, это хозяйство сегодня испытывает большие трудности, связанные с закреплением земель, незаконным отстрелом домашних оленей другими землепользователями или браконьерами, травлей оленей хищниками (волками):

У Николая Яковлевича Арунеева единственного в районе есть олени. Он до сих пор не может закрепить за собой олени пастбища. Почему он не может закрепить? Вот именно потому, что угодья в районе распределены между частными предпринимателями. А каждый предприниматель – у него и русскоязычные охотники, не только эвенки – выделяет охотникам угодья. А олень же дикое животное – оно мигрирует, оно ищет, где летнее пастбище, где зимнее... И получи-

лось так, что олень забрел на территорию другого охотника – это его охотугодь – он не смотрит. И вот была проблема в Амурской области (я не знаю, разрешалась она или нет), когда отстреливали ездовых оленей и даже важенок домашних оленей. Они говорили: «У них на лбу не написано, что это домашний». Вышел из тайги – они думают, что это дикий и расстреливают. И так же у нас – вот у Николая Яковлевича такая же проблема. Дело в том, что надо за ним закрепить такую территорию, чтоб на ней были оленье пастбища для миграции оленей: летнее пастбище – зимнее пастбище. Олень же не спрашивает, он же не корова, за изгородь его не загонишь – туда-сюда ходит. Я вот думаю, что надо это на федеральном или областном уровне принять решение – это не решишь на районном уровне – чтобы изучить продуктивность оленьих пастбищ. И тогда если будет выделено отдельное оленье пастбище, может быть, у нас начнется прирост оленей, – считает специалист по межнациональным отношениям администрации Тунгокоченского района¹⁵⁸.

Характеристики современного оленеводства свидетельствуют об отходе от мясошкурного направления с регулярным забоем домашних оленей и постоянным присмотром оленеводческих бригад за стадами, которое практиковалось в колхозно-совхозный период. Со времен реорганизации совхозов наблюдается возврат к некоторым досоветским формам оленеводства с полувольным выпасом и использованием оленя на транспорте. Такой возврат, однако, по многим случаям стал вынужденным, и был вызван кризисным состоянием оленеводства после распада совхозов, когда ухудшились условия быта оленеводов, исчезли самые необходимые средства связи, прекратился регулярный ветеринарный осмотр стад и увеличился падеж домашних оленей.

Эвенки, работающие в настоящее время в оленеводческих хозяйствах, осуществляют полувольный выпас оленьих стад, приближенный к традиционному, досоветскому типу. К основным оленеводческим мероприятиям относятся разведение дымокуров *самџин*, которые летом спасают оленей от назойливого гнуса, подпиливание рогов, кастрация быков-годовиков осенью и проведение отела весной. Присмотр за стадом усиливается в период созревания грибов, которыми часто травятся телята, и во время гона, когда дикие олени уводят из стада домашних.

Олени, как и прежде, используются в качестве транспортного средства: летом на них ездят верхом или навьючивают грузом, а зимой запрягают в нарты. В постсоветские кризисные годы роль оленя как транспортного средства значительно возросла в связи с деградацией существовавшей системы сообщения и высокими расценками на топливо для вертолетов, вездеходов и грузовиков.

*В основном, используем оленей для перевозки грузов при кочевании, на охоте запрягаем в нарты. Верхом ездим на оленях в хороших местах, в плохих идем пешком*¹⁵⁹.

Кроме транспортного направления оленеводства, распространено также доение важенок: из густого питательного оленьего молока готовят одно из любимых оленеводами блюд – взбитые сливки *итык*. Забой домашних олений происходит крайне редко, т.к. рацион эвенков почти круглый год пополняется мясом диких северных оленей, лосей, благородных оленей.

В существующих условиях рынка большая часть оленеводческих предприятий российского Севера находится ниже уровня устойчивости. Лишь крупностадное оленеводство, распространенное на Европейском Севере в Ненецком и Ямало-Ненецком округах, может быть прибыльной отраслью хозяйства в отдельных случаях. Проблемы же таежного оленеводства, по мнению исследователей, можно решить лишь путем его интенсификации, что противоречит самой сути этого типа оленеводства¹⁶⁰.

К факторам, осложняющим развитие оленеводства, сегодня относятся: необоснованная ценовая политика, отсутствие рынков сбыта продукции, организационно-технические проблемы (нарушение структуры стад, отсутствие зоотехнической и ветеринарной работы, недостаточная техническая оснащенность, отсутствие условий для переработки продукции), демографическая и кадровая ситуация (недостаток женщин в тайге), экологические факторы (рост популяции дикого северного оленя, загрязнение и разрушение пастбищ, травля животных хищниками) и т.д.

Неблагоприятное воздействие на состояние оленеводства на севере Забайкальского края оказывают низкие цены на оленину: в 2003 г. 1 кг мяса домашнего оленя стоил 50-70 руб. При этом отсутствует рынок сбыта продукции, из-за чего мясо, а также панты оленя продаются

частным лицам на основе устных соглашений, и лишь в редких случаях – организациям по заниженным ценам. Очень остро стоят проблемы технической оснащённости: в оленеводческих хозяйствах, как уже упоминалось, отсутствуют необходимые технические и транспортные средства. Бытовые условия оленеводов сводятся к удовлетворению минимальных человеческих потребностей. Даже зимой эвенки-олeneводы живут в продуваемых ветром брезентовых палатках или в обветшалых щитовых домиках на оленеводческих комплексах. Обработка сырья, например, пошив зимней одежды и постели из оленьих шкур осуществляется женщинами, живущими в поселке, и носит натуральный характер.

Актуальной демографической проблемой является гендерный сдвиг или диспропорция мужского и женского населения, занятого в оленеводстве и ведущего кочевой образ жизни в тайге. Например, в Каларском районе в родовом хозяйстве Н. Даниловой оленеводством занимается пожилая эвенкийская пара, которой помогают родственники. В других оленеводческих бригадах распространён вахтовый метод ведения оленеводства. Например, «ядро» общины «Геван» составляют холостые или разведенные мужчины-олeneводы. Летом на стойбище приезжают женщины и дети, которые остаются там непродолжительное время, в основном, в период летних каникул. При этом среди холостых молодых эвенков, занятых в оленеводстве, ощущается острый «дефицит невест». Среди женатых оленеводов часто встречается раздельное проживание супругов, мужчины работают в тайге, оставляя свои семьи в поселках. Одним из социально-экономических последствий гендерного сдвига является то, что оленеводы должны «разрываться» между поселком и стойбищем, с одной стороны, и присмотром за стадом и «домашней» работой, выполнявшейся в советское время чумработницами, с другой¹⁶¹.

В последние десятилетия в оленеводческих хозяйствах севера Забайкальского края работали преимущественно эвенки-олeneводы со стажем, имеющие навыки обращения с оленями и присмотра за стадом. Молодые люди, выбравшие профессию оленевода, как правило, не имеют какой-либо специальной подготовки и проходят обучение непосредственно на месте, т.е. на оленеводческом стойбище или «в стаде». Большую роль здесь продолжает играть фактор культурной преемственности: наиболее умелыми оленеводами становятся те мо-

лодые эвенки, которые с детства кочевали с родителями, помогая им ухаживать за оленями¹⁶². В то же время молодые люди всё меньше хотят заниматься оленеводством и кочевать. Эвенк-старейшина пос. Тунгокочен, вспоминая о своем кочевом детстве, говорит:

Все хотели так жить [кочевать], а сейчас даже оленей не стало. Среди эвенков оленеводов-то и нет – оторвались они. Дети не общаются. Мастерицы были, делали унты. Вот, в Юмурчене сколько... Придешь в магазин – унты висят, настоящие шапки, беличьи подделки. Ну, как-то ведь делали это все. А сейчас этого не увидишь. Никто не делает, да и оленей-то стало очень мало. Такое же положение у нас и в Чаре¹⁶³.

К экологическим факторам, затрудняющим развитие оленеводства на севере Забайкальского края, относится, прежде всего, проблема одичания домашних оленей, которая обостряется на фоне ослабления наблюдения за стадом. Например, в хозяйстве Н. Даниловой в конце 1990-х годов пропало целое стадо оленей (около 200 голов), которое, по ее словам, «одичало»¹⁶⁴. В хозяйстве Ильдиновых во время гона были случаи увода домашних оленей дикими и, наоборот, «прибивания» к домашнему стаду диких оленей. Оба этих явления считаются неблагоприятными для развития оленеводства, а потомство, полученное от скрещивания домашних и диких оленей, во многих случаях считается «полудиким», строптивым и зачастую забивается¹⁶⁵.

Проблема загрязнения и разрушения пастбищ так же, как и в случае с охотугодыями, ассоциируется информаторами с индустриальным развитием БАМа, ростом числа браконьеров из числа «бамовцев», «приезжих» и «туристов». К последним относятся не только обыкновенные туристы, но и члены геолого-разведывательных экспедиций и местная элита (предприниматели и управленцы). Остро стоит и проблема лесных пожаров, в результате которых гибнет флора и фауна северной тайги и нарушается кормовая база оленеводства.

Людей в тайге стало много! Ходят одинокие охотники... продукты стали пропадать... Я не разрешаю им [туристам] тарбаганить или ходить на охоту на козла. Природу надо беречь. Русским лишь бы сейчас красиво поест. Подрали – надо идти за добычей, чтобы не сгнило. Сколько находим останков подстреленных зверей!

*Раньше охотники к нам приходили за подмогой, брали собак и догоняли зверя. Олени выносливые, много груза могут везти..., но им ягель нужен. Вот сгорела тайга – и негде им уже жить*¹⁶⁶.

Сегодня перспективы выживания и возрождения оленеводства вызывают у информаторов противоречивые мнения и чувства. Будучи когда-то общераспространённым традиционным занятием и гордостью эвенков, оно перестало составлять основу жизнеобеспечения подавляющего количества оседлых семей, продолжая свое существование в разрозненных хозяйствах. Многие эвенки, всю жизнь проработавшие оленеводами, каюрами или зоотехниками, надеются на возрождение оленеводства и копят деньги на покупку домашних оленей:

*Оленеводство воссоздать будет сложно, хотя есть желание. Все стада забили, а теперь 1 олень стоит около 10 тысяч. Теперь те, у кого есть небольшие стада по 10-15 оленей, берегут их, так как поняли, что эвенк и олень – это единое целое*¹⁶⁷.

Учитывая низкий уровень материального благосостояния эвенкийского населения и проблемы, которые сегодня переживает сельское хозяйство в целом и оленеводство в особенности, подобные планы трудноосуществимы без существенной государственной поддержки, а также желания и готовности молодежи заниматься этим. Тем не менее, практически все опрошенные нами в 2001–2006 гг. эвенки сходили во мнение о том, что оленеводство, как и традиционное хозяйство эвенков севера Забайкалья в целом, необходимо сохранять и возрождать:

Конечно, возрождать вновь трудно, но все-таки надо, прежде всего, оленеводство. Вот эту летнюю стоянку Коли [Арунеева] – чтобы он не один занимался... Каких-то предпринимателей надо организовывать, чтобы только не один был. А раньше было так: учился я здесь, мои родственники здесь ездили на оленях, охотились. И сейчас - то же самое. Надо этих оленей давать охотникам, чтобы охотились. Действительно, олень предназначен для того, чтобы трудиться, ездить. А сейчас же ведь ни один человек не охотится на олене – все пешком. А пешком-то далеко ли уйдешь? На коне не поедешь так, как на олене. Для того чтобы это все сделать, надо, прежде всего, возрождать охотпромысел, охотпромысел в широком масштабе, и здесь же пристроить оленеводство. Передавать [знания] – это значит с

*эвенками самими разговаривать... Дети наши прямо-таки так заинтересованы и оленями и охотой. Вот направлять надо, учесть*¹⁶⁸.

Подсобные отрасли

Еще одним занятием, традиционно дополняющим охоту и оленеводство, у эвенков по-прежнему является рыболовство. На смену промышленному вылову рыбы, существовавшему в колхозах и совхозах, в постсоветский период пришло рыболовство ради собственного потребления. Рыболовство является одновременно и подсобным хозяйственным занятием, ведущимся попутно с охотой или оленеводством, и популярным хобби. По словам эвенков из пос. Чапо-Олого, современная жизнь в северных поселках Забайкалья немыслима без охоты и рыбалки:

*Чтобы в деревне жить, нужно охотиться, рыбачить. Все мои сыновья – охотники и рыболовы*¹⁶⁹.

Рыба занимает второе по значимости (после мяса) место в рационе питания. Почти каждая эвенкийская семья, живущая в поселке, занимается ловлей рыбы и ее заготовкой на зиму: обычно ее солят и замораживают либо готовят сушеную рыбу *юколу*. Наиболее часто встречаемые породы рыб – сорога, хариус, ленок, реже – таймень и др. Поселковые эвенки обычно рыбачат летом, кочевые и полукочевые хозяйства ловят рыбу круглый год попутно с ведением охоты и оленеводства. Зимой распространен подледный лов. Кочевые эвенки-олeneводы ловят рыбу лишь для собственного потребления, никогда не заготавливая ее впрок.

Летом рыбачим для себя, но едим все – и рыбу, и мясо. Зимой тоже уезжаю на рыбалку, мешаю мужу охотиться – он боится, что я где-нибудь утону, – говорит оленевод Н. Данилова¹⁷⁰.

Некоторые семьи имеют моторные лодки, что позволяет им заниматься рыбной ловлей в более удаленных от населенных пунктов местах: в р. Чара, ее притоках, в многочисленных озерах, расположенных группами. Основным способом рыбной ловли является использование сетей, традиционные орудия лова в настоящее время не применяются.

Следует отметить, что роль рыболовства возросла в условиях кризиса, особенно среди оседлых эвенков, не имеющих ни возможности

охотиться или заниматься оленеводством, ни дополнительных средств к существованию. Фактически в период перестройки ловля рыбы стала едва ли не основным из традиционных занятий поселковых эвенков.

Однако в настоящее время ведение рыболовства среди эвенков севера Забайкальского края осложняется рядом факторов. Во-первых, влияние оказывает экологический фактор – местные жители жалуются на то, что в связи с распространением браконьерства и незаконного вылова рыбы в неограниченных количествах ресурсы ихтиофауны постепенно истощаются. Во-вторых, освоение рыбных ресурсов в необходимых объемах затруднено в связи с отсутствием у большинства коренных жителей снастей и подвесных моторов для лодок. О таких факторах, как, например, наличие рынка сбыта или фиксированных цен на рыбу, в данном случае речи не идет в связи с тем, что после распада совхозов, в рамках которых рыболовство было источником сырья для звероводства, эвенки вернулись к прежней досовхозной системе вылова рыбы для собственного потребления.

После распада совхозов скотоводство и растениеводство стали самыми распространенными занятиями в большинстве личных подсобных хозяйств эвенков. В последние десятилетия эти занятия не утратили своего значения: во многих населенных пунктах, где проживают эвенки, скотоводство и огородничество остаются важным подспорьем при отсутствии или недостаточной продуктивности других источников жизнеобеспечения. Сегодня практически во всех хозяйствах пос. Чапо-Олого есть огород, в котором выращиваются картофель, капуста, другие овощи. Некоторые эвенкийские семьи также держат крупный рогатый скот (в основном, коров), хотя информаторы отмечают неудобства, связанные с содержанием коровы по сравнению с оленеводством.

Еще одна животноводческая отрасль, введенная в хозяйственный комплекс севера Забайкалья в период совхозов – клеточное звероводство – сегодня практически исчезло. В постсоветский период происходило неуклонное резкое сокращение поголовья серебристо-черных лисиц в северных районах. В 1995 г. их общее поголовье составило 1154 голов. Максимальное количество лисиц содержалось на зверофермах Каларского района и достигало 800 голов – к 2002 г. здесь сохранилось лишь 13 лис¹⁷¹. Так вспоминают о звероводстве жители пос. Чапо-Олого:

*Было и звероводство. Только здешняя ферма, одна на весь район, держала черно-бурых песцов, которые очень хорошо продавались на аукционе. В перестройку кормить лис тало нечем, и теперь от фермы осталось одно название*¹⁷².

Таким образом, процветавшие в период совхозов растениеводство, скотоводство, коневодство, птицеводство сегодня способны развиваться лишь в рамках отдельных подсобных хозяйств, утратив свое прежнее значение и удельный вес в рамках сельского хозяйства Забайкальского края. Такая отрасль, как звероводство, практически полностью исчезла в местах компактного расселения эвенков. Современное кризисное состояние перечисленных сельскохозяйственных отраслей можно объяснить несколькими причинами. С биолого-ресурсной и природно-климатической точек зрения на севере Забайкалья лишь небольшой процент земель (преимущественно в районе Витимского плоскогорья) является пригодным для развития земледелия и скотоводства. В частности, многие эвенки указывают на недостаточность кормов и травы для скота¹⁷³.

Таким образом, будучи нерентабельными уже в рамках совхозной, скотоводство, и особенно, звероводство, потерпели крах после отмены государственных закупок и дотаций и распада системы снабжения товарами и комбикормами. Перспективы развития этих отраслей на севере Забайкалья остаются неясными в условиях кризиса, который сегодня переживает российское сельское хозяйство в целом.

Формы собственности и организации хозяйства

Постсоветский период (перестройка и начало 2000-х годов) стали временем перемен на российском Севере – менялись виды предприятий, формы собственности и организации хозяйства. В частности, на севере Забайкальского края экономические реформы и изменения в законодательстве¹⁷⁴ повлекли за собой череду хозяйственных преобразований. В начале 1990-х годов начался довольно длительный процесс реорганизации колхозов, совхозов, госпромхозов и леспромхозов, который, в идеале, должен был привести к полному переходу этих предприятий в частную собственность. На практике же этот процесс породил такое явление, как «скрытое предпринимательство», при котором социальная и экономическая деятельность, основанная на част-

ных интересах, протекала под прикрытием коллективной собственности и просоветской коллективистской идеологии¹⁷⁵. Это «переходное» состояние характеризовалось тем, что на протяжении ряда лет совхозы продолжали свое существование на бумаге либо в качестве рамочных структур, на базе которых организовывались предприятия с иным правовым статусом и новыми, часто комбинированными формами собственности.

Преемниками совхозов и госпромхозов стали крестьянско-фермерские хозяйства, получившие широкое распространение на Севере РФ и, в том числе, в Читинской области в 1990-е годы¹⁷⁶. Вступление в силу Указа Президента РФ¹⁷⁷ об организации территорий традиционного природопользования и приоритетном использовании их традиционных природных ресурсов коренными народами Севера стало стимулом для организации хозяйственных объединений КМНС. В документах они фигурировали как КФХ или как семейно-родовые хозяйства. Так, к 1995 г. в трех северных районах Читинской области было зарегистрировано 48 КФХ, в т.ч. 8 оленеводческих, 6 охотопромысловых, 1 коневодческое и 33 «родовых общины», за которыми было закреплено в общей сложности более 1,5. млн. га. Больше всего хозяйств было зарегистрировано в Каларском (14) и Тунгокоченском (31) районах (табл. 16).

Однако из документов и официальных данных последующих лет ясно, что хозяйства, зарегистрированные во время этого всплеска предпринимательской активности на севере Забайкалья, в конечном итоге распались, официально, из-за нерентабельности и нежизнеспособности. Однако, по словам информаторов, реальными причинами их распада были отсутствие юридических и финансовых знаний, вызывавшие проблемы с оформлением документов, и другие причины, мешавшие главам хозяйств участвовать в принятии решений о реорганизации предприятий и управлении территориями традиционного природопользования¹⁷⁸. Уже к 1999 г. в Каларском районе осталось 6 оленеводческих и 1 коневодческое хозяйства, в Тунги́ро-Олёкминском – 1 «родовая община», в Тунгокоченском – 5 охотопромысловых хозяйств, за которыми в совокупности по трем районам было закреплено 662 024 га земли¹⁷⁹. Эвенки из Тунгокоченского района так вспоминают о периоде создания КФХ:

Тогда по приказу Ельцина – он разрешил создание общинно-родовых хозяйств, чтобы каждый из наших (каждая семья или поодиночке) создал отдельное хозяйство, [зарегистрировали] за каждым хозяйством по 40 000 гектаров. Мы все закрепили – у каждого свой участок был. А потом все хозяйства закрыли разом. Им надо было, чтобы были юридические лица... А всю эту бумажную волокиту, бухгалтерию вести они не могли. Я даже не смогу. Они хотели, чтобы это было как фермерское хозяйство, т.е. налоги, отчисления. А они это на уровне области – я не знаю, на каком основании – взяли, закрыли и на 4 разделили все эти хозяйства. И теперь у нас четыре хозяина на район. Все земельные угодья разделили между собой М. с Усть-Каренги, на Зеленом К., Б. и на Юмурчене, слава богу, Т. – у него и там, как будто бы, какое-то хозяйство, но ему и тут хватает. А вот в том году чуть из Читы какой-то не купил всю землю¹⁸⁰.

С принятием ФЗ «Об общих принципах...»¹⁸¹ начался новый этап в развитии родовых хозяйств коренных малочисленных народов Севера, которые привлекал и продолжает привлекать внимание исследователей и самих представителей КМНС. Несмотря на то, что в юридических документах фигурирует термин «родовая община КМНС», на практике принцип родовой принадлежности членов общины не является основным. Современные общины КМНС – это, как правило, мобильные коллективы людей, объединенные на основе территориально-соседских, родственных и дружеских связей и функционирующие на базе коллективно-долевой собственности. Поскольку родоплеменную структуру большинства локальных групп эвенков восстановить невозможно из-за того, что эвенки часто не помнят своей родовой принадлежности и понимают смысла родового деления, официально закрепленный термин может использоваться лишь условно. Его употребление оправдано тем, что российское законодательство дает ему расширительное толкование с целью подчеркнуть специфику уклада жизни и хозяйства коренных народов Севера¹⁸². Например, в общине «Геван», зарегистрированной в Каларском районе, работают эвенки, а также буряты и русские, объединенными территориальными, семейно-родственными и дружескими связями. Наличие необходимой законодательной базы и желание самих северян и сочувствующих им исследователей обрести в лице общины структуру, которая бы выполняла

функцию органа самоуправления, не помогли общине стать таковой. Прерогативу самоуправления КМНС оставляют за собой, как и прежде, общественные организации, в то время как общины остаются хозяйственными объединениями¹⁸³.

Основными видами хозяйственной деятельности общин КМНС севера Забайкалья сегодня являются оленеводство, охотпромысел, а также рыболовство и пошив традиционной одежды, объединенные под общим названием «традиционный хозяйственный комплекс». Одновременно развиваются и новые занятия – этнотуризм, организация экспедиций, в том числе исследовательских¹⁸⁴. В первые годы после принятия специального федерального закона деятельность общин на севере Забайкальского края оценивалась по-разному: одни информаторы смотрели на нее с оптимизмом, другие – с настороженностью и сомнением.

Раньше после распада колхозов много общин начали образовывать – кого только не было, и никакой работы не велось. Все было только на бумаге. Чтобы хозяйство работало, надо, чтобы деньги крутились. Вот сколько им кредитов безвозмездных давали – что толку, никто не вернул, никто не работает. Меня тоже спрашивают, почему я с сыновьями не организую общину. Но ведь прежде, чем ее организовывать, надо деньги иметь, надо грамотным быть, надо специалистов хороших иметь. Вот С. год уже с бумагами носит, а толку никакого нет¹⁸⁵.

Слова информаторов иллюстрируют сложные экономические и правовые проблемы, с которыми сегодня сталкиваются общины. Основной из них является отсутствие стартового капитала у большинства желающих зарегистрировать общины. Задачей тех, кто уже состоит в общине, является сохранение экономической устойчивости хозяйства или, хотя бы, его самоокупаемости в сложных условиях рынка. Зачастую осложняет ведение дел общины отсутствие финансовых и юридических знаний и квалифицированных специалистов в составе общин. Как показывает практика и исследования, проведенные в Тунгокоченском районе, преуспевают те хозяйства, у которых есть возможность нанять бухгалтера и юриста или периодически получать их консультации и поддержку:

Я со своими братьями разговаривала и говорила: «Давайте соберемся со всеми силами и оформим все бумаги на нашу землю, на которой охотились наши предки». Они уже просто боятся. Как было с КФХ, сначала все было хорошо, а потом резко взяли и закрыли. Да они говорят: «Ладно, уж, пока охотимся на своих участках». Пока. Пусть все будет пока так – а там видно будет. Конечно, это и не решение, это и не выход, но пока что не хотят. А я думаю, как председатель районной Ассоциации, конечно, были бы у нас свои юристы, свои подкованные юристы – в нашем районе нет таких людей, которые бы с таким желанием, азартом помогли бы нам. А если бы были наши – тот же экономист, тот же юрист, который бы все «за» и «против» взвесил и рассказал, и показал. Но нет такого образования у председателя районной ассоциации! Если бы было такое образование, я бы всячески своим людям помогла – не только своим братьям, но всем эвенкам, потому что в тяжелейших условиях мы живем¹⁸⁶.

Кроме финансовых затруднений и отчуждения земель под освоение другим предприятиям, тормозят процесс образования новых общин частичная утрата навыков ведения традиционного хозяйства, пространственная и культурная маргинализация эвенкийского населения, нежелание местных и региональных органов власти оказывать содействие в выделении земельных участков¹⁸⁷.

Наряду с КФХ и родовыми общинами в северных районах Забайкальского края с конца 1990-х годов начали возникать государственные и муниципальные унитарные предприятия (ГУПы или МУПы) и ООО, которые становились владельцами бывшей государственной собственности. Этническая специфика хозяйственных объединений такова, что родовые общины возглавляют, преимущественно, эвенки, а МУПы и ГУПы – представители русскоязычного населения, как местные жители, так и мигранты из бывших советских республик. Если первые пытаются вести комплексное хозяйство, в основе которого лежат традиционные занятия эвенков, то вторые занимаются, преимущественно, коммерческой деятельностью – заготовкой пушнины и снабжением местного населения продуктам и товарами. На сегодняшний день на севере Забайкальского края сосуществуют предприятия,

как с государственной, так и с муниципальной, акционерной, коллективно-долевой и частной формами собственности.

Природопользование эвенков и индустриализация

Важным регулятором хозяйственной деятельности коренных народов Севера является их особое экологическое мировоззрение, основанное на системе обычно-правовых и морально-этических норм. На протяжении веков это мировоззрение позволяло им понимать глубокий смысл взаимоотношений между ресурсами живой природы, состоянием популяций диких растений и животных и хозяйственной деятельностью человека и вырабатывать отлаженные механизмы взаимодействия с окружающей средой¹⁸⁸. Такой тип мировоззрения, отчасти присущий современным эвенкам, занятым в традиционных отраслях хозяйства, лежит в основе их традиционных знаний и практик природопользования, формируя комплекс осваиваемых территорий и их ресурсов.

В сознании эвенков, ведущих неоседлый образ жизни, до сих пор отсутствует четкое представление о собственности на землю, а понятия *владения* и *пользования* землей относятся к одной категории. Однако у каждого кочующего коллектива существует концепция «своей земли»¹⁸⁹ – территории, с которой связаны происхождение и традиционные промыслы эвенков, и границы которой определяются с помощью особых знаков или территориальных маркеров¹⁹⁰. Понятие «своя земля» тесно связано с категорией «знания» территории обитания у эвенков и многих других народов Севера¹⁹¹. Существенно отличаясь от категории знания в понимании западного человека, эта категория вбирает в себя множество аспектов и оттенков значения. Это и сообразительность, помогающая выжить в экстремальных обстоятельствах, и умелые действия человека, дающие ему «право» на равноправные взаимоотношения с землей, и понимание особенностей ландшафта и поведения животных, лежащее в основе традиционных занятий. Такое знание реализуется в практиках природопользования эвенков, например, в особой технологии ведения оленеводства, учитывающей погодные условия, особенности типа растительности и рельефа и местоположение других оленьих стад и т.д.¹⁹²

Культурный ландшафт мест обитания оленеводов и охотников представляет собой сложное сочетание накладывающихся друг на

друга элементов окружающей среды, существующих на материальном и нематериальном (духовном, символическом, когнитивном) уровнях. С материальной точки зрения, инфраструктура и окружение типичного летнего поселения, расположенного в горно-таежной местности и населенного оленеводами и пасущимися неподалеку оленями, включает брезентовые палатки *дю*, загоны и изгороди для оленей *курэ*, дымокуры *самђун*, лабазы *ноку* и другие хозяйственные постройки. Летнее поселение, в свою очередь, представляет собой лишь одно из местоположений, включенных в систему многочисленных поселений и кратковременных стоянок и соответствующих годовому циклу касланий эвенкийских оленеводов и охотников, осваивающих территорию. В целом в инфраструктуру территорий, занимаемых различными кочевыми группами, также входят т.н. «оленеvodческие комплексы», срубные избушки, построенные в последние годы заготовительные пункты, лабазы различных видов, складские и другие хозяйственные постройки, используемые в течение всего года. Следы хозяйственной деятельности эвенков ведут к неизбежным трансформациям природных таежных ландшафтов, хотя и гораздо менее выраженным по сравнению с другими отраслями экономики. Поселения с прилегающей к ним системой хозяйственных построек, лабазов, изгородей и других сооружений, срубленные деревья, участки со срубленной растительностью, расположенные в местах поселений и пастбищ, наряду с затесами и зарубками на деревьях, объединяющих все эти объекты в единое пространство, формируют «материальную» зону интенсивного антропогенного воздействия на окружающую среду¹⁹³.

Надежным символическим средством обмена информацией между различными кочевыми коллективами или отдельными обитателями тайги, осваивающими общую территорию, служит система условных обозначений–затесов и зарубок на коре деревьев, растущих вдоль кочевых троп или на заброшенных (недействующих) таежных поселениях. Затесы и зарубки на деревьях традиционно оставались с помощью особого эвенкийского топора *пальмы*, а в настоящее время–с помощью обычного топора или ножа, во время каслания или охоты для обозначения пути или направления движения родственной или соседской группы. Роль территориальных маркеров и указателей также могут играть личные и семейные принадлежности, различные сооружения, остовы или жерди палаток, оставленные на заброшенных

(недействующих) таежных поселениях. Такие условно «занятые» поселения или территории, как правило, могут использоваться лишь с разрешения хозяев оставленных вещей¹⁹⁴.

Священные и культовые места представляют собой элементы культурного ландшафта, наиболее полно раскрывающие традиционное мировоззрение эвенков. К этим местам относятся природные объекты (озера, острова, горы, скалы, холмы, деревья, населенные, по представлениям местного населения, духом/духами местности), родоплеменные территории (территории, на которых кочевали предки), захоронения и погребальные комплексы¹⁹⁵. Сохранившаяся среди забайкальских эвенков система священных мест включает родовые территории с особым ограниченным режимом природопользования, культовые лабазы, посвященные духам животных (например, лабаз с развешенными на нем когтями, головой и глазами медведя, посвященный этому зверю; лабаз с захороненными на нем рогами, копытами и костями, посвященный оленю, культовые лабазы, посвященные духам животных, деревья *обо* (посвященные божеству местности, земли – *Барелаку/Барелаке*¹⁹⁶), места захоронений и семейных/родовых кладбищ¹⁹⁷.

Экологическое мировоззрение кочевых эвенков предопределило существование некоторых сохранившихся ресурсосберегающих норм и обычаев. В частности, сохраняется бережное отношение ко всем промысловым животным: действует принцип «бери от природы ровно столько, сколько необходимо».

Особую роль среди животных играет олень, являющийся символом культуры и объектом традиционного хозяйства эвенков. Домашние олени обычно забиваются по случаю большого праздника, в качестве угощения в честь дорогих гостей или при крайней необходимости (например, при отсутствии другой пищи). При этом белых оленей, которые считаются сакральными, забивать запрещено. Добытые на промысле дикие северные олени (так же, как домашние олени, изюбри, лоси и другие крупные промысловые животные) утилизируются полностью: их кости никогда не выкидывают, складывая на специально построенный лабаз¹⁹⁸.

Таким образом, некоторые элементы традиционного экологического мировоззрения эвенков сегодня продолжают регулировать хозяйственную деятельность эвенков, занятых в традиционных отраслях. Особенно важными элементами мировоззрения являются те, которые

определяют привязанность эвенков к определенным территориям, в границах которых кочевали их предки, смысл бережного отношения к природе, животному миру, принципы особого отношения к культовым местам. Сочетание материальных и нематериальных черт освоения территории и пространственной организации образует целостный культурный ландшафт неоседлого эвенкийского населения, в котором жилища и хозяйственные постройки, организованные в комплексы поселений, неразрывно связаны с духовной культурой, фольклором и мировоззрением этой этнической группы и местного сообщества в целом.

Современное мировоззрение и практики природопользования поселковых эвенков, несмотря на общую ориентированность на сохранение среды обитания и жизнедеятельности, далеко не однородны и более существенно, по сравнению с кочующими эвенками, отличаются от традиционных¹⁹⁹. Заметное влияние на них оказывали ослабление зависимости от охоты и оленеводства и трансформации системы жизнеобеспечения в период социально-экономических преобразований²⁰⁰. Как показывает исследование современной адаптивной стратегии эвенков Красноярского края, полный возврат к традиционному природопользованию и экологическому мировоззрению не представляется возможным²⁰¹, однако можно говорить о некоторых элементах традиционного мировоззрения, сохранившихся в виде «усеченной» системы соционормативных регуляторов²⁰².

В действительности, постепенное оседание эвенков в поселках на протяжении XX века и трансформации их хозяйственного уклада в постсоветский период привели к необратимым изменениям экологического мировоззрения и утрате некоторых навыков ведения хозяйства (особенно, оленеводческого). В силу привычки в эвенкийских семьях, занятых в традиционных отраслях, сохраняются элементы некоторых обрядов, например, захоронения костей животных на лабазах, и некоторые нормы («не надо трогать чужое»). В то же время многие обычаи ресурсосберегающего характера уже не действуют. Практически исчезло сакральное отношение к домашнему оленю, медведю и другим животным. Жительница пос. Чапо-Олого Каларского района рассказывает о том, как изменилось отношение людей, особенно, молодых к животным:

Раньше эвенки к нему [медведю] относились, как к человеку. Думали, что он все понимает и мысли читать умеет. Называли его только амикан (дедушка), коҕномо (черный). Я помню, какие раньше захоронения делали, сколько саламата варили, говорили «кук», а будешь сказать – дедушка бил по голове. Когда медведя убивали, его легкие и внутренности перемальевали варили в большом тазу или на сковородке, а потом подавали. Каждый, перед тем, как съесть ложку говорил «кук». Однажды за медведем погнались собаки, и я за ним побежала, за это меня дед прутом бил... Я даже до десяти лет не видела, как оленя забивали. Бабушка меня всегда уводила в лес. А сейчас оленя молодые парни для праздника прямо на площадке посреди поселка забивали. Я кричала на них: «Что же вы делаете?!» Это ведь развивает садизм. Раньше люди неглупые были – они эти традиции веками накапливали...²⁰³.

Трансформации прежней системы взаимоотношений с природным ландшафтом среди оседлых эвенков, ведут к перепрomyслу и нарушению проверенных временем экологических норм. Эти случаи, впрочем, несопоставимы по своим масштабам с браконьерской деятельностью и слабо контролируемой эксплуатацией природных ресурсов представителями некоренного населения северных районов, занятого с добывающей и транспортной (БАМ) промышленности²⁰⁴.

Проблема распределения природных, в частности, земельных ресурсов, связана с юридическим статусом территорий, на которых эвенки вели традиционную хозяйственную деятельность. В 1992 г. в соответствии с упомянутым выше указом Президента РФ «О неотложных мерах...» был разработан проект выделения территорий традиционного природопользования на севере Забайкальского края и были установлены временные правила использования их природных ресурсов. Основными принципами выделения территорий стали: национальный критерий, природно-ресурсный, экологический и инфраструктурный. Согласно первому принципу, локальные группы эвенков, ведущие традиционное хозяйство, выделялись в основную группу пользователей; одновременно предусматривались возможности ведения традиционного природопользования для других групп коренного населения. Природно-ресурсный потенциал территорий фиксировал региональные различия и границы ТТП. Экологический принцип использовался для

приравнивания статуса ТТП к естественным «антропологическим заповедникам» или «этническим территориям» с ограниченным режимом хозяйственной деятельности. И, наконец, инфраструктурный критерий использовался для привязки ТТП к существующей сети поселений и выделения базового поселения²⁰⁵.

В результате ряда постановлений Главы администрации Читинской области, принятых в 1994 г.²⁰⁶, в трех северных районах на землях лесного фонда были выделены ТТП коренных малочисленных народов Севера. Их площадь составила: в Каларском районе – 1208950 га, в Тунгиро-Олёкминском районе – 1 586 790 га, в Тунгокоченском районе – 1 349 860 га. Выделенные территории были поделены между различными общинно-родовыми коллективами и производственными кооперативами, занимавшимися оленеводством и охотпромыслом, в расчете по 40 тыс. га на одного охотника. Однако к 2000 г. действовавшие в пределах ТТП промысловые и оленеводческие хозяйства распались, и основная часть выделенных территорий осталась официально не закрепленной за какими-либо пользователями (табл. 16)²⁰⁷.

В действительности, в первые годы после распада хозяйств эти территории использовались не по назначению. Однако эвенки продолжали «по привычке» продолжали оставаться на «своих» землях. Так вспоминают о реорганизации хозяйств информаторы в Тунгокоченском районе:

Получилось так, что за каждым, например, за К.К., закреплено было крестьянско-фермерское хозяйство. И [в районе] было 81 крестьянско-фермерское хозяйство, и за ними были закреплены земли. Это было все юридически прописано, и потом, когда крестьянско-фермерские хозяйства закрылись, они [люди] остались на своих же участках²⁰⁸.

Последнее десятилетие было ознаменовано появлением многочисленных предприятий, в основном, заготовительных, которым в достаточно быстрые сроки удавалось арендовать земельные участки. В результате в северных районах Забайкальского края началось отчуждение территорий, которые когда-то были отведены для развития комплексного хозяйства эвенков, основанного на оленеводстве и охоте. В настоящее время эвенки, желающие работать – охотиться и кочевать на землях, которые они традиционного считают «своими», вынуждены

заключать договора с зарегистрированными предприятиями, арендуемыми эти территории.

Земельный вопрос и по сей день продолжает оставаться «камнем преткновения» при организации общин и других видов хозяйств эвенков севера Забайкальского края. Два крупнейших оленеводческих хозяйства – община КМНС «Геван», зарегистрированная в Каларском районе, и ООО «Баюн» в Тунгокоченском районе, испытывали и продолжают испытывать большие трудности, связанные с закреплением пастбищ, необходимых для развития оленеводства. Основными причинами ситуации, сложившейся в сфере традиционного природопользования на севере Забайкалья, являются отсутствие соответствующих региональных законов и правоприменительной практики, возросшая конкуренция за земельные ресурсы, отсутствие государственного регулирования в сфере землепользования и поддержки в оформлении необходимых документов тем хозяйствам, которые в ней нуждаются.

Рамочный характер ФЗ «О территориях...»²⁰⁹ обуславливает необходимость выработки конкретных механизмов его реализации и принятия соответствующих законодательных актов на региональном и местном уровнях. В отличие от других регионов²¹⁰, в Забайкальском крае практически отсутствуют практика и механизмы внедрения федеральных законов о ТТП. Нет здесь и соответствующего регионального законодательства и положительной воли региональных и местных органов власти, необходимой для разрешения проблемы ТТП. Распространены случаи, в которых ранее закрепленные за коренными народами земли выставляются региональными и районными органами власти на конкурс, а земли, традиционно осваиваемые коренным населением, уходят в аренду другим пользователям. В результате нерегулируемыми остаются процедуры выделения ТТП и организации общин, территориальные споры между аборигенным и неаборигенным населением и статус священных и культовых мест эвенков. Председатель администрации Тугокоченского района В.К. Мальцев так прокомментировал эту ситуацию:

Я думаю, что сегодня дары природы, которые они [эвенки] традиционно призваны добывать, необходимо сохранять, но в то же время и проводить добычу. Но только проводить это планоно и обоснованно. И им необходимо создать такие условия, чтобы они

смогли этим промыслом заниматься. У нас это сегодня на уровне района практически исключено. Исчезли охотоведения: они когда-то обеспечивали их и кредитовали, когда они уходили на сезон охоты. Не все у нас в порядке с разграничением территорий, где они проводят свой охотпромысел. Нам еще много надо в этой части работать. Опираясь на законодательную основу вышестоящих структур, мы сталкиваемся с определенными трудностями: нет четкого разграничения в том, как закрепить за ними эти лесные территории – за тем или иным семейством или родом эвенкийским²¹¹.

Местные эвенкийские лидеры, работающие в государственных структурах, объясняют трудности в закреплении земель, особенно пастбищ, за эвенкийским хозяйствами отсутствием специальных региональных законов о территориях традиционного природопользования и об оленеводстве:

Получается, почему они [территории] не закрепляются за ними, ну, вот хотя бы за тем же Н. Арунеевым... Дело в том, что у нас нет в Читинской области закона о территориях традиционного природопользования. И все упирается в то, что в Читинской области нет регионального законодательства, областного. И вот вышестоящие чиновники (я не говорю про наших районных, наши районные – молодцы, конечно) нам говорят: «Мы не можем закрепить территории (вообще-то были когда-то прописаны эти территории), потому что закона нет». И принять они не могут, хотя мы голосуем за своих депутатов. Вот у нас недавно в октябре были дополнительные выборы – мы выбирали по северному округу. А воз и ныне там... Они не защищают нас. Ну а мы, мы стараемся, конечно. Они приезжают, нам кучу обещают... А вот, я думаю, что если все это решится на областном уровне, нам легче будет это на районном уровне решить. Поэтому я говорю, что наша районная администрация – они хотят, они могут, но все это упирается в областную²¹².

Отсутствие специальных региональных законов и механизмов реализации существующих федеральных, а также недостаточная административная и финансовая поддержка действующих эвенкийских хозяйств в Тунгокоченском районе ведет к тому, что оленеводческие пастбища на протяжении лет отчуждаются под освоение другим, как пра-

вило, охотпромысловым хозяйствам. В 2005–2006 гг. в районе назревала крупный территориальный конфликт между председателем оленеводческой общины и местными частными предпринимателями, заготавливающими пушнину, по поводу несанкционированного использования охотничьих угодий и пастбищ общины:

Большая часть [земель] закреплена за частными предпринимателями – вот если взять того же Н.А., который занимается оленеводством и охотой. Но т.к. часть его территории лакомый кусочек, его отобрали и выделили частному предпринимателю Б. И вот он ездил, побывал в области во всех инстанциях, и везде об этом говорит, и на круглом столе: «Моим оленям нужна большая территория, чтобы они паслись. Это не скотина» – это я говорю с его слов: «Олень ищет ягель и не будет он ходить так, как ходит домашний скот». Вот тех же коров, загонишь, и если их кормить, они вроде бы и существуют. А олень – это совсем другое животное, которое ходит само по себе. Им нужна большая территория, чтобы олень питался. И чтобы он не съел и не стоптал весь ягель на одном месте, надо кочевать на другое»²¹³.

В Каларском районе в последние годы на территориях промысловых угодий и оленьих пастбищ поочередно действовало несколько государственных и муниципальных предприятий, занимавшихся торговлей и закупкой пушнины у охотников по низким ценам. Это вело к тому, что эвенкийские хозяйства, которые после реорганизации совхозов и КФХ вели на этих территориях традиционное хозяйство, не могли закрепить за собой земли, формально занятые другими предприятиями. Общине «Геван» на протяжении нескольких лет не удавалось закрепить за собой территорию, на которой члены этого коллектива уже долгое время занимаются традиционными отраслями хозяйства:

У него [директора МУПа] оленей нет, только одна пушнина. А мы кочуем в этих местах, на этих территориях наши предки кочевали, и мы должны кочевать – говорит директор общины С.Н. Габышев»²¹⁴.

Хозяйства эвенков, занимающихся охотой и оленеводством на закрепленных за ними территориях, вынуждены проходить через долгие и дорогостоящие бюрократические процедуры переоформления документов на аренду земель, на которые у них нет ни времени, ни средств:

Это моя территория, я всегда здесь пасла оленей, и отец мой тоже. За ним эту территорию колхоз на 25 лет закрепил. Сейчас снова надо переоформлять документы. Но я не хочу переоформлять – нужны большие деньги. Если детям надо будет, пусть после переоформляют после моей смерти. Много волокиты, а я и писать толком не умею. Когда я была молодой и здоровой, я была нужна кому-то. Сейчас я постарела – никому не нужна. Сейчас И. [глава районной администрации] уйдет – неизвестно, кто будет после него»²¹⁵.

Растущая конкуренция за ресурсы между организациями, работающими в «традиционном» секторе, а также планы индустриализации региона обостряют земельные претензии и отношения между коренным и «пришлым» населением в целом. Об этом свидетельствует интервью с эвенкишкой из пос. Икабья Каларского района:

Я решила организовать предприятие и обратилась к И. по вопросу сдачи пушнины по выгодной цене... Но нужен был стартовый капитал. Я написала заявление в кредитную комиссию. Требованием был балансовый отчет за предыдущий год. У меня его не было, поэтому мне отказали... Помощи со стороны администрации в оформлении бумаг не было. Я найду деньги, чтобы зарегистрировать общину, но закрепить за собой территорию сложнее. Теперь на оформление бумаг на территорию уйдет 8-15 тысяч. Но также ходят слухи о том, что собираются провести нефтепровод по этой территории, и поэтому они не хотят ее закреплять. Зато очень быстро оформляют общины русские – для этого им достаточно 3-4 представителей из коренного населения»²¹⁶.

Перспективы развития традиционного хозяйства эвенков невозможно рассматривать в отрыве от национальной стратегии промышленного развития севера Забайкальского края²¹⁷. В настоящее время помимо транспортной промышленности, представленной здесь БАМом с прилегающей к нему транспортной системой, ставки в дальнейшем индустриальном освоении региона делаются на горнодобывающую отрасль. Темпы ее развития постепенно ускорились в советский и, особенно, в постсоветский периоды. Так, удельный вес отрасли в экономике севера края увеличился с 78,7% в 1965 г. до 91,1% в 1990 г. Развитие горнодобывающего комплекса и рост интереса крупных рос-

сийских и зарубежных игроков к недрам северного Забайкалья обусловлен большим природно-ресурсным потенциалом региона: запасами меди, коксующегося угля, цветных и редких металлов, сырья для химической и агропромышленной отраслей. Большинство открытых крупных месторождений меди, ископаемых углей, никеля, титана, россыпного золота сосредоточено в Кодаро-Удоканской геологической зоне Каларского района, где располагаются места компактного проживания эвенков и территории их традиционной хозяйственной деятельности. Наиболее перспективными индустриальными проектами, за участие в которых конкурируют крупные международные холдинги, здесь являются разработка Удоканского месторождения меди, Чинейского полиметаллического месторождения и Апсатского месторождения каменного угля.

Более скромный, по сравнению в Каларским районом, ресурсный потенциал Тунгокоченского и Тунгиро-Олёкминского районов может служить основой развития золотодобывающей промышленности. В Тунгокоченском районе основными горнодобывающими предприятиями являются ООО «Дарасунский рудник» и ООО «Агроголд», занимающиеся добычей золота подземным способом. Так же, как и в Тунгиро-Олёкминском районе, здесь функционирует ряд старательских артелей и мелких предприятий, ведущих отработку месторождений россыпного золота²¹⁸.

Наиболее крупным индустриальным объектом, который уже на протяжении многих лет оказывает негативное влияние на традиционный хозяйственный комплекс эвенков севера Забайкалья, является БАМ. За три десятилетия существования забайкальского участка БАМа произошли значительные изменения естественных ландшафтов тайги. Оленьи пастбища эвенков были «перерезаны» магистралью и загрязнены, а привычный ареал обитания промысловых видов фауны оказался нарушенным. Еще одна связанная с БАМом проблема – участившиеся случаи браконьерства среди «бамовцев», под которыми местное эвенкийское население иногда подразумевает не только строителей и специалистов БАМа, но также туристов и нелегальных предпринимателей, добирающихся по железной дороге в отдаленные уголки северной тайги, традиционно осваиваемые эвенками²¹⁹.

В целом, успех проекта строительства БАМа, проводившегося под советским лозунгом «индустриального прорыва», на севере Забайка-

ля относителен. За годы своего существования магистраль стала важной транспортной артерией региона и неотъемлемой частью хозяйственной деятельности местного населения. Однако предпринимавшиеся попытки интеграции традиционных отраслей в расширяющуюся индустриальную инфраструктуру не были успешными и не учитывали реальных интересов эвенкийского населения. Функционирование БАМа не только ухудшало состояние пастбищ и охотугодий, истощая их ресурсы, но и не решало острую проблему безработицы среди местных жителей – экономическая вовлеченность аборигенного населения в индустриальное развитие региона и транспортной промышленности, в частности, оставалась и остается минимальной²²⁰.

Крупнейшее месторождение горнопромышленного комплекса севера Забайкалья – Удоканское медное месторождение. Его предварительные запасы оцениваются в 1,3 миллиарда тонн, что составляет около 30 процентов всех запасов металла в России. Еще в 1970–1980-х годах был разработан проект строительства на основе Удоканского медного месторождения мощного горно-обогатительного комбината и промышленно-транспортного узла. Разработчики проекта планировали привлекать к строительству и эвенкийское население. Однако в связи с социально-экономическими проблемами этот проект так и не был реализован²²¹. В постсоветский период право разработки месторождения переходило от одной компании к другой. В 1992 г. лицензию на его освоение получило российско-американское СП «Удоканская горная компания», которое так и не начало работу, в результате чего в 1998 году государство отозвало лицензию. В 2008 году лицензия на пользование недрами Удоканского была переоформлена на ОАО «Михайловский ГОК», принадлежащий холдингу «Металлоинвест». В настоящее время холдинг ведет разработку месторождения совместно с госкорпорацией «Ростехнологии»²²². Однако ни один из этих разработчиков не предусматривает конкретных механизмов решения социальных проблем местного населения (например, создание и резервирование рабочих мест) и, тем более, не выделяет эвенков (КМНС) как отдельную группу, в отношении которой должна проводиться особая социальная политика.

Одно из крупнейших в мире по запасам и прогнозным ресурсам железных и медных руд – Чинейское месторождение, также расположенное в Каларском районе. В 2004 г. за право его освоения боролись

предприятия «Базовый элемент», «СоюзМеталлРесурс», ОАО «Российские железные дороги». ОАО «Забайкалстальинвест» арендовало у Чарского лесхоза земельный участок под промышленное освоение, получило положительное заключение экологической экспертизы и, по сообщениям местной прессы, выразило готовность к отчислению средств на реализацию социальных программ в районный бюджет. Однако в опубликованном интервью с генеральным директором компании ничего не говорилось об интересах коренного эвенкийского населения, ведущего традиционный образ жизни на территориях, отведенных под промышленное освоение²²³.

В последующие шесть лет проводились активные геологоразведочные работы, в которые, по некоторым данным, было вложено более 30 миллионов долларов. За эти годы был восстановлен и почти заново отстроен вахтовый поселок со всей инфраструктурой, было пробурено 16 километров разведочных скважин и проложено 15 километров подъездных автодорог, был подготовлен первый карьер и сформирован штат опытных специалистов. Основной проблемой, осложняющей разработку месторождения, является отсутствие инфраструктуры. Уже около десятилетия продолжается строительство железнодорожной ветки Чара-Чина-Карьерная, ведущей к месторождению, по которой планируется транспортировка добытого сырья²²⁴. В настоящее время «En+ Group» и консорциум южнокорейских инвесторов при участии государственной корпорации Korea Resources Corporation (KORES) планируют создание совместного предприятия для разработки Чинейского месторождения полиметаллических руд, строительство горно-обогатительного комбината. Для реализации этих планов необходимо строительство инфраструктуры, которое в настоящее время практически не ведется²²⁵.

Потенциальную угрозу для традиционного природопользования также представляет разработка Апсатского месторождения, открытого в 1949 году и расположенного в 40 км от станции Новая Чара Каларского района. Особенность месторождения состоит в том, что в его недрах сосредоточены как каменные угли коксующихся марок, так и метан. Освоение месторождения осложняется сложным рельефом местности (перепад высот), вечной мерзлотой и недостроенной транспортной инфраструктурой. По данным СМИ, газовый трейдер «Итера», получивший лицензию, планирует потратить около 700 млн. руб. на геологоразведку этого угольно-газового месторождения. В соответст-

вии с условиями лицензии компания должна на первом этапе провести поисково-оценочные работы. На следующих этапах компания обязана предоставить на госэкспертизу оценку запасов угля и запустить горнодобывающее предприятие. В 2010 г. компания «Итера» пробурила первые пробные скважины на месторождении и планирует начать добычу высококачественного коксующегося угля до 2017 г.²²⁶ Несмотря на то, что освоение этого месторождения еще не оказывает существенного влияния на окружающую среду и хозяйство эвенков, у компании в настоящее время также нет какой-либо стратегии взаимодействия с местным населением.

Таким образом, дальнейшее развитие индустриального комплекса севера Забайкалья без учета интересов коренного населения представляет собой потенциальную угрозу для хрупкой экосистемы северного Забайкалья, и, особенно, для традиционного хозяйственного комплекса эвенков. Планы интенсивной разработки указанных месторождений без учета интересов местного населения создают почву для конфликтов, в частности, между хозяйствами эвенков, кочующими на этих территориях и горнодобывающей промышленностью. Конечно, степень разрушительного воздействия функционирующих индустриальных объектов на севере Забайкалья еще не так велика, как, например, в Западной Сибири²²⁷. Однако уже сегодня необходимо организовать систему постоянного мониторинга земель, отведенных под промышленное освоение, а также предъявить жесткие требования к проведению экологической и этнологической экспертизы перед началом работы горнодобывающих компаний и обращать более пристальное внимание на потребности традиционного хозяйства эвенков. Представляется, освоение забайкальского Севера должно ориентироваться на преимущественное использование возобновляемых ресурсов, создавая при этом благоприятные условия для развития традиционных отраслей хозяйства. Такая ориентация поможет защитить природную среду, которой был нанесен определенный ущерб в процессе строительства и начавшейся эксплуатации БАМа и разработки Удоканского месторождения, и сохранить культурный и хозяйственный уклад коренного населения забайкальского Севера.

Социально-экономические проблемы

Современное социально-экономическое положение эвенков севера Забайкальского края отражается в таких показателях, как занятость, уровень благосостояния и качество жизни. Резкое уменьшение степени социальной защищенности населения страны, произошедшее в годы перестройки и кризиса, негативно отразилось на жизни эвенков, в особенности. И сегодня их уровень социально-экономического благополучия в несколько раз ниже, чем у остального населения северных районов края. Такие актуальные современные проблемы коренного населения, как, например, безработица и низкий уровень жизни, порождают неуверенность в завтрашнем дне и ведут к потере жизненных ориентиров, алкоголизации и маргинализации. В конце 1990-х – начале 2000-х годов наблюдалось резкое снижение занятости и уровня жизни эвенков. При этом большинство безработных из числа КМНС в центрах занятости не регистрировалось. В последующие годы уровень безработицы среди эвенков севера Забайкальского края оставался высоким. В 2004 г. в местах компактного проживания эвенков проводилась Программа занятости КМНС севера Читинской области в 2004–2006 гг. В мероприятиях программы, направленных на занятость несовершеннолетних, трудоустройство особо нуждающихся в социальной защите, профориентационная работа и обучение, принял участие 151 человек из числа КМНС²²⁸.

Среди официально занятых эвенков подавляющее большинство работает в бюджетной сфере – в детских садах и школах, местных администрациях, домах культуры, ФАПх в качестве нянь, учителей, директоров школ и домов культуры, библиотекарей, младшего медицинского персонала и чернорабочих. Так, в 2001 г. среди трудоспособного населения пос. Чапо-Олого 32 человека работало в бюджетных организациях, в т.ч. 21 – в детских учреждениях²²⁹. На 2003 г. в Чапо-Олого из 74 чел. в трудоспособном возрасте было занято 28 человек²³⁰. По данным регионального отделения АКМНС, в этом же году работающее эвенкийское население составляло 28 чел., из которых 5 работало в поселковой администрации, 10 – в школе, 4 (в т.ч. 1 по совместительству) – в детском саду, 7 (в т.ч. 1 по совместительству) – в СДК и РДК, 1 – в ФАПе. В 2003–2004 гг. число официально занятых эвенков в пос. Чапо-Олого возросло в связи с открытием общины, ряды

которой пополнило 17 человек. Остальная часть эвенков официально нигде не работала. Поскольку Чапо-Олого является «показательным» национальным поселком, то проблема безработицы среди коренных жителей в других населенных пунктах района стоит еще острее.

Еще одну категорию населения севера Забайкалья составляют частично занятое население – поселковые эвенки, работающие на приусадебных участках, а также охотники и оленеводы, занятые на сезонных работах (промыслах). Эвенки, проживающие оседло в поселках, заняты разведением скота и огородничеством в своих личных подсобных хозяйствах, в то время как охотники ведут промысел самостоятельно (иногда нелегально) или в рамках зарегистрированных хозяйств. При этом такая частичная занятость либо имеет характер натурального хозяйства, либо приносит доход, обеспечивающий лишь самые важные потребности. Например, охотник из пос. Чапо-Олого не может устроиться на такую работу, которая позволяла бы ему прерываться на сезон охоты (с октября до апреля):

Сейчас не работаю летом, только зимой охочусь. Если устраиваться на работу, надо бросать охоту²³¹.

Однако, некоторые мужчины, частично занятые в традиционных отраслях, в свободное время подрабатывают на временных подсобных работах – в качестве строителей, печников, кочегаров. Для остального эвенкийского населения, оторванного от традиционных занятий, основой жизнеобеспечения является личное подсобное хозяйство. Они выращивают картофель, капусту, свеклу, морковь, держат коров.

В 2004 г. в Каларском районе среди коренного эвенкийского населения официально числилось лишь 88 безработных²³², хотя в реальности их было гораздо больше. В поселке Чапо-Олого в 2003 г., по данным районного Управления экономики, было 8 безработных, а по данным АКМНС – 43 человека, включая временно неработающих. Такое расхождение в цифрах объясняется тем, что подавляющее большинство неработающего эвенкийского населения не состояло на учете в Бюро трудоустройства. Слова директора сельской школы А. Габышевой подтверждают это:

В селе всего около 200 человек взрослых, из них официально работает в наших бюджетных организациях 29 человек. Человек 20

*стоят на учете официально, остальные нигде не стоят. Например, охотники – они сами по себе*²³³.

В 2009 г. в Центр занятости населения Каларского района обратились за содействием в поиске работы 88 человек из числа КМНС, из которых 45 человек были признаны безработными, а 61 человеку была предоставлена работа. Один раз в квартал в места компактного проживания КМНС выезжали специалисты из Пенсионного фонда. Они вели прием граждан по вопросам социальной защиты и оформления пенсий, пособий и субсидий на коммунальные услуги²³⁴.

В Тунгоченском районе в службе занятости в 2006 г. было зарегистрировано лишь 5 человек из числа эвенков, в 2010 – 3. Такие низкие цифры объясняются, прежде всего, скрытой безработицей, отсутствием инфраструктуры и денежных средств для поездки в районный центр, где находится Бюро трудоустройства.

В службе занятости на сегодня зарегистрированы всего лишь 5 человек из числа эвенков. Хотя в северных селах Тунгочен, Зеленое Озеро, Красный Яр, Юмурчен, Усть-Каренга по-прежнему идет скрытая безработица. Безработные эвенки не могут зарегистрироваться в службе занятости, так как надо выезжать в райцентр 2 раза в месяц, а у них на это нет ни средств, ни транспорта и отсутствие дорог весной, летом и осенью, только по зимнику. В селах почти нет никакого производства, работают только бюджетные учреждения (школа, детский сад, администрация сельского поселения). В зимнее время, когда открывается охотсезон, многие мужчины-эвенки занимаются охотпромыслом, заключают договора на охоту с частными предпринимателями²³⁵.

Слова главы местной АКМНС подтверждают, что безработица остается в ряду наиболее актуальных социально-экономических проблем эвенков Тунгоченского района:

Самая острая социально-демографическая проблема – безработица. Особенно остро она стоит в отдаленных северных селах. С ними даже нет сообщения – только по зимнику можно туда добраться. Во-вторых, у нас вроде есть и молодые специалисты, и люди со стажем, тем, которые до сих пор не могут устроиться на работу, потому что во время безработицы и перестройки люди стали спиваться. А сейчас, естественно, если человек пьет, то его выгоняют с работы. В конечном итоге, человек без работы дегра-

*дирует. Есть у нас и такие люди, среди них есть и специалисты. Они живут за счет родственников или на детские пособия*²³⁶.

В возрастном аспекте наблюдается тенденция роста безработицы среди звенков молодого поколения. Многих пожилых информаторов беспокоит проблема трудоустройства и будущего современной звенкинской молодежи. Лишь немногие молодые звенки, уезжающие на учебу в другие города и поселки, затем находят работу и оседают там. Одни молодые специалисты, вернувшись в родной поселок, не могут найти работу по специальности и пополняют ряды безработных, другие – устраиваются на работу, как правило, в сфере образования и культуры (воспитатели, учителя, библиотекари и т.п.). Среди молодых звенков, не имеющих полного среднего или среднеспециального образования, лишь небольшой процент людей состоит на учете по безработице. Местное бюро по трудоустройству регулярно предлагает безработным звенкам возможность обучения на подготовительных курсах с дальнейшим трудоустройством на работу в качестве кочегаров и подсобных рабочих, младшего персонала в бюджетных организациях. Однако многие молодые люди отказываются от работы по социально-психологическим причинам – неуверенность в своих навыках и способностях и сложность адаптации к новым условиям работы. Многим мешает отсутствие регулярного транспортного сообщения с райцентром – пос. Новая Чара, где предлагается большинство рабочих мест. Есть и категория населения с завышенными ожиданиями, представители которой отказываются от работы из-за низкой заработной платы или отсутствия интереса к предлагаемой работе²³⁷.

И, наконец, еще одну категорию безработных составляют поселковые люмпены. К ней относятся, преимущественно, бывшие охотники и оленеводы, потерявшие вместе со стабильной работой и зарплатой в совхозах стимул к трудовой деятельности и к существованию. Они живут, как правило, за счет социальных льгот и пособий. Именно среди этой категории незанятого звенкинского населения острее всего проявляются социально обусловленные заболевания (алкоголизм, туберкулез), часто ведущие к суицидам и девиантному поведению.

Таким образом, на севере Забайкалья за последние два десятилетия произошли сложные социально-экономические трансформации, приведшие к уменьшению доходов коренного населения вследствие

реформирования экономики региона, реорганизации существовавших ранее промышленных и сельскохозяйственных предприятий, объектов социально-культурной инфраструктуры. В начале 1990-х годов резко понизился уровень жизни эвенков севера Забайкальского края, ухудшились их субъективные оценки своих условий жизни и социально-психологическая удовлетворенность происходящими переменами. Наиболее резкое снижение уровня благосостояния отмечалось среди коренного населения, занятого в традиционных отраслях. В целом, показатели качества жизни КМНС, в частности эвенков, оказались намного ниже соответствующих показателей среди остального населения. По словам эвенков, опрошенных в ходе одного исследования, в ряду наиболее острых социально-экономических проблем в период перестройки стояли: резкий рост цен, пьянство и алкоголизм, пассивность людей. На сегодняшний день качество жизни КМНС остается низким: большинство коренного населения северных регионов находится за чертой бедности; остро стоят проблемы алкоголизма, полноценного питания и обеспечения жильем²³⁸.

По данным муниципальных образований денежные доходы эвенков в 2004 г. были в 3,2 раза ниже, чем у других жителей в районах их проживания, а среднедушевой доход представителей КМНС в 2 раза ниже среднедушевого дохода по области. В результате большинство эвенков находилось за чертой бедности. Например, в 2003 г. в пос. Чапо-Олого среднемесячная заработная плата составляла 2159 руб. среди эвенков, по сравнению с 2224 руб. среди всего населения. При этом в целом по поселку в этом же году доля населения с доходами ниже прожиточного уровня достигала 90%²³⁹.

В связи со значительными трансформациями традиционного хозяйственного комплекса и массовой безработицей изменилась структура доходов среди КМНС севера Забайкальского края. На сегодняшний день основными средствами к существованию среди эвенков являются заработная плата, пенсия и другие социальные льготы и выплаты и подсобное хозяйство/охотничий промысел. Наиболее значимый источник дохода – заработная плата – выплачивается официально занятым людям, как правило, работающим в административной и государственной сфере – в учреждениях медицины, культуры и образования. Пенсии являются основным средством к существованию для людей пенсионного возраста и инвалидов, проживающих в поселках.

Среди других социальных выплат, которые получают многие эвенки – субсидия на вывоз дров (в расчете на площадь жилья и доходы членов семьи), разовая адресная помощь малоимущим семьям, пособие по уходу за детьми и по безработице. Для безработных поселковых люмпенов пенсии и государственные пособия составляют основные средства к существованию.

Важнейшую роль в жизнеобеспечении эвенков в 1990-х годах стало играть натуральное хозяйство – огородничество и скотоводство на приусадебных участках и охотпромысел. В кризисные годы овощи, молочные продукты и мясо крупного рогатого скота и диких животных (оленя, изюрбя) стали основой рациона эвенкийских поселковых семей. Пушная охота, в отличие от мясной, также приносит небольшой доход отдельным охотникам и их семьям. Для кочевых эвенкийских хозяйств основой жизнеобеспечения стали традиционные отрасли – оленеводство и охота, также имевшие характер натурального хозяйства. Эти традиционные занятия практически не приносят эвенкам доходов, учитывая некоммерческий характер деятельности общин.

Даже у тех эвенкийских семей, доходы которых формируются из нескольких источников, например, за счет пенсии, зарплаты и социальных выплат, уровень жизни остается низким. Так, семья охотника О. Мальчакитова живет на пенсию жены и дополнительные доходы от сезонного охотпромысла. В отдельных случаях эвенкийские хозяйства пытаются вести полуплегальную предпринимательскую деятельность, продавая пушнину и мясо частным лицам. Однако для рядовых эвенков – членов хозяйств доходы от такой деятельности практически неощутимы.

Анализ структуры расходов эвенкийского населения севера Забайкальского края позволяет сделать вывод о том, что большинство эвенков тратит имеющиеся денежные средства, преимущественно, на питание и одежду. Основная часть доходов идет на продукты питания (сахар, крупы, чай и т.д.) и необходимую одежду. В случаях, когда имеются дополнительные денежные средства, они, как правило, расходуются на ведение подсобного домашнего хозяйства, занятие традиционными промыслами (на охотничье и рыболовное снаряжение, покупку лицензий и оформление разрешений на оружие). Даже при низком уровне доходов много средств тратится на алкогольные напитки, особенно среди маргинальной категории населения, живущей на

государственные пособия. Алкоголизация, психологическая зависимость от социальных пособий и утрата стимула к трудовой деятельности ведет к иждивенчеству, обнищанию, резкому ухудшению социально-бытовых условий и постепенной маргинализации местного населения. Так комментирует социально-экономическое положение эвенков Тунгкоченского района зам. главы администрации района по социальным вопросам Л.Г. Васильева:

Я считаю, что самая глобальная проблема – это ухудшение жилищных и социально-бытовых условий. Вот, сколько я бывала в семьях эвенков, когда мы помощь им возили перед школой... Ну, понятно кому мы эту помощь возили – тем, кто вообще не мог никак собрать детей в школу...И проблема в том, что условия ухудшаются, а они занимают иждивенческую позицию. В Каренге я была в одной семье из-за того, что Комиссия по делам несовершеннолетних (я являюсь председателем Комиссии по делам несовершеннолетних) вышла с ходатайством о лишении родительских прав одного мужчины-эвенка. Он не занимается вообще воспитанием, и дети его живут в семье его родственницы. Там, когда мы зашли в квартиру, хлев, можно назвать: печка одна и кровать с голой панцирной сеткой. Это же о чем говорит? Что деградирует человек, что не думает, о том, что на кровати должно что-то быть. Он пьяный был в это время. Значит, я сделала вывод, что него главное – не дети, а чтобы удовлетворить свои потребности. Я думаю, что все-таки вот это – главная проблема²⁴⁰.

Таким образом, социально-экономический кризис сильнее всего отразился на коренном населении севера Забайкальского края. Качество жизни и доходов эвенков и сегодня ниже, чем у остального населения. В большинстве случаев доходы эвенкийских семей не покрывают прожиточного минимума, что ведет к обнищанию населения, способствует развитию таких социальных пороков, как алкоголизация, маргинализация и утрата основных жизненных ценностей и ориентиров.

Государственное регулирование в условиях рынка

Социально-экономические реформы, ориентированные на переход к рыночным отношениям, и отказ от политики патернализма по отношению к КМНС в начале 1990-х годов привели к другой крайности – отмене социальных гарантий и практически полному прекращению государственной поддержки этой группы населения Севера. В результате положение КМНС, привыкших к постоянной государственной опеке как основному гаранту своего благополучия, резко ухудшилось. В этот период среди КМНС преобладали негативные оценки курса проводимых реформ, связанные с падением уровня жизни, отсутствием уверенности в завтрашнем дне, социальным расслоением и распадом СССР²⁴¹. Сложные условия жизни эвенков и негативные изменения, произошедшие в период перестройки, способствовали появлению ностальгии по ушедшим советским временам, особенно среди старшего поколения. Многие эвенки видят решение современных социально-экономических проблем в восстановлении существовавшей системы государственной поддержки традиционных отраслей хозяйства, государственного рынка сбыта продукции, субсидий на производство и техническое обеспечение хозяйств и установлении вертикальной системы управления и контроля²⁴². В настоящее время государственная поддержка КМНС, оказываемая на основе законов, постановлений и целевых программ на федеральном, региональном и местных уровнях, направлена на развитие северных регионов и улучшение положения их коренного населения.

Социально-экономическая поддержка в виде социальных выплат и льгот юридически закреплена в ряде федеральных законов и программ²⁴³. В некоторых регионах также выделяется дополнительная поддержка основных сфер жизнедеятельности КМНС. Однако реализация программ зачастую срывается по таким причинам, как отсутствие адресата, смена идеологических установок, отраженных в законах, задержки или неравномерность финансирования или полное отсутствие средств. В целом анализ государственной поддержки северных регионов позволяет отметить ее постепенное уменьшение вплоть до прекращения финансирования во второй половине 1990-х годов²⁴⁴.

На севере Забайкальского края, как и в других регионах, для эвенков действуют официально установленные федеральные льго-

ты. Например, они получают существенные льготы на приобретение необходимых медикаментов и путевок на санаторное лечение. Кроме того, представители КМНС, включенные в категорию лиц, проживающих на Севере и в приравненных к ним местностях, получают право льготного проезда на железнодорожном транспорте один раз в два года. Эвенкийские семьи, попадающие в разряд малоимущих (а таких большинство), также получают субвенции на бесплатное воспитание/обучение и питание детей в детских садах и школах, льготы на вывоз дров с места их заготовки в поселок, субсидии на коммунальные услуги, разовую адресную помощь, которая в 2003–2004 гг. составляла 500 руб.²⁴⁵ В кризисные годы выплата пенсий и пособий зачастую задерживалась, однако, в начале 2000-х годов денежные пособия стали выплачиваться регулярно²⁴⁶.

Особое внимание, по крайней мере, официально, оказывается поддержке традиционных отраслей хозяйства. Так, на заседании Консультативного совета по делам КМНС при полномочном представителе Президента РФ в Сибирском федеральном округе подчеркивалась необходимость принятия мер по сохранению и развитию традиционных видов хозяйственной деятельности и народных промыслов КМНС путем организации государственных закупок продукции традиционных отраслей. В 2002 г., согласно ФЦП «Экономическое и социальное развитие...» на севере Читинской области был запланирован перечень мероприятий, включавших приобретение племенных оленей, изготовление изгороди, ветеринарное обслуживание оленей, борьбу с хищниками, приобретение оборудования для хозяйств в с. Средний Калар, пос. Чапо-Олого и с. Чара Каларского района. По этой же программе должны были проводиться работы по пересмотру границ традиционного природопользования с оформлением соответствующих нормативно-правовых документов, землеустроительные работы по определению продуктивности оленьих пастбищ и лесовосстановительные работы. В Тунгокоченском районе планировались выдача лицензий на отстрел диких парнокопытных животных, строительство промежуточной и временной базы для оленеводов, отстрел хищных животных, изготовление ограждений оленепастбищ в пос. Тунгокочен и пос. Усть-Каренга²⁴⁷.

В настоящее время действует краевая долгосрочная целевая программа «Экономическое и социальное развитие КМНС в Забайкаль-

ском крае на 2010–2012 годы», утвержденная Правительством Забайкальского края 7 июля 2009 года. Программа нацелена на создание в Забайкальском крае условий для формирования устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера на основе укрепления социально-экономического потенциала, сохранения исконной среды обитания, традиционного образа жизни и культурных ценностей этих народов. В ее задачи входят развитие и модернизация традиционной хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера; повышение качества жизни малочисленных народов Севера; создание условий для улучшения демографических показателей малочисленных народов Севера; повышение доступа к образовательным услугам малочисленных народов Севера с учетом их этнокультурных особенностей; сохранение культурного наследия малочисленных народов Севера. Мероприятия, запланированные в рамках программы, включают три блока: развитие экономики традиционных отраслей хозяйствования; развитие медицины, образования и культуры; модернизация инфраструктур в местах компактного проживания эвенков.

Мероприятия первого направления включают строительство оленеводческой базы в Тунгиро-Олёкминском районе, организацию пунктов по приему пушнины в трех северных района, строительство цеха по переработке шкур Тунгокоченском районе и подготовка экологического обоснования создания особо охраняемых природных территорий в Каларском и Тунгокоченском районах. Развитие социальной сферы включает строительство детского сада на 40 мест в пос. Заречное Тунгиро-Олёкминского района, интерната в пос. Тунгокочен и Центра эвенкийской традиционной культуры, а также разработку пособий по национальной культуре малочисленных народов Севера, поддержку промыслов и ремесел эвенков и проведение фестиваля малочисленных народов Севера «Мотивы Севера». Среди мероприятий, направленных на модернизацию инфраструктуры, обращает на себя внимание строительство домов для переселения представителей КМНС из ветхого и аварийного жилья и установка пунктов доступа к сети Интернет в северных районах²⁴⁸.

В 1990-е годы инстанцией, координирующей выполнение ФЦП и выплату льгот эвенкам, фактически была региональная АКМНС, ответственная роль которой снижалась на протяжении 2000-х годов. Сегодня реализацией программ поддержки КМНС в Забайкальском крае

сегодня совместно занимаются Министерство территориального развития, Министерство сельского хозяйства и продовольствия; Министерство образования, науки и молодежной политики; Министерство здравоохранения и Министерство культуры. Долгое время в крае не было какого-либо государственного органа, который бы целенаправленно осуществлял контроль над реализацией программ поддержки КМНС. В 2009 г. в рамках Министерства территориального развития был создан Совет по делам коренных малочисленных народов Севера в Забайкальском крае. В его состав вошло 19 человек, в т.ч. пятеро эвенков – президент и председатель краевой АКМНС, глава национального поселка Чапо-Олого Каларского района, депутат муниципального Совета и главный специалист по национальным вопросам администрации Тунгокоченского района. Совет играет роль совещательного органа, в основные задачи которого входит координация действий органов государственной власти и местного самоуправления в вопросах реализации государственной политики, защиты прав и гарантий КМНС края и обеспечения их социально-экономического и этнокультурного развития. Сам факт появления Совета является одним из достижений группы местных активистов и общественных деятелей, борющихся за права эвенков. Однако действительная роль этого органа в оказании поддержки КМНС Забайкальского края пока остается неясной. Будет ли он иметь реальный общественно-политический вес или останется еще одной инициативой на бумаге, во многом зависит от положительной воли госслужащих и общественных организаций, работающих в данном направлении.

Как показывает опыт двух предыдущих десятилетий, финансирование целевых программ, направленных на поддержку КМНС, поступает неравномерно, с задержками. Федеральные средства, выделяемые на реализацию программ, зачастую оседают в дотационном региональном бюджете Забайкальского края. Степень реализации запланированных мероприятий по целевым программам часто остается неизвестной из-за отсутствия точных данных о реальных объемах поступившего финансирования и выполненных работ. Например, из доклада Комитета экономики Администрации Читинской области за 2003 г. известно лишь, что по ФЦП «Экономическое и социальное...» в Читинской области было выделено 1,1 млн. руб. на закупку дизельных электростанций. При этом о реализации других мероприятий не сообщает-

ся²⁴⁹. В 2009 г. приоритетными мероприятиями в рамках этой программы были закупка дизель-генераторной установки для электроснабжения населенных поселков Тупик и Заречное Тунгиро-Олёкминского района, поставка горючесмазочных материалов для их работы и поддержка оленеводческих хозяйств за счет средств краевого бюджета²⁵⁰. На местном уровне также наблюдается дефицит материальных и финансовых ресурсов: силами районных и местных администраций решаются лишь отдельные острые проблемы эвенков (проезд до места отдыха или учебы, медицинское обследование и лечение, материальная помощь учащимся и нуждающимся, снабжение стройматериалами)²⁵¹. В результате поступающее финансирование является явно недостаточным для восстановления жизненно необходимых социально-экономических структур, разрушенных в период кризиса, а коренное население Каларского и Тунгокоченского районов по-прежнему страдает от отсутствия должного внимания со стороны властей:

Политика нашего государства показывает равнодушное отношение к КМНС. На заседаниях АКМНС, например, обсуждаются проблемы реализации программ, направленных на поддержку КМНС по России. Но средства, выделяемые в помощь эвенкам из Москвы, могут, например, осесть в Чите, – считает жительница пос. Чапо-Олого Каларского района²⁵².

До 2003 г. мы чувствовали поддержку, хоть небольшую, но все-таки было что-то, а сейчас вообще все затухло. Конечно, мы стараемся до своих людей донести, что это рыночные отношения, что все уже – давайте, люди, как-то жить, работать, растить своих детей и в то же время и культуру свою, и быт сохранять, а не надеяться на какого-то чужого дядю. Но все равно в Читинской области у нас получается (я точную статистику не знаю), в прошлом году на круглом столе говорили, что у нас по трем районам получается по 1 тысяче с небольшим на эвенка. И мы тогда задали вопрос: «Неужели область не может нас как-то чем-то поддержать?» – говорит глава АКМНС Тунгокоченского района Л.Д. Гарпанеева²⁵³.

По мнению главы АКМНС Забайкальского края Н.П. Габышевой, государство должно играть более важную роль в оказании поддержки

коренному населению, в сохранении и развитии традиционных отраслей хозяйства и ремесел, как это происходит в других странах:

*Необходима хотя бы первоначальная поддержка (1-5 лет) оленеводства, которая, например, выражалась бы в приобретении транспорта. Например, в Норвегии выделяется материальная помощь оленеводам и их семьям. У нас же у оленеводов нет даже палаток. Необходимо выделять средства для покупки снаряжения, оружия и патронов для охотников... Также необходим государственный рынок сбыта, как было раньше, государственные организации, которые бы проводили оценку пушнины и выдавали денежные доходы охотникам...*²⁵⁴

С другой стороны, в последние годы среди эвенков, особенно среди тех, кто добился определенного успеха, все чаще положительно оцениваются новые условия экономического развития, переосмысливаются принципы и результаты советской политики, осознаётся необходимость проявления активности в новых условиях:

*Там [при советской власти] было все расписано на год вперед... С детства привыкли ко всему готовому, везде, что в садике, что в школе, что в колхозе дадут одежду, накормят. Поэтому люди работать разучились, а сейчас уже жизнь показала, что надо шевелиться, думать, работать*²⁵⁵.

Таким образом, в постсоветский период отрасли хозяйства и формы природопользования, составлявшие основу жизнеобеспечения эвенков севера Забайкальского края в советское время, претерпели новые трансформации, связанные с социально-экономическим кризисом, отказом от протекционистской политики и резким, неподготовленным переходом к рыночной экономике. В некоторых районах в результате экономических реформ народы Севера оказались еще более изолированными, отрезанными от внешнего мира, чем накануне коллективизации²⁵⁶. И сегодня удаленность рынков сбыта и слабо развитая производственная инфраструктура большинства районов российского Севера, как правило, морально устаревшая техническая база, отсутствие условий для глубокой переработки продукции заставляют усомниться в возможностях самостоятельного выживания традиционных хозяйств в условиях рынка. В связи с негативными последствиями кризиса само существование традиционного хозяйственного комплекса эвенков, осо-

бенно такой его отрасли, как оленеводство, было поставлено под угрозу. Одновременно обострились экологические, юридические и экономические проблемы взаимоотношения традиционного хозяйства и индустриального комплекса, темпы развития которого, как и степень воздействия на среду обитания эвенков, постепенно возрастают.

Социально-экономические трансформации и провозглашенный «переход» к рыночной экономике привели к появлению на Севере новых гибридных форм собственности и предприятий, так или иначе связанных с традиционными хозяйственными занятиями эвенков. Основными препятствиями на пути развития хозяйств и общин КМНС являются неурегулированная процедура выделения ТТП, территориальные споры между представителями разных групп населения, отсутствие рынка сбыта и конкурентных цен на продукцию охотпромысла и оленеводства. К острым социально-экономическим проблемам эвенков севера Забайкальского края относятся высокий уровень безработицы, и низкие показатели благосостояния и качества жизни по сравнению с остальным населением, а также алкоголизация и маргинализация. Представляется, что решение всех этих проблем невозможно без вмешательства государства. Речь не идет о возврате к прежним патерналистским формам поддержки, которые когда-то способствовали развитию у КМНС иждивенческих настроений и чувства зависимости от государства. В современных условиях более целесообразным представляются пересмотр существующих концепций и законодательства, основанных на консервации, «традиционализации» хозяйства КМНС, с учетом требований времени и создание особых условий для адаптации хозяйств эвенков к рыночным отношениям. С этой точки зрения предпочтительной могла бы стать такая государственная политика, которая бы давала возможность возвратиться к традиционному образу жизни способным к этому и желающим этого людям²⁵⁷, координировала бы деятельность частных предпринимателей и процедуру распределения охотничьих угодий и пастбищ, и обеспечивала занятость и более высокий уровень жизни представителей коренных малочисленных народов Севера.

Культура эвенков: от «строительства» к «возрождению»

С началом провозглашенных в стране социально-экономических и демократических преобразований среди эвенков Забайкальского края изменился вектор развития образовательных, языковых и культурных процессов. В ходе переосмысления национальных культурных ценностей, пропагандировавшихся в советский период под лозунгом культурного строительства, на российском Севере начали появляться новые экспериментальные подходы и концепции культурного развития. Среди эвенков возрос интерес к изучению языка, фольклора, прикладного искусства, ремесел, обрядов и праздников своего народа, тесно связанный с общественно-политическим движением за возрождение этнической культуры.

Воспитание и образование вчера и сегодня

В сфере образования на Севере, несмотря на позитивные сдвиги, произошедшие в 1990-е годы, существует ряд нерешенных проблем, унаследованных от советской образовательной системы и обострившихся в условиях кризиса. Эти проблемы ограничивают возможности для получения полноценного школьного образования, которое позволило бы детям эвенков продолжить обучение в среднеспециальных и высших учебных заведениях.

Состояние системы школьного образования на Севере обусловлено воздействием ряда факторов. Если в одних регионах, например, в Эвенкии в постсоветский период отмечался рост числа школ²⁵⁸, то в большинстве других – их дефицит. Отсутствие школ во многих северных селах влияет на воспроизводство и демографические процессы среди местного аборигенного населения – ведет к миграциям и оттоку квалифицированных кадров. На севере Забайкальского края в населенных пунктах, где проживают эвенки, действуют дошкольные учреждения и начальные школы. Так, например, в пос. Чапо-Олого Каларского района работают детский сад и малокомплектная начальная школа, расположенные в одном деревянном здании. В 2002–2003 гг. в сельской школе обучалось 18 детей эвенков²⁵⁹. В некоторых населенных пунктах, например, в Нелятах, школы находятся на грани закрытия. Наиболее сложным является получение школьного образования для детей из отдаленных, практически изолированных сел (например,

пос. Средний Калар), в которых в 1990-х годах не функционировало ни одно воспитательно-образовательное учреждение. В таких случаях единственным выходом является обучение детей в школах-интернатах в течение целого года. Однако не все семьи готовы отправить своих детей в интернат в силу отсутствия необходимых денежных средств на одежду, школьно-письменные принадлежности, а также средств коммуникации. Многие отдают предпочтение воспитанию и обучению ребенка в домашних условиях (на том уровне, на котором это возможно), приобщению его к традиционным отраслям хозяйства²⁶⁰.

В 2004–2005 гг. среди эвенков севера Забайкальского края было 462 ребенка школьного и дошкольного возраста, которые обучались в общеобразовательных школах (298 человек) и воспитывались в дошкольных учреждениях (156 человек). В 2009 г. в дневных образовательных учреждениях обучалось 114 детей эвенков, из которых 52 ребенка находились на полном государственном обеспечении, проживая и обучаясь в школе-интернате в пос. Куанда. Дошкольные учреждения посещало 32 ребенка из числа эвенков²⁶¹. В Тунгокоченском районе в 2009 г. закрылся детский сад в пос. Красный Яр, а в 2010 г. школа в пос. Усть-Каренга была преобразована из средней в начальную²⁶².

Одна из современных проблем школьного образования связана со слабой материально-технической оснащенностью школ, в которых учатся дети КМНС. В общеобразовательных школах севера Забайкальского края, где всего обучается 298 эвенков, по данным областной и местных администраций, требуется ремонт, внедрение современных информационно-коммуникационных технологий, «поскольку в этих школах особенно актуальна проблема доступности современной научно-технической информации»²⁶³. Зачастую речь идет не о внедрении высоких технологий в процесс обучения, а о наличии таких элементарных условий для обучения, как нормальное питание школьников, энергообеспечение и отопление:

Здесь [в школе с Неляты] я занимаюсь с детьми рисованием. Сейчас все вещи упакованы [для переезда в другое здание], но дело никуда не движется – так и останемся здесь до зимы. А в этом здании все системы разморожены, работать здесь холодно. Иногда проводим мероприятия с детьми, не раздеваясь²⁶⁴.

В 2001–2004 гг. для улучшения материальной базы образовательных учреждений севера Забайкальского края выделялись средства из федеральной программы «Дети Севера» и областных целевых программ: была получена компьютерная техника, станки и наборы инструментов для учебных мастерских, скорняжные и швейные машины, модули для спортивных занятий в дошкольных образовательных учреждениях²⁶⁵. Однако, в действительности, этих средств хватало лишь для закупки самых необходимых предметов – как правило, 1-2 компьютеров на школу и незатейливого спортивного инвентаря²⁶⁶.

Еще одна задача, решение которой наиболее актуально для северных школ – формирование постоянного состава высококвалифицированных педагогических кадров. Текучесть кадров работников школ, связанная с неудовлетворительными бытовыми условиями и сравнительно низкой заработной платой, ведет к тому, что некоторые основные предметы не ведутся. Так, например, в пос. Чапо-Олого, по официальным данным, укомплектованность учебных заведений преподавательским персоналом составляла 90%²⁶⁷. По словам местных учителей, некоторые предметы из обязательной школьной программы в 1990-х – начале 2000-х годов не преподавались по причине отсутствия специалистов²⁶⁸.

Перечисленные выше проблемы характерны и для пресловутых школ-интернатов, в которых и сегодня обучается около половины детей эвенков севера Забайкальского края. В конце 1980–1990-х годов, когда государство перестало жестко руководить школьным обучением, а образовательная политика в отношении КМНС перестала быть унифицированной, началась критика интернатов. В этих обсуждениях интернатская система образования получила преимущественно негативную оценку со стороны исследователей и самих аборигенов. За время ее существования выявились заложенные в ней механизмы разрушения межпоколенной преемственности, нарушения естественного воспроизводства семьи, социально-психологической дезадаптации, утраты интереса к культуре и языку своего народа и развития иждивенческих настроений²⁶⁹. По мнению других исследователей, в условиях социально-экономического кризиса, когда навыки выживания оказались важнее, а зарплата и работа больше не были связаны с уровнем образования и не гарантировались государством, назрела необходимость изменения существовавшей модели образования²⁷⁰.

С 1990-х годов по сравнению с 1950–1980-ми годами в интернатской системе образования появился ряд особенностей: например, государство перестало жестко следить за выполнением всеобщего, и теперь детей никто не увозит учиться против воли их родителей; перемены в образовательной политике происходят, преимущественно, по инициативе снизу, а не по распоряжению сверху, что дает возможности для переосмысления роли образования в жизни и судьбе народов Севера, для выработки программ, ориентированных на культурные, языковые и другие особенности местного коренного населения. Если в одних регионах в постсоветский период интернаты закрывались, то в других, где массовое обучение детей нельзя было организовать никаким другим способом, интернаты стали восприниматься как «неизбежное зло»²⁷¹.

На севере Забайкальского края сегодня в каждом районе действует интернат для детей из отдаленных поселков. В Каларском районе дети эвенков из отдаленных поселков Средн. Калар, Кюсть-Кемда, Неляты, а также из национального поселка Чапо-Олого и пос. Новая Чара, получают общее среднее образование в школе-интернате в пос. Куанда. Следует обратить внимание на специальную образовательную программу Куандинской школы интерната. Ее приоритетным направлением стала т.н. агро-этнология, в рамках которой развивается учебно-производственная база для подготовки трудовой и профессиональной подготовки воспитанников. Предполагается, что такая подготовка в дальнейшем облегчит социальную адаптацию выпускников, которые останутся в родных поселках. На базе интерната было организовано подсобное оленеводческое хозяйство, и детей учат ухаживать за животными. В 2009 г. в школе-интернате для детей-эвенков проводились теоретические, экспериментальные и практические занятия по направлениям «Основы растениеводства и овощеводства», «Основы ведения фермерского хозяйства», «Основы оленеводства и охотпромысла»²⁷².

В целом, мнения эвенков относительно роли и задач интернатского обучения противоречивы. Одни информаторы подчеркивают необходимость обучения в интернате для продолжения образования и устройства на работу в другом месте. Другие считают необходимым приобщение детей к традиционным отраслям и ремеслам, что, по их мнению, не возможно в условиях интернатов. Сегодня среди эвенков се-

вера Забайкальского края большинство родителей отдает своих детей в интернаты, так как это пока оптимальная, а иногда единственная возможность для молодежи получить общее среднее образование. Она дает перспективы для продолжения обучения и получения престижной хорошо оплачиваемой работы в будущем.

С конца 1980–1990-х годов на российском Севере возникают новые и возрождаются хорошо забытые старые виды школьных учебных заведений (например, интернаты семейного типа и кочевые школы) и вводятся новые формы обучения (например, этнические лагеря). Программы обучения в рамках этих образовательных проектов включают такие предметы, как краеведение, традиционное жизнеобеспечение, национальные виды спорта и игр. Обучение по программам с «этническим» или региональным компонентом демонстрирует возможности сочетания, на первый взгляд, несовместимых тенденций – стремления молодежи в дальнейшем получить престижную профессию и ориентированность на приобретение навыков выживания, необходимых для тех, кто свяжет свою жизнь с родными местами и традиционными занятиями.

На севере Забайкальского края в постсоветский период наблюдались новые тенденции и инициативы в сфере воспитания школьного образования детей и подростков. Муниципальные органы власти организовывали культурно-образовательную работу с эвенкийскими детьми в форме «этнических лагерей». Летнее время дети отдыхали «на природе» (на реальном или импровизированном стойбище в тайге или неподалеку от поселка), попутно изучая традиционные промыслы, виды спорта и язык эвенков. В 2005 г. в Тунгино-Олёкминском районе работал этнический лагерь «Нёрилик», в Тунгокоченском – «Олененок» (пос. Тунгокочен) и «Гураненок» (пос. Усть-Каренга). В 2008–2009 гг. в лагере «Олененок», рассчитанном на 30 мест, работал учитель эвенкийского языка, который учил детей основам эвенкийского разговорного языка в игровой форме, а также музыкальный руководитель, обучавшая детей традиционным эвенкийским танцам и песням²⁷³. В Каларском районе в 2002 г. работал «этнический лагерь» «Кануду», где представители старшего поколения эвенков обучали детей основам прикладного искусства, изготовлению эвенкийских сувениров, проводили конкурсы, развивающие у детей интерес к культуре эвенков²⁷⁴.

Существуют и другие формы внешкольного образования детей. С большим удовольствием эвенкийские школьники принимают участие в ежегодных региональных туристических фестивалях, походах и экспедициях, проводимых отделом краеведения и туризма Каларского краеведческого музея и направленных на сбор экспонатов для музея, в т.ч. для его этнографической коллекции, изучение природных объектов²⁷⁵. Дети также участвуют в сборе материалов по фольклору, прикладному искусству, народному творчеству эвенков и истории края, внося свою лепту в работу местных музеев и центров эвенкийской культуры. В целом эти мероприятия способствуют формированию у младшего поколения эвенков представление об истории, языке, культуре своих предков и воспитывают чувство национального достоинства.

Выпускники школ из числа эвенков получают среднее и высшее образование, как правило, в региональных СУЗах и ВУЗах и РГПУ им. А.И. Герцена. По-прежнему преобладающее количество эвенков учится по специальностям образовательно-воспитательной и культурной сфер. Преобладание специалистов в указанных сферах привело к искажению профессиональной структуры КМНС и реально растущих потребностей в специалистах новых отраслей, развивающихся на Севере²⁷⁶. В последние десятилетия государство уделяет больше внимания подготовке представителей КМНС по обновленным образовательным стандартам и по престижным специальностям (управление, иностранные языки и др.) в таких учебных заведениях, как Полярная Академия (С.-Петербург), Высший колледж технологий национальных промыслов коренных народов России (С.-Петербург), а также в некоторых региональных ВУЗах²⁷⁷. Однако образовательные реформы и новые веяния медленно доходят до отдаленных регионов, где среди КМНС продолжают пользоваться популярностью принятые в советское время профессиональная ориентация и подходы к образованию.

На севере Забайкальского края число эвенков, получивших высшее образование, в 2004 г. составляло по трем районам всего 25 человек. В трех северных районах больше всего было эвенков со средним – 171 человек и средним специальным (профессиональным) образованием – 53 человека. Часть выпускников школ из числа эвенков получает среднее специальное образование в СУЗах Забайкальского края и Амурской области. Среди эвенкийской молодежи, окончившей школу или СУЗ, лишь единицы поступают в такие высшие учебные заведения, как

Забайкальский государственный педагогический университет, Государственная Полярная Академия и Российский государственный педагогический университет им. Герцена (С.-Петербург). В Каларском районе большинство студентов обучалось по договорам об оплате целевого места, заключаемым муниципалитетами северных районов Забайкальского края с перечисленными заведениями²⁷⁸. Оплата целевого обучения эвенков в высших и средних учебных заведениях проводилась также из областного бюджета²⁷⁹. Согласно данным за 2005 г., оплата целевых мест осуществлялась, в частности, по программе «Экономическое и социальное...»: в Каларском районе было предусмотрено 850 тыс. руб. на обучение 42 человек в 2003–2005 гг., а в Тунгиро-Олёкминском районе – 400 тыс. руб. на 2002–2005 гг.²⁸⁰

В 2004 г. в соответствии с договором о целевой подготовке специалистов и сотрудничестве между Государственной полярной академией и Комитетом образования Читинской области было выделено 9 мест для обучения за счет средств федерального бюджета. Решением Совета Института народов Севера РГПУ им. Герцена для Читинской области в 2004–2005 гг. было выделено одно бюджетное место. Для проведения вступительных экзаменов на выделенные места создавалась комиссия, состоявшая из ведущих преподавателей ВУЗов. На основании результатов экзаменов абитуриенты, набравшие необходимое количество баллов рекомендовались к зачислению. В 2009 г. среди эвенков севера Забайкальского края в учебных заведениях обучалось 15 человек, в том числе в ВУЗах – 8 чел. и в средних специальных заведениях – 7 чел. На контрактно-целевой основе училось 8 человек, на платной – 2 чел., на заочном отделении – 5 чел.²⁸¹

Наибольшей популярностью, как и в советское время, пользуются профессии, связанные с культурой, образованием, социальной и административной сферами. В 2003 г. для обучения по этим специальностям в ВУЗы и СУЗы поступило 6 детей эвенков, в 2004 г. в Училище культуры и Государственную медицинскую академию г. Читы поступило 3 эвенка²⁸². «Традиционные» специальности – ветеринары, охотоведы, специалисты в области оленеводства и сельского хозяйства по-прежнему считаются престижными, особенно, представителями старшего и среднего поколения эвенков. Отношение же молодых людей к традиционной сфере неоднозначно. На сегодняшний день существует проблема подготовки национальных кадров охотоведов, лесников,

ветеринаров, которые востребованы на севере Забайкалья²⁸³. Слабый интерес эвенкийской молодежи к таким «современным» специальностям, как юрист, экономист, бухгалтер, без которых невозможна организация оленеводческих и промысловых хозяйств, связана с плохой информированностью молодых людей о современных возможностях и условиях получения высшего и среднего специального образования и отчасти с традицией профессиональной ориентации детей на специальности своих родителей²⁸⁴.

В социо-профессиональной структуре молодого поколения эвенков севера Забайкалья также наблюдается упоминавшийся ранее «гендерный сдвиг». Так большинство людей с высшим и средним специальным образованием – женщины. Мужчины, в основном, имеют неполное среднее, реже среднее специальное образование. По словам информаторов, к образованию больше стремятся девушки. Женщины-эвенки также занимают самые престижные, ключевые посты в школах, домах культуры, детских садах, сельских администрациях, в то время как среди существующей национальной интеллигенции нет практически ни одного мужчины. Поэтому в современной ситуации эвенки-мужчины, занятые в традиционных отраслях хозяйства и имеющие, как правило, лишь начальное или среднее образование, с психологической точки зрения, оказываются наиболее социально дезадаптированной группой эвенкийского населения. Это ведет к резкому сокращению количества однонациональных браков и разрушению механизмов культурной преемственности в рамках института семьи.

Еще одна проблема, связанная с получением высшего и среднего специального образования, это большой процент не поступивших абитуриентов и отчисленных студентов из числа КМНС. Даже при наличии льготных целевых мест молодым людям зачастую не удается поступить в учебное заведение в связи с довольно низким уровнем школьного образования, недостаточной или отсутствующей профориентационной подготовкой. Комиссии, ежегодно приезжающие на север Забайкальского края для отбора студентов из числа КМНС, для обучения в ВУЗах и СУЗАх отмечают низкий уровень подготовки абитуриентов. Так, например, в 2003 г. из 8 претендентов из числа эвенков в учебные заведения поступило лишь 6²⁸⁵. Многие студенты из числа эвенков прекращают обучение из-за личных и семейных обстоятельств (например, беременность), а также в связи с социально-психологическими

причинами (например, сложность адаптации к городским условиям) и финансовыми затруднениями²⁸⁶.

Молодые специалисты, получившие образование, редко возвращаются в родные поселки. Проблема оттока молодежи особенно актуальна для тех регионов, где у молодых специалистов нет гарантий получения работы по специальности и жилья. Например, молодые эвенки из северных районов Забайкалья, проходившие обучение в ВУЗах С.-Петербурга и Хабаровска, по официальным данным, в область не возвращаются²⁸⁷.

Хотя и могут учиться многие эвенки, но опять же остро стоит вопрос о финансировании. У многих нет средств, выехать даже до места учебы, а ведь там надо жить, питаться и еще мало ли куда потребуются деньги. А в особенности в северных селах большинство нигде не работает. Есть желание выучиться на охотоведов, лесников, бухгалтеров, юристов, ветеринаров. Эти профессии нам нужны для открытия собственных хозяйств. На областном уровне требуется решить вопрос о квотных местах для эвенков не только в областном центре, но и в пределах области, за пределами области, с заключением договоров о возвращении специалистов в район²⁸⁸.

Дефицит квалифицированных кадров ведет к проблеме формирования молодого поколения местной национальной интеллигенции, представляющей своеобразный «стержень» культурной самобытности и основу эвенкийского общества. Современная эвенкийская интеллигенция севера Забайкальского края немногочисленна, и представлена в основном, людьми старшего и среднего поколения. Всего в трех северных районах в 2003 г. было: 88 эвенков с неполным средним образованием, 171 – со средним, 53 – со средним специальным и лишь 25 – с высшим²⁸⁹. Учитывая общую численность эвенкийского населения севера Забайкальского края (которая в 2004 г. составила 1084 чел.), количество эвенков без образования составляет 449 человек или около 42% эвенкийского населения. Например, в пос. Чапо-Олого в 2003 г. было 2 чел., не имеющих образования, 11 чел. с начальным образованием, 78 чел. – со средним и только 2 чел. (выпускники РГПУ им. Герцена) – с высшим²⁹⁰.

Таким образом, в настоящее время среди эвенков севера Забайкальского края достаточно высоким остается процент людей с началь-

ным и неполным средним образованием. На первом по численности месте находится категория людей со средним образованием. Это, преимущественно, представители старшего поколения, имеющие опыт работы в колхозах и совхозах в качестве доярок, зоотехников, учителей начальных классов и воспитателей.

Существующая на сегодняшний день интеллигенция как наиболее инициативная и образованная часть эвенкийского общества представлена, в основном, женщинами со средним специальным и высшим образованием. Они работают, преимущественно, в образовательной (школы), культурной (ДК, библиотеки) и административной (местные и районная администрации) сферах. Наиболее видными представительницами эвенкийской интеллигенции Каларского района являются: президент региональной АКМНС Забайкальского края Н. Габышева, глава пос. Чапо-Олого С. Каткова, директор Центра национальной культуры И. Папсуева, директор Чапо-Ологской начальной школы А. Габышева, сотрудник РДК Н. Мальчакитова, учитель Чапо-Ологской начальной школы М. Сынгалаева.

В семьях местной интеллигенции признается ценность образования. Например, супруги Габышевы из пос. Чапо-Олого надеются, что их сыновья получат полное среднее образование, а младшая дочь – поступит в ВУЗ с углубленным изучением эвенкийского языка. Однако для большей части эвенкийского населения возможности получения средне-специального и высшего образования ограничены в связи с материальными затруднениями и, зачастую, по причине отсутствия законченного школьного образования или нежелания повышать образовательный уровень. В дальнейшем эвенкийская молодежь с начальным и неполным средним образованием остается незанятой, пополняя армию безработных.

Уровень культуры населения ниже, чем в советское время. Большинство местного населения получает лишь начальное образование. В среднем образованность населения ниже, чем в более цивилизованных центрах района. В результате новой образовательной реформы программы обучения стали сложными...²⁹¹

Итак, на сегодняшний день национальная эвенкийская интеллигенция представлена, преимущественно, женщинами в возрасте 30-60 лет со средним специальным и высшим образованием, работающими в

сферах культуры, образования и управления. В эту прослойку населения практически не входят молодые мужчины-эвенки. В целом, невысокий уровень образованности молодого поколения эвенков препятствует эвенкийского общества и создаёт условия для ускорения ассимиляционных процессов, связанных с трансформацией или утратой языка, обычаев и культурных ценностей.

Языковые процессы в контексте социокультурных изменений

Предпосылки формирования современных языковых процессов, протекающих среди малочисленных народов российского Севера, были заложены в советское время. Так, государственная политика 1940–1970-х годов ограничивала употребление языков народов Севера рамками отдельных официальных учреждений. В результате появилось поколение перелома, для которого была характерна частичная или полная утрата титульного языка при недостаточно хорошем владении русским языком. Процесс перехода КМНС на русский язык также был обусловлен таким естественным социолингвистическим фактором, как необходимость расширения языковых функций в связи с ростом коммуникативных потребностей и появлением новых сфер общения (например, научно-техническая, индустриальная, политическая). Поскольку темпы изменений языков КМНС были несопоставимы с темпами социально-экономических трансформаций аборигенных обществ в советский период, естественной реакцией КМНС стала языковая ассимиляция. Эти и другие процессы вели к утрате престижа родного языка и, как следствие, к сужению сферы его употребления и уменьшению числа людей, свободно владеющих им среди КМНС²⁹².

С 1980-х годов начался новый период «ревитализации языков и традиционных культур» КМНС. Он характеризовался повышенным интересом к проблемам преподавания родного языка, работой по подготовке новых школьных учебников и книг, которая, однако, далеко не всегда решала проблему сохранения языков КМНС²⁹³. Характеризуя современный процесс массового перехода КМНС с языков своих этнических групп на русский, минуя стадию двуязычия, как «языковой сдвиг», Вахтин выделяет несколько групп языков по степени их «сохранности». Согласно этой классификации эвенкийский язык представляет «особый случай», который необходимо рассматривать отдельно для каждого региона его распространения²⁹⁴. Так, например, в

Бурятии эвенкийский язык, широко использующийся во внутрисемейном общении, занимает более прочные позиции по сравнению, например, с Якутией, где этот язык активно вытесняется русским и якутским. На севере Забайкальского края процесс языкового сдвига неуклонно ускоряется. Так, свободно владеет языком своей этнической группы только старшее поколение эвенков (от 50 лет и старше). Для среднего поколения (30-40 лет) характерно, в основном, пассивное владение языком. Молодежь (до 20 лет) практически не владеет эвенкийским языком, интересуясь им как культурным или этническим маркером²⁹⁵.

Возникла проблема с эвенкийским языком. Старшее поколение владеет языком, а молодые почти нет. Разве что только единицы. Утрата родного языка ведет к угрозе исчезновения всей самобытной культуры эвенков. Эвенкийский язык – язык общения людей, то есть существует духовная культура народа. Если мертва духовная культура, умирает и народ. А в районе сложилась кризисная ситуация незнания молодыми своего языка. Сохранение и возрождение родного языка – одна из важнейших задач ЦНК²⁹⁶.

Там только те, кому за 50 лет разговаривают – я могу по пальцам перечислить тех, кто говорит на эвенкийском языке-то... Да, старшее, среднее [поколение] не разговаривает. Как я (среднее я считаю, наверно), уже старшее – многие не говорят. Те, которым за 60, разговаривают, причем хорошо разговаривают – в быту разговаривают. Вот даже я сейчас мыслю по-русски, и уже не могу выразить свою мысль по-эвенкийски, – говорит эвенкийка из Тунгиро-Олёкминского района²⁹⁷.

Анализируя современные языковые процессы среди этнических меньшинств, необходимо обратиться к широко употребляемому термину «родной язык». Так, например, практика применения этой категории в отечественных переписях связана с проблемой его интерпретации. В различные периоды в этот термин вкладывались разные смыслы, что привело к смешению понятий языковой идентичности и языковой компетенции опрашиваемых²⁹⁸. В случае КМНС, в частности, эвенков, выбор родного языка чаще определяется их этнической, культурной и языковой идентичностью, чем реальным уровнем владения языком²⁹⁹. В связи с этим среди КМНС число людей, признающих «родным» язык

своей этнической группы, как правило, превышает число «носителей» языка, и зависит от степени престижности языка и уровня самосознания локального этнического сообщества. Как показывают, исследования, проводившиеся среди эвенков бассейна Енисея, стремительный рост числа считающих родным язык своей этнической группы по отношению к числу реально владеющих им может стать «защитной реакцией» на угрозу ассимиляции и неблагоприятные социально-экономические условия³⁰⁰.

По статистике переписей, в 1959 г. эвенкийский язык считало родным 55,9% эвенков от общего эвенкийского населения, проживавшего в СССР, а в 1989 г. этот показатель сократился до 29,5%. Забайкальский край был и остается одним из регионов, где процент эвенков, назвавших «родным» эвенкийский язык, один из самых высоких по России: в 1979 г. он составил 98%, а в 1997 – 80% (диаграмма 3)³⁰¹. Полевые материалы автора свидетельствуют о том, что подавляющее большинство эвенков Каларского и Тунгокоченского районов Забайкальского края считают эвенкийский язык родным. При этом многие информанты оговаривалась, что плохо владеют эвенкийским языком и пользуются, в основном, русским. Отдельный случай представляют молодые метисы, родившиеся от браков эвенков с русскими или представителями других этнических групп и имеющие «плавающее» этническое самосознание. Они чаще, по сравнению с представителями старшего и среднего поколений эвенков, называют родным русский язык или затрудняются с выбором родного языка³⁰². Например, в число жителей пос. Чапо-Олого, назвавших эвенкийский язык родным, значительно превосходит число людей, владеющих им в реальности. Информанты из этого поселка были уверены в том, что свободно владеет языком не более десятка представителей старшего поколения, которые используют язык в межличностном общении. Такая ситуация свидетельствует скорее о достаточно стабильном состоянии этнического самосознания эвенкийского населения, чем о высоком уровне владения эвенкийским языком. Для большинства эвенков титульный язык выполняет символическую функцию, выступая в качестве этнокультурного маркера, признака культурной самобытности и обособленности их этнической группы.

Среди группы эвенкийского населения, в которой эвенкийский язык еще продолжает выполнять коммуникативную функцию, сфера его

употребления достаточно ограничена. На сегодняшний день сферами наиболее полного функционирования эвенкийского языка являются семейно-бытовая сфера и традиционная хозяйственная деятельность. Среди жителей поселков эвенкийский язык в его разговорном стиле используется в однонациональных семьях, в рамках узкого круга родственников, близких и друзей. При этом даже во многих однонациональных семьях, где оба супруга говорят по-эвенкийски в быту, дети и, особенно, внуки плохо владеют этим языком. Эвенки, занятые в традиционных отраслях хозяйства и ведущие неоседлый образ жизни, также часто используют эвенкийский язык на практике³⁰³.

К слою лексики, наиболее употребительном в быту, относятся: формулы повседневного общения (*аят биденни?* – как поживаешь? *минђи гэрбив...* – меня зовут...); названия бытовых и хозяйственных вещей (*бэ* – люлька, *калакән* – котелок, *олловун* – крюк для подвешивания котлов, *сōнан* – тренога, жердь для подвешивания чайников и котлов, *сукэ* – топор); названия предметов одежды и обуви (*āвун* – шапка, *истан* – штаны, *коколло* – рукавица, *тэтыгэ* – одежда); названия растений и животных (*диктэ* – ягода, *лавикта* – ягель, *лālбукā* – мох, *сэкта* – ива; *бэюн* – дикий олень, орон – домашний олень); название природных объектов (*бира* – река, *дёло* – камень, *яђ* – гора, сопка-голец). Эвенкийская молодежь, не владеющая титульным языком, также использует эту лексику, которая входит в школьные программы изучения языка.

В упомянутую традиционную сферу употребления эвенкийского языка входят несколько областей. Это, прежде всего, концепции, основанные на знании среды обитания и местного ландшафта, помогающие выжить в тайге. Сюда также относятся термины, описывающие навыки ведения охоты, оленеводства, кочевого хозяйства и образа жизни в целом. Еще одна категория лексики связана с подсобными занятиями и ремеслами, например, с пошивом одежды и приготовлением блюд. Например, у эвенков, проводящих много времени в тайге или тех поселковых жителей, которые когда-то кочевали, сохранилось прекрасное знание местности, окружающей природы, которое отражается во владении топонимической лексикой. Местные жители, особенно эвенки, как правило, могут объяснить происхождение названий рек, озер или гор северного Забайкалья³⁰⁴. Например, название горной цепи *Кодар* означает «скала», «утес», название реки *Муя* произошло от

эвенк. *му* («вода»), название реки *Джилинда* переводится как «тайменная» от *дели* («таймень»). Хорошее владение эвенков топонимической и гидронимической лексикой можно объяснить простотой толкования названий рек и озер, прозрачностью их значений, связанных с одинаковыми распространенными признаками или явлениями, особенностями ландшафта и флоры и фауны, выделяющими тот или иной объект из ряда ему подобных³⁰⁵.

Оленеводы, особенно представители старшего поколения, в тайге стараются говорить по-эвенкийски, так же, как и пожилые мастерицы в поселке, выделывающие шкуры и шьющие зимнюю одежду для мужчин. Выбор языка в данных ситуациях продиктован практическими соображениями – именно эвенкийский язык содержит необходимую лексику и грамматические категории, позволяющие в ответственный момент наиболее точно называть орудия труда и описывать происходящие действия. Так, например, для точного обозначения домашнего оленя *орон* у эвенков, как и у других оленеводческих народов, существуют терминология, классифицирующая животных по возрасту (*чано-кучан* – молодой бык, *чачари* – самка оленя 1-2 лет, *энэкан* – теленок до 1 года), полу (*нямй* – важенка, *чаноку* – самец), функциям (*бэрэчачат* – передовик, *гильгэ* – взрослый рабочий бык, *учак* – верховой олень) и другим признакам. Оленеводы и мастерицы по пошиву традиционных изделий и одежды употребляют эвенкийские названия для обозначении шкур *нанна* различных животных, обработанных разными способами: *амākāкса* – медвежья шкура, *ирэксэ* – шкура животного, *наякса* – выделанная шкура лося, *ровдуга*, *нечуксэ* – дымленная оленья шкура, *ровдуга*, *замша*, *улукиксэ* – беличья шкурка. Хорошо сохранились и названия скребков, кожемялок и других орудий для выделки шкур: *талки* – большой ручной пресс для разминания шкур перед обработкой, *кэдэрэ* – кожемялка, скребок для разминания шкуры, *нуливун* – скребок для изготовления *ровдуги*, *чучун* – круглый зубчатый скребок для соскабливания мездры, *у* – зубчатый скребок для соскабливания мездры³⁰⁶.

В отличие от семейно-бытовой и «традиционной» сфер, где эвенкийский язык функционирует как естественное средство общения, в современной образовательной системе он употребляется в узко формальных рамках школьного предмета. Во-первых, обучение языку ведется на основе переизданных книг и пособий с опубликованными ра-

нее текстами, посвященными, преимущественно, «традиционной» культуре и фольклору. Во-вторых, в местах компактного расселения эвенков наблюдается дефицит педагогов, в достаточной мере владеющих эвенкийским языком. Такая ситуация приводит к тому, что преподаватели и, как следствие, сами ученики из числа КМНС пользуются составленными на титульном языке текстами, скорее как «вещью, создающей иллюзию владения языком»³⁰⁷, а не как средством коммуникации и хранения информации в повседневной жизни.

Таким образом, механизм разрушения культурной и языковой преемственности, запущенный государственной политикой в советский период, привел к ограничению сфер использования языков народов Севера. Сегодня темпы развития языкового сдвига ускоряются под влиянием ряда факторов и условий языковой среды. Так, расслоение языкового сообщества по возрастному признаку ведет к утрате языковой и культурной преемственности между поколениями и к постепенному вытеснению эвенкийского языка из таких основных сфер его использования, как семья, быт, традиционное хозяйство и ремесла. Эвенки старшего поколения с сожалением признают, что со своими внуками они общаются только на русском. Иногда и сами представители старшего поколения, хорошо знающие эвенкийский, забывают языковые нормы и правила их употребления, постепенно утрачивая языковую компетентность.

На степень владения эвенкийским языком влияние оказывает и география расселения локальных групп. В районах севера Забайкалья, где эвенки контактируют с русскими, бурятами и якутами, языком межнационального общения, как правило, является русский, в то время как якутский и бурятский оказывают значительное влияние на уровень владения эвенкийским языком в соседних республиках. В зоне БАМа, в т.ч. на севере Забайкальского края, ситуация с владением эвенками языком своей этнической группы осложняется в связи с притоком многонационального населения со всего постсоветского пространства. В результате активных межэтнических контактов число национально смешанных супружеских пар в этом регионе возросло с начала строительства БАМа в шесть раз³⁰⁸. Среди эвенков практически во всех национально смешанных семьях эвенков с русскими, украинцами, белорусами и представителями других стран нынешнего ближнего зарубежья роль *lingua franca* играет русский язык. Больше шансов для сохра-

нения эвенкийского языка имеется в национально смешанных семьях эвенков с представителями других коренных народов – бурятов и якутов, в которых наблюдаются случаи би- и даже три-лингвизма. Интересная языковая ситуация складывается в эвенкийских однонациональных и этнически смешанных семьях, переехавших в Каларский район из южной Якутии: в семейно-бытовой сфере здесь функционируют якутский и, частично, русский языки, в общественной и официальной сфере – русский, и лишь при обсуждении тем и занятий, касающихся традиционного хозяйства и культуры – эвенкийский. Выбор языка в таких трёхязычных семьях определяется нюансами социокультурного контекста. При этом иногда такие механизмы, как, например, языковая интерференция, т.е. «наложение» лексикограмматических структур одного языка на структуры другого языка, помогают домочадцам достичь компромисса в тех или иных коммуникативных ситуациях. Тем не менее, и в таких полиязычных средах отмечается тенденция вытеснения эвенкийского языка как средства коммуникации из большинства сфер³⁰⁹.

Некоторые исследователи связывают уровень владения КМНС языками своих национальностей со степенью сохранности традиционных отраслей их хозяйства³¹⁰. На сегодняшний день на севере Забайкальского края традиционные хозяйственные занятия эвенков – охота и, особенно, оленеводство, и зависящие от них промыслы – пошив одежды и изготовление сувениров – находятся в состоянии кризиса. Эвенкийское население постепенно вытесняется из «традиционного» сектора в результате наплыва инонационального населения в регион. Хотя специальных социолингвистических исследований этой проблемы на севере Забайкальского края практически не проводилось, полевые материалы свидетельствуют о том, что процессы снижения уровня владения эвенкийским языком и «сворачивание» традиционных отраслей хозяйства проходят параллельно. Не зависимо от того, есть причинно-следственная связь между этими процессами, необходимо признать, что в последние два десятилетия вытеснение эвенков из охотничьего промысла и, особенно, деградация оленеводства и связанного с ним образа жизни вели к сокращению важной сферы полноценного функционирования эвенкийского языка.

В 2001 г. Россия подписала Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств, перспективы и проблемы имплемен-

тации которой сегодня активно обсуждаются экспертами этнологами и лингвистами³¹¹. С началом новой языковой политики и возвращением языков КМНС в расписания северных школ, изучение эвенкийского языка в рамках образовательных учреждений стало считаться залогом сохранения языковой и культурной преемственности. Однако опыт последнего десятилетия показал, что одна только школа не способна «спасти» язык, который более не употребляется даже на семейно-бытовом уровне³¹². Устаревшие методики изучения эвенкийского языка, до сих пор использующиеся в образовательных учреждениях, не способны развить навыки общения на этом языке.

Исключенный в советское время из школьной программы как самостоятельный предмет, эвенкийский язык в настоящее время вошел в общий образовательный курс во многих школах, расположенных в местах компактного проживания эвенков севера Забайкальского края. В 2002/2003 учебном году он преподавался как обязательный предмет в трех крупных школах – Тупикской средней школе Тунгиро-Олёкминского района, Чапо-Ологской начальной школе и в школе-интернате в с. Куанда Каларского района. Во многих школах северных районов обучение языку либо вообще не велось, либо велось факультативно, как правило, силами отдельных энтузиастов³¹³. В конце 1990-х годов в Забайкальском крае было 18 школ, в которых обучалось 230 детей эвенков. При этом всего на начало 1998/1999 гг. численность учащихся эвенков, изучавших титульный язык в государственных дневных общеобразовательных учреждениях Забайкальского края, составила: 67 человек (или 29,1% от общей численности учащихся эвенков)³¹⁴.

В настоящее время преподавание эвенкийского языка осуществляется в Чапо-Ологской начальной школе, Куандинской школе-интернате Каларского района, Тупикской средней школе Тунгиро-Олёкминского района, Тунгокоченской средней школе и Усть-Каренгинской неполной средней школе Тунгокоченского района. Для обучения языку используются такие формы обучения, как урок и факультатив, внеклассная и внешкольная работа с учащимися. В связи с переходом на базисный учебный план, а также дефицитом преподавателей эвенкийского языка основной формой обучения стал факультатив³¹⁵.

Например, в Каларском районе есть 2 специалиста-филолога, хорошо владеющих эвенкийским языком. Но и они, по их словам, сталкиваются с трудностями обучения детей «живому» языку в связи с мо-

рально устаревшими методиками преподавания и отсутствием учебников, написанных на диалекте каларских эвенков. В связи с этим в районе предпринимались попытки самостоятельно разработать методики и пособия для обучения школьников навыкам разговорного эвенкийского языка³¹⁶.

В Тунгокоченской средней школе обучение ведется по учебникам, изданным в Красноярске на основе литературного эвенкийского языка, хотя преподаватель, по ее словам, и старается учитывать местные диалекты в своей практике обучения языку. Здесь также остро стоит проблема выработки эффективной методики преподавания. В действительности, уроки эвенкийского языка, который преподается здесь факультативно, скорее напоминают уроки краеведения и этнографии: учитель рассказывает о культуре, быте и традиционном хозяйстве эвенков на русском, попутно выписывая на доске основную эвенкийскую лексику и выражения по этим темам. Несмотря на то, что в данном случае учитель свободно владеет языком, отработанные методики его преподавания для детей, у большинства которых нет навыков разговорной речи и даже аудирования, фактически отсутствуют. В такой ситуации перед учителем стоит двойная задача: найти способ привлечения интереса школьников-эвенков и их родителей к предмету (т.к. он преподается факультативно) и адаптировать существующие методики преподавания языков (в т.ч. иностранных) к местным условиям. Выполнение этих задач требует постоянных экспериментов, определенного чутья и, очевидно, разработки новых учебных пособий и постоянного повышения квалификации учителей (что является непозволительной роскошью, учитывая скромные местные бюджеты). Так говорит о своей работе учитель эвенкийского языка из Тунгиро-Олёкминского района:

Мои методы состоят не в том, чтобы они [ученики] слова знали, а чтобы они и быт знали, и традиции, и обряды. Все у меня входит. У меня там-то в кабинете [на прежнем месте работы] и видеокассеты, и песни есть, и литературы много – все это проходим. А тут чтобы четко домашнее задание – я не задаю. Я пошла по такому пути, потому что это проверено: начнешь задавать домашнее задание, они все тетради забывают и не делают. Ну и, конечно, чтобы зрительная память была, на доске пишем, и чтобы слуховое восприятие работало, и зрительное – кинофильмов много³¹⁷.

Помимо образовательных учреждений на севере Забайкальского края организацией курсов изучения эвенкийского языка в 2000-х годах активно занимались культурные учреждения. Например, в Каларском районе на базе Центра национальной культуры пос. Кюсть-Кемда в 2002 г. работал детский кружок по изучению языка «Дылача», в 2003 г. в этом же центре открылся кружок «Чипичар», в котором дети-эвенки по 2 часа 2 раза в неделю изучали разговорный эвенкийский язык под руководством эвенкийки, свободно владеющей им³¹⁸. Школьные учителя и руководители кружков по изучению эвенкийского языка в своей деятельности сталкиваются с рядом проблем. По официальным данным, в Забайкальском крае наблюдается острый дефицит кадров преподавателей эвенкийского языка в связи с тем, что ВУЗы г. Читы не готовят специалистов этого профиля, а студенты, обучающиеся по этой специальности в Хабаровском педуниверситете и других ВУЗах, в край не возвращаются³¹⁹. Другая упоминавшаяся выше проблема связана с отсутствием современной учебной и художественной литературы для детей, написанной на местных диалектах. И, наконец, обучение детей эвенкийскому языку осложняется и по субъективным причинам. Например, после введения эвенкийского языка в расписание школьных занятий многие родители-эвенки не видели целесообразности и пользы в изучении языка их детьми.

В школе советую ребятам больше говорить на эвенкийском языке. Сейчас эвенкийский изучается сложнее, чем иностранный язык. Дети могут учить слова, но грамматика дается с большим трудом. Наша задача – научить детей хотя бы основам разговорного эвенкийского языка. Еще одна проблема – отсутствие учебников, написанных на нашем диалекте. Мы не понимаем учебников, которые написаны на основе диалекта Эвенкийского АО, переводим учебник по словарю. Например, лиса – сулакй, в нашем диалекте – саңил; медведь – амйкән, в нашем диалекте – хомты. Предлагала программу обучения разговорному эвенкийскому языку на нашем диалекте – но у детей и родителей нет заинтересованности в изучении языка. Как тогда возродить культуру, если эвенки не знают собственного языка?! – восклицает М. Сынгалаева, преподаватель эвенкийского языка Чапо-Ологской начальной школы³²⁰.

С конца 1980-х годов возобновился интерес к проблемам преподавания и изучения языков КМНС, активизировалась книгоиздательская деятельность и организационная работа по созданию/воссозданию СМИ на языках КМНС. Однако далеко не все проекты и инициативы в этой сфере доходят до стадии реализации, а подобная деятельность в силу ряда особенностей в некоторых регионах практически неэффективна. Проблемы издательства литературы и работы СМИ на языках КМНС связаны с отсутствием финансирования (федеральная поддержка практически не оказывается) и с дефицитом специалистов, особенно, людей, в достаточной степени владеющих языком своей этнической общности, значительными отличиями местных диалектов от литературного языка, на котором издается основная масса учебной литературы.

В 2000-х годах объем качественной учебно-методической литературы, издаваемой на эвенкийском языке³²¹, сократился по сравнению с советским периодом. В последние десятилетия изменялась технология подготовки учебно-методических пособий и литературы по языкам КМНС: тексты уже не писались специально, а компилировались на основе имеющихся текстов или переводились со специально подобранных несложных русскоязычных образцов. При этом сама концепция учебника и методика преподавания фактически не менялась. Качество издаваемой литературы регулировалось слабо, а возможности практического применения получаемых знаний в результате знаний были ограничены³²². На севере Забайкальского края преподавание языка ведется по переизданным или сохранившимся с советских времен словарям и учебным пособиям Г.М. Василевич, В.Д. Колесниковой, Е.П. Лебедевой, В.А. Горцевской, А.А. Горцевским, Н.Я. Булатовой, А.Н. Мыреевой, З.Н. Пикуновой. Библиотека учителей эвенкийского языка пополнялась за счет единичных учебников и пособий для начальной школы. Однако, из-за расхождений между диалектами эвенков севера Забайкальского края и литературного диалекта, местное эвенкийское население воспринимало «писаные» тексты как чуждые им, подходящие для использования в сугубо учебных целях и не имеющие практического применения в реальной жизни³²³.

Говоря о художественной литературе на языках народов Севера, исследователи отмечали общую тенденцию перехода поэтов и прозаиков из числа КМНС на русский язык³²⁴. За последние два десятилетия

количество произведений на эвенкийском языке, вышедших в свет, сократилось до единиц. Среди эвенков севера Забайкальского края признанными классиками, писавшими на эвенкийском и русском языках, остаются А. Немтушкин, Г. Кэптукэ-Варламова, Н. Сахаров. Полные тексты и отрывки их произведений сегодня перепечатываются местными СМИ, используются в языковых и краеведческих учебно-методических пособиях, бережно хранятся в районной библиотеке и в районном музее. Среди молодого поколения эвенков есть талантливые люди, которые пытаются писать стихи и прозу, посвященную родному краю и культуре своего народа. Но эти молодые люди, как правило, недостаточно хорошо владеют эвенкийским языком, используя русский, и не имеют специального образования. Их творческие начинания, как правило, не выходят за рамки скромных публикаций в местных газетах.

Деятельность СМИ, работающих на языках коренных народов Севера, также существенно ограничена в связи с отсутствием финансирования и людей, свободно владеющих языком, тем более, в его журналистском стиле. На современном этапе развития национальные СМИ далеко не полностью обеспечивают порождение спонтанного текста на родных языках. В них, в основном, представлены перепечатки ранее опубликованных текстов, переводы с русского языка, обзоры и реферативные пересказы материалов из русскоязычных СМИ³²⁵. На севере Забайкальского края к «национальным» СМИ можно отнести страничку «Тыргылча» («Наступление дня») в местной газете «Вести Севера» в Тунгокоченском районе и страничку «Осикта» («Звезда») в газете «Северная правда» в Каларском районе. Страничка «Тыргалча», выходящая на эвенкийском языке, публикует материалы по культуре, фольклору, языку и этнографии, важных районных мероприятиях и деятельности районной Ассоциации КМНС:

Страничка выпускается уже давно. И я, в общем-то, не говорю, что это способ, но это одна из возможностей сохранения эвенкийского языка. Мне очень нравится название этой странички – «Тыргалча» («Наступление дня»)…Здесь сконцентрированы материалы по жизнедеятельности Ассоциации, и чем ценна эта страничка – у нас идет русский и эвенкийский перевод, причем литературный… Исторические материалы интересны для нас. В последнем номере

М.Ф. про какого-то шамана написала. О людях пишут они. Вопросы образования поднимают, потому что понимают как сегодня важно образование. Мне бы хотелось, чтобы больше писали о том, что нужно организовывать свои хозяйства и работать, – говорит редактор газеты «Вести Севера» Е. Кузнецова³²⁶.

В отличие от «Тыргалчи», «Осикта» публикуется, преимущественно, на русском со вставками текстов на эвенкийском языке. На четырех листах «Осикты» размещаются такие постоянные рубрики, как «Топонимика», «Русско-эвенкийский словарь», «Легенды, были, сказки», «Север в лицах». В настоящее время это приложение издается на общественных началах усилиями работников ЦНК при сотрудничестве с национальной интеллигенцией, с президентом региональной АКМНС, с центральной районной библиотекой и с местными эвенками-активистами³²⁷. Некоторые эвенки также слушают передачи на эвенкийском языке радиостанции «Геван», расположенной в Якутии.

Итак, на сегодняшний день СМИ, работающие на эвенкийском языке, на севере Забайкальского края единичны и зачастую лишены аутентичности, их тематика однообразна, а функции самого языка сведены к минимуму. Однако нельзя не заметить, что публикация материалов на эвенкийском языке и об эвенках, даже в сегодняшнем сложном социокультурном и языковом контексте, поднимает престиж языка и укрепляет национальное самосознание забайкальских эвенков.

Этническая культура и культурно-массовая работа

Широкое распространение «массовой» культуры среди коренного населения северного Забайкалья в советский период привело к трансформациям этнической культуры эвенков, включая их традиционную обрядность. В постсоветское время трансформации эвенкийской культуры продолжались на фоне растущей индустриализации и глобализации Севера. При анализе изменений, произошедших в культуре эвенков в XX – начале XXI века, необходимо учитывать различия между культурной работой официальных учреждений, рассчитанной на широкую зрительскую аудиторию, с одной стороны, и повседневными культурными практиками представителей этнической группы, с другой. Сфера институциональной культуры, расширяющаяся на севере Забайкалья с начала культурного строительства, по-прежнему ха-

рактируется существенным государственным влиянием: работа культурных учреждений регулируется по принципу нисходящих решений, хотя она и проводится в рамках иных концепций. Если советское культурное строительство на Севере проходило под лозунгом «нести культуру в массы», то работа культурных учреждений в 1990-е годы проводилась под лозунгом «этнокультурного возрождения» КМНС. В настоящее же время ключевой концепцией культурной работы на Севере стало понятие культурного досуга³²⁸. По мере расширения сферы «официальной» культуры в советский и постсоветский периоды сокращалось поле культурной деятельности за рамками культурно-образовательных учреждений, трансформировалась и унифицировалась этническая культура эвенков.

Проблема культурного возрождения, являвшаяся одной из самых актуальных в 1990-х годах, отошла на второй план, уступив место концепции культурного разнообразия забайкальского Севера. Задачи поддержания кросскультурного диалога сегодня стоят на повестке дня многих региональных структур, в т.ч. районных (РДК) и сельских домов культуры (СДК), центров национальной культуры (ЦНК), центральных районных и сельских библиотек, районных краеведческих музеев и культурно-творческих бригад (КТБ), пришедших на смену агиткультурбригадам.

Вот что говорит о своей работе директор этнографического социокультурного центра пос. Тунгокочен Тунгокоченского района С. Мальцева:

Я очень давно к этому шла. У меня всегда была мечта в нашем селе сделать не дом культуры, а что-то именно такое, что бы объединяло две культуры, потому что у нас проживает половина эвенков, половина русских. И вот у меня давно была мечта, и вот наконец-то она осуществилась. И мы вот сейчас работаем всей организацией, всем населением в едином культурном пространстве и в тесной дружбе между организациями и между народами. И у нас в центре мы рады видеть и эвенков, и русских, и наш Дом культуры уже более 10 лет работает по программе «Малая Родина», и все, что бы мы ни проводили в нашем Доме культуры, в нашем центре, связано с этнографическими материалами нашего края, нашей Малой Родины. Все концерты, все-все мы стараемся на местном материале»

*ле делать. И я все-таки угадаю в точку, что очень интересно людям нашего села прийти не просто на какой-то концерт, где набор номеров, а вот именно посмотреть то, что касается каждого жителя села*³²⁹.

В 2002 г. в Каларском районе действовало 10 учреждений клубного типа – 1 РДК, 7 СДК, 1 ДК и 1 КТБ (табл. 17)³³⁰. В 2011 г. в трех северных районах Забайкальского края действовало 22 культурно-досуговых учреждения, 5 учреждений дополнительного образования детей, 28 библиотек, 1 музей и 1 кинотеатр (диаграмма 8).

Культурные мероприятия и программы координируются отделами культуры и финансируются по целевой программы социально-экономического развития из средств районного и, частично, федерального и областного бюджетов. В Каларском районе координирующую роль также играет Отдел культуры и спорта. Миссия сохранения эвенкийской культуры возложена на районный ЦНК. На его базе ведется активная работа в кружках декоративно-прикладного творчества («Белирги», «Дылача», «Чукты», «Эвэдыл онёвур») и эвенкийского языка («Эвэды туран»). Сбором материалов по эвенкийскому фольклору также занимаются сотрудники Каларской центральной библиотеки. В 2009 г. в районе работало 7 коллективов, в которых занималось 67 человек.

В Тунгокоченском районе «очагами» эвенкийской культуры являются Центр традиционной эвенкийской культуры в пос. Верх-Усугли и Этнографический социокультурный центр в пос. Тунгокочен. При центрах работают фольклорные коллективы «Мевакан», «Дяндыктал», «Дылача» и семейный ансамбль Кутончиных. Сотрудники этих центров собирают и восстанавливают национальные костюмы, музыкальные инструменты, записывают обряды, танцы, рецепты национальной кухни и «широко пропагандируют культуру эвенков», проводя различные этнические праздники, фестивали и смотры народных талантов. Эвенкийские фольклорные коллективы, местные художники и мастера декоративно-прикладного творчества из трех северных районов участниками краевых и межрегиональных фестивалей «Гураненок», «Мотивы Севера», «Именины земли Забайкальской», «Ожерелье России». В 2008–2009 гг. они также принимали участие во Всероссийской выставке «Регион-ЭКСПО» в Москве³³¹. На общем фоне протекающих социо-

культурных преобразований деятельность культурных учреждений – работа фольклорных ансамблей танца и песни, кружков декоративно-прикладного творчества, проведение фестивалей и праздничных мероприятий с этнической спецификой – способствует популяризации эвенкийской культуры среди местного населения.

Одна из особенностей сферы профессиональной культуры на Севере состоит в том, что подавляющее большинство ее работников представлено женщинами³³². Профессиональные культурные работники из числа эвенков также включают женщин, представительниц национальной интеллигенции и культурных лидеров. В целом же эвенки составляют около половины штатных сотрудников местных культурных учреждений. Работа в сфере профессиональной культуры дает им возможности для самовыражения и проявления инициативы в организации мероприятий, посвященных эвенкийской культуре. В то же время простые жители поселков, в т.ч. эвенки, по мнению культурных работников, редко проявляют подобную инициативу:

Пассивность и инертность людей, особенно среди эвенкийского населения, удручают... [Эвенки] занимаются заготовкой сбором дикоросов, торговлей для пропитания, живут на социальные пособия и пенсии. Живут тем, что добыли сейчас, а завтра мало кого заботит. И теперь ЦНК изменил точку зрения на эту проблему. Если хоть один человек будет жить и желать лучшего, то такому человеку Центр окажет помощь в меру своих возможностей, компетенции и жизненного опыта. Особенно это касается детей эвенков³³³.

Хореографическое и песенное искусство эвенков является ярким примером трансформаций традиционной культуры этого народа под воздействием массовой культуры и процессов глобализации, развивающихся на российском Севере. Ранее распространенные среди эвенков обрядовые и игровые подражательные танцы с оригинальным музыкальным сопровождением – звукоподражательными выкриками, игрой на бубне и губном инструменте *пэнһипкэвуне* – сегодня, в основном, представляют собой стилизованные версии традиционных танцев, зачастую исполняемых под популярную музыку.

Помимо многочисленных русских творческих коллективов, активно работающих в профессиональной культурной сфере, в каждом из трех северных районов Забайкальского края выделяются 1-2 песенно-

танцевальных коллектива эвенков. В начале 2000-х годов в Тунгокоченском районе на базе РДК и районного центра досуга работали фольклорные группы «Бирокан» («Ручеек») и «Дяндыктал» («Багульник»). В Тунгиро-Олёкминском районе был создан фольклорный ансамбль «Нёрилик». В Каларском районе еще с 1980-х годов действует эвенкийский ансамбль «Дэ-бэй-дэ». На базе ЦНК также были организованы семейный ансамбль «Юктэкан» («Ручеек») и детский фольклорный коллектив «Чипчикан»³³⁴.

Деятельность большинства фольклорных коллективов координируется профессиональными художественными руководителями, в т.ч. эвенками, и спонсируется, преимущественно, из муниципального бюджета. Например, детский и взрослый коллективы эвенкийского ансамбля «Дэ-бэй-дэ» в Каларском районе работали на базе СДК пос. Чапо-Олого при сотрудничестве с РДК в пос. Чара и получали поддержку из районного бюджета. В репертуар ансамбля входят танцы, основанные на интересном сочетании традиционных игровых, обрядовых и современных популярных танцев, исполняемых в сопровождении звукоподражательных выкриков, имитирующих звуки дикой природы, ударов в бубен и стилизованной этнической музыки³³⁵.

Другой пример художественной самодеятельности эвенкийских творческих коллективов представляет семейный ансамбль «Юктэкан». Организатор собственного семейного ансамбля жительница пос. Чапо-Олого И. Мальчакитова пишет и исполняет песни на эвенкийском и русском языках, играет на музыкальных инструментах, пишет несложные сценарии песенных и танцевальных номеров, исполняемых ее детьми и мужем. Репертуар ансамбля включает преимущественно песенные номера, исполняемые под баян, гитару или бубен. Структура и мелодика исполняемых ансамблем песен отличаются от традиционных эвенкийских, а тексты, как правило, пишутся параллельно на русском и эвенкийском языках.

Образцы фольклора, наиболее приближенного к традиционным эвенкийским канонам, лучше всего сохранились среди потомственных оленеводов и охотников. Некоторые из них умеют рассказывать поучительные истории из недавнего прошлого в жанре рассказа *улгур*, а также владеют искусством исполнения песни-импровизации *икэн*. Такие песни основаны на специфическом ритме стиха, определяемом сочетанием долгих и кратких гласных и количеством слогов запева-припева,

при возможном отсутствии рифмы и аллитерации³³⁶. Песни-импровизации эвенков посвящены природной среде, животным, повседневным занятиям и отражают настроение исполнителя в данный момент, его восприятие окружающего мира. Песни вообще и песни-импровизации не могут репетироваться заранее и исполняться по заданной схеме, т.к. должны, по словам эвенков, «исходить от сердца». Сами исполнители подобных произведений считают это занятие вполне естественным и спонтанным. Песни-импровизации зачастую сопровождают знаменательные даты в жизни эвенков – семейные праздники, похороны и рождения или просто встречи с друзьями, однако, редко включаются в программы крупных культурно-массовых мероприятий³³⁷.

Таким образом, тенденции популяризации, модернизации и глобализации искусства и культуры доходит до самых отдаленных мест расселения коренных малочисленных народов Севера. Выступление профессиональных и семейных ансамблей является неотъемлемой частью и своеобразной «жемчужиной» концертных программ, посвященных эвенкийской культуре. Ансамбль «Дэ-бэй-дэ», закрепивший за собой репутацию эвенкийского коллектива общероссийского уровня, становился участником культурных мероприятий в Москве и других городах. Семейные ансамбли обычно известны лишь на районном уровне. Они получают несущественную государственную финансовую поддержку или работают на общественных началах, а их художественные руководители, как правило, не имеют специального образования и подготовки.

Примечательно, что большей популярностью пользуются эвенкийские коллективы, творчество которых более «адаптировано» к нормам западной культуры. С другой стороны, сами фольклорные группы, стремящиеся добиться успеха за рамками художественной самостоятельности, учатся ориентироваться на социальный заказ и запросы местных потребителей культуры. С этнографической точки зрения, наиболее аутентичным, т.е. приближенным к традиционным канонам хореографического и песенного искусства эвенков, является творчество индивидуальных непрофессиональных исполнителей. Как правило, к ним относятся эвенки, которые в недавнем прошлом вели и сейчас продолжают вести кочевой образ жизни, сохраняя навыки и особенности исполнения песен своих предков. Сотрудники культурно-образовательных учреждений нередко видят в народных исполнителях

не только хранителей традиций, но и источник информации и знаний, необходимых для выполнения своей официальной миссии – «возрождения» культуры и искусства эвенков севера Забайкальского края и поддержания межкультурного диалога в регионе.

Декоративно-прикладное искусство эвенков, включающее пошив одежды и постельных принадлежностей из меха, изготовление домашней утвари и орудий промысла из традиционных материалов, аппликация и вышивание бисером, изготовление сувенирной продукции изменило свое внутреннее содержание и функции. Сегодня эвенки, как правило, не могут интерпретировать значение узоров, украшений и других символических форм искусства, хорошо известных их предкам в начале - середине XX в. В связи с угасанием традиционных отраслей хозяйства изменилась и роль традиционной одежды из меха, оленьих седел, предметов кочевого быта, которые всё чаще рассматриваются как артефакты – материальные следы культурно-исторического наследия эвенков, собираемые и хранимые в музеях и других культурных учреждениях. Попытки культурных работников сохранить и «возродить» традиционное декоративно-прикладное искусство эвенков, так же, как в случае с танцевально-песенным искусством, включают реинтерпретацию и популяризацию предметов искусства и навыков их изготовления. Лишь в коллективах, ведущих традиционное хозяйство, предметы декоративно-прикладного искусства и домашней утвари выполняют свое изначальное, прикладное предназначение в повседневной жизни эвенков³³⁸.

В Каларском районе основным культурным учреждением, на базе которого развивается декоративно-прикладное искусство эвенков, является ЦНК в пос. Кюсть-Кемда. Здесь ведутся кружки для желающих приобрести навыки пошива традиционной эвенкийской одежды и изготовления изделий из природных материалов. Важную роль играет и районный краеведческий музей с действующей экспозицией по эвенкийской тематике, в которую вошли предметы традиционного быта и прикладного искусства эвенков. В базе данных РДК Каларского района сегодня находится около 30 эвенков-мастеров декоративно-прикладного творчества, занимающихся изготовлением бубнов, вышивкой национальных узоров бисером, пошивом изделий из меха, изготовлением сувениров, берестяной хозяйственной утвари и орудий промыслов эвенков³³⁹. С начала 2000-х годов в ЦНК действуют кружок прикладного творчества

для детей до 14 лет «Дылача» и взрослые любительские коллективы «Онёвун» (16-30 лет) и «Мастерицы» (возраст членов – 20-70 лет). В детском кружке «Дылача» дети из неблагополучных семей эвенков получают навыки изготовления национальных настенных сувениров и стилизованных оберегов. Члены коллектива «Онёвун» – преимущественно молодые безработные женщины и девушки-эвенки, которые учатся изготовлению сувенирной продукции и основам кроя и шитья традиционной одежды при помощи старших членов коллектива «Мастерицы». Благодаря работе этих любительских коллективов было частично возобновлено производство сувенирных и меховых изделий, выпускавшихся в советское время на базе мехового цеха совхоза в пос. Кюсть-Кемда. Чтобы поддержать это направление деятельности ЦНК организует закупку мехового сырья у охотников, сбор этнографических материалов по искусству эвенков, пошив и продажу одежды, и сувенирных изделий из традиционных материалов гостям и жителям района.

Коллективы, занятые традиционным декоративным прикладным творчеством уже добились определенных успехов. На базе ЦНК действует постоянная выставка-продажа традиционной одежды и обуви, сувенирных изделий эвенков. В 2003 г. сотрудники районного отдела культуры и РДК Каларского района принимали участие в V Всероссийской выставке изящных искусств Сибири в г. Новосибирске с выставкой предметов декоративно-прикладного искусства каларских эвенков³⁴⁰. В декабре 2009 г. делегации культурных работников трех северных районов, наряду с АКМНС Забайкальского края, принимали участие в межрегиональном смотре деятельности этнокультурных центров коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «Ожерелье России» с выставкой предметов декоративно-прикладного искусства эвенков³⁴¹.

Несмотря на определенные достижения, связанные с популяризацией искусства эвенков, утрачиваются традиционные технологии пошива одежды и изготовления изделий и символический смысл украшающих их узоров. В лучшем случае выкройки и узоры копируются с доставшихся в наследство от бабушек сапог амчуры, шуб ёкды³⁴², ковров кумалан, берестяной утвари и сумок икабья, муручун, чомпули, и других предметов. Попытки местной интеллигенции восстановить утраченный смысл традиционного эвенкийского орнамента по специ-

альной литературе не всегда венчаются успехом, а «собрание этнографических материалов» среди эвенкийских мастеров традиционных ремесел затруднено в связи с отсутствием методологической базы.

Яркие примеры производства и функционирования предметов традиционного искусства и ремесел можно найти среди эвенков, занятых в традиционных отраслях хозяйства и близко знакомых с кочевым бытом. Наиболее распространенным ремеслом, необходимым для выживания в тайге, является пошив традиционной одежды и постельных принадлежностей из меха. Эвенкийка А. Ильдинова продемонстрировала процесс пошива эвенкийской зимней одежды из шкур домашних и диких оленей и лосей. Процесс производства одежды из шкур в условиях натурального хозяйства очень трудоемкий и может занять от одного до трёх месяцев, но силы, вложенные в него, окупаются носкостью и необыкновенной прочностью одежды и обуви, сшитых по традиционным технологиям³⁴³.

Другим неотъемлемым видом традиционных таежных промыслов является изготовление и ремонт домашней утвари, хозяйственно-бытовых предметов и орудий промысла. Например, бывший бригадир-оленовод Н. Данилова чинит олени седла, доставшиеся ей в наследство от деда. Навыки резьбы по кости, необходимые для изготовления самих седел, практически полностью утрачены, поэтому сохранившиеся старинные седла являются ценным наследством для каждого оленевода. Лишь в случае их окончательной поломки изготавливаются деревянные остова для седел, но уже по новой упрощенной технологии. Самым распространенным видом украшения зимней одежды и обуви и других изделий из меха и кожи в настоящее время является вышивка из бисера. Сохраняется характерный геометрический орнамент и любимая цветовая гамма (желтый, синий, красный) эвенков, хотя семантику самого орнамента интерпретировать могут лишь отдельные мастерицы старшего поколения³⁴⁴.

Развитие праздничной культуры эвенков севера Забайкальского края в конце 1990-х – начале 2000-х годов также проходило под лозунгом «возрождения», на смену которому вновь пришла концепция многонациональной культуры. «Возрождались» и «внедрялись» как праздники и культурно-массовые мероприятия, проводившееся в советское время, так и некоторые традиционные праздники народов Севера. Как и у многих других народов Севера, культура эвенков приобрела неко-

торые новые черты: стремление приурочить празднование к историческим событиям многовековой давности, появление панэвенкийских праздников, пропагандирующих идею консолидации локальных этнических групп и органическое вживание привнесенных еще в досоветское время календарных христианских праздников в обрядность коренных народов Севера.

Праздники эвенков севера Забайкальского края различаются по масштабам проведения, популярности и своей роли в сохранении традиционной культуры. К общенародным массовым праздникам, в которых эвенки принимают активное участие, относятся календарные праздники – Новый Год, 8 Марта, День защитника Отечества, День Победы и т.д. Празднование этих дней приобретает своеобразный местный колорит из-за сопровождающих их массовых мероприятий, подготовленных сотрудниками ДК³⁴⁵.

Особенно популярными в последние годы стали юбилеи и дни сел, программы празднования которых приурочиваются к другим значительным событиям и включают чествование жителей, внесших вклад в развитие сел, проведение игр и развлекательных мероприятий, конкурсов национальных блюд и угощений. Например, празднование 100-летия эвенкийского пос. Чапо-Олого в октябре 1999 г. было приурочено к проведению регионального фестиваля «Мотивы Севера» и приезду в Каларский район делегации высокопоставленных официальных лиц г. Москвы. Программа праздника включала ряд, разноплановых мероприятий, начиная с ритуала забоя домашнего оленя и выступления ансамбля «Дэ-бэй-дэ» и заканчивая официальным заседанием круглого стола «Культура малочисленных народов Севера: проблемы и их решения, пути сохранения и развития»³⁴⁶.

В следующую группу входят календарные православные и дохристианские праздники – Рождество, Крещение, Пасха, Масленица, Ильин день и т.д. Отношение эвенкийского населения к этим праздникам в целом неоднозначно. Для одних эти «русские» праздники не играют большой роли. Для других эвенков, считающих себя православными христианами, хотя и верящих при этом в духов нижнего и верхнего миров, эти праздники имеют большое символическое значение. Многие из них пытаются объяснять их значение детям. Не поощрявшиеся в советское время христианские праздники сегодня входят в жизнь

эвенкийского населения, в основном, благодаря усилиям сотрудников культурных учреждений, в т.ч. самих эвенков³⁴⁷.

К так называемым «праздникам народов Севера» относятся проводимые регулярно фестивали народного творчества «Мотивы Севера», областные конкурсы «Аятку Хунат» («Северная Красавица»), региональные фестивали народного творчества («Бальдёр»), а также «возрожденные» недавно праздники «Дылача Бакалдын» («Встреча солнца»), проводимый в один из дней летнего солнцестояния, и эвенкийский Новый Год, отмечаемый с первыми раскатами грома в конце мае – начале июня. Профессиональные праздники с национальным колоритом, такие, как День оленевода, День охотника или День рыболова, проводившиеся в советское время, в связи с упадком традиционных отраслей хозяйства сегодня отмечаются редко или трансформируются в другие праздники и мероприятия. Эти праздники, являющиеся, по словам работников учреждений культуры, «закрытыми», предназначенными для эвенков, в действительности, привлекают большинство местного населения. Этническую специфику подобным праздникам, в основном, придают сопровождающие их соревнования и импровизированные обряды – стрельба из лука, бросание аркана *мáвут*, прыжки через нарты и обряды очищения.

Одним из наиболее масштабных и зрелищных праздников из этой серии является областной фестиваль «Мотивы Севера», проводящейся один раз в три года под патронажем районных и сельских домов культуры северных районов. Сценарий фестиваля «Мотивы Севера», проходившего в Каларском районе в 2003 г., был основан на одном из героических сказаний об эвенкийском богатыре Умусликэне, исполнении эвенкийских танцев и песен, проведении конкурсов на знание эвенкийских пословиц. Помимо этого, в рамках фестиваля проводились конкурсы творчества, красоты и смекалки «Сб бэе» («Сильный человек»), национальная борьба, демонстрация национальных праздничных костюмов, конкурс национальных блюд. Следует отметить, что подобные национальные праздники имеют тенденцию к расширению своей аудитории. Так, областной фестиваль «Мотивы Севера», в котором принимали участие делегации из других районов Забайкальского края, постепенно перерастает в праздник регионального масштаба, на котором присутствуют гости из соседних областей и республик. С другой стороны, делегации эвенков Забайкальского края регулярно при-

нимают участие во Всероссийских фестивалях центров национальной культуры (в 2003 г. этот фестиваль проводился в г. Улан-Удэ), в фестивалях народного творчества «Бальдёр» и других мероприятиях регионального и межрегионального масштаба³⁴⁸, что соответствует просветительской миссии культурных учреждений севера Забайкалья:

Наша культурная деятельность в отношении народов Севера направлена не только на их собственное просвещение, но и на просвещение всего местного населения, его ознакомление с эвенкийской культурой. При этом хотелось бы установить связи и с другими северными районами, краями и областями. К сожалению, связей с Эвенкийским автономным округом нет, поэтому пока мы поддерживаем контакты с Бурятией и Амурской областью, – говорит начальник отдела культуры Каларского района С.Л. Рошкова³⁴⁹.

«Этнические» праздники и другие массовые мероприятия, проводимые культурными учреждениями не способны «возродить» пресловутую традиционную культуру эвенков. Однако они, несомненно, способствуют повышению уровня национального самосознания самих эвенков и интереса к эвенкийской культуре среди всего местного населения.

Итак, в постсоветский период на смену лозунгам культурного строительства сначала пришли идеи культурного/этнического возрождения, а затем реинтерпретированная советская концепция многонациональной культуры. Большие трансформации произошли в системе школьного образования: благодаря усилению «регионального компонента» в программах обучения появились новые предметы, ориентированные на потребности местного эвенкийского населения. Однако из-за недостаточного финансирования инновационных образовательных проектов и нехватки специалистов северные интернаты для детей из отдаленных поселков и кочевых семей продолжают свое существование. В среднем специальном и высшем образовании остро стоят проблемы возвращения молодых эвенков на север Забайкальского края и их трудоустройства там. Языковые процессы среди эвенков в этот период развивались по модели языкового сдвига – массового перехода среднего и, особенно, младшего поколений на русский язык. Такая ситуация обусловлена, в частности, отсутствием эффективной методики преподавания языка и сокращением сфер его употребления.

Сегодня эвенкийский язык продолжает использоваться в коллективах, занимающихся традиционным хозяйством и народными промыслами эвенков, а также в быту в однонациональных семьях. Несмотря на то, что в среде народной культуры еще сохраняются наиболее аутентичные образцы песенно-танцевального искусства и декоративно-прикладного творчества эвенков, ведущую роль в пропаганде культурных традиций эвенков севера Забайкалья играют усилия сотрудников культурно-образовательных учреждений. Хранителями культурных традиций являются представители старшего поколения – эвенки, ведущие до недавнего времени или в продолжающие вести кочевой образ жизни.

Представляется, что для более полной реализации и развития этого культурного потенциала требуется инициатива и заинтересованность всего эвенкийского населения, особенно молодежи. Для этого необходимо создавать более благоприятные условия для профессиональной подготовки и вовлечения молодых людей в орбиту культурной жизни эвенкийского и местного сообщества, для воспитания национальных лидеров и представителей интеллигенции.

¹ Некоторые информанты смогли вспомнить свою родовую принадлежность или принадлежность своих родителей.

² ПМА. 2003. Л. Мальчакитова.

³ Более подробно о южных группах эвенков см.: Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М., 2005.

⁴ ПМА. 2006. А. Таскерова.

⁵ ПМА. 2002–2004.

⁶ Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 88–114.

⁷ ПМА. 2002–2003.

⁸ ПМА. 2003.

⁹ ПМА. 2006. Т. Анисимова.

¹⁰ Национальный состав населения РСФСР... С. 144; Булаев В.М. Этнонациональные особенности формирования населения Восточного Забайкалья (социально-географическая интерпретация). Улан-Удэ, 1998. С. 122.

¹¹ Информация о социально-демографической ситуации КМНС края и проведении комплекса мероприятий по улучшению условий и качества жизни населения на территориях компактного проживания КМНС. 2010.

¹² Кулаков В.С., Рыжий В.С., Снегур А.Е. География Каларского района. С. 159.

-
- ¹³ Данные Администрации Тунгокоченского района. 2010.
- ¹⁴ ПМА. 2004.
- ¹⁵ На примере юкагиров об этом пишет Виллерслев: Willerslev R. Urbanites without a City: Three Generations of Siberian Yukaghir Women // Acta Borealia, 2010. Vol. 27. № 2. P. 189–207.
- ¹⁶ Хрущев С.А., Клоков К.Б. Северный номадизм в России. СПб., 2001. С. 12–16.
- ¹⁷ Информация для подготовки заседания Консультативного Совета по делам коренных малочисленных народов Севера при полномочном представителе Президента Российской Федерации в СибФО. 2011
- ¹⁸ ПМА. 1999–2004.
- ¹⁹ Информация для подготовки заседания Консультативного Совета... 2011.
- ²⁰ Информация для подготовки заседания Консультативного Совета... 2011.
- ²¹ ПМА. 2006: Т.П. Анисимова.
- ²² ПМА. 2000, 2002.
- ²³ ПМА. 2006. Т. Анисимова.
- ²⁴ ПМА. 2003, 2004.
- ²⁵ Буяхаев С.С. Современное развитие забайкальских эвенков // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994. С. 135.
- ²⁶ ПМА. 2003. С. Каткова.
- ²⁷ ПМА. 2003. Л. Крюкова.
- ²⁸ ПМА. 2003. Н. Сынгалеева.
- ²⁹ ПМА. 2006: интервью с главой сельского поселения Верх-Усугли Ю.Д. Очировым.
- ³⁰ ПМА. 2003.
- ³¹ Буяхаев С.С. Современное развитие забайкальских эвенков... С. 135.
- ³² Основные показатели здоровья и медицинского обслуживания населения Читинской области в 1998–2002 гг. Чита, 2003. С. 131, 123.
- ³³ Основные показатели здоровья и медицинского обслуживания населения Читинской области в 1998 – 2002 гг. Чита, 2003. С. 124–127.
- ³⁴ Данные Управления экономики Каларского района ЧО. 2003.
- ³⁵ ПМА. 2003: С.С Каткова.
- ³⁶ ПМА. 2003. Л. Крюкова.
- ³⁷ ПМА. 2000.
- ³⁸ Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- ³⁹ Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. С. 105–106.
- ⁴⁰ Данные Управления экономики Каларского района ЧО. 2003.
- ⁴¹ ПМА. 2003. С. Каткова.
- ⁴² Информация о социально-демографической ситуации... 2010.

-
- ⁴³ ПМА. 2006.
- ⁴⁴ ПМА. 2003. Л. Крюкова.
- ⁴⁵ Поворознюк О.А. Культурный ландшафт и адаптация в современных условиях Российского Севера (на примере читинских эвенков) // *Расы и народы: современные этнические и расовые проблемы*. Вып. 33. М., 2007. С. 188–208.
- ⁴⁶ ПМА. 2004.
- ⁴⁷ ПМА. 2003.
- ⁴⁸ Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. С. 79–81.
- ⁴⁹ ПМА. 2006.
- ⁵⁰ Программа «Экономическое и социальное развитие КМНС Тунгокоченского района на 2006–2010 гг.». 2006.
- ⁵¹ Краевая долгосрочная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера в Забайкальском крае на 2010–2012 годы». 2010.
- ⁵² Данные Комитетов экономики и культуры Администрации ЧО. 2000.
- ⁵³ Справка о социально-экономическом положении... 2010.
- ⁵⁴ Соболева С.В. Социально-демографические аспекты воспроизводства и формирования малых национальных групп (на примере Сибири) // *Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сб.*. Вып. 1. Новосибирск, 1997. С. 49.
- ⁵⁵ Пика А.И. Демографическая политика в районах проживания народов Севера: проблемы и перспективы // *Региональные проблемы социально-демографического развития*. М., 1987. С. 50–52; Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера России во второй половине 90-х годов XX в. Экономика. Культура. Политика. Обзор по материалам российской прессы. М., 2000. С. 23.
- ⁵⁶ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
- ⁵⁷ Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁵⁸ Соколова З.П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // *Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований*. М., 1994. С. 24; Соколова З.П. Этнокультурные основы социально-экономического районирования России // *Народы Российского Севера и Сибири*. Сибирский этнографич. сб. Вып. 9. М., 1999. С. 237; Концепция социального и экономического... 1989. С. 93.
- ⁵⁹ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
- ⁶⁰ Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁶¹ Vinokurova, L.I. Yakutia's Men Today: Widowing Wives and Longing for Life? // *Anthropology of East Europe Review*. 29(2). 2010. P. 140–163.
- ⁶² Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁶³ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
- ⁶⁴ Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.

-
- ⁶⁵ Информация о социально-демографической ситуации...2010.
- ⁶⁶ Гончарова Г.С. Семейно-брачные отношения и демографические процессы у народов Севера // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1997. С. 145; Соколова З.П. Этнический состав и демографическая ситуация // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. Новосибирск, 2004. С. 27.
- ⁶⁷ Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- ⁶⁸ По определению ВОЗ здоровье – состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов (Преамбула Устава (Конституции Всемирной организации здравоохранения – www.who.int)).
- ⁶⁹ Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁷⁰ Основные показатели здоровья... С. 3.
- ⁷¹ Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁷² Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2000.
- ⁷³ ПМА. 2003; Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁷⁴ Пивнева Е.А. Современная этнодемографическая ситуация и состояние здоровья малочисленных народов Севера // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 14; Она же. Здоровье и медико-социальные проблемы // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2004. С. 84.
- ⁷⁵ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000; Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁷⁶ ПМА. 2004. С. Каткова.
- ⁷⁷ Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004; ПМА. 2003. Л. Мальчакитова.
- ⁷⁸ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
- ⁷⁹ Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁸⁰ Данные Комитета здравоохранения Администрации ЧО. 2004.
- ⁸¹ Информация о социально-демографической ситуации...2010.
- ⁸² Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера... С. 34.
- ⁸³ Кривоногов В.П. Западные звенья на рубеже тысячелетий. Красноярск, 2001. С. 15.
- ⁸⁴ Krupnik I., Vakhtin N. In the «House of Dismay»: Knowledge, Culture and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–1996 // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Seattle, 2002; Аблажей А.М. Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1997. С. 125; Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера... С. 34–40.

-
- ⁸⁵ Михайлов Т.М. Народы и культуры Байкальского региона: проблемы взаимодействия // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. Новосибирск, 2003. С. 171.
- ⁸⁶ ПМА. 2003. С.С. Каткова.
- ⁸⁷ ПМА. 2003.
- ⁸⁸ Povoroznyuk, O, J.O. Habeck, V. Vaté. Introduction... 2010.
- ⁸⁹ ПМА. 2002, 2003, 2004.
- ⁹⁰ См. также: Бурыкин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002.
- ⁹¹ Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМ. М., 1985. С. 38.
- ⁹² Булаев В.М. Этно-национальные особенности формирования населения... С. 107–108.
- ⁹³ Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 158–159.
- ⁹⁴ ПМА. 2003.
- ⁹⁵ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000; 2004.
- ⁹⁶ Михайлов Т.М. Народы и культуры Байкальского региона... С. 173.
- ⁹⁷ Мархинин В.В., Удалова И.В. Социокультурные проблемы и межэтнические отношения в национально смешанных поселениях Ханты-Мансийского АО (по материалам социологических экспедиций 1990-х годов) // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 2001. С. 164.
- ⁹⁸ ПМА. 2003. Б. Филатов.
- ⁹⁹ Sántha I. Buryat-Evenki Interethnic Relations // Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2002–2003. Halle / Saale, 2002. P. 331–332.
- ¹⁰⁰ ПМА. 2002, 2003.
- ¹⁰¹ ПМА. 2006. А. Таскерова.
- ¹⁰² ПМА. 2003. С.Габышев.
- ¹⁰³ ПМА. 2003. С. Габышев.
- ¹⁰⁴ ПМА. 2006.
- ¹⁰⁵ Соколова З.П. Этнический состав и демографическая ситуация... С. 28.
- ¹⁰⁶ Бурыкин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития... С. 193; Золоторубов В.С, Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. Новосибирск, 1992. С. 49; Миссонова Л.И. Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (орочонов) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 162. М., 2003. С. 10.
- ¹⁰⁷ ПМА. 2002.
- ¹⁰⁸ ПМА. 2006. Т.М. Хорошева.
- ¹⁰⁹ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.

¹¹⁰ ПМА. 2002–2004.

¹¹¹ Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири. М., 2006.

¹¹² Kuper A. The Return of the Native // *Current Anthropology*. Vol. 44. № 3. 2003. P. 389.

¹¹³ Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков Юга Западной Сибири в 1980-е – первой половине 1990-х годов (на примере батчатских телеутов) // ЭО. 1999. № 5. С. 116–120; Donahoe B. Ethnicity, Indigeneity, and Conflict in the Making // *Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2002–2003*. Haalle/ Saale, 2003. P. 320–321.

¹¹⁴ ПМА. 2002. М. Юшкевич.

¹¹⁵ Миссонова Л.И. Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (орочонов). С. 10; Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // ЭО. 2000. №3. С. 2.

¹¹⁶ ПМА. 2002–2004: А. Хегай.

¹¹⁷ Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004. С. 146.

¹¹⁸ Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 412.

¹¹⁹ Золоторубов В.С., Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. С. 53–54.

¹²⁰ Мархинин В.В., Удалова И.В. Социокультурные проблемы...С. 167; ПМА. 2006.

¹²¹ Федеральный закон от 20 июля 2000 г. № 104–ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями от 21 марта 2002 г.).

¹²² Логинова Л.В., Матвеев А.М. Особенности развития традиционных отраслей хозяйствования в Эвенкийском автономном округе // *Этносоциальные процессы в Сибири: Тематич. сб. Вып. 4*. Новосибирск, 2001. С. 130.

¹²³ Пика А.И. Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // *Социологические исследования*. № 11. 1996. С. 50–53.

¹²⁴ Бойко В. И. (отв. ред.). Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989. С. 40.

¹²⁵ ПМА. 2003.

¹²⁶ ПМА. 2006, 2010.

¹²⁷ ПМА. 2003, 2004.

¹²⁸ Дикий северный олень (локал.).

¹²⁹ Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 27.

-
- 130 Данные Администрации Чапо-Ологского сельского округа. 2001; ПМА. 2002.
- 131 ПМА. 2003. С. Каткова.
- 132 ПМА. 2004. П. Кузьмин.
- 133 ПМА. 2006.
- 134 ПМА. 2003. Л. Мальчакитова, С. Габышев.
- 135 Дронова Н., Шестаков А. Промысел как жизнь: природоохранные и социально-экономические аспекты пушного промысла на Дальнем Востоке и торговли пушниной в России. М., 2005. С. 41–44.
- 136 ПМА. 2002. М. Юшкевич.
- 137 Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
- 138 Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 139 ПМА. 2006. Л. Гарпанеева.
- 140 Информация по эвенкийскому населению Тунгокоченского района на 15.11.2006, 2006.
- 141 Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 26.
- 142 Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 143 Данные Управления экономики Каларского района ЧО. 2003.
- 144 ПМА. 2002.
- 145 Йернслеттен Й-Л.Л., Клоков К. Устойчивое оленеводство. Тромсё, 2002–2003. С. 23–73.
- 146 Krupnik I.I. Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia. Hanover; NH; London, 1993. С. 49.
- 147 Gray P. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition // Polar Research. Vol. 19. № 1. 2000. P. 36–37.
- 148 Йернслеттен Й-Л.Л., Клоков К. Устойчивое оленеводство. С. 51.
- 149 Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Часть I. Республика Саха (Якутия). СПб., 2001. С. 11–12.
- 150 Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Ч. II. Север Средней Сибири (Таймырский и Эвенкийский автономные округа, Туруханский район Красноярского края). СПб., 2001. С. 13–18.
- 151 ПМА. 2003. Н. Данилова.
- 152 ПМА. 2002.
- 153 Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 154 ПМА. 2006. Т. Анисимова.
- 155 Данные хозяйственных книг пос. Чапо-Олого. 2002.
- 156 Данные Управления экономики Каларского района ЧО. 2003.
- 157 Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 158 ПМА. 2006. Т.М. Хорошева.
- 159 ПМА. 2003. П. Кузьмин.

-
- ¹⁶⁰ Йернслеттен Й-Л.Л., Клоков К. Устойчивое оленеводство. С. 51, 53.
- ¹⁶¹ ПМА. 2004.
- ¹⁶² ПМА. 2003, 2004.
- ¹⁶³ ПМА. 2006. Г.И. Арунеев.
- ¹⁶⁴ ПМА. 2003.
- ¹⁶⁵ ПМА. 1999, 2000.
- ¹⁶⁶ ПМА. 2003. Н. Данилова.
- ¹⁶⁷ ПМА. 2003. С.Катков.
- ¹⁶⁸ ПМА. 2006. Г. Арунеев.
- ¹⁶⁹ ПМА. 2002. М. Юшкевич.
- ¹⁷⁰ ПМА. 2002.
- ¹⁷¹ География... С. 182; Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
- ¹⁷² ПМА. 2003. С. Каткова.
- ¹⁷³ Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 41–43; ПМА. 2003.
- ¹⁷⁴ Например, Постановление Правительства РФ от 29 декабря 1991 г. № 86 «О порядке реорганизации колхозов и совхозов».
- ¹⁷⁵ Konstantinov Y. Towards a Model of Comparing Transitional Forms in Russian Reindeer Herding // Max Planck Institute for Social Anthropology Working Papers. Halle / Saale, 2004. P. 1. Он же. Soviet and Post-Soviet Reindeer-Herding Collectives: Transitional Slogans in Murmansk Region // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Seattle, 2002. P. 172.
- ¹⁷⁶ См. Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22 ноября 1990 г. № 348–1.
- ¹⁷⁷ Указ Президента РФ от 22.04.92 № 397 «О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера».
- ¹⁷⁸ ПМА. 2006.
- ¹⁷⁹ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
- ¹⁸⁰ ПМА. 2006. А. Таскерова.
- ¹⁸¹ ФЗ РФ от 20 июля 2000 года №104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».
- ¹⁸² Соколова З.П. Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера (концепция развития) // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 65; Сирина А.А. Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? // Исследования по прикладной и неотложной антропологии. № 126. М., 1999. С. 10–12.

-
- ¹⁸³ Айпин Е.Д. Родовая община как орган этнического самоуправления и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации // Обычное право и правовой плюрализм. Мат-лы XI Междунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму. М., 1999. С. 67.
- ¹⁸⁴ См., например: Устав общины малочисленных народов Севера «Геван», 2002; ПМА. 2002–2004.
- ¹⁸⁵ ПМА. 2002. М. Юшкевич.
- ¹⁸⁶ ПМА. 2006. Л. Гарпанеева.
- ¹⁸⁷ Fondahl G.A. Gaining Ground? P. 98–99.
- ¹⁸⁸ Золоторубов В.С., Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. С. 107.
- ¹⁸⁹ Ср. с понятием «своя земля» у катангских эвенков: Сирина А.А. Преемственность в организации среды жизнедеятельности (на примере эвенков верховья р. Нижняя Тунгуска) // ЭО. 1992. № 2. С. 77–89.
- ¹⁹⁰ Поворознюк О.А. Природопользование каларских эвенков: государственное регулирование и традиционная нормативная система // Олень всегда прав. Иссл-я по юридич. антропологии. М., 2003. С. 166.
- ¹⁹¹ Истомин К. Нефть и олени. Традиционные методы выбора оленьих пастбищ у коми оленеводов и их связь с конфликтом интересов в области землепользования // Северное Вече. Мат-лы II Открытой встречи СИФ. В. Новгород, 19–22 сентября 2002 г. Акурейри, 2004. С. 178; Истомин К.В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства. Дисс... к.и.н. Сыктывкар, 2004. С. 58–60.
- ¹⁹² Андерсон Д. Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998. С. 122–136.
- ¹⁹³ Gron O., Marie Holm-Olsen I., Tommervik H., Kuznetsov O. Reindeer Hunters and Herders: Settlement and Environmental Impact // Niku Norsk Institutt for Kulturminneforskning, 1999. № 5. P. 17–24.
- ¹⁹⁴ ПМА. 1998–2000.
- ¹⁹⁵ Харючи Г.П. Культурные места – священные ландшафты в традиционном мировоззрении ненцев // Олень всегда прав. М., 2003. С. 140.
- ¹⁹⁶ Согласно полевым материалам, представления о *барелаке* распространены среди каларских эвенков, являющихся потомками якутских родов (например, Якоткар) и родов, контактирующих с ними. Г.М. Василевич считала, что антропоморфный образ *барелака* (*бэллэй*) связан с представлениями об охотничьей удаче *синкэн* и духом-хозяином промыслового угодья, к которому охотник обращался с просьбой у эвенков Якутии.
- ¹⁹⁷ Поворознюк О.А. Природопользование каларских эвенков. С. 167.

-
- ¹⁹⁸ По поверьям эвенков, все кости забитого животного должны быть собраны вместе для того, чтобы его душа могла вселиться в нового оленя, чтобы, таким образом, число животных не уменьшалось.
- ¹⁹⁹ Туров М.Г. Эвенки: экологическое сознание этноса в традициях охотничье-оленьеводческого хозяйства // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск, 1997. С. 142.
- ²⁰⁰ Золоторубов В.С., Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. С. 116.
- ²⁰¹ Воробьев Д. Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков ... С. 20.
- ²⁰² Бенда-Бекманн К. фон. Правовой плюрализм и природные ресурсы // Обычай и закон. М., 2002. С. 89.
- ²⁰³ ПМА. 2002. М. Юшкевич.
- ²⁰⁴ ПМА. 2000, 2002–2004.
- ²⁰⁵ Задорожный В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 86, 50–54.
- ²⁰⁶ Постановления № 98 от 11.03.94, № 281 от 01.08.1994; № 32 от 25.01.1994.
- ²⁰⁷ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
- ²⁰⁸ ПМА. 2006. Т. Хорошева.
- ²⁰⁹ Федеральный закон от 7 мая 2001 г. N 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (с изменениями от 26 июня 2007 г., 23 июля, 3 декабря 2008 г.).
- ²¹⁰ Запороцкий О.Н., Мурашко О.А. Как можно реализовать конституционное право на защиту традиционного образа жизни и исконной среды обитания // Северные народы на пути в новое тысячелетие: Сб. документов, статей, воспоминаний и размышлений. М., 2000. С. 160.
- ²¹¹ ПМА. 2006.
- ²¹² ПМА. 2006: интервью со специалистом по проблемам КМНС, заместителем главы Тунгокоченского района Т.М. Хорошевой.
- ²¹³ ПМА. 2006: интервью с главой АКМНС Тунгокоченского района Л.Д. Гарпаневой.
- ²¹⁴ ПМА. 2003.
- ²¹⁵ ПМА. 2003. Н. Данилова.
- ²¹⁶ ПМА. 2002. Е. Васильева.
- ²¹⁷ Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года // <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php> (по состоянию на 21.12.2011).
- ²¹⁸ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
- ²¹⁹ ПМА. 2002, 2003.

-
- ²²⁰ Anderson D.G. Turning Hunters into Herders: A Critical Examination of Soviet Development Policy among the Evenki of Southeastern Siberia // Arctic. Vol. 44. № 1. March, 1991. P. 20.
- ²²¹ Недешев А.А. Забайкалье... 120–137.
- ²²² Тематические новости металлургии. Удокан // <http://www.metalinfo.ru/ru/news/s1624.html> (по состоянию на 07.03.2011).
- ²²³ Каларская звезда. №16 (16). 2004. С. 1–2.
- ²²⁴ ПМА. 2003, 2004.
- ²²⁵ Чинейское месторождение находится в коме // <http://www.chita.ru/news/25443/> (по состоянию на 21.12.2011).
- ²²⁶ Игорь Макаров: «Итера» составила шорт-лист стратегических партнеров // <http://ria.ru/interview/20110531/382154913.html> (по состоянию на 21.12.2011).
- ²²⁷ Вигет Э. Экономика и традиционное землепользование восточных хантов. С. 211–212.
- ²²⁸ Справка о социально-экономическом положении... 2005.
- ²²⁹ Данные Администрации Чапо-Ологского сельского округа. 2001.
- ²³⁰ Данные Управления экономики Каларского района ЧО. 2003.
- ²³¹ ПМА. 2002. О. Мальчакитов.
- ²³² Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
- ²³³ ПМА. 2002.
- ²³⁴ Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- ²³⁵ Информация по эвенкийскому населению... 2006.
- ²³⁶ ПМА. 2006. Л. Гарпанеева.
- ²³⁷ ПМА. 2002.
- ²³⁸ Мангатаева Д.Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона. Новосибирск, 2000. С. 136–137; Золоторубов В.С., Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. С. 156–157; Сирина А.А. Хозяйство и социальная сфера... С. 75.
- ²³⁹ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004; Данные Управления экономики Администрации Каларского района ЧО. 2003.
- ²⁴⁰ ПМА. 2006.
- ²⁴¹ Мархинин В.В. Северные межэтнические сообщества... С. 99.
- ²⁴² Konstantinov Y. Soviet and Post-Soviet Reindeer-Herding Collectives. P. 175.
- ²⁴³ См., например, федеральные законы «О некоммерческих организациях» (1995), «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера» (1996), «О гарантиях прав коренных...» (1999), «Об общих принципах организации общин...» (2001), «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2001); постановления Правительства РФ «О кризисном положении экономики и культуры мало-

численных коренных (аборигенных) народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (1995), «О неотложных мерах по выводу из кризиса экономики и социальной сферы Севера РФ» (1998), «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» (2009); федеральные целевые программы «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера», «Дети Севера», «Здоровье», «Образование».

²⁴⁴ Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера России во второй половине 90-х годов XX в. Экономика. Культура. Политика. М., 2000. С. 69.

²⁴⁵ Эта сумма составляла примерно половину официально установленного прожиточного минимума на 1 чел. в месяц и тратилась на покупку самых необходимых продуктов (хлеба, муки, картошки, молока, сахара и т.п.).

²⁴⁶ ПМА. 2003, 2004.

²⁴⁷ ФЦП «Экономическое и социальное...». 2002.

²⁴⁸ Краевая долгосрочная целевая программа «Экономическое и социальное развитие...».

²⁴⁹ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.

²⁵⁰ Информация о социально-демографической ситуации... 2010.

²⁵¹ ПМА. 2006.

²⁵² ПМА. 2003. М. Сынгалаева.

²⁵³ ПМА. 2006.

²⁵⁴ ПМА. 2003.

²⁵⁵ ПМА. 2002. Г. Кузьмин.

²⁵⁶ Zyker J.P. Land Use and Economic Change among the Dolgan and Nganasan // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Seattle, 2002. P. 212–213.

²⁵⁷ Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Демократические, экономические, социальные и культурные проблемы развития народов Дальнего Востока в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994. С. 229.

²⁵⁸ Золоторубов В.С, Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. С. 158.

²⁵⁹ Данные Управления экономики Администрации Каларского района ЧО. 2003; Данные АКМНС. 2003; Данные Администрации Чапо-Ологского сельского округа Каларского района ЧО. 2001.

²⁶⁰ ПМА. 2000.

²⁶¹ Информация о социально-демографической ситуации... 2010.

²⁶² Справка о социально-экономическом положении... 2005.

²⁶³ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.

-
- 264 ПМА. 2003. Л. Крюкова.
- 265 Справка о социально-экономическом положении коренных малочисленных народов в Читинской области. 2005 г.
- 266 ПМА. 2002–2004.
- 267 Данные Управления экономики Администрации Каларского района. 2003.
- 268 ПМА. 2003. М. Сынгалаева.
- 269 Егоров Е. Г. (отв. ред.). Концепция экономического и социального развития народностей Севера на период 1991–2005 гг. Докл. на Всесоюзной научной конференции «Народности Севера: концепция социального и экономического развития в условиях научно-технического прогресса». Якутск, 1988. С. 83–84; Борисов, 1995. С. 51–52; Сирина А.А. Катангские эвенки... С. 15–17.
- 270 Вахтин Н.Б. Лярская Е.В. Языковая ситуация и проблемы образования // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. Новосибирск, 2004. С. 144.
- 271 Лярская Е.В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала). Дисс... к.и.н. СПб., 2003. С. 99–101.
- 272 Справка о социально-экономическом положении... 2005; Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 273 Справка о социально-экономическом положении... 2005; Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 274 Отчет КДУ Каларского района за 2003 г.; Отчет ЦНК Каларского района за 2003 г.
- 275 Отчет отдела краеведения и туризма Каларского районного краеведческого музея. 2002.
- 276 Егоров Е.Г. (отв. ред.). Концепция экономического и социального развития... С. 85.
- 277 Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера... С. 152.
- 278 Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
- 279 Данные региональной АКМНС и ДВ. 2001.
- 280 Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
- 281 Справка о социально-экономическом положении... 2005; Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 282 Отчет ЦНК Каларского района за 2003 г.
- 283 Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 284 ПМА. 2004; Золоторубов В.С., Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. С. 164.
- 285 Отчет ЦНК Каларского района за 2003 г.
- 286 ПМА. 2003, 2004.
- 287 Данные Комитета экономики ЧО. 2004.

-
- ²⁸⁸ Информация по эвенкийскому населению Тунгокоченского района на 15.11.2006.
- ²⁸⁹ Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
- ²⁹⁰ Данные Управления экономики Каларского района ЧО. 2003.
- ²⁹¹ ПМА. 2003. С. Симонова.
- ²⁹² Булатова Н.Я., Вахтин Н.Б., Насилов Д.М. Языки малочисленных народов Севера // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. Сб. науч. трудов. СПб., 1997. С. 7; Золоторубов В.С., Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. С. 192–193; Бойко В.И. Народности Севера: языковые процессы (к концепции развития). Новосибирск, 1987. С. 10–11.
- ²⁹³ Бурькин А.А. Динамика языковой ситуации... С. 36–37.
- ²⁹⁴ Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига. С. 14, 180; Вахтин Н.Б. Лярская Е.В. Языковая ситуация и проблемы образования // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2004. С. 138.
- ²⁹⁵ ПМА. 2002, 2003.
- ²⁹⁶ Отчет ЦНК Каларского района за 2003 г.
- ²⁹⁷ ПМА. 2006. Т. Анисимова.
- ²⁹⁸ Подлесных О.Н. Российские переписи населения, статус языковых сообществ и Европейская языковая Хартия // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2010. С. 42–65.
- ²⁹⁹ Мамонтова Н.А. Языки малочисленных народов Севера и Европейская языковая Хартия // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 218. М., 2010. С. 79–95.
- ³⁰⁰ Золоторубов В.С., Кривоногов В.П., Катков Н.В. и др. Эвенки бассейна Енисея. С. 194.
- ³⁰¹ Булатова Н.Я. Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. Сб. науч. трудов. СПб., 1997. С. 52; Борисов М.Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (Социологические очерки). Рыбинск, 1995. С. 50.
- ³⁰² ПМА. 2002–2006: поселки Чапо-Олого, Кюсть-Кемда, Чара, Нов. Чара, Неляты, Каларский район; поселки Верх-Усугли, и Тунгокочен, Тунгокоченский район.
- ³⁰³ ПМА. 2002, 2003.
- ³⁰⁴ ПМА. 2002, 2003.
- ³⁰⁵ Юргин К.И. Эвенкийские гидронимы. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филол. н. Новосибирск, 1974. С. 16.

-
- 306 ПМА. 1998–2000.
- 307 Бурькин А.А. Динамика языковой ситуации... С. 37–39.
- 308 Булатова Н.Я. Эвенкийский язык... С. 43, 49.
- 309 ПМА. 2002–2004.
- 310 Булатова Н.Я., Вахтин Н.Б., Насилов Д.М. Языки малочисленных народов Севера. 1997. С. 8; Булатова Н.Я. Эвенкийский язык... С. 42.
- 311 Соколовский С.В., Тишков В.А. Европейская языковая Хартия и защита языковых меньшинств // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2010. С. 30–41.
- 312 Булатова Н.Я., Вахтин Н.Б., Насилов Д.М. Языки малочисленных народов Севера. С. 6; Функ Д.А. Языки малочисленных тюркских народов Южной Сибири и Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2010.
- 313 Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004; ПМА. 2003.
- 314 Данные Комитета культуры Администрации ЧО. 2000.
- 315 Справка о социально-экономическом положении... 2005.
- 316 ПМА. 2003. М. Сынгалаева, Л. Данилова.
- 317 ПМА. 2006. Т. Анисимова.
- 318 Отчеты ЦНК Каларского района за 2002, 2003 гг.
- 319 Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
- 320 ПМА. 2003.
- 321 См., например: А.Н. Мыреева. Русско-эвенкийский разговорник. Якутск, 1992; Н.Я. Булатова. Эвенкийский язык в таблицах. СПб., 2002.
- 322 Бурькин А.А. Динамика языковой ситуации... СПб., 1997. С. 37.
- 323 Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004; ПМА. 2003.
- 324 См., напр.: Функ Д.А., Харитонов В.А. Духовная культура и религия // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 2004. С. 154.
- 325 Бурькин А.А. Динамика языковой ситуации... С. 39–41.
- 326 ПМА. 2006.
- 327 Отчет ЦНК Каларского района за 2002 г.
- 328 Habeck J.O., Donahoe B., Gruber S. Constellations of Culture Work in Present-Day Siberia. Oxford; N.Y., 2011.
- 329 ПМА. 2006.
- 330 Данные Отдела культуры Администрации Каларского района ЧО.
- 331 Информация о социально-демографической ситуации... 2010.
- 332 Habeck J.O. Cultured Places in an Uncultured Landscape // Max Planck Institute for Social Anthropology Report. Halle / Saale, 2002–2003. P. 326.
- 333 Отчет ЦНК Каларского района за 2003 г.

-
- 334 Данные Комитета культуры Администрации ЧО. 2000; Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004; Отчет КДУ Каларского района за 2003 г.
- 335 Отчет КДУ Каларского района за 2003 г.; ПМА. 2002.
- 336 Василевич Г.М. Эвенки. С. 195, 201.
- 337 ПМА. 2002, 2003.
- 338 ПМА. 2002–2004.
- 339 Отчет КДУ Каларского района за 2003 г.; Отчет ЦНК Каларского района за 2002 г.
- 340 Отчет ЦНК за 2002 г.; Отчет ЦНК за 2003 г.; Отчет КДУ Каларского района за 2003 г.
- 341 Информация о социально-демографической ситуации...2010.
- 342 Доха якутского покроя от эв. ёкб – якут.
- 343 ПМА. 1999, 2000.
- 344 ПМА. 2003, 2004.
- 345 Отчет КДУ Каларского района за 2003 г., ПМА. 2003. С. Каткова.
- 346 Данные Комитета культуры Администрации ЧО. 2000; ПМА. 2000.
- 347 ПМА. 2000–2003.
- 348 Отчет КДУ Каларского района за 2003 г.
- 349 ПМА. 2003.

Глава 3. ПРАКТИКИ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И АДАПТАЦИИ

Драматические изменения, произошедшие в социально-экономической сфере и культуре в советский и постсоветский периоды, привели к значительным трансформациям системы жизнеобеспечения и образа жизни эвенков севера Забайкалья. В настоящее время подавляющее большинство эвенкийского населения, проживающего в селах или поселках городского типа, утратило традиции номадизма и оленеводческо-промыслового хозяйства как форму адаптации к природно-климатическим условиям Севера. Образ жизни в поселках, который ведут представители старшего и среднего поколений, соответствует оседлой модели социокультурной адаптации и природопользования: люди продолжают сохранять навыки ведения оленеводства и охоты и воспоминания из своего детства или молодости, связанные с кочевым образом жизни. В то же время среди эвенкийской молодежи преобладает тенденция к культурной унификации и социально-экономической интеграции в доминирующее общество. Для молодых эвенков характерны полный отход от традиционных отраслей хозяйства, разнообразные культурные ценности с преимущественной ориентацией на глобальную западную культуру.

Сегодня среди эвенков севера Забайкальского края продолжает осваивать пространства тайги не более четырех-пяти десятков человек. Их образ жизни и практики природопользования соответствуют полукочевой модели социокультурной адаптации. Большинство современных оленеводческо-промысловых хозяйств, за исключением семейных оленеводческих хозяйств работает вахтовым методом. Этот производственный метод, при котором в отрасли заняты сменные оленеводческие бригады, состоящие исключительно из мужчин, организация труда оленеводов и характер освоения территорий изменяются. Маршруты передвижения и жизнь неоседлых эвенков неразрывно связаны с поселками, что объясняется необходимостью поддержания взаимоотношений с супругами и другими близкими родственниками, продовольственного снабжения стойбищ и другими обстоятельствами.

Две модели социокультурной адаптации эвенков севера Забайкальского края иллюстрируют примеры оседлой эвенкийской семьи из пос. Чапо-Олого Каларского района и оленеводческо-промысловой общины КМНС «Геван». Эти группы людей, представляющих один на-

род и одно локальное сообщество, в повседневной жизни тесно связаны между собой родственными и территориально-соседскими связями и отношениями экономической взаимопомощи. Сталкиваясь с современными демографическими, социально-экономическими и культурными проблемами, они находят свои собственные пути их решения.

Пример поселковой эвенкийской семьи иллюстрирует трансформацию механизмов социокультурной преемственности, угасание языка, обычаев и традиций эвенков. Старшее поколение эвенков – прямых потомков охотников и оленеводов забайкальской тайги, сегодня проживает в поселках, занимаясь огородничеством и разведением скота на приусадебных участках. Если эти люди еще полностью не утратили навыки ведения традиционного хозяйства, то молодое поколение, представители которого воспитывались интернатах в условиях оседлого образа жизни, практически не приспособлено к ведению традиционного хозяйства и к жизни в тайге. Процессы оседания и культурной ассимиляции, достигшие пика своего развития в советский период, к настоящему времени закономерно привели большую часть эвенков к такому укладу жизни, который мало отличает их от остального иноэтничного населения. На общем фоне утраты традиции кочевания как уникального способа адаптации пример общины «Геван» демонстрирует стремление к возрождению. На практике оно выражается в отстаивании эвенками своих прав на сохранение традиционного хозяйственного уклада и культурной самобытности, в частности, языка, фольклора, экологически ориентированного мировоззрения и верований.

Патерналистская политика советского периода способствовала формированию у эвенков, как и у других КМНС, сильной психологической зависимости от воли и поддержки государства. Такая социально-психологическая установка, особенно характерная для жителей поселков, работающих в государственной сфере, ведет к тому, что люди зачастую занимают выжидательную, подчиненную позицию по отношению к различным административным структурам. От них, по мнению поселковых эвенков, полностью зависит решение всех их жизненно важных проблем. Для членов общин, как и для местных культурных лидеров и председателей организаций КМНС характерна более активная социальная позиция, самостоятельность, стремление к улучшению условий жизни своими собственными силами.

И оседлые, и кочевые эвенки севера Забайкальского края, представляющие разные примеры адаптации и природопользования, сталкиваются со многими препятствиями, определяющими общий вектор их социального, экономического и культурного развития. В настоящее время подавляющее большинство эвенкийского населения севера Забайкалья сегодня живет в поселках, а неоседлый образ жизни оленеводов и охотников представляется уникальным явлением, которое необходимо сохранять, предоставляя возможности для этого людям, умеющим и желающим вести его.

Пример №1. Оседлые эвенки: традиции предков и жизнь в поселке

Ярким примером оседлой модели социокультурной адаптации, распространенной среди большинства эвенков, является эвенкийская семья Мальчакиных из пос. Чапо-Олого Каларского района¹. Она включает 3 поколения родственников: супругов, их четверых взрослых детей и внуков. Людмила Васильевна – признанная глава семьи и настоящая хозяйка дома. История жизни этой женщины во многом показательна и типична для других эвенков, представителей ее поколения. В ней отражаются основные вехи советской истории забайкальского севера: становление оленеводческих колхозов и изменение условий труда и быта эвенков-олленеводов, укрупнение колхозов, вынужденные переезды и переход на оседлость, образование совхозов, строительство БАМа, развал колхозно-совхозной системы в годы перестройки.

Генеалогические корни их фамилии восходят к объядученному эвенкийскому роду *Якоткар* (дословно – *эвенк. «якутята»*). Однако сами члены семьи точно не знают своей родовой принадлежности. Людмила Васильевна помнит, что ее мать, «чистокровная эвенка» родилась в пос. Хани (Якутия). Детство Людмилы Васильевны, которую растили родная мать и отчим, прошло в постоянных переездах. Из пос. Чапо-Олого семья переехала в Старую Чару, где дети могли учиться в школе. Из Старой Чары последовал переезд пос. Неляты, куда перевели работать ее отчима-олленевода. После укрупнения колхоза в Нелятах родителей перевели работать в новый совхоз в пос. Кюсть-Кемда.

Я родилась здесь, в Чапо-Олого. Мать моя здесь жила, покойница, царство ей небесное. Но училась, конечно, не в Чапе, а в первый

класс пошла в Старой Чаре, жила на квартире. Мать моя была на работе, на охоту ездила – вот так я первый класс проучилась в Старой Чаре. Приехала потом, отчим мой, царство ему небесное, увез нашу семью в Неляты – там держали стадо... Потом я в пятый класс пошла, колхозы объединили: догочанский «Красный Бульчут» соединили с Кюсть-Кемдой («Красный Таежник»), старики мои в Кюсть-Кемду поехали.

В дошкольном возрасте и во время школьных каникул девочка много времени проводила оленеводами в тайге («в стаде»). Людмила много кочевала с родителями, и подробности их работы и кочевого быта семьи до сих пор хранятся в ее памяти:

Кочевая жизнь у них была, конечно – вечно с оленями. Если стада не было, то в колхоз ездили на работу, если стадо было – то в стаде. ...Когда мы в Нелятах были, стадо на Талае держали – там есть речка Талая. Первое стадо тоже там, в Нелятах приняли... В Кюсть-Кемде тоже стадо держали, охотились. Потом начали строительство БАМа: тут грузы возили, в экспедициях работали... Тогда все эвенки были этим заняты. Приезжали искатели всякие, договора заключали: кому, сколько оленей надо для экспедиции.

Трудовой стаж эвенкийских женщин в советское время начинался в ранней юности. Из-за работы в колхозе старшие классы Людмила окончила уже в школе рабочей молодежи, а ее дальнейшее образование прервалось в связи с замужеством, работой в колхозе и рождением детей.

Я нигде не училась. Закончила 11 классов: 8 классов в школе кончила и в школе молодежи доучивалась. Дальше учиться не могла – куда детей денешь?.. Замуж вышла за охотника – ездили, охотились вместе. Летом, вот как БАМ прошел, работали в экспедиции – связка оленей, на каждого по 12 голов оленей, несмотря на то, что дети были.

Первые годы после замужества и рождения первого сына супруги продолжали работать в колхозе «Красный таежник» в пос. Кюсть-Кемда, занимаясь охотой и оленеводством. Переезд семьи в пос. Чапо-Олого в 1975 г. был связан с переводом мужа на новое рабочее место в оленеводческую бригаду совхоза «Чарский» и с рожде-

нием старшей дочери. Именно с рождением детей, особенно девочек, и их обучением в школе, Людмила Васильевна, как и большинство других женщин-оленоводо-в, перестала постоянно кочевать:

Вот у нас Наташа родилась в 1975 г., тогда и перекочевали сюда [в Чапо-Олого]. Отец стадо получил, вот до сих пор здесь и живем... Когда у меня старшая дочь в школу пошла, надо было ее учить. Вот я осела здесь и до сих пор живу.

После перехода на оседлость, с 1975 г. до 1990-х годов, т.е. бoльшую часть своей трудовой жизни, Людмила Васильевна проработала на совхозных полях и на молочно-товарной ферме дояркой. Однако в ее воспоминаниях о прошлом важное место занимают события, связанные с оленеводческим хозяйством и кочевым бытом. Рассказы Людмилы о советском времени связаны с оленеводством еще и потому, что ее муж Валерий Григорьевич Мальчаки-тов, вплоть до распада совхозов и в последующие годы постоянно работал в этой отрасли. Пока муж «был в стаде», Людмила «сидела дома с детьми». Примечательно то, что супруги редко вспоминают тяжелые условия труда в колхозах, с ностальгией описывая «золотой век» своей работы в оленеводстве.

Я еще когда в школе училась, колхозницей была – летом работала в экспедициях, а зимой училась... Когда сюда [в Чапо-Олого] переехали, тут другие олени были, ну своих-то личных, конечно, мы не оставляли... Охотой занимались в стаде. Если ты не занят, дают патроны, ружья, продукты, наряд-задание: вот тебе, столько ты должен добыть до марта-месяца. В марте приедешь – опять наряд-задание. Если у тебя оленей не хватает колхозных, иди в стадо за оленями, добрай себе оленей и езжай в экспедиции. Круглый год кочевали – меня дома не было тогда... Замуж-то я вышла, с мужем – куда ж я денусь?²

Рассказывая о своей жизни в советское время, эвенки любят вспоминать традиции коллективизма, присутствовавшие не только в организации работы, но и в совместных праздничных гуляниях. По словам многих эвенкийских семей, «народ тогда жил дружно», «все общались друг с другом, помогали друг другу». Людмила Васильевна, как и многие ее односельчане, часто вспоминает об одном из самых популяр-

ных советских праздников – Дне Оленевода, отмечать которой начали еще при колхозах:

...Собирались обычно 23 марта, делали гонки, в общем, был слет. Туда даже с Калара на оленях приезжали. Гонки были на верховых, на нартах, призы давали, премировали, также в районном доме культуры собирались. В те времена я не знаю, как было, молодая была. А на Лябиче-то [в Кюсть-Кемде] я уже была. Двух против друг друга выпускали: кто быстрее по времени придет. День Оленевода отмечался, из Калара эвенки на санях приезжали, устраивали гонки на оленях, премировали на собраниях.

Людмила Васильевна и ее супруг почти одновременно вышли на пенсию в 1990-х годах в период распада совхоза «Северный». Сегодня семья живет в двухквартирном деревенском доме, построенном в начале 1990-х годов, занимаясь домашним хозяйством на небольшом участке земли, расположенном за домом. В 2003–2004 г. с родителями жили сыновья и старшая дочь с внуком. Младшая дочь обучалась в Читинском педагогическом университете, приезжая на лето к родителям.

Говоря об уровне жизни и достатке в советское время, эвенки старшего и среднего поколения, негативно оценивают современную ситуацию, критикуют отношение государства и органов власти к своим наболевшим проблемам, а сама тогдашняя жизнь сегодня часто идеализируется, представляется лучшей по сравнению с настоящей. При совхозах зарплат и премий, получаемых охотниками и оленеводами за хорошую работу, по словам Людмилы Васильевны, хватало на достойную и сытую жизнь: денег хватало и на продукты и на снаряжение. Советскому изобилию поселковые эвенки противопоставляют испытания и тяготы перестройки и социально-экономического кризиса, приведших к повальной безработице, алкоголизму, деградации всей системы жизнеобеспечения, основанной на традиционных отраслях. Практически никто из информаторов старшего и среднего поколения не может вспомнить каких-то положительных сторон проводившихся в 1990-е годы реформ. Информаторы негативно отзываются о лозунгах и идеях перестройки. Так описывает первые признаки наступления перестройки и изменения в экономике местного совхоза Людмила Васильевна:

Вот, как горбачевская перестройка началась, отъединились мы от совхоза «Чарского», стал совхоз «Северный», и все в упадок пришло... Тогда буряты [дирекция совхоза «Северный» – О.П.] у нас всех кончали–и оленей кончали, и лис кончали, и коров всех уничтожили. Сейчас ничего не садим. Раньше, когда совхоз «Чарский» был, и картошку, и капусту – все садили, сами себя обеспечивали. В перестройку заниматься хозяйством стало некому, коров позакальвали. Мы, старики, ушли на пенсию, уже не можем на такой тяжелой работе работать – попробуй-ка, подои их [коров]. Молодежь не хочет идти на такую работу. Им надо, чтобы чистенько было...

В годы перестройки деградировали инфраструктура и система снабжения поселка: закрывались основные государственные учреждения, магазины, пекарни, появлялись новые и обострялись старые социально-экономические проблемы, резко снижался уровень жизни всего местного населения:

Безработица пошла после перестройки: ну вот совхоз распался, и началось все – безработица, доходов нет... Стали выплачивать зарплату только в конце года, денег стало не хватать, а надо было что-то кушать...

Упадок традиционного хозяйства эвенков в 1980-х–1990-х годах привел не только к подрыву экономики местных совхозов, базировавшихся на «северных» отраслях, но и к психологическим последствиям, осложнившим адаптацию эвенкийского населения к новым условиям. Если в годы кризиса эвенки еще могли, иногда нелегально, заниматься охотой и рыболовством, то возможность ведения оленеводства–занятия, вокруг которого была сосредоточена жизнь большинства эвенков в советский период, исчезла вместе с исчезновением самих оленей. Пример семьи Людмилы Васильевны показывает, что самым тяжелым социально-экономическим и психологическим последствием перестройки для эвенков стало практически полное исчезновение оленеводства и связанного с ним образа жизни:

Совхоз разрушился, зарплаты не стало, и все олени ушли. Жить-то надо было: оленей забивали, на них продукты брали... А без зарплаты стадо держали: в последнее время муж держал [стадо] вниз по Чаре. Я-то в поселке была: зарплату не платят, а без денег про-

дукты не взять, не купить... Сначала своих [оленей] кончали... А колхозных они [администрация совхоза] потом сами позабывали – мясо машинами возили...

Политика реформ, проводившаяся в период перестройки в целом, по мнению эвенков, обернулась драматическими преобразованиями в хозяйстве, быте, образе жизни бывших охотников и оленеводов. Несмотря на то, что воспоминания о самых тяжелых днях этого времени постепенно сглаживаются, многие проблемы остаются нерешенными, а современное положение не вызывает оптимизма.

В целом, жители поселков, которые составляют подавляющее большинство эвенкийского населения севера Забайкалья, в ответ на социально-экономические преобразования постсоветского времени, выработали своеобразную систему жизнеобеспечения и взглядов. Через их призму они оценивают особенности своего социально-экономического и культурного положения в советский период и сегодня. Сравнения современной ситуации с советским периодом приводятся информаторами обычно не в пользу первой, что обусловлено как объективными ухудшениями в жизни эвенков, так и мировоззрением оседлых семей, болезненно переживающих утрату кочевого образа жизни и связанных с ним ценностей.

Деградация системы снабжения и инфраструктуры поселков, по словам супругов Мальчакиных, продолжает влиять на жизнедеятельность сельских жителей. Ассортимент продовольственных товаров, реализуемых в поселковых магазинах по завышенным ценам, ограничивается набором самых необходимых продуктов. Актуальным остается и «квартирный вопрос». Как и другие дома, сдававшиеся в эксплуатацию в 1990-х годах, дом Людмилы Васильевны и Валерия Григорьевича оказался «недоделанным» – в нем отсутствовали внутренние отделка и утепление. Прождав помощи в ремонте квартиры от поселковой администрации почти десять лет, семья начала делать ремонт за счет своих собственных сил и средств.

Несмотря на перебои в снабжении, проблемы с жильем и низкий уровень медицинского обслуживания, в начале 2000-х годов ситуация в поселке, по словам Людмилы Васильевны, начала стабилизироваться, повысилась рождаемость. Однако многовековая традиция много-

детности постепенно уходит в прошлое, и этот процесс, в частности, связывается с ростом числа межэтнических браков:

Много детей было. У меня только шесть детей было, остались вот эти четверо – видите, как мы рожали их. А сейчас меньше рожают. Сейчас русских стало больше, чем эвенков. В перестройку рождаемость снизилась. Сейчас много детей от смешанных браков. Конечно, это плохо! Они даже не знают, с какой стороны к оленю подойти.

Характерной чертой современности является стремительный рост количества детей от смешанных браков. Отношение представителей старшего поколения эвенков, состоящих в однонациональных браках, к смешанным бракам неоднозначное. С одной стороны, признается присутствие в районах проживания эвенков представителей других национальностей и неизбежность таких браков. С другой стороны, всячески подчеркивается их нежелательность, неравноправность супругов в таких союзах. Дети, родившиеся от смешанных браков, считаются «обрусевшими», наполовину отчужденными от культуры, языка и хозяйства эвенков:

[К смешанным бракам] я отношусь не очень-то положительно, отрицательно, потому что эвенки исчезают. Но что поделаешь, раз смешиваются? Если отец или мать – эвенок/эвенка, они [дети от смешанных браков] – эвенки. Но они даже разговаривать не умеют, языка своего не знают! Раньше эвенки ребенка, родившегося у эвенки от мужчины другой национальности, называли «найденный на стороне».

Характерной чертой мировоззрения эвенков, как старшего поколения, так и молодежи, является привязанность к месту своего проживания, к малой родине. В частности, этой привязанностью может объясняться тот факт, что даже в дни перестройки, состав коренного населения пос. Чапо-Олого оставался прежним. И сегодня, как показывает пример Мальчакиных, ни старожилы села, ни местная молодежь не собираются уезжать из поселка:

Уезжать – куда нам эвенкам ехать? В Москву? Или в Читу ва-шу...? В Новую Чару-то приедешь, в подъезд зайдешь, дышать не-

чем. Машина мимо проедет... То ли дело здесь... Я там не выживу, в городе я заблужусь! Лучше в лес! Я в Читу приехала тогда из Москвы, из гостиницы даже не выходила одна. А что там делать молодежи, в городе? По-моему их туда не заманишь. Все равно их сюда потянет.

Несмотря на новые социально-экономические условия и трудности, связанные с ведением хозяйства, появившиеся в постсоветский период, муж и сыновья Людмилы Васильевны продолжают заниматься охотой и рыболовством. Добытая мужчинами пушнина сдается, хотя и по заниженным ценам, в местные муниципальные и государственные предприятия, занимающиеся заготовкой пушнины. Рынок сбыта мяса диких животных отсутствует, и поэтому все мясо идет на внутреннее потребление:

Большинство занимается охотой. Рыбачим для себя. Раньше, когда совхоз был, рыбачили – и МТФ, и ЗТФ были. ЗТФ рыбой кормили. Раньше рыбу в райпо сдавали, а сейчас сдавать некуда. А куда мясо сдавать?! В магазин? Это надо сертификат, ветеринарный осмотр проходить, чтобы легкие, печень, сердце проверили... А пушнину-то уже сдают. Там у них охотовед принимает, оружие патроны им дают. Сейчас открывается МУП, он будет снабжать продуктами, пушнину принимать. Оружие да патроны выдавать – без оружия ты какой охотник? Руками зверя ловить не будешь. Сдают очень дешево, а за патроны, за лицензию же надо платить. Даже за лицензию! Раньше все было бесплатное, сейчас все платное. Даже эвенкам продают. Раньше охотились и сдавали пушнину охотоведу, аванс получил, а потом в марте – еще добавка придет, если пушнину добыл, если охота удачно пошла. Сейчас пушнину хапуги по тысяче принимают, если шкура хорошая. Продаем в Чаре – привез, потряс перед ним, они берут. Потом эту пушнину, скорее всего, перепродают, барыши делают. Богато живут, но что сделаешь? А нам и этого хватает – муку да сахар взял...

Очень противоречивые чувства у поселковых эвенков вызывает вопрос о планах возрождения оленеводства. Семья вот уже несколько лет после перестройки копит деньги на приобретение собственных оленей. Несмотря на то, что у супругов сохранились навыки ведения оленевод-

ства и желание заняться им, планы семьи по разведению собственного стада остаются нереализованными. Как и у многих поселковых эвенкийских семей, у них нет четкого представления о том, как и в какой форме, должно быть организовано оленеводческое хозяйство. Разговоры на эту тему играют, скорее, символическую роль. Во время таких бесед Людмила Васильевна любит песни об оленях и кочевой жизни, которые она с чувством исполняет на эвенкийском языке:

«И плакать буду, и смеяться буду, и все мои тысяча оленей за мной пойдут». Надо, чтобы душа лежала, олени, они это очень хорошо понимают, так же как и корова: если бы я за ней не ухаживала, то она бы уже, наверное, давно не плодилась бы, зачала... Вот олени придут – иногда приходится их гнать: смотришь, вот такого-то и такого-то, такой-то масти быка-производителя нет. Все – пошел и нашел его.

Образованию оленеводческих хозяйств мешает и ряд объективных причин. Большие затруднения вызывают отсутствие стартового капитала для покупки оленей и лицензий на добычу зверей, неопределенность правового статуса территорий традиционного природопользования на севере Забайкальского края, неудобное расположение участков, выделяемых эвенкам для ведения хозяйства, возросшая конкуренция при распределении природных ресурсов и ухудшение экологической ситуации. Последние два фактора информаторы связывают, в частности, с влиянием БАМа:

После того, как совхоз распался, землю разделили на участки: ты там охотишься, ты там... А раньше же у нас такой дележки не было. Началась конкуренция за землю: приехали охотники, согласовали, кто куда едет, в одном месте всегда работали. А сейчас у каждого свой участок. Раньше там, где охоты нет, никого не было. А сейчас попробуй, пойди на чужой участок. Вот сейчас мы купим оленей, куда нам идти? А там, где дали нам участок, делать нечего, оленей всех перестреляют.

Очень сильно этот БАМ изменил нашу жизнь. В первую очередь, оленей не стало. Оленей здесь невозможно стало держать, потому что каждый здесь с ружьем. Всю тайгу заполнили охотники-бамовцы...Сейчас лицензию тебе дадут – убьешь, не убьешь, а за-

плати. Для себя, конечно, убиваем. Но когда рядом БАМ, какой может быть зверь? Как БАМ пришел, так всю тайгу разорили и загрязнили. Вот на Икабье жили в палатках: уйдут, костер не потушат, а тайга потом горит. А сейчас все выгорело – когда оно теперь зарастет?

Помимо охоты и рыболовства, многие оседлые эвенкийские семьи, занимаются и личным подсобным хозяйством. Оно основано, преимущественно, на огородничестве и разведении коров. Картофель, капуста, морковь и другие овощи, выращиваемые в подсобном хозяйстве Людмилы Васильевны и заготавливаемые на зиму, составляют неотъемлемую часть рациона семьи. Содержание коров (обычно их 2-3), заменило оленеводство, став надежным источником молока и мяса для всей семьи. Однако уход за коровами и работа на приусадебном участке занимают много времени – по этой причине многие молодые эвенки не хотят заниматься этим:

Куда я брошу корову да огород? Куда я без них денусь? Одни макароны да кашу рисовую есть? И так она зимой-то надоела. А ведь как-то раньше ездили и жили ведь. Но мы с мамой как раньше делали: картошку начистишь, заморозишь, и потом ее ели. Но все равно – это картошка. Так же и капусту, и лук возили на охоту. Нынче у нас коров стало меньше. Е.П. убрала свою ферму. У нее стадо большое было – своих коров забила... М.Д. свою корову тоже сестренке отдал в «Таежник». Все – двор опустел. Кроме стариков, никто коров не держит. Молодежи это не надо – надо косить да косить да воду попробуй, потаскай. А без него, без навоза, тоже ничего не растет.

Уровень жизни и доходов поселковых эвенкийских семей определяется, нестабильными доходами от проданной пушнины и побочных продуктов охоты. За сезон семья Людмилы Васильевны добывает 8-10 соболей, 1-2 лисы, 1-2 кабарги. Важной частью семейного бюджета являются пенсии супругов, зарплаты детей и социальные выплаты и пособия (адресная помощь малоимущим, субсидии на коммунальные услуги и квартплату).

Основные расходы семьи составляют затраты на продовольственные продукты и самые необходимые товары, цены на которые в сред-

нем в 1,5-2 раза выше, чем «на большой земле». В результате получаемые доходы едва покрывают расходы на продукты и одежду, а уровень жизни семьи остается, низким, хотя и, по местным меркам, стабильным.

Пенсия – вот и все наши доходы. Вот сегодня последний день – последние деньги ушли на покос, теперь вот будем голодовать. Теперь каждый месяц платят. А раньше по два месяца не платили, по полгода. Надбавки делают... А цены, они растут. Пенсия быстро на продукты уходит. Одеться – уже и не оденешься. Все в старье ходишь. На мне вот все – СССРовское, обувки, правда, не выдержали, порвались, пришлось купить. У меня еще есть босоножки СССРовские и сапоги на каблуках, но сейчас уже не одеваю – возраст уже не тот, – говорит со смехом Людмила Васильевна.

Одной из «традиционных» социальных проблем среди оседлых звенков остается алкоголизм. Раньше распространение алкоголизма сдерживалось строгой рабочей дисциплиной и контролем государственных органов. Однако с утратой постоянной работы и неограниченным завозом спиртного в северные поселки подавляющее большинство звенкинского населения, начиная с подросткового возраста, начало злоупотреблять алкоголем. Это проявляется в массовых запоях местного поселкового населения, особенно в дни после выдачи зарплат и государственных пособий:

Пьют по-прежнему, у каждого своя причина бывает. Сейчас зарплата кончилась, поэтому пьяных не видно. Вот зарплату дадут – потом увидите. В магазине [водка] бывает по 55. Наверное, уже всю пенсию кончили. Наша глава [поселка] заткнула всех, кто водку привозил в поселок. Но что толку? Теперь спиртом торгуют по 50 руб. Разведешь – бутылка получится. Мы считаем, что это дешево. Пить-то они везде пьют. Кто с умом, тот не пьет, кто без ума, тот все пропивает. Раньше так же пили, и оленей держали, и лис держали, и коров держали...

На почве алкоголизма в поселке бывают драки, иногда заканчивающиеся трагическим финалом. Однако за помощью в правоохранные органы население обращается только в крайних случаях. Это объясняется, с одной стороны, отсутствием контроля правоохрани-

тельных органов над ситуацией в отдаленных северных поселках, с другой стороны, своеобразной этикой местного населения, считающего, что «свои» дела должны решаться самостоятельно.

Особого-то криминала нет – вот только, слышала, пацан С. убил парня. А так они подрались и тут же помирились. Раньше-то такого не было, чтобы до убийства дело доходило. За порядком никто не следит – только когда что-нибудь случится, мы видим ментов в погонах. Да у нас сильно никто и не обращается за помощью. Все сами решаем. Тут же подрались, тут же помирились. А зачем их вызывать? Чтобы они помощь оказали или чтобы они приехали, платить им денежку? Конечно, когда убивают, тяжело. Такого молодого парнишку заколол тот парень С...кий, и вот Сынгалаевых нет больше, род их исчез, а было их много... Девки одни остались, но они разве Сынгалаевых родят?

В разговорах о культуре наибольший интерес и отклик находят вопросы, связанные с эвенкийским языком. Людмила Васильевна с горечью признает, что молодежь, особенно в смешанных семьях, не разговаривает на эвенкийском языке, который постепенно вытесняется из всех сфер жизнедеятельности. Обучение в школе, по ее мнению, не может исправить ситуацию, т.к. учебники издаются исключительно на других диалектах, а сами преподаватели плохо знают говор каларских эвенков:

Я тут совсем свой язык забывать начала, все же по-русски говорят. Только со своим стариком по-эвенкийски разговариваем. Выйдишь, поговоришь со всеми по-эвенкийски, они похочут-похочут – они понимают, но говорить по-эвенкийски не могут. У меня Дима же даром говорит: «Моя твоя не понимает». Ну что это? Он тогда маленький был, в школе учился. Я ему по-эвенкийски говорила, чтобы он язык не забывал. Они понимают, но говорить не могут, потому что все кругом на русском говорят. Только старики: С.Д. говорит так – немного. Но понимает он хорошо, у него отец же – эвенок. И.М. немного говорит, Л. и О.М. Л. понимает, но не слышала, чтобы она разговаривала; Л.И. понимает. Да, вот М.П. хорошо говорит по-эвенкийски. Но учит детей не она, а Л.С. по учебникам. В учебнике «лиса» – сулаки, а по-нашему – сахил. Сама она говорит на

другом диалекте – мать у нее ангарская. Эти книжки не наши эвенки делали. У нас даже уже с соседними эвенками с Калара разговор разный. Вот, когда я в Москве в 1993 г. была, эвенки из Якутии приезжали - у них говор уже другой. Понимать-то друг друга – понимаем, но произношение уже другое.

Людмила Васильевна когда-то сама пыталась преподавать эвенкийский язык в детском саду. На вопрос, не хочет ли она снова преподавать эвенкийский, отвечает:

Дэмэригды!³ Я пыталась учить детей в саду – вроде слова понимают, а глаголы-то как начнут говорить, язык ломают. Как дошла до глаголов – всё. У меня же нет педагогического навыка. Давала им названия предметов, животных, а как глаголы начну говорить – они смеются и не могут выговорить. Они же полурусские. Их бы по тайге повозить, поговорить, они бы тогда, может быть, что-нибудь соображали. Мои же вот тоже на русском языке, в основном, разговаривают...

Помимо свободного владения языком, Людмила Васильевна – одна из поселковых немногих эвенков, владеющих мастерством исполнения эвенкийской песни-импровизации. Однако сама она считает свои способности весьма скромными:

Мы песни не поем. Все отошло. Сейчас все у нас по-русски. Все ушло безвозвратно... Я вообще хорошо петь не умею, у меня мама пела. Тогда на празднике спела я, вспомнила стариков померших, чтобы им не обидно было, как раньше гуляли... Я рассказывала: три-четыре дня собрание, потом гуляют, песни поют, пляшут... Про свое песни пели, как охотишься... Текста же у песен нет, пели обо всем.

В сарае за домом Людмилы Васильевны хранятся шкуры лося, дикого оленя, камусы⁴, коллекция которых пополняется каждый раз, когда мужчины возвращаются с охоты. Из этого сырья она в свободное от огорода время, шьет теплую одежду – шапки, сапоги, шубы для членов семьи и выючные сумки, которые до сих пор используются для хранения хозяйственных принадлежностей. Однако навыки пошива традиционной одежды и хозяйственных принадлежностей, которыми

владеют мастерицы пос. Чапо-Олого, в основном, представительницы старшего поколения, постепенно утрачиваются.

Сейчас у нас такие шапки не шьют, раньше шили, носили, прямо, как вечные, не рвутся. Или вот брюки шили – шерсть снимут, и они очень удобные, и легкие, и не мнутся... Сейчас умрет наше поколение стариков – наверное, чомпули, иммэк никто в селе не сошьет. Старики только это умеют делать. Молодежь не хочет. Я же пыталась организовать в Доме пионеров кружок, но никто из молодежи не пошел туда. Хотела их научить хотя бы стежки, нитки из жил правильно делать – сырье, материал-то тогда у меня еще был. Никто этим не хочет заниматься, тем более, если родители не настаивают.

В разговорах об эвенкийской культуре в голосе Людмилы Васильевны звучит ностальгия, пессимизм и сомнение в возможности вернуть давно утраченное наследие:

А культуры раньше и не было. Это вот сейчас началось – праздники, танцальки. Раньше этим даже не интересовались. Живут эвенки – пусть живут, оленями занимаются – пусть занимаются, это их дело. А какая у них культура?... Это сейчас спохватились, когда все старики уже поумирали, начали ездить, надоели уже: иностранцы, откуда-то еще с Амурской области мужик приезжал, собирал старинные вещи. Говорил, что музей хотят открыть, и что у них ничего не было. Поздно спохватились, надо было раньше. Сейчас из эвенков ни один чомпули не сошьет, ни иммэк не сделает. Даже правильно выделатать шкуру, чтобы лямки, узды, подпруги получились, ни один не сможет... Или вот, чтобы себе рукавицы из шкуры выкроить – ни один не сделает. Это все утерялось. Сейчас на охоту знаете, как ходят – вот эти резиновые калоши берут и на них нашивают.

У многих поселковых эвенков нет четкого представления о будущем и уверенности в том, что для эвенкийской культуры и народа наступит завтра. Этот пессимизм вызван не только трудностями «переходного периода», но и отсутствием культурных лидеров (особенно из числа молодежи), способных представлять и защищать интересы своего народа, недостаточным вниманием районных и областных властей

к проблемам коренного населения Севера. По мнению многих эвенков, залогом успешного развития эвенкийского общества представляется государственная поддержка и забота:

Я не вижу поддержки от АКМНС. В 1992-ом или в 1993-ом году, когда она открывалась, повезли нас на Ансат на собрание. Ничего с того времени не изменилось! Поддержки нет хорошей. Организаторов нет, а районная администрация на нас, эвенков, плюет. Хотелось бы возродить культуру, но поддержки нет...

Пример №2. Кочующие эвенки: взгляд на общину изнутри

Эвенкийская община малочисленных народов Севера «Геван» – одно из немногих эвенкийских хозяйств, ведущих неоседлый образ жизни на севере Забайкальского края. История возникновения этого предприятия тесно связана с историей жизни нынешнего председателя Спиридона Николаевича Габышева и его семьи⁵.

Отец Спиридона Николаевича, эвенк, приехал на север Читинской области и женился на его матери – уроженке пос. Чапо-Олого. Затем молодожены переехали в Якутию, где в 1958 г. родился их сын. Свои корни Габышев связывает с эвенкийским родом *Метакар (Метаткар)*, к которому принадлежали его отец и большинство родственников по отцовской линии, проживавших в пос. Тяни, Якутия. Несмотря на то, что род *Метакар* принадлежит к числу объякученных родов, его представители сохраняют устойчивое этническое самосознание и считают себя «чистыми эвенками»:

Родители у меня – Габышев Николай Спиридонович, а мать – Кузьмина Анна Михайловна, местная чаповская. Когда после войны отец приехал, здесь женился. Потом они жили здесь, потом перекочевали в Якутию, где я родился. Там я начал работать в стаде. В 13-14 лет от них ушел и начал работать.

У меня своя родовая фамилия – Метакар, и я останусь Метакар. Это – «оленья голова», это мои предки. Они говорят, наверное, что я – якут. Не слушай никого, они сами-то – отец бамовец, который пришел и сделал детей. Такие эвенки, вот, например, Г., считаются сахаляр – нечистыми⁶.

В то время как родители-оленоводы практически постоянно находились в тайге, кочуя вдоль рек Конда, Соголох-Харья, Силимкун, воспитанием и образованием мальчика занималась бабушка. Однако, окончив лишь два класса начальной школы в пос. Тяни (Якутия), Спиридон начал кочевать вместе с родителями, помогая им по хозяйству:

В 1973 году меня первый раз привезли сюда. Тогда я пацан был, только работать начал. В Якутии я учился. Кое-как окончил два класса. Я вообще не учился – бабушка отправляла в школу, а отец и мать в тайге были. Конечно, они были оленеводами, охотниками. Когда мне исполнилось 7 лет, отец отвез меня к бабушке. Отец сказал мне по выходным ходить, охотиться. С пяти лет ходил, стрелял рябчиков, белку не стрелял. Потом, когда пошел в школу, трудно было учиться, год-два сидел в одном классе, во втором классе стал школу прогуливать, ходить на охоту в лес. Уходил стрелять белку на 7-8 дней, потом бабушке отдавал. Бабушка сдавала пакеты с пушниной.

Вскоре юный Спиридон, так и не окончивший школу, начал заниматься охотой и оленеводством на своих «родовых землях» самостоятельно:

Я нигде постоянно не жил, я в тайге жил, 100-170 км отсюда [от Чапо-Олого]. Там отец в стаде жил. Потом я в школе проучился, отец приехал, меня забрал. Когда мне было 12-13 лет, поехал работать в стадо охотником на полставки, мне платили. В 17 лет уже стал самостоятельным. Отец разрешил мне работать. Я русский не знал, только потом начал учить, когда пошел на работу. Десять лет в экспедиции проработал – русского не знал⁷.

Спиридон Николаевич вспоминает, как в 1970–1980-х годах кочевал вдоль рек Усмун, Сыллах, Олонокон в Якутии, работая сначала кадровым охотником, а затем оленеводом, и сопровождая экспедиции. Несмотря на большие и стабильные заработки, получаемые от сбыта пушнины и мяса диких зверей и продуктов оленеводства, жизнь эвенков при советской власти, по его словам, протекала под жестким контролем и давлением сверху:

Плохо жилось. Коммунисты меня не уважали, потому что мой дед был кулаком. Он был безграмотный, поэтому его не расстреляли, только оленей отобрали. Поэтому я коммунистов ненавижу. Вот я работал в стаде, у меня олени появились бабушкины, матери. А держать положено было только 15 голов, а остальные сдавать. На меня постоянно «капали», потому что я им не подчинялся. Нам ука- зывал какой-нибудь дурак – бригадир или управляющий, как надо де- лать. Мы сами должны решать, как и что делать. Сейчас я сыновьям говорю, как надо делать, учу их. Они не обижаются, я умру – им все останется. Они все умеют – шкуры выдeldывают, охотиться умеют, кушать у них есть. А больше чего надо? Дети есть – на но- ги их поставлю.

В 1989 г., уйдя на пенсию в 35 лет, Спиридон Николаевич с двумя старшими сыновьями переехал в пос. Чапо-Олого, где он сегодня жи- вет со своей женой и тремя младшими детьми от второго брака с ней. Получив в наследство от родителей небольшое стадо оленей, он вме- сте со старшими сыновьями занялся разведением оленей. Когда стадо выросло до 200 голов, появилась идея официально зарегистрировать собственное оленеводческое предприятие, таким образом, обеспечив детей, родственников и друзей работой:

От матери досталось около 9 оленей, потом я купил около 15 оленей. Мама никогда не разрешала мне оленей сдавать – говорила, никогда не отдавать своего и чужого не брать, и тогда все хорошо будет. Как она говорила мне, так и живу. Постепенно стадо росло, и теперь я хозяин стада, и теперь сыну все передаю.

Хочу держать собственных оленей... Сейчас вот еще хочу ку- пить оленей в стадо. В деревне без работы парней много, охотить- ся им тяжело: пешком ходят, нарты за собой сами тащат. Я их за- писал [в общину], вот сейчас они будут работать.

Община КМНС «Геван» официально существует с 2002 г. и пред- ставляет собой коллектив родственников и соседей, занимающихся традиционными видами хозяйства. Учредителями общины стали Спи- ридон Николаевич, его сыновья, родственники и друзья семьи⁸. В 2002 г. в общине числилось 17 человек, но фактически работало 25-30 охотников и оленеводов. Еще около десятка человек «стояло в очере-

ди» на вступление в общину. По словам Спиридона Николаевича, в пос. Чапо-Олого было много желающих присоединиться к общине, особенно среди молодых людей.

Председателем общины является сам С.Н. Габышев, однако управлением делами общины «на месте», т.е. в тайге, занимается его старший сын Алексей Габышев. По собственному признанию, Спиридон Николаевич уже более 10 лет большую часть времени живет в поселке, занимаясь юридическими вопросами, оформлением документов и сделок общины, устанавливая контакты с официальными лицами. Все это время его старший сын находится в тайге, следя за порядком и работой охотников и оленеводов и отдавая им поручения.

Организация хозяйственной деятельности в общине согласуется с традиционными представлениями и нормами обычного права эвенков. Одно из таких представлений связано с запретом считать оленей и называть точное их количество. В связи с этим численность поголовья личных стад эвенков никогда точно не называлась или намеренно преуменьшалась. Например, официально в 2002 г. в общинном стаде было 145 оленей, в то же время в действительности стадо составляло около 200-260 голов. В 2009 г. в общине официально насчитывалось самое большое на севере Забайкалья поголовье – 520 оленей⁹.

На настоящем этапе община работает по принципу коммуны – инфраструктура, технические средства и олени по необходимости используются каждым членом общины. При этом у каждого члена общины в стаде есть свои собственные олени. Фактически почти 50% оленей принадлежит Спиридону Николаевичу и его детям. Оставшаяся часть стада поделена между другими членами общины. У членов общины сохранилось традиционное отношение к оленю как к единице измерения благосостояния семьи и залого будущего успеха детей. Среднее количество оленей, приходящееся на каждого члена и выпадающее в общинном стаде, по словам членов общины, определить сложно:

Голов 40, наверное. У детей свои олени – я из своих оленей детям выделил. Всем распределили оленей, даже маленьким детям. Но у кого-то олени будут плодиться, у кого-то нет. Смотришь, у кого они плодятся, у того они и остаются¹⁰.

Община «Геван» помимо близких родственников председателя, включает соседей-односельчан, друзей и знакомых, проживающих, в основном, в Каларском районе. В штат общины входят коммерческий директор, главный бухгалтер, бригада оленеводов, охотовед и охотники. Большинство из членов общины – люди с опытом работы в охотпромысле или оленеводстве. Однако высшее и среднее специальное образование есть лишь у коммерческого директора и охотоведа. Остальные работники, например, оленеводы, состоящие в общине, имеют среднее, а чаще, неоконченное среднее образование. Многие из них, испытавшие тяготы жизни в школах-интернатах, убежали оттуда в тайгу к родителям¹¹.

По этническому составу большинство охотников и оленеводов общины – эвенки, хотя в числе охотников есть и буряты. Поэтому среди местного населения община считается «эвенкийской», а ее председатель – «своим человеком», который в отличие от русских и «приезжих» предпринимателей не может обмануть. Директору общины противопоставляются заезжие предприниматели, скупающие пушнину по заниженным ценам и претендующие на земли, заявленные в отвод общине:

У меня мужики сидят, я им говорю: «Вот накопите, тогда буду принимать [в общину]». Я сперва девять человек принял. К С. они не идут. Он себе забивать карманы хочет, а я свой человек. Люди это поняли¹².

Кочевой образ жизни круглогодично ведут лишь несколько оленеводов. Остальные работают вахтовым методом, выезжая в поселок для закупки продуктов и «отдыха» на 1-2 недели. Члены общины, специализирующиеся лишь на охотпромысле, находятся в тайге с октября до апреля. Сам председатель общины, занятый оформлением документов и процедурой закрепления земель за общиной, значительную часть времени остается в поселке, периодически выезжая «в стадо». Как и в большинстве других кочевых хозяйств севера Забайкалья, кочевой образ жизни в общине «Геван» ведут мужчины. Так, среди зарегистрированных в общине членов лишь две женщины: бухгалтер Мальчакитова Евдокия Михайловна и учредитель Мальчакитова Елена Владимировна, которые проживают оседло в пос. Чапо-Олого. Еще одна женщина, невестка Спиридоны Николаевича, навещает мужа в

теплое время года – весной и летом до появления мошкары, оставаясь с маленькими детьми в поселке в остальное время. Большинство других мужчин – членов общины, постоянно кочующих со стадом, холосты или разведены и не могут найти себе спутниц жизни. Единственный из женатых оленеводов общины, сын Спиридона Николаевича Алексей Габышев так говорит о своем семейном положении:

Семья со мной не кочует постоянно. Когда холодно зимой, они дома сидят. Дети-то еще маленькие. Летом они здесь кочуют до появления мошки. Потом я их домой увожу¹³.

Инфраструктура осваиваемых общиной территорий включает «оленоводческие комплексы», загоны и изгороди для пастьбы оленей, лабазы и другие хозяйственные постройки, а также построенные в последние годы заготовительные пункты, срубные избушки. Основным переносным жилищем оленеводов общины служат большие брезентовые палатки армейского типа, натянутые на срубленные лиственничные жерди и отапливаемые небольшими железными печками, заменившими очаги. Зимние палатки отличаются от летних лишь меньшей степенью изношенности и большей плотностью материала, из которого они сшиты. По замыслам председателя общины, планируются обновление обветшавших хозяйственных построек, а также постройка специальных туристических баз. Такие базы могли бы, с одной стороны, способствовать приобщению эвенкийской молодежи к традиционному укладу жизни, а с другой стороны, способствовать развитию этнографического и экстремального туризма в районе.

Материально-техническую базу оленеводческо-промыслового хозяйства, помимо изготовленных самостоятельно нарт и «традиционно» эвенкийского таежного снаряжения (*паняги*, седла, вьючные сумки и т.д.), составляют закупленное недавно оружие (обычные карабины и карабины с оптикой модели «Тигр», мелкокалиберные винтовки ТОЗ), мини-электростанция «Ямаха», автотранспорт (автомобили УАЗ и «Нива», принадлежащие Спиридону Николаевичу, но использующиеся всеми членами общины), вездеход и снегоход «Буран». Однако основным, незаменимым в условиях тайги средством передвижения, на котором охотятся, перевозят людей, продукты и грузы, по всеобщему признанию информаторов, является домашний олень:

Используем оленей как транспорт, мы их не забиваем. Это - наше средство передвижения¹⁴.

[На охоту] езжу только на оленях, пешком не хожу. Запрягаю нарты одни, верхового с собой беру, и на следующий день возвращаюсь домой с грузом¹⁵.

Охотничьи угодья и олени пастбища, расположенные в районе северо-восточной границы Забайкальского края и осваиваемые общиной «Геван», обладают большим ресурсным потенциалом для ведения традиционного хозяйства. Места весеннего и осеннего выпаса оленей, расположенные вдоль рек Хаара-Юрях, Дербергелях, Силимкун, Конда, и летние пастбища в вершинах рек Икабьякан и Читканда богаты ягелем. При этом сравнительно редкая тайга гольцового типа, характерная для севера Забайкалья, позволяют выпастать большие стада оленей, а гористый рельеф этих территорий, делает оптимальным компактное содержание небольших и средних стад под регулярным присмотром. Оленеводы из общины «Геван» также подчеркивают наличие необходимых природных условий для ведения оленеводства:

Оленеводство можно восстановить. Здешние места это позволяют. Не то, что в Якутии. На севере, на Кольме хорошо, в Средне-кольымске, а здесь на юге, в Тяне, где мы живем, места плохие – у оленей рога гниют, они болеют постоянно. Леса много, 5 метров отойдешь – и уже ничего не видно¹⁶.

Там [в Якутии] природа другая, некрасивая, не такая, как здесь. Там нет гор, только долины и лес. У оленей там порода мелкая¹⁷.

Фауна промысловых животных, обитающих на осваиваемых общинной территориях, представлена такими видами, как соболь, норка, колонок, белка, заяц, рысь, волк, лисица, россомаха, бурый медведь, лось, косуля, кабарга, изюбрь, северный олень, а также водоплавающей птицей. По оценкам специалистов, численность основного объекта пушной охоты – соболя, упавшая из-за перепромысла, в 1990-х годах стабилизировалась. Численность других пушных зверей колеблется в зависимости от кормовой базы. Основное влияние на успех охотничьего промысла оказывают также популяция волков, выросшая в последние годы, и браконьерство, которое стало возможным даже в отдален-

ных местах тайги из-за расширения сети лесовозных дорог. Иногда охотники вынуждены уходить в тайгу, пересекая административные границы Забайкальского края, чтобы поймать зверя.

Условия для ведения рыболовства также отличаются в зависимости от размера водоема, его удаленности от БАМа и населенных пунктов и масштабов браконьерства. Самыми рыбными на осваиваемых общиной территориях являются, по словам информаторов, озера Амудиса, горная река Калар и ее притоки, в которых водятся наиболее ценные виды рыб – хариус, ленок, таймень.

Согласно уставу, в задачи общины входят «создание и защита исконной среды обитания, восстановление и развитие основ традиционного хозяйствования, цели которого предусматривают занятость звенков, повышение социального уровня», «содействие и привлечение детей и подростков, воспитание и обучение, исходя из традиций и обычаев народа, как основы сохранения и развития культуры малочисленного народа эвенков в Каларском районе»¹⁸. На практике деятельность общины основана на поддержке традиционного хозяйственного комплекса эвенков, включающего оленеводство, охоту и рыболовство. Попутно ведутся сбор дикоросов и лекарственных трав, изготовление промысловых изделий и пошив традиционной одежды. Среди перспективных планов – изучение культуры эвенков и этнографический и экстремальный туризм.

Оленеводство, ставшее основой создания общины «Геван», и в настоящее время продолжает играть, если не ведущую, то одну из главных ролей в жизнеобеспечении членов общины. На сегодняшний день общинное стадо – самое большое на севере Забайкальского края. В составе стада преобладают важеньки *нями*, приносящие приплод своим владельцам. Количество же рабочих быков, принадлежащих тому или иному члену общины, зависит от потребностей их владельца. Домашних оленей эвенки практически никогда не забивают на мясо, используя, преимущественно, грузовых и ездовых оленей для транспортировки грузов и верховой езды, особенно на охоте. Важенок держат для получения приплода и молока:

В стаде, в основном, матки, вместе с телятами, затем быки-годовики, двухгодовики – и так до 10 лет. 5-10 быков-производителей, грузовые, верховые быки – около 10. Быки-производители, верховые и

грузовые олени различаются. Последние – верховые и грузовые – кастрируются.

Забиваем редко, т.к. стадо маленькое. В основном, охотимся на диких оленей. В основном, используем оленей для перевозки грузов при кочевании. На охоте запрягаем в нарты и выючим. Верхом ездим на оленях в хороших местах, в плохих идем пешком. Доим смирных. Их специально пригоняем или они сами приходят. Из молока делаем сливки, белым чай, кипятим. Это очень вкусно¹⁹.

Сегодня, как и в досоветский период, члены общины практикуют полувольный выпас домашних оленей, при котором стадо может целый пастись на горных пастбищах, а вечером пригоняется на стойбище для пересчета и контроля. При этом большое внимание уделяется проведению таких оленеводческих мероприятий, как отел, кастрация и гон:

Смотрим за ними, дымокурим. Сейчас городьбу строить будем – сейчас будет гон, и чтобы дикие олени не приходили в стадо, строим городьбу по р. Талая, около 2-3 км длиной. Гон начинается 14–15 сентября. Рога оленям подпиливаем. 1–5 сентября кастрируем. Обычно отрезаем ножом, а потом прижигаем йодом. Молодых кастрируем зубами. Я сам перекусываю, как раньше делали эвенки. Для отела в этом году спускались вниз, там у нас стоит городьба. А здесь был еще снег. Останавливались на таком расстоянии, чтобы оленей слышно было. Вот, например, медведь напал на оленя, слышно было, потому остальные разбежались. Мы взяли собак, и пошли смотреть. Медведь с медвежатами был, я его ранил. Ночью мы специально в карты играем, чтобы не спать и слышать, как олени ходят. После отела в июне проводим пересчет²⁰.

Некоторые другие мероприятия, например, клеймение, не проводятся в связи с маленькими размерами стада и способностью оленеводов «узнавать в лицо» своих питомцев:

Не считаем, просто смотрим, кто пришел, кто нет. Узнаем их всех «в лицо». Кого нет – того, значит съели. Идем ловить «пустулика», – шутя говорит оленевод А. Габышев²¹.

Тем не менее, присмотр и уход за оленями считаются залогом успешного оленеводства и гарантией роста стада. Другим важным усло-

вием развития оленеводства являются селекционно-племенные работы: для улучшения характеристик местной породы община «Геван» покупает оленей в соседних областях:

Можно восстановить оленеводство: олени рождаются быстро – за 1-2 года стадо увеличивается. Лет через 5 можно вырастить большое стадо, если за оленями постоянно присматривать²².

Планируем покупать оленей в Усть-Нюкже [Амурская область], хотя бы голов 50. Но для этого надо копить деньги, каждый олень стоит около 5 тыс. Это уже будут не личные, а общинные олени²³.

Другое важное направление хозяйства в рамках общины – охотничий промысел. Для охотников, состоящих в общине, предусмотрена выдача оружия, снаряжения и продуктов питания с расчетом на охотничий сезон. Если раньше все документы, разрешения и лицензии, необходимые для охоты, оформлялись охотниками самостоятельно, то теперь всеми бюрократическими процедурами, а также сбытом пушнины и мяса диких животных занимается председатель общины.

Охотничий сезон у членов общины «Геван» соответствует традиционному промысловому календарю эвенков и длится с октября до января и с февраля до апреля. Успех охоты зависит от правильной и своевременной подготовки снаряжения, нарт, оленей и других необходимых приспособлений:

Охотимся с собаками на нартах, обычно по 2-3 человека. Запрягаем до 12 нарт, на которых перевозим вещи, палатки. Уезжаем на охоту до Нового Года, когда возвращаемся на стойбище. В декабре, в период самых коротких ночей, ставим капканы на соболя. В остальных случаях охотимся с собакой²⁴.

Количество добытых шкурок пушных зверей и туш диких копытных животных зависит не только от опыта, ловкости и везения охотника, но и от специализации члена общины. Успех охоты также зависит и от погодных условий: в холодные зимы добыча охотников невелика. Оленеводы, постоянно присматривающие за стадом, в основном, добывают зверя лишь попутно.

Добываем всего понемногу: соболей, сожоев, сохатых по 5 штук каждый из членов общины. Ну, не все же умеют соболя добывать. Белку добывают те, кому не лень²⁵.

Основной доход членам общины приносит пушная охота. Расценки на шкурки зверей, установленные заготовительными предприятиями, значительно рознятся. Так, например, в 2002 г. МУП в пос. Н. Чара скупал соболей по цене от 400 руб. за 1 шт., в то время как предприятие в Чите, с которым община заключила договор, покупало соболей по цене от 1000 руб. В такой ситуации наиболее выгодным для общины является прямое сотрудничество с заготовительными предприятиями в крупных городах:

[Раньше] с документами проблемы были. В Красноярск поедешь с такими суммами, а там эти дяденьки давай спрашивать документы – и все, документов-то нету... Сейчас если я поеду в Ленинград или в Красноярск, там у меня и останется соболю. Если с коммерсантами связываться буду, за бесценюк отдам²⁶.

Кроме сбыта пушнины, в общине налажена, хотя и в небольших объемах, продажа оленины частным лицам. По предварительным заказам мясо доставляется покупателям:

Сейчас-то лучше [жить]. Раньше только зарплату получали, а там ты не имел права продавать. Сейчас мясо продаем – раньше не умел, а сейчас научился. Главное – голова. Продаю мясо в Новой Чаре, желающих очень много. Мне заказ делают, я привожу – мне сразу деньги²⁷.

Другие виды деятельности – рыболовство, сбор дикоросов и лекарственных трав, изготовление промысловых изделий, пошив традиционной зимней одежды – пока не играют решающей роли в жизнеобеспечении общины, но имеют потенциал развития в будущем. Например, рыболовство, как и сбор дикоросов, проводится попутно с охотой и оленеводством либо в свободное время:

Рыбачим там, дальше на Амудисах. Охотимся, как обычно, с осени до марта. Рыбачим летом, иногда зимой применяем подледный лов. Ставим сети, рыбачим удочкой. Во время талики – тонкого льда – также рыбачим, ставим специальные подледные сети с жердями²⁸.

Интересной представляется попытка развития «культуры и туризма» – нового направления в деятельности общины. На сегодняшний день община принимает у себя в гостях туристов, сотрудничает с журналистами, студентами и исследователями, приезжающими из Забайкальского края, других регионов и из-за рубежа. Например, практически каждый год из Польши в общину приезжает группа студентов-биологов, изучающих окружающую среду и природопользование эвенков Каларского района. Частым гостем на стойбище является уже ставший другом семьи председателя общины итальянский фотограф²⁹.

Хозяйственный цикл общины и образ жизни эвенков-обитателей тайги определяют два основных занятия – оленеводство и охота. Эти отрасли, по мнению охотников и оленеводов, практически одинаково важны для функционирования общины. При этом информаторы иногда подчеркивают, что их кочевой образ жизни определяет, прежде всего, оленеводство, которое должно сохраняться как важный культурный и этнический маркер, тогда как занятие охотой выгодно, прежде всего, в финансовом плане. Именно годовой цикл смены оленьих пастбищ составляет основу хозяйственной деятельности общины «Геван». Роль охоты возрастает зимой – в разгар охотничьего сезона, когда группы охотников, взяв оленей, разъезжаются со стойбища в разные места в поисках зверя:

Основное занятие оленеводство – постоянно кочуем, живем в палатках... До этого пасли оленей на Амудисах, в низовьях Читканды. Здесь [в верховьях реки Читканда – О.П.] первый раз стоим. Зимой кочуем в районе реки Талая. Каждый год кочуем примерно в одних и тех же местах. Летом кочуем в чистые места, богатые ягелем, в районе Читканды, двигаемся в направлении Амудис. В этих местах много медведей, пасти оленей сложно³⁰.

Обычно новые места ищем. На следующий год весной в другом месте останавливаться будем. Тут [в верховьях реки Читканда – О.П.] плохо – корма мало и медведей много. Надо останавливаться на Амудисах. Зимой будем пасти оленей на р. Талая. Там два притока Талой – на одном осенью стоят, на другом зимой³¹.

Летние пастбища, как правило, находятся на хорошо обдуваемых и богатых кормом горных и гольцовых долинах, а зимние – в защищен-

ных от ветра и холода долинах рек и распадках гор. При этом нагрузка на олени пастбища строго регулируется во избежание их истощения. Темпы кочевания общины также различаются по сезонам. В отличие от традиционной системы кочевания, для которой было характерно замедление темпов кочевья зимой и их увеличение летом, темпы календария эвенков из общины зимой выше, чем летом.

Зимой часто кочуем. Летом – нет, летом много волокиты, мошка. Вот на такой ключ залезем и сидим.

Даем местам отдыхать. Например, весенние пастбища можно использовать два года, на третий нужно дать месту отдохнуть. Потом уехать оттуда года на 2-4, корм сам восстанавливается³².

Средний уровень жизни членов общины «Геван» определить очень сложно, т.к. он значительно различается в случае каждого члена общины и зависит от источников их доходов. Основной доход приносит охота, прежде всего, пушная. В целом же из-за отсутствия отлаженной системы сбыта продукции традиционных отраслей, общинное хозяйство находится на самообеспечении. По словам председателя общины, в первые годы деньги, вырученные от продажи пушнины и мяса диких животных, шли, преимущественно, на закупку продовольствия, палаток, снаряжения, оружия, техники, необходимых для ведения охоты и оленеводства. Лишь в 2004–2005 гг. охотники должны были начать получать оружие и снаряжение и деньги за добытую пушнину, а оленеводы, постоянно присматривающим за стадом – стабильную заработную плату. Основным стимулом работы в общине являлась не материальная заинтересованность, а привлекательность кочевого образа жизни и получение рабочего места. Кочевой образ жизни также ассоциируется у членов общины с многовековыми обычаями и традициями их предков:

Жилось хорошо, сейчас намного тяжелее. Работать стало тяжелее, в поселке совсем пропадешь, т.к. работы нет. Выжить можно только в тайге³³.

В малолетстве до школы с родителями кочевал. Потом из школы каждое лето в стадо ездил – там недалеко от деревни по р. Токко стада стояли. Ездили туда на моторке – всего полдня езды. По-

*сле школы снова начал кочевать с родителями – так и продолжаю, так и умру, наверное. Мне такая жизнь нравится*³⁴.

Неоседлый образ жизни и занятие традиционными отраслями хозяйства, по мнению оленеводов, способствует сохранению традиционных верований и практик, которые отражают особое мировоззрение эвенков, основанное на тесной взаимосвязи человека и среды обитания. Среди кочевых эвенков сохраняется вера в духов и хозяина местности, а также обычай толкования вещих снов. Наиболее известным и почитаемым богом/духом и хозяином территории является *Барелах (Барелак)*, символизирующий охотничью удачу *сиӥкэн/хиӥкэн*. *Барелаха*, который по поверьям эвенков живет в огне или дереве (обычно лиственнице), постоянно «кормят», бросая в огонь кусочки мяса или брызгая алкоголь, с ним разговаривают, советуются:

*Мы его постоянно кормим. Если что-то плохое должно случиться, он предупреждает, в огне человеческим голосом бурчит. Но это редко бывает... Если вечером после обеда в огне трещит, то что-то плохое случилось или должно случиться. А если до обеда – это к хорошему, кто-то придет с хорошей новостью*³⁵.

*Я водку никогда не пил. Это мне бабушка сделала, меня на водку-то не тянет никак. Но на охоту я водку беру. Огню так же, как перед печкой, молюсь, стоя на коленях: «Ты меня кормил, и никогда меня не забывай». Перед охотой сон – вещий; змея снится к удаче. Однажды волки пришли – ни одного оленя не оставили. Я попросил мать пойти, найти самое высокое место и сделать там. После этого я нашел дерево, обмотанное шерстью, ему молился, и удача вернулась. Надо во что-то верить*³⁶.

Члены общины соблюдают экологические нормы и обычаи ресурсосберегающего характера. Бережное отношение проявляется практически ко всем промысловым животным, при этом особое место в религиозно-обрядовых практиках занимает хозяин тайги и брат человека – медведь. Распространенный среди многих коренных народов Сибири «культ медведя» занимает особое место в охотничьих обрядах:

Особое отношение всегда было к медведю – его считали богом. После того, как убьешь медведя, обдираешь его по всем правилам, а

не так, как обычно. Голову и кости не выбрасывали, кости нельзя было топором рубить. Все останки складывали на специально построенный дэлыкэн³⁷ высотой 2-3 метра. Все это напоминало похороны³⁸.

Вот обычай – если медведя убью, сын мой умереть может. Вот и делаем курум³⁹ – берутся печень, сало, легкое, все это пропускается через мясорубку и подается всем по ложке. Это большой праздник, если медведя убьют. Потом, кто больше съедал, тот считался самым сильным. Но я много есть не могу. Раньше много волков убивал, и оленей у меня не стало. Волк – это волк, медведь – это медведь, человек – есть человек. Волка ноги кормят, медведя сила кормит, меня ружье кормит. За это их надо уважать. Много зверей стрелять не надо, пришел – я должен убить его, друг на друга не ходить. Ты моего оленя кончил – я тебя кончу. Вот медведь на стадо пришел – мы его убили. А так просто не стреляем. Только когда приходят⁴⁰.

Помимо основополагающих обрядов и традиций, в повседневной жизни охотников и оленеводов действует множество поверий, направленных на развитие традиционных отраслей хозяйства и поддержание баланса в отношениях «человек – окружающая среда».

Много обычаев. Например, когда живешь в палатке, острый топор занесешь, рядом положишь – это уже грех, значит, что олень твой злой будет. Надо топор у входа класть. Нельзя в палатку заглядывать – это значит, что тяжело оленехе рожать будет...⁴¹

Одной из основных проблем, препятствующих развитию общин на севере Забайкальского края, является возросшая конкуренция за природные ресурсы, ведущая, в частности, к территориальным спорам. Земли, запрашиваемые общиной «Геван» для развития оленеводства, включают территории на границах с Республикой Саха-Якутия и Амурской областью: долины рек Хаара-Юрях, Селемкун, Конда, Эбгах, Курунг-Юрях, Икабьякан т летние пастбища в вершине р. Икабьякан и в урочище р. Читканда. Из угодий общей площадью 668 625 га, заявленных в отвод общиной, по согласованию с районной администрацией Каларского района и Чарским лесхозом в 2002 г. в аренду сроком на 5 лет общине была выделена территория размером 287 205 га. Эта территория включала земли, непригодные для оленеводства, а остальные угодья, более богатые по ресурсному потенциалу и пригодные для

традиционного природопользования, оспаривались на протяжении многих лет. В течение этого времени на запрошенные общиной территории поочередно претендовало несколько заготовительных предприятий под руководством представителей «приезжего» населения – мигрантов из других регионов и постсоветских республик.

Мы с С. землю поделить не можем, он с Украины. Вот свою организацию создал и прикрывается ею. У него нет сейчас звенков. Он пенсионные им даже не платит. Только соболем занимаются. Соболей только забирает. Вот оружие взял – деньгами дали. С. говорит: «У меня русские остались, я с ними останусь... Ты звенков забирай». А какое он имеет основание на это? Как он берет эти земли? У него оленей нет, только одна пушнина. А мы кочуем на этих местах, на этих территориях наши предки кочевали, и мы должны кочевать⁴².

К 2003 г. предприятие С. объявило о своей ликвидации, не расплатившись с охотниками за сданную ими пушнину. В 2003 г. эти угодья оспаривались уже другим предпринимателем, а С.Н. Габышеву предложили провести реорганизацию общины «Геван» и принять участие в аукционе на аренду запрашиваемых земель.

Мне уже все это надоело. Теперь предлагают организовать ООО, потому что я мешаю. Вот новая организация МУП принимает соболя по 300 руб., а в Чите я сдал на предприятии по 2100 руб. Мне хочется, чтобы в поселке хорошо жилось, а они этого не понимают. Я хочу сейчас землю взять, лицензию взять, чтобы все было законно, не было браконьерства. Вроде люди это понимают, но говорить не могут, силы нет, в долгах сидят. Им некуда деваться, а они... этим пользуются. Они меня не любят, говорят: «Ты в наш МУП приходи». За это они полстада возьмут. А я не хочу никому подчиняться, у меня община, хочу сам все контролировать, чтобы никто мне не мешал. За это мы боремся⁴³.

В начале 2000-х годов ни местные органы власти, ни региональная АКМНС, по словам информаторов, не оказывали общине существенной поддержки в решении вопроса о выделении и закреплении территорий. Отстаивать свои законные права и интересы звенкам – членам общины приходилось своими силами:

Я-то свои права знаю, а вот другие – у них руки опустились. Да и мне кто поможет? Одна надежда – поеду сейчас в Читю. Чита-то меня поддержит. Меня в департаменте поддержали – карту мне составили. А здесь не хотят – делай коммерческое ООО, а мы с тебя деньги сдирать будем. А я не должен платить – я коренной житель. Если я образую коммерческое предприятие, то землю на конкурс поставят. У него денег много, он ее выкупит. Позавчера я был у прокурора, об этом писал. Два года я им надоедаю, у них волосы дыбом стоят: «Надоел ты нам, жить не даешь»... Хочу продолжать жить, хочу молодым показывать, как жить, а они не понимают. Этим дуракам дрова привезут – рот им заткнут... В Чите добро дают, печать поставили. У меня есть люди, которые помогают. А здесь им ничего не надо... Вот кусочек земли тебе дали – хватит. А это земли негодные, зачем мне это надо? Мне бы хотя бы половину земли или полностью дай⁴⁴.

В качестве положительного примера отношения властей к общинам КМНС С.Н. Габышев приводит соседнюю Якутию:

Я стараюсь общаться с Якутией. Там день оленевода был, приглашение выслали, в Чите ответ не отправили. Потом приехал туда, мне комнату дали, спонсировали, хорошо там живут эвенки. В следующем году меня туда пригласили. Я нашему президенту предлагал: «Я соберу команду, поедем», лишь бы была поддержка, я соревноваться могу, чем я хуже?»... Если они в этот раз мне откажут, то я плюну на всю эту Читю. Вот в Якутии как живут: развиваются, сотовые телефоны покупают, потому что они местные, понимают, что развиваться надо... Обращаться за поддержкой в Олёкминский район буду, где мне в прошлый раз помогли. Если мне Читинская область поможет, то я за область пойду⁴⁵.

Конкуренция по поводу распределения природных, особенно земельных, ресурсов, тянущиеся территориальные споры, юридические и экономические проблемы, связанные с регистрацией документов и ведением хозяйства, сегодня ослабляют оптимизм эвенкийского населения по поводу организации общин КМНС на севере Забайкальского края. Такие крупные хозяйства, как община «Геван» продолжают бороться за свои права, в то время как ряд более мелких семейных хозяйств занимается традиционными отраслями, официально не регистрируясь, а значит, лишаясь возможности заявить о своих правах на

свои «родовые земли»⁴⁶. Большинство местного эвенкийского населения положительно относится к деятельности общины «Геван». Такое отношение связано, прежде всего, с перспективами создания новых рабочих мест и возможностями выгодной реализации продукции традиционных отраслей. В начале 2000-х годов многие информанты также рассматривали процесс создания общин как путь организации местного самоуправления, возрождения традиционных промыслов эвенков и выход из социально-экономического, культурного и психологического кризиса. Хотя в последующие годы многие из этих надежд не оправдались, и общины стали играть, прежде всего, роль хозяйственных объединений, они продолжают занимать важное место в жизни эвенков.

¹ ПМА. 2002, 2003: интервью с Л.В. Мальчакиной и В.Г. Мальчакиным.

² ПМА. 2002.

³ Эв. «отстань» (дословно: «надоедливая», «назойливая»).

⁴ Локал. шура с ноги оленя.

⁵ ПМА. 2003, 2004.

⁶ ПМА. 2003. С. Габышев.

⁷ ПМА. 2003. С. Габышев.

⁸ Устав общины КМНС «Геван». 2002.

⁹ Информация о социально-демографической ситуации...2010.

¹⁰ ПМА. 2003. А. Габышев.

¹¹ ПМА. 2004. Е. Трынкин, П. Кузьмин.

¹² ПМА. 2002. С.Н. Габышев.

¹³ ПМА. 2004. А. Габышев.

¹⁴ ПМА. 2004. А. Габышев.

¹⁵ ПМА. 2004. Е. Трынкин.

¹⁶ ПМА. 2004. П. Габышев.

¹⁷ ПМА. 2004. Е. Трынкин.

¹⁸ Устав общины КМНС «Геван». 2002.

¹⁹ ПМА. 2004. П. Кузьмин.

²⁰ ПМА. 2004. Е. Трынкин.

²¹ ПМА. 2004. А. Габышев.

²² ПМА. 2004: П. Кузьмин.

²³ ПМА. 2004. Е. Трынкин.

²⁴ ПМА. 2004. П. Кузьмин.

²⁵ ПМА. 2004. А. Габышев.

-
- 26 ПМА. 2002. С. Габышев.
27 ПМА. 2002. С. Габышев.
28 ПМА. 2004. П. Кузьмин.
29 ПМА. 2002–2004.
30 ПМА. 2004. П. Кузьмин.
31 ПМА. 2004. Е. Трынкин.
32 ПМА. 2004. А. Габышев.
33 ПМА. 2004. П. Кузьмин.
34 ПМА. 2003. А. Габышев.
35 ПМА. 2004. Е. Трынкин.
36 ПМА. 2003. С. Габышев.
37 Высокий открытый лабаз.
38 ПМА. 2004. П. Габышев.
39 Ритуальное блюдо из внутренностей медведя.
40 ПМА. 2004. С. Габышев.
41 ПМА. 2002. Е. Трынкин.
42 ПМА. 2002. С. Габышев.
43 ПМА. 2003. С. Габышев.
44 ПМА. 2004. С. Габышев.
45 ПМА. 2003. С. Габышев.
46 ПМА. 2004, 2006.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени накоплен представительный этнографический материал и опубликовано немало работ, посвященных советской истории и постсоветским демографическим, экономическим и культурным процессам и социальным трансформациям сообществ коренных малочисленных народов российского Севера. Этому способствовали, как собственно этнологические и антропологические, так и междисциплинарные исследования, проводимые на примерах отдельных этнических групп и сравнительного положения КМНС в целом. Научные труды по тунгусоведению, написанные в конце XIX–XX вв., посвящены этногенезу, истории, социально-демографическому положению, традиционному природопользованию, хозяйственному укладу и культуре многих локальных групп эвенков. Эти работы, наряду с публикациями, посвященными различным темам и аспектам жизни эвенков в течение двух последних десятилетий, охватывают большинство локальных групп этого народа, расселившихся в различных отдаленных уголках Сибири и Дальнего Востока. К наименее исследованным группам относятся эвенки, проживающие на севере Забайкальского края. Представленная на суд читателя работа, является первым комплексным историко-этнологическим исследованием, посвященным эвенкам севера Забайкалья. Она содержит анализ социально-демографического развития, практик хозяйствования и природопользования, языковых и культурных процессов, отражающих динамику трансформаций локальных сообществ эвенков на протяжении советского и постсоветского периодов.

Расселившись на севере Забайкалья, в XVII–XIX вв. эвенкийские роды кочевали по Витиму, Олёкме и их притокам, вступая в контакты с другим коренным населением – якутами, бурятами, русскими старожилами. Архивные источники свидетельствуют о том, что в начале XX в. среди витимо-олёкминских эвенков наблюдалась положительная демографическая динамика, связанная с высоким естественным приростом населения. Жизнеобеспечение эвенков севера Забайкальского края было основано на охоте на лося, изюбря и пушного зверя и на таёжном мелкостадном оленеводстве. Эти занятия определяли традиционный (кочевой) образ жизни, цикл освоения ресурсов и характер социокультурной адаптации эвенков.

Огромное влияние на систему жизнеобеспечения, хозяйственный уклад и образ жизни кочевников оказали коллективизация и интерграция эвенков в советское общество: большая часть кочевого населения была переведена на оседлость/полуоседлость, организация основных отраслей их хозяйства претерпела ряд значительных изменений. В рамках колхозов и совхозов эвенки, продолжая заниматься своими традиционными видами хозяйства, должны были осваивать и новые для них отрасли (скотоводство, растениеводство, звероводство), развитию которых препятствовали местными природно-климатические условия. Несмотря на относительную экономическую стабильность и жесткое государственное планирование, экономика северных колхозов и совхозов Забайкальского края на протяжении почти всего советского периода оставалась дотируемой, а уровень жизни эвенкийского населения – невысоким.

Реализация советского проекта культурного строительства на севере Забайкалья на начальных этапах давала положительные результаты. Активно велось строительство образовательных, культурно-просветительских и медицинских учреждений, а также жилья для эвенков, перешедших на оседлость; росла грамотность и образованность местного эвенкийского населения, формировалась национальная интеллигенция. Другая сторона этого проекта проявлялась в культурно-массовой работе, которая, по сути, сводилась к пропаганде советских ценностей. Ориентируя коренное население Севера на интеграцию в советское общество, она вела к ассимиляции эвенков: нарушалась культурная преемственность между поколениями, утрачивались навыки владения эвенкийским языком и ведения кочевого хозяйства.

Другим переломным периодом в жизни забайкальских эвенков стали общественно-политические реформы и социально-экономический кризис, вызванный распадом СССР. В 1990-е годы период социально-демографическое положение эвенков северных районов Забайкальского края резко ухудшилось: деградация медико-социальной инфраструктуры и условий жизни на Севере привели к заметному снижению уровня здоровья и демографических показателей. В 2000-х годах ситуация стабилизировалась благодаря демографической динамике. Увеличение численности эвенков на севере Забайкалья было также обусловлено ростом национального самосознания в контексте активи-

заций движения за права аборигенов и государственной политики предоставления льгот КМНС.

В системе жизнеобеспечения, хозяйственном укладе и условиях жизни эвенков севера Забайкальского края в постсоветский период произошли серьезные потрясения, вызванные развалом системы снабжения поселков и таёжных стойбищ, прекращением госзакупок продукции охотничьего промысла, оленеводства и рыболовства, отсутствием рынка сбыта и инфраструктуры. На грани исчезновения оказалась такая культурно и этнически значимая отрасль хозяйства эвенков, как оленеводство. Отрасли сельского хозяйства, развившиеся в колхозах и совхозах, утратили свое прежнее значение и начали играть роль дополнительных источников жизнеобеспечения в подсобных хозяйствах оседлых эвенков. В настоящее время недостаточная государственная поддержка и правоприменительная практика в области традиционного природопользования, а также возросшая конкуренция за земельные и другие ресурсы и приоритеты индустриального развития региона препятствуют развитию оленеводческих хозяйств и сохранению кочевого образа жизни эвенков. Основными социально-экономическими проблемами эвенков являются безработица, алкоголизация, маргинализация и более низкий, по сравнению, с доминирующим населением, уровень жизни.

В постсоветский период произошли изменения в сфере образования, языка и культуры эвенков. Актуальные проблемы получения школьного, среднего специального и высшего образования и нарушение культурной и языковой преемственности препятствовали воспитанию молодых лидеров и обновлению национальной эвенкийской интеллигенции. Языковые процессы неуклонно развивались в направлении «языкового сдвига», т.е. массового перехода поколений эвенков на русский язык, хотя эвенкийский язык по-прежнему играет символическую роль культурного и этнического маркера. Эвенкийская культура продолжает транслироваться и развиваться в двух сферах – профессиональной и бытовой. На смену общественным лозунгам возрождения этнических культур 1990-х годов пришла обновленная советская концепция единой многонациональной культуры. Культурно-массовая работа, проводящаяся местными домами и центрами национальной культуры, основана на популяризации и реинтерпретации аутентичных образцов народной культуры, как правило, сохраняющихся среди

эвенков старшего поколения, а также в семьях и коллективах, ведущих традиционное хозяйство и кочевой образ жизни.

Пути исторического развития, социокультурная адаптация и хозяйственный уклад эвенков в современных условиях были рассмотрены на примерах эвенкийской семьи, проживающей оседло в поселке, и оленеводческой общины эвенков. Несмотря на оседлый образ жизни подавляющего большинства представителей эвенкийского населения, утрату навыков ведения традиционного хозяйства и культурную унификацию, модели адаптации, основанные на кочевом образе жизни и сохраняющие яркую этническую специфику, обладают потенциалом для развития. Если пример поселковых эвенков иллюстрирует трансформацию механизмов социокультурной преемственности, то пример общины демонстрирует стремление эвенков к сохранению традиционного хозяйственного уклада и уникального образа жизни оленеводов и охотников забайкальского Севера.

Проведенное исследование показало, что в XX–XXI вв. забайкальские эвенки прошли, как минимум, два этапа радикальных преобразований в социально-экономической и культурной сферах, изменившие вектор их исторического развития. Основными «критическими точками» в истории эвенков севера Забайкальского края стали коллективизация и культурное строительство (1930–1950-е годы) и годы «перестройки», общественно-политических реформ и социально-экономического кризиса (1980-е – начало 2000-х годов). Эти «переходные» этапы характеризовались трансформациями общественного и хозяйственного уклада и культуры эвенков в рамках меняющегося политического строя. При этом на разных этапах преобразований роль государства кардинально изменялась. Если в период советизации государственная власть жестко контролировала проведение реформ, проводя политику патернализма по отношению к коренным народам Севера, то в период перестройки государственное регулирование, а вместе с ним и социальные гарантии, исчезли практически из всех сфер жизни эвенков.

Современные тенденции социально-демографического, экономического и культурного развития эвенков севера Забайкальского края имеют сложный и разнонаправленный характер. В социально-демографической сфере отмечается стабилизация демографических показателей, рост количества межэтнических браков и «гендерный

сдвиг», проявляющийся в трансформации семейно-гендерных отношений, моделей расселения и социально-профессиональных статусов эвенков. Кризис традиционных отраслей хозяйства продолжается на фоне приоритетных целей освоения минерального и углеводородного сырья севера Забайкалья, обострения отношений по поводу доступа к природным ресурсам между различными группами населения и отсутствия эффективного государственного регулирования в этой сфере. На смену совхозам пришли общины, муниципальные предприятия и иные формы собственности и экономических объединений КМНС, представители которых самостоятельно пытаются отстаивать своё право на использование природных ресурсов, сохранение традиционного хозяйства, образа жизни и культуры. При этом общий уровень жизни эвенков остается довольно низким, остро стоят многие социально-экономические проблемы. В образовательной сфере происходит разработка новых учебных программ, учитывающих региональные и этнические особенности и традиции местного населения. Однако эти меры не всегда способны решить проблему эффективного преподавания эвенкийского языка и трансляции традиционных знаний. Утрата языковой компетенции и культурная унификация в современных условиях ставят перед представителями молодого поколения эвенков задачу поиска новых этнических и культурных идентичностей.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Карта-схема.

Карта-схема 1.
Места компактного проживания эвенков
на севере Забайкальского края

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Диаграммы.

Диаграмма 1. Динамика численности населения Витимо-Олёкминского национального округа по этническому составу в 1931-1936 гг., чел.¹

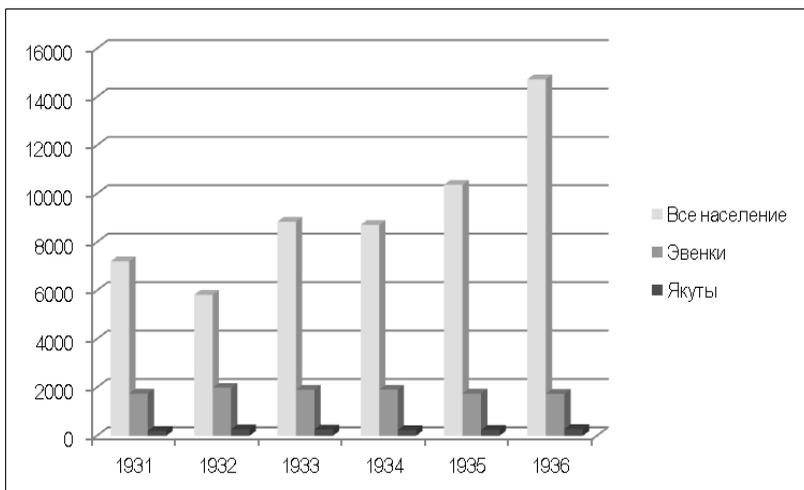

Диаграмма 2. Динамика численности населения Витимо-Олёкминского национального округа по социально-профессиональным группам в 1931-1936 гг., чел.²

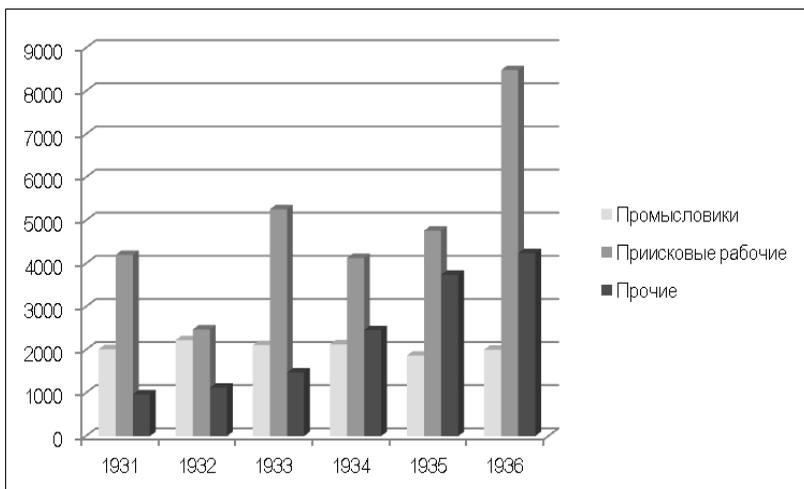

Диаграмма 3. Численность эвенков Забайкальского края по данным государственных переписей населения, чел.

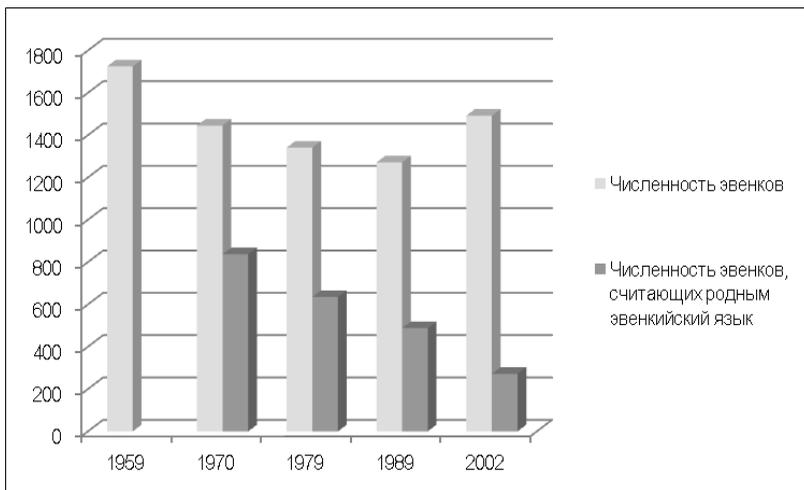

Диаграмма 4. Медико-лечебная инфраструктура в районах проживания КМНС севера Забайкальского края в 1995–1999 гг.³

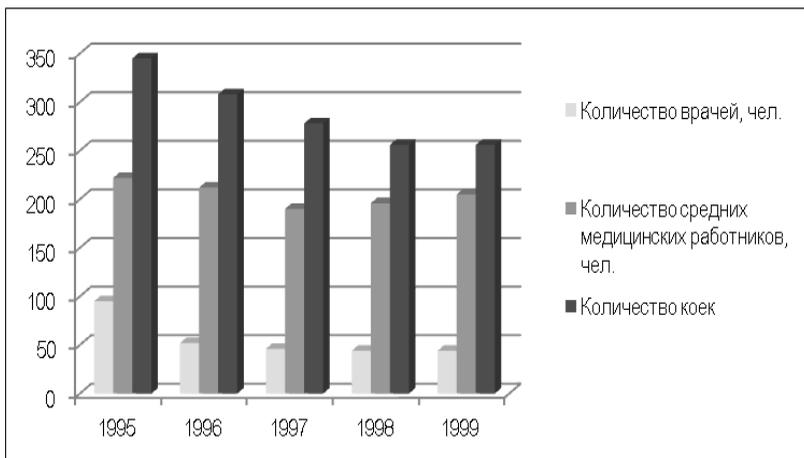

Диаграмма 5. Медико-лечебная инфраструктура в районах проживания КМНС севера Забайкальского края в 2010 г.⁴

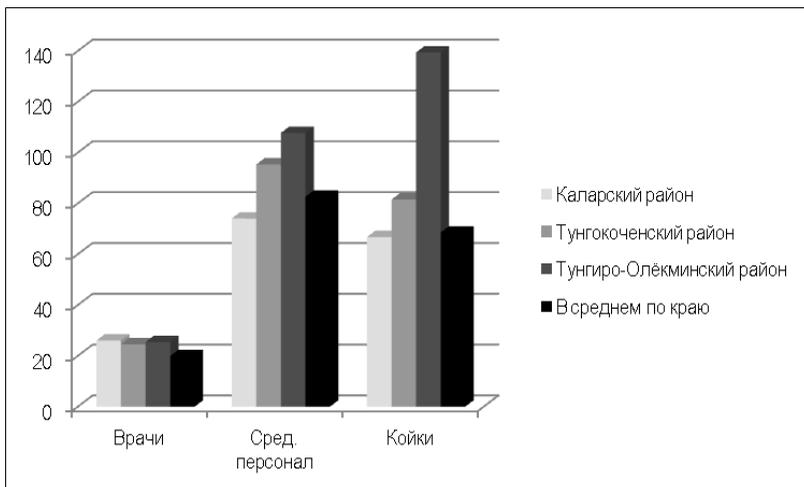
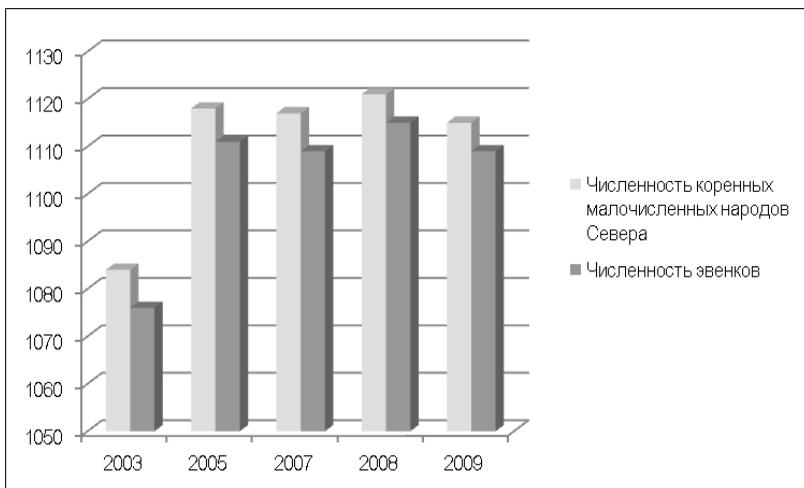

Диаграмма 6. Динамика численности КМНС в сельской местности Забайкальского края в 2003–2009 гг., чел.⁵

45645 **Диаграмма 7. Поголовье оленей в хозяйствах всех категорий в северных районах Забайкальского края в 1974–2011 гг.⁶**

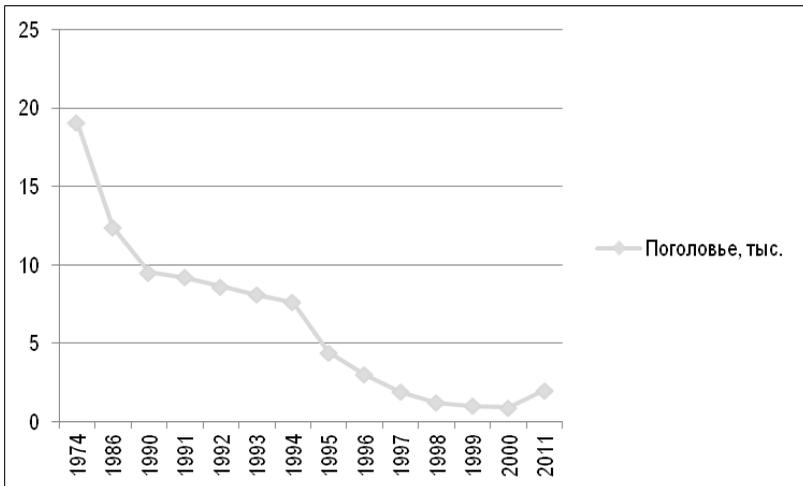
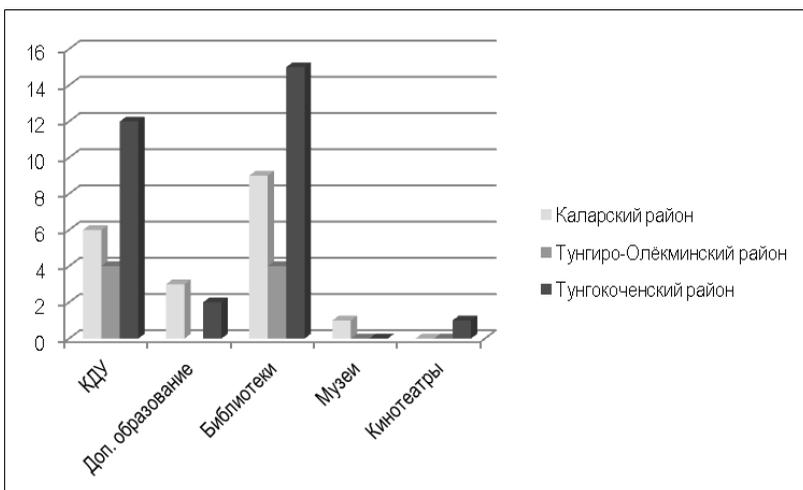

Диаграмма 8. Учреждения культуры в северных районах Забайкальского края в 2011 г.⁷

-
- ¹ Составлено по: Задорожный В.Ф., В.С. Михеев, А.Т. Напрасников и др. Традиционное природопользование эвенков.... С. 16.
- ² Составлено по: Задорожный В.Ф., В.С. Михеев, А.Т. Напрасников и др. Традиционное природопользование эвенков... С. 16.
- ³ Составлено по: Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
- ⁴ Составлено по: Информация Министерства здравоохранения Забайкальского края от 22.08.2011
- ⁵ Составлено по: Информация о социально-демографической ситуации... 2011.
- ⁶ Составлено по: Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004; Данные Комитета экономики Администрации ЧО.2000.
- ⁷ Составлено по: Информация Министерства культуры Забайкальского края от 27.07.11.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Таблицы

Таблица 1. Структура колхозов Витимо-Олёкминского национального округа в 1934 г.¹

Район	Колхозы	Хозяйства	Социальный состав				Национальный состав			
			Батраки	Бедняки	Середняки	Проч.	Эвенки	Якуты	Русские	Проч.
Каларский	5	160	10	88	42	10	82	54	13	1
Тунгокоченский	8	147	–	–	–	–	17	–	130	–
Тунгиро-Олёкминский	4	124	6	104	11	3	121	1	4	–
Всего по районам	17	431	16	192	53	13	220	55	147	1

Таблица 2. Основные показатели деятельности северных колхозов Тунгокоченского района в 1940–1955 гг.²

	1940	1953	1954	1955
Число колхозных дворов	166	141	148	142
В них трудоспособных	265	211	230	234
Выработано трудодней на 1 колхозника	233	283	304	359
Установленный минимум трудодней	76	15	28	14
Наличие скота:				
КРС	254	298	302	310
Коров	64	82	102	100
Лошадей	177	108	123	140
Оленей	67	748	814	988
Лисиц	–	66	105	121
Надоено молока на 1 фуражную корову		823	1003	
Вся посевная площадь, в т.ч.	89	22	23	24,67
Зерновых	90	17	18	18
Картофеля	12	2	2	2,75
Овощей	3	–	–	–
Всего денежных доходов, руб., в т.ч.	412 073	792 650	1 063 043	1 163 053
Полеводство	19 209	16 460	31 738	25 366

Животноводство	45 482	77 128	303 693	253 676
Пушнина	161 851	443 479	383 357	589 381
Извоз	168 311	188 129	280 102	285 893
Рыболовство	172 220	67 454	27 153	8737

Таблица 3. Показатели развития оленеводства в совхозе «Чарский», пос. Чапо-Олого Каларского района в 1987 г.³

ФИО бригадира	№ стада	Поголовье на 1.01.86	Падеж	Поголовье на 1.01.87	Потери	Деловой выход телят от 100 маток	Сохранность взрослого поголовья
Габышев А.И.	1	814	8	679	146	9,4	80,5
Данилова Н.Д.	2	868	21	731	133	5,1	84,8
Мальчигов В.Г.	7	470	6	516	55	31,6	89,4
Павлов Г.И.	5	72	–	–	25	–	–
Итого		2224	35	1926	359	46,1	254,7

Таблица 4. Показатели развития оленеводства в колхозах Тунгокоченского района в 1962 г.⁴

Показатели	Им. Кирова	Путь Ильича	Красный охотник	Им. 18 партсъезда	По району
Всего оленей	350	210	307	501	1368
В т.ч. важенок и нетелей	146	78	117	156	497
Родилось телят в течение года	100	82	79	143	404
Погибло оленей	79	79	66	63	287
Забито на мясо	–	10	–	20	30
Куплено оленей	8	–	–	6	14
Деловой выход телят на 100 важенок	60	90	66,3	73,3	71,1
Выполнение плана увеличение поголовья, %	97	80	105	101	100,4

Таблица 5. Показатели заготовки сельскохозяйственной продукции в совхозе «Чарский», пос. Чапо-Олого Каларского района в 1986 г.⁵

Виды продукции	Государственный план, руб.	Факт, руб.	Выполнение плана, %
Продукция клеточного звероводства, тыс. руб.	52,000	15,800	30,3
Промысловая пушнина, тыс. руб.	6,000	8,000	133,3
Молоко, ц.	150	170	133,3
Грубые корма, ц.	700	760	108,5

Таблица 6. Государственные закупки пушнины в северных районах Забайкальского края в 1980–1990-х годах, шт.⁶

Промысловый вид	Район	1980	1985	1990	Удельный вес северных районов в масштабе Читинской области (1990 г.), %
Соболь промысловый	Каларский	703	1023	966	18,2
	Тунгиро-Олёкминский	1802	1687	1607	30,6
	Тунгокоченский	1209	1489	1091	20,8
	Всего	3714	4199	3654	69,6
Горностай	Каларский	102	379	391	22,0
	Тунгиро-Олёкминский	12	39	62	3,5
	Тунгокоченский	174	236	624	35,1
	Всего	288	654	1077	60,6
Белка	Каларский	3582	13462	7859	5,7
	Тунгиро-Олёкминский	3460	10364	6633	4,8
	Тунгокоченский	28854	24705	15652	11,4
	Всего	35896	48531	30144	22,0
Заяц-беляк	Каларский	206	948	796	1,0
	Тунгиро-Олёкминский	77	540	574	0,7
	Тунгокоченский	16493	17135	20780	26,9
	Всего	16776	18623	22150	28,7
Ондатра	Каларский	850	3105	1451	97,0
Колонок	Каларский	147	219	84	0,5
	Тунгиро-Олёкминский	110	429	618	4,0
	Тунгокоченский	1243	1571	1992	12,8
	Всего	1500	2219	2694	17,3

Таблица 7. Социально-экономическое положение эвенкийских семей Тунгокоченского района в 1975 г.⁷

Поселок	Кол-во семей	Кол-во населения	Сред. доход, руб.		Кол-во семей, имеющих под-собное хозяйство	Кол-во семей, имеющих свой дом	Кол-во семей, не имеющих квартир	Кол-во семей, имеющих своих оленей	Кол-во семей имеющих КРС
			На 1 семью	На 1 чел.					
Тунгокочен	41	171	153	38	20	20	6	4/51	11/23
Усть-Каренга	14	69	291	58	6	10	1	3/9	1/2
Зеленое Озеро	15	38	100	40	7	4	4	–	6/13
Юмурчен	3	33	119	29	7	3	1	5/22	3/5
Красный Яр	1	5	170	34	1	1	–	–	–
Кыкер	1	2	130	65	1	1	–	–	1/3
Верх. Усугли	4	14	300	85	1	1	–	–	1/2
Усугли	1	3	102	34	–	1	–	–	–
Всего	87	335	157	39	43	41	12	12/82	23/48

Таблица 8. Строительство культурно-образовательных учреждений в Витимо-Олёкминском национальном округе в 1930-1932 гг.⁸

Учреждение	1930	1931	Запроектировано на 1932
Туздома	0	1	4
Клубы	1	1	3
Летние сцены	1	1	4
Стационарные библиотеки	0	2	14
Школьные библиотеки	1	6	15
Красные уголки	0	6	28
Красные палатки	0	2	4

**Таблица 9. Основные демографические показатели КМНС севера
Забайкальского края за 1991–1999 гг.⁹**

Наименование показателя	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Количество населения	1018	1039	1091	1106	1112	1099	1053	1074	1085
В т.ч. дети до 14 лет	428	450	450	447	442	423	421	411	418
Из них дети до 1 года	26	29	25	22	22	15	25	20	16
Рождаемость ‰	23,9	27,3	23,5	20,0	19,8	13,6	23,2	18,6	14,7
Смертность ‰	8,6	12,6	7,4	10,8	7,2	11,8	7,6	7,4	13,8
Младенческая смертность ‰	–	10,3	–	45,4	–	–	–	–	–
Коэффициент естественного прироста	15,3	14,7	16,1	9,2	12,6	1,8	15,6	11,2	0,9

Таблица 10. Численность населения северных районов Забайкальского края в 2010 г.¹⁰

Район	Численность населения района, чел.	Численность КМНС, чел.	Численность КМНС, %	Удельный вес КМНС района в общей численности КМНС трех северных районов
Каларский	9601	506	5,3 %	44,3 %
Тунгокоченский	13 864	375	2,7 %	32,8 %
Т-Олёкминский	1578	262	16,6 %	22,9 %
Всего	25 043	1143	4,6 %	100 %

**Таблица 11. Основные демографические показатели КМНС севера
Забайкальского края в 2003–2010 гг., ‰¹¹**

Район	Год	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
Каларский	2003	15,8	7,9	+7,9
	2007	19,4	10,8	+8,6
	2008	23,0	15,3	+7,7
	2009	27,6	25,7	+1,9
	2010	21,7	9,8	+11,9

Тунгокоченский	2003	7,1	17,5	-10,4
	2007	22,8	14,2	+8,6
	2008	16,7	13,9	+2,8
	2009	30,8	19,6	+11,2
	2010	16,0	18,6	-2,6
Тунгино-Олекминский	2003	6,8	10,3	-3,5
	2007	17,2	3,5	+13,7
	2008	25,6	10,9	+14,7
	2009	10,9	14,6	-3,7
	2010	13,7	8,6	+5,1

Таблица 12. Структура смертности КМНС севера Забайкальского края в 1994–1999 гг.¹².

Показатель	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Смертность, чел.:	12	8	13	8	8	15
В трудоспособном возрасте	8	5	8	4	4	9
Среди мужчин	7	4	5	4	3	6
Среди женщин	1	1	3		1	3
Структура смертности, чел. (‰):	–					
Несчастные случаи, отравления и травмы	7(6,3)	5(4,5)	6(5,5)	3(2,8)	4(3,7)	7(6,4)
Убийства	1(0,9)	2(1,8)	3(2,7)	–	–	1(0,9)
Алкогольная интоксикация	–	–	–	1(0,9)	1(0,9)	1(0,9)
Самоубийства	3(2,7)	1(0,9)	1(0,9)	1(0,9)	–	1(0,9)
Заболевания системы кровообращения	1(0,9)	2(1,8)	6(5,5)	2(1,9)	3(2,8)	6(5,5)
Заболевания бронхолегочной системы	1(0,9)	2	6	2	3	6(0,9)
Онкологические заболевания	–	–	1(0,9)	1(0,9)	–	1(0,9)
Заболевания органов пищеварения	–	1(0,9)	–	–	–	–
Туберкулез	–	–	–	2(1,9)	1(0,9)	–

Таблица 13. Структура заболеваемости КМНС севера Забайкальского края в 1991–1999 гг., %¹³.

Классы заболеваний	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999
Общая заболеваемость у взрослых и подростков	719,5	930,4	1119	901,4	894	781,1	957,3	969,8	947,5
В т.ч. по классам заболеваний:									
Инфекционные и паразитарные болезни	12,2	23,8	17,2	21,2	32,8	14,8	49,1	64,9	61,5
Болезни эндокринной системы	4,6	6,8	6,2	6,1	7,5	10,4	6,3	15,1	22,5
Психические расстройства	24,4	35,7	26,5	4,6	40,3	39,9	58,8	75,4	51,0
Болезни системы кровообращения	102,1	105,3	146,6	124,4	73,1	122,8	99,7	102,6	121,4
Болезни органов дыхания	193,6	181,7	280,8	232,2	219,4	165,7	308,4	93,5	113,9
Болезни органов пищеварения	106,7	101,9	156,0	151,7	114,9	94,7	102,8	105,6	128,9
Болезни мочеполовой системы	44,2	90,0	74,9	76,9	74,6	76,9	71,2	93,5	103,4
Болезни костно-мышечной системы	30,5	40,7	68,6	44,0	64,2	62,1	63,3	67,9	63,0
Травмы и отравления	57,9	103,6	84,2	74,4	73,1	59,2	41,1	90,5	84,0
Общая заболеваемость по обращаемости у детей	771,1	1071	1004	805,4	855,2	976,4	962	924,6	1486
В т.ч. по классам заболеваний:									
Инфекционные и паразитарные болезни	4,7	168,9	97,8	47,0	52,0	63,8	47,5	94,9	155,5
Болезни эндокринной системы	2,3	–	–	–	6,8	30,7	16,6	17,0	69,4
Психические расстройства	11,7	11,1	22,2	–	11,3	16,5	26,1	26,8	35,9
Болезни нервной системы	95,8	86,7	131,0	111,9	129,0	122,9	147,3	163,0	150,7
Болезни системы кровообращения		6,7			9,0	2,4	19,0	4,9	12,0
Болезни органов дыхания	570,1	564,4	493,3	402,7	441,2	548,5	453,7	333,4	634,0

Болезни органов пищеварения	21,0	93,3	155,6	132,0	58,8	61,5	61,8	90,0	189,0
Болезни мочеполовой системы	14,0	17,8	40,0	29,1	38,5	42,6	61,8	41,4	62,2
Болезни костно-мышечной системы	–	2,2	2,2	4,5	6,8	11,8	26,1	29,2	31,1
Травмы и отравления	23,4	24,4	22,2	15,7	38,5	23,6	21,4	51,1	31,1

Таблица 14. Заболеваемость КМНС севера Забайкальского края в 2008-2010 гг., чел.¹⁴

Показатели	Каларский район			Тунгокоченский район			Тунгиро-Олёкминский район		
	2008	2009	2010	2008	2009	2010	2008	2009	2010
Общая заболеваемость	1364	1205	1410	1079	1050	2565	2394	2628	2663
Впервые выявленная заболеваемость	950	711	805	407,4	383	1013	2359	2374	2492

Таблица 15. Структура заболеваемости КМНС севера Забайкальского края в 2010 г.¹⁵

Возрастная группа	Каларский район	Тунгокоченский район	Тунгиро-Олёкминский район
Дети	1-ое место – органы дыхания; 2-ое место – органы пищеварения; 3-е место – эндокринная система	1-ое место – органы дыхания; 2-ое место – органы пищеварения; 3-е место – эндокринная система	1-ое место – органы зрения; 2-ое место – органы дыхания; 3-е место – эндокринная система
Подростки	1-ое место – органы дыхания; 2-ое место – органы пищеварения; 3-е место – органы зрения	1-ое место – органы пищеварения; 2-ое место – эндокринная система; 3-е место – органы зрения	1-ое место – органы зрения; 2-ое место – органы дыхания; 3-е место – органы пищеварения

Взрослые	1-ое место – органы кровообращения; 2-ое место – мочеполовая система; 3-е место – органы дыхания	1-ое место – система кровообращения; 2-ое место – органы дыхания; 3-е место – органы пищеварения	1-ое место – органы кровообращения; 2-ое место – органы пищеварения; 3-е место – органы дыхания
----------	--	--	---

Таблица 16. Площадь и официальный статус земель, занятых под традиционные отрасли хозяйства в 1995 – 1999 гг.¹⁶

Район	Вид хоз-ва	1995		1997		1998		1999	
		Кол-во	Площадь, тыс. га						
Каларский	Оленеводческие	7	108,1	6	108,1	6	108,1	6	174,2
	Охотопромысловые	6	5,7	1	8,9	1	8,9	-	-
	Коневодческие	200,6	6	174,1	6	174,1		1	8,9
Тунгиро-Олёкминский	Родовые общины	3	203	2	108	2	108	1	48
Тунгокоченский	Оленеводческие	-	-	9	666,8	6	-	-	-
	Охотопромысловые	30	995,1	-	-	-	606,4	5	587,6
	Родовые общины	143,4	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 17. Учреждения культуры клубного типа в Каларском районе в 2002 г.¹⁷

Год	2000	2001	2002
Все учреждения	8	8	10
РДК	1	1	1
СДК	5	5	7
ДК	1	1	1
АКБ	1	1	1
Кол-во клубных формирований на 1 учреждение	4	6	5
Кол-во участников в 1 формировании	15	14	14
Кол-во культурно-массовых мероприятий в год	89	97	120

-
- ¹ Составлено по: Задорожный В.Ф., В.С. Михеев, А.Т. Напрасников и др. Традиционное природопользование эвенков...С. 17.
 - ² Составлено по: ГАЧО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 394. Л. 1.
 - ³ Составлено по: ГАЧО. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 714. Л.7.
 - ⁴ Составлено по: ГАЧО. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 714. Л.7.
 - ⁵ Составлено по: ГАЧО. Ф. Р-927. Оп. 1. Д. 700. Л.8.
 - ⁶ Составлено по: Задорожный В.Ф., В.С. Михеев, А.Т. Напрасников и др. Традиционное природопользование эвенков...С. 26
 - ⁷ Составлено по: ГАЧО. Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 652. Л.1.
 - ⁸ Составлено по: ГАЧО. Ф. Р-612. Оп. 1. Д.57. Л.79.
 - ⁹ Составлено по: Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
 - ¹⁰ Составлено по: Информация Министерства здравоохранения Забайкальского края от 22.08.2011.
 - ¹¹ Составлено по: Информация Министерства здравоохранения Забайкальского края от 22.08.2011.
 - ¹² Составлено по: Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
 - ¹³ Составлено по: Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2000.
 - ¹⁴ Составлено по: Информация Министерства здравоохранения Забайкальского края от 22.08.2011.
 - ¹⁵ Составлено по: Информация Министерства здравоохранения Забайкальского края от 22.08.2011.
 - ¹⁶ Составлено по: Данные Комитета экономики Администрации ЧО. 2004.
 - ¹⁷ Составлено по: Данные Отдела культуры Администрации Каларского района. 2002.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Иллюстрации.

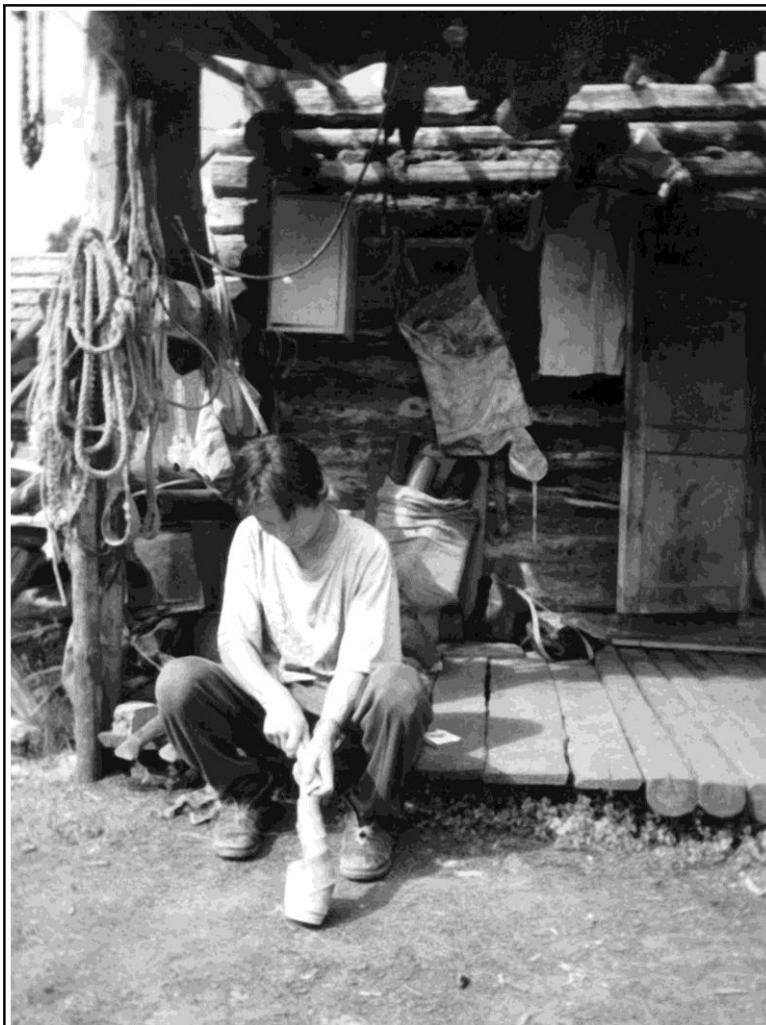

Фото 1. Изготовление оревуна, Каларский район, 1998

Фото 2. А.М. Ильдинова за обработкой шкуры,
Каларский район, 1999

Фото 3.
Мальчик в традиционной
одежде с сумками,
пос. Средн. Калар, 2000

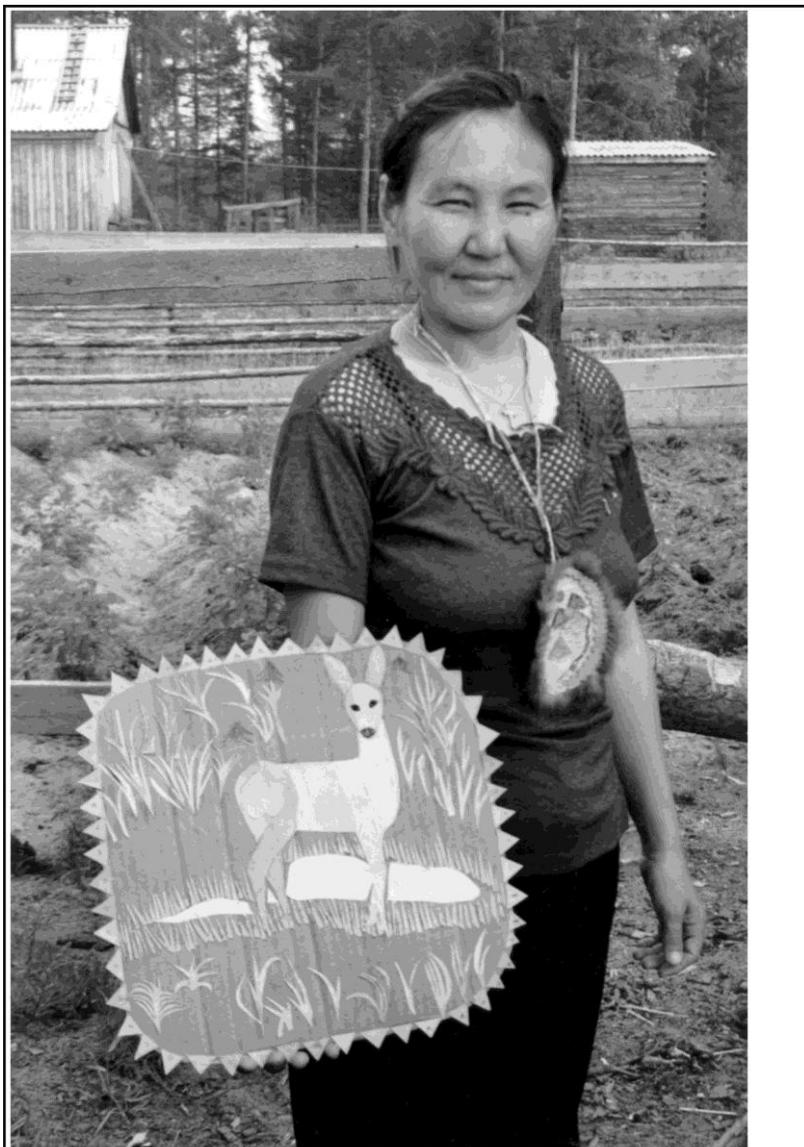

Фото 4. И.Ю. Мальчакитова с поделкой из бересты,
пос. Чапо-Олого, 2002

Фото 5.
М.А. Пантелеева
в Центре эвенкийской
культуры,
пос. Кюсть-Кемда, 2002

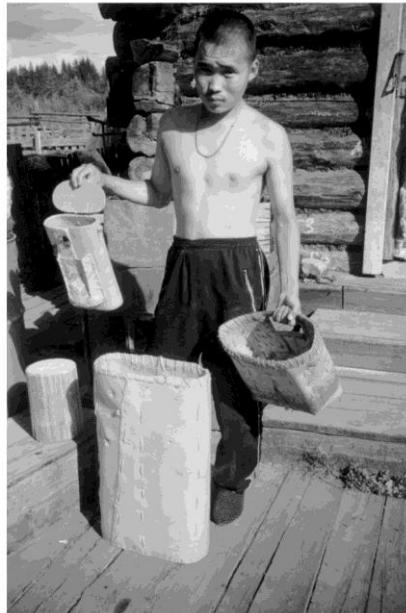

Фото 6.
Мальчик с берестяными
туесами,
пос. Чапо-Олого, 2002

Фото 7.
Н.Я. Булатова
ведет семинар
по правам КМНС,
пос. Чапо-Олого, 2002

Фото 8.
Обработка шкуры,
пос. Чапо-Олого, 2002

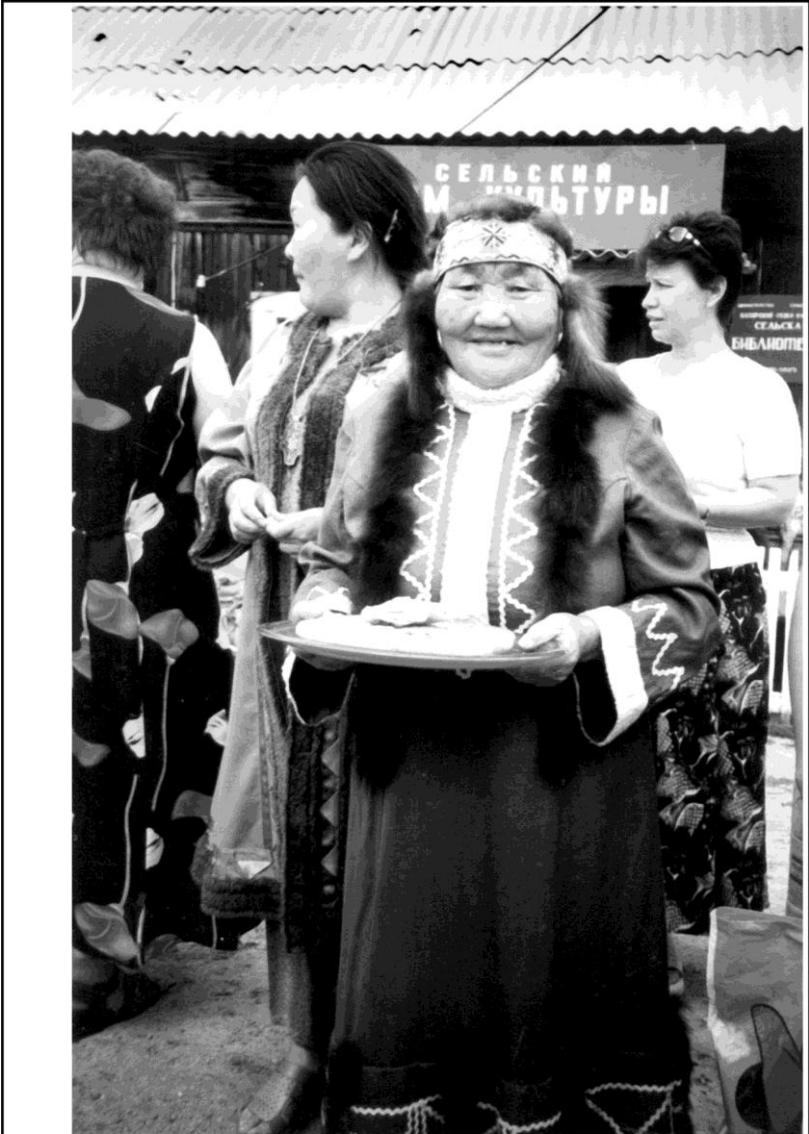

Фото 9. П.И. Габышева в костюме шаманки на празднике, пос. Чапо-Олого, 2002

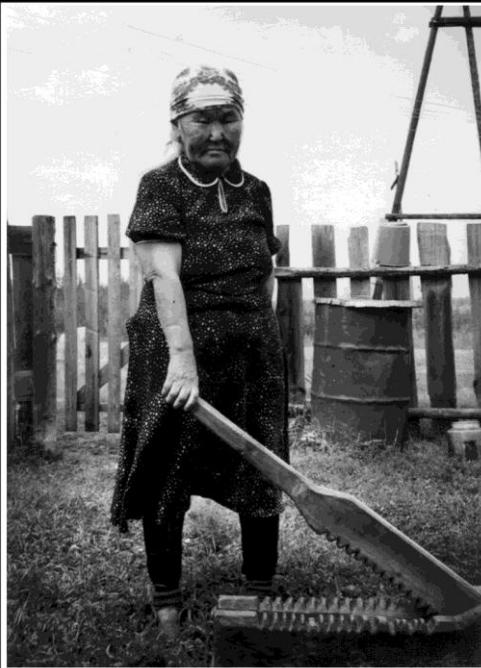

Фото 10.
С кожемялкой,
пос. Чапо-Олого, 2002

Фото 11. Унты,
пос. Чапо-Олого, 2002

Фото 12.
Эвенкийская сумка
чомпули,
пос. Чапо-Олого, 2002

Фото 13.
И.Ю. Мальчакитова
в сценическом костюме
с кумаланом,
пос. Чапо-Олого, 2002

Фото 14. С.С. Каткова в сельской библиотеке,
пос. Чапо-Олого, 2002

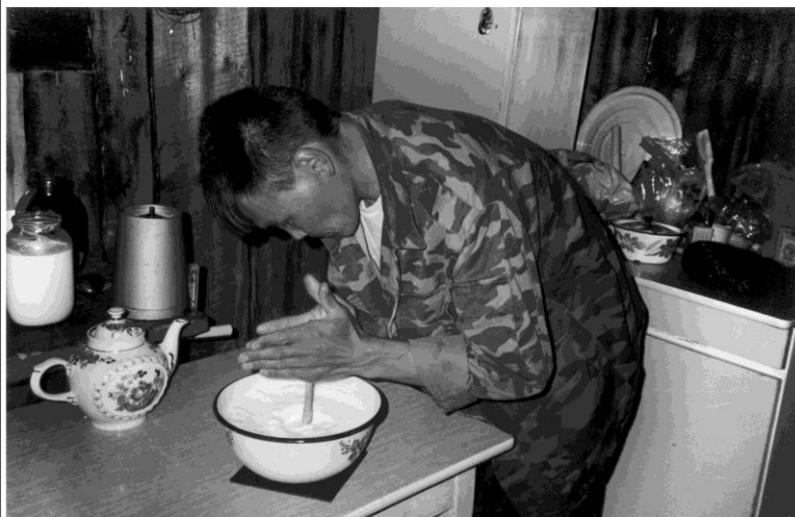

Фото 15. Взбивание сливок из оленьего молока,
пос. Чапо-Олого, 2003

Фото 16.
Знаток эвенкийской культуры
Л.В. Мальчакитова,
пос. Чапо-Олого, 2003

Фото 17.
Изготовление бубна,
пос. Чапо-Олого, 2003

Фото 18. Дети с бубнами, пос. Чапо-Олого, 2003

Фото 19. Олени под навесом, Каларский район, 2003

Фото 20.
Н.Д. Данилова
чинит седло,
Каларский район, 2003

Фото 21. Выпекание хлеба, Каларский район, 2003

Фото 22. Семья Габышевых, пос. Чапо-Олого, 2002

Фото 23. Оленеводы общины «Геван», Каларский район, 2004

Фото 24. В палатке оленеводов, Каларский район, 2004

Фото 25. Приготовление пищи - мужское дело,
Каларский район, 2004

Фото 26. Запрягая оленей, Каларский район, 2004

Фото 27. Вид на пос. Верх-Усугли, 2006

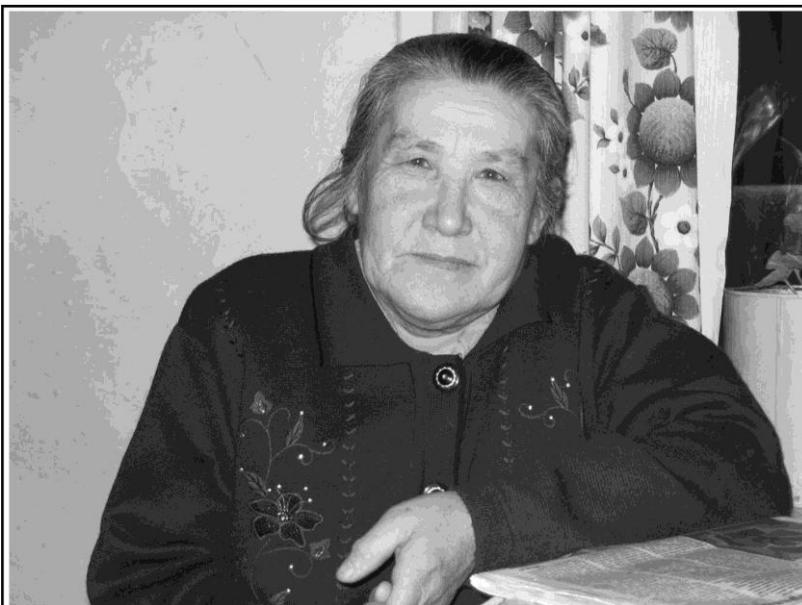

Фото 28. Глава АКМНС пос. Тунгокочен Е.Г. Эпова, 2006

Фото 29. Преподаватель эвенкийского языка Т.И. Анисимова, пос. Верх-Усугли, 2006

Фото 30. Специалист по делам КМНС Т.М. Хорошева за работой, пос. Верх-Усугли, 2006

Фото 31. Автор с Т.М. Хорошевой, пос. Верх-Усугли, 2006

Фото 32. Старожил пос. Тунгокочен Г.И. Арунеев, 2006

Фото 33. Долина р. Сюльбан, Каларский район, 2003

Фото 34. В этнографическом центре, пос. Тунгокочен, 2006

РЕЗЮМЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Evenks living in Kalarskii, Turgiro-Oliokminskii and Tungokochenskii districts constitute ethnically and linguistically distinct local indigenous groups of northern Zabaikal'skii Region¹. Their ethnic history is connected with the migrations of Evenk population from the south to the mountain areas in the north of the region in the XIII–XIXth centuries. In the North, they have been living a relatively isolated life and preserving reindeer herding and hunting economy and nomadic tradition until the XXth century.

During the following historical periods, limited accessibility and remoteness of the areas populated by Evenk hunters and herders from the administrative centre impeded Sovietization, collectivization and cultural construction *kul'turnoe stroitel'stvo*. In this region, these processes unfolded at a slower pace, in contrast to many other areas of the Russian North. During kolkhoz and sovkhoz planning, the transformations of Evenk traditional economy and way of life appeared to be more significant: with the gradual reorganization of family-based reindeer herding, Evenk population was being settled in villages. The introduction of the boarding school system and cultural work *kul'turno-massovaiia rabota* aimed at dissemination of the popular cultural values and integration of indigenous peoples into the Soviet society accelerated the processes of language shift and cultural assimilation among Evenks.

The transformations resulting from the collapse of the Soviet Union and the following socio-economic crisis had a no less dramatic impact on Evenks. While the social infrastructure was disintegrating, the demographic situation in their local communities declined. The main economic activities and organizations came to the state of deep crisis. The agricultural activities on household plots provided subsistence production for sedentary Evenks in villages, whereas few remaining hunting and herding enterprises leading semi-nomadic way of life in taiga were facing serious economic problems.

By the present day, the situation in many spheres of life of Evenks has stabilized. In two recent decades, demographic indices improved due to partial reconstruction of medical and social infrastructure and recent state demographic policy², among other factors. Ethnic and gender relations in the places of residence of indigenous population in northern Zabaikal'skii Region were characterized by some new settlement and migration patterns. For instance, sedentarization of the overwhelming majority of Evenk women

has led to «gender shift», whereby indigenous men live on taiga settlements while their female relatives reside in villages. At the same time, the outflow of BAM builders³ partially compensated by the inflow of new migrants from the post-Soviet space, lead to a growing number of interethnic marriages of Evenk women with men of other ethnic backgrounds. These trends explain increased competition for both demographic and natural resources between indigenous/local and newcomers population.

In the socio-economic sphere, new forms of property and organization of economy have appeared. Presently, the development of indigenous enterprises is hampered by unsettled land claims and a number of problems connected with the processing of incorporation documents, insufficient infrastructure and the lack of functioning market for traditional economy products. The wellbeing and quality of life of Evenk families living in villages are still poor due to a lack of job and restricted access of indigenous population to educational and administrative resources. State regulation of the socio-economic situation of Evenks is rather inadequate, both in terms of the implementation of support programmes and enforcement of the legislation protecting the rights of indigenous peoples of the North in Russia.

The post-Soviet education has been characterized by the strengthening of the «regional component» or the subjects reflecting the cultural and linguistic diversity of local communities, including native languages, traditional economy and environmental knowledge, etc. However, in practice, this policy has not yet led to visible growth of the educational level and native language proficiency among Evenks. The folklore and applied arts are functioning on two levels: everyday life and professional sphere, wherein the popularization and standardization of Evenk culture takes place. Contemporary issues of professional training, language retention, cultural continuity and upbringing of young Evenk leaders are highly relevant for the agenda of the local indigenous intelligentsia and activists.

This book is the first comprehensive ethnologic study of the Evenks of northern Zabaikal'skii Region. Drawing on extensive field data and unpublished archival and statistical materials, the author analyses socio-demographic development, economic and land use practices, linguistic and cultural trends predetermining to the dynamics of the social change in local Evenk communities in Soviet and post-Soviet periods. The transformations taking place in people's everyday life are illustrated by the case studies of an Evenk village family and an indigenous reindeer herding enterprise. The

monograph is recommended to ethnologists, historians, social anthropologists and readers interested in Evenk culture and in the history and the present day situation of indigenous peoples of the Russian North.

¹ An East Siberian region bordering the Russian Far East and lying on the side of Baikal Lake, opposite from the country capital's point of view.

² Aims at the growth of the birth rate through some social benefits and financial subsidies allocated to mothers of two or more children.

³ The local term applied to population including professional and unskilled workers drawn to construct Baikal-Amur Railroad, the country's second large railroad, from across the Soviet Union in the 1970–80s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Литература

Аблажей А.М. Современная экономическая и этносоциальная ситуация в Эвенкийском автономном округе // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 1997. С. 123–130.

Аверкиева Ю.П. О культе медведя у индейцев Северной Америки // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 142–149.

Айпин Е.Д. Родовая община как орган этнического самоуправления и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера Российской Федерации // Обычное право и правовой плюрализм. Мат-лы XI Междунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 66–68.

Андерсон Д.Дж. Тундровики: экология и самосознание таймырских эвенков и долган. Новосибирск, 1998.

Анисимов А.Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1936.

Анисимов А.Ф. Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблема происхождения первобытных верований. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.

Аргудяева Ю.В. Формирование и развитие молодой семьи в осваиваемых районах Сибири и Дальнего Востока (на материалах БАМа) // Демографическое развитие Сибири (Прикладные и теоретические аспекты исследования). Новосибирск, 1987. С. 126–133.

Атласова С.С. Эвенки Южной Якутии в XIX в.: социально-экономический и демографический аспект. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Якутск, 1999.

Балалаева О.Э. Священные места хантов Средней и Нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов. Мат-лы к атласу. Екатеринбург, 1999. С. 139–156.

Балзер М. Межэтнические отношения и федерализм на Севере // Толерантность и согласие. Мат-лы междунар. конф. М.: ИЭА РАН. С. 69–90.

Бойко В.И., С.Н. Еремин, В.Н. Белошапкина (ред.). БАМ и народы Севера. Новосибирск: Наука, 1979.

Батьянова Е.П. Род и община у телеутов в XIX – XX веках. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. М.: ИЭА РАН, 2002.

Башаров И.П. Современные представления о духах-хозяевах местности у русского промыслового населения Восточного Прибайкалья в свете этнокультурных контактов с бурятами и эвенками // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 176–178.

Беликов В.В. Эвенки Бурятии: история и современность. Улан-Удэ, 1994.

Белкин Е.В., Шереги Ф.Э. Формирование населения в зоне БАМ. М.: Мысль, 1985.

Бенда-Бекманн К. фон. Правовой плюрализм // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 8–22.

Бенда-Бекманн К. фон. Правовой плюрализм и природные ресурсы // Обычай и закон. М., 2002. С. 96–108.

Бендерский Ю.Г., Карасева Т.Б. Разработка программы социально-экономической стабилизации районов проживания коренных малочисленных народов Севера: опыт и проблемы // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4. Новосибирск, 2001. С. 92–95.

Богословская Л.С., Павлов П.Н. Коренное население Российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды // Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 69–74.

Богоявленский Д.Д., Мартынова Е.П. и др. Опыт проведения этнологической экспертизы. Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях обской и тазовской губ на компонент устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера. М., 2002.

Боженко Л.И. (ред.). Вопросы истории социального и экономического развития Советской Сибири. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986.

Бойко В. И. (отв. ред.). Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. Новосибирск, 1989.

Бойко В.И. Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1973.

Бойко В.И. Народности Севера: языковые процессы (к концепции развития). Новосибирск, 1987.

Бойко В.И. Социально-экономическое развитие народностей Севера: программа координационных исследований. Новосибирск, 1988.

Бойко В.И. Численность, расселение и языковая ситуация у народностей Севера на современном этапе. Новосибирск, 1988.

Бойко В.И., Васильев Н.В. Социально-профессиональная мобильность эвенков и эвенов Якутии. Новосибирск: Наука, 1981.

Бойко В.И., Исакова Н.В. Развитие культур народностей Севера (к разработке концепции). Препринт. Новосибирск, 1988.

Болдырев Б.В. Эвенкийско-русский словарь в 2 ч. Новосибирск, 2000.

Борисов М.Н. Малочисленные этносы Севера: вчера, сегодня, завтра (социологические очерки). Рыбинск, 1995.

Бочаров В.В. Антропология права: антропологические и юридические аспекты // Человек и право. Книга о летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 23–30.

Будаева Ц.Б. Экологические традиции коренного населения Байкальского региона (на примере эвенков Республики Бурятия). Улан-Удэ, 1999.

Булаев В.М. Этно-национальные особенности формирования населения Восточного Забайкалья (социально-географическая интерпретация). Улан-Удэ, 1998.

Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. Л.: «Наука», 1987.

Булатова Н.Я. Эвенкийский язык и его региональные варианты в социолингвистическом аспекте // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 42–53.

Булатова Н.Я., Вахтин Н.Б., Насилов Д.М. Языки малочисленных народов Севера // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 6–27.

Бурькин А.А. Динамика языковой ситуации, функционирование письменности и этапы эволюции этнических культур малочисленных народов Севера: к проблеме взаимосвязи и взаимообусловленности языковых и социокультурных процессов // Малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы сохранения и развития языков. СПб.: ИЛИ РАН, 1997. С. 28–41.

Бурыкин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // *Расы и народы*. Вып. 28. М., 2002. С. 188–213.

Буяхаев С.С. Современное развитие забайкальских эвенков // *Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований*. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 129–146.

Бычков О.В., Ямпольская О.А. Новые данные об эвенках Иркутской области // *Современная духовная культура народов Сибири и Севера*. Омск: Изд-во Омск. ун-та, 1989. С. 59–70.

Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (1. Саянский очаг одомашнивания оленя) // *СЭ*. 1970. № 6. С. 3–14.

Вайнштейн С.И. Проблема происхождения оленеводства в Евразии (2. Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии) // *СЭ*. 1971. № 5. С. 37–52.

Василевич Г.М. Витимо-Тунгир-Олёкминские тунгусы (географическая характеристика) // *Советский Север*. 1930. № 3. С. 96–113.

Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Пособие для преподавателей эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: «Учпедгиз», 1940.

Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948.

Василевич Г.М. Типы оленеводства у тунгусоязычных народов (в связи с проблемой расселения по Сибири) // VII Междунар. конгр. антропологич. и этнографич. наук. М., авг., 1964. Доклады. М.: Наука, 1964.

Василевич Г.М. Токминские тунгусы // *Советский Север*. 1930. № 5. С. 27–38.

Василевич Г.М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX вв.). Л. Наука, 1969.

Василевич Г.М., М.Г. Левин. Олений транспорт // *Историко-этнографический атлас Сибири* / Ред. М.Г. Левин, Л.П. Потапов. М.; Л., 1961. С. 11–54.

Вахтин Н.Б. Коренное население Крайнего Севера Российской Федерации. СПб. – Париж: Изд-во Европейского Дома, 1993.

Вахтин Н.Б. Языки народов Севера в XX в.: очерки языкового сдвига / Ред. А.К. Байбурун, Н.Б. Вахтин и др. СПб., 2001.

Вахтин Н.Б., Головкин Е.В., Швайцлер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М., 2004.

Вахтин Н.Б. Ляльская Е.В. Языковая ситуация и проблемы образования // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков. Новосибирск, 2004. С. 133–148.

Вигет Э. Экономика и традиционное землепользование восточных хантов // Очерки истории традиционного землепользования хантов. Материалы к атласу. Екатеринбург, 1999. С. 157–214.

Винокуров И.И. Эвенки зоны Байкало-Амурской магистрали: историко-демографический аспект (1976–1990). Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Якутск: СО РАН, 1994.

Воробьев Д.В. Жизнеобеспечение и адаптивная стратегия эвенков в конце XX в. (Север Туруханского района Красноярского края) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 140. М.: ИЭА РАН, 2001.

Воробьев Д.В. Современное оленеводство эвенков Советской Речки // Расы и народы. Вып. 33. М.: Наука, 1971. С. 164–187.

Воскобойников М.Г. Некоторые данные по этнографии эвенков Бурятии // Этнографический сборник. Вып. 2. Улан-Удэ: СО АН СССР, 1961. С. 29–43.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. (отв. ред.). Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск: СО АН СССР, 1986.

Гончарова Г.С. Семейно-брачные отношения и демографические процессы у народов Севера // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск: ЦЭРИС, 1997. С. 143–151.

Гурвич И.С. К вопросу о параллелях в традиционной культуре аборигенных народов Северной Азии и Северной Америки // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М., 1981. С. 119–128.

Гурвич И.С. Этническое развитие народностей Севера в советский период. М.: Наука, 1987.

Демидов В.А. Советское национальное строительство в Сибири. Новосибирск: НГУ, 1981.

Деревянко А.П., Бойко В.И. Пути культурного развития Сибири // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск: Наука, 1986. С. 5–12.

Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVIIв. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

Дробышев Ю.И. Территории традиционного природопользования народов Сибири и Севера в системе экологического мониторинга (к постановке проблемы) // Этноэкологические исследования. Сб. статей к 80-летию со дня рождения В.И. Козлова. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 166–171.

Дронова Н., Шестаков А. Промысел как жизнь: природоохранные и социально-экономические аспекты пушного промысла на Дальнем Востоке и торговли пушниной в России. М., 2005.

Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Эвенки и якуты юга Дальнего Востока, XVII – XX вв. СПб.: Наука, 1994.

Дьяченко В.И., Ермолова Н.В. Якутско-эвенкийские контакты на Охотском побережье // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л.: Наука, 1984. С. 132–138.

Евдокимов В.С. Амурские эвенки. Благовещенск, 1967.

Егоров Е.Г. (отв. ред.). Концепция экономического и социального развития народностей Севера на период 1991–2005 гг. Докл. на Все-союзн. науч. конф. «Народности Севера: концепция социального и экономического развития в условиях научно-технического прогресса». Якутск: СО АН СССР, 1988.

Ермолова Н.В. Эвенки: проблема этнических различий и локальных групп // Этнос и этнические процессы. М.: Наука, 1993.

Ермолова Н.В. Г.М. Василевич и современные проблемы тунгусоведения // Материалы и итоги науч. конф. МАЭ РАН. СПб.: Наука, 2000. С. 205–212.

Задорожный, В.Ф., Михеев В.С., Напрасников А.Т. и др. Традиционное природопользование эвенков: обоснование территорий в Читинской области. Новосибирск: Наука, 1995.

Запороцкий О.Н., Мурашко О.А. Как можно реализовать конституционное право на защиту традиционного образа жизни и исконной среды обитания // Северные народы на пути в новое тысячелетие: сб. документов, статей, воспоминаний и размышлений. Москва, 2000. С. 158–177.

Зенько М.А. Современный Ямал: этноэкологические и этносоциальные проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. №139. М.: ИЭА РАН, 2001.

Зибарев В.А. Юстиция у малых народов Севера (XVII – XIX вв.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1990.

Зибарев В.А. Материалы по юридической этнографии малых народов Севера. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1993.

Золототрубов В.С. Северные миграции: этносоциальный аспект // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск: ЦЭРИС, 1997. С. 117–122.

Золототрубов В.С., В.П. Кривоногов, Н.В. Катков и др. Эвенки бассейна Енисея. Новосибирск, 1992.

Исакова Н.В. Специфика интеграции в сфере социалистической культуры народов Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск: Наука, 1986. С. 65–79.

Истомина К. Нефть и олени. Традиционные методы выбора оленьих пастбищ у коми оленеводов и их связь с конфликтом интересов в области землепользования // Северное Вече. Материалы II Открытой встречи СИФ. Великий Новгород, Россия. 19–22 сент. 2002 г. Акурейри: Арктический ин-тут Стефанссона и Ун-т Акурейри, 2004. С. 177–180.

Истомина К.В. Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства. Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. Сыктывкар, 2004.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР (сводный том) / Отв. ред. К.А. Орехов. М.: Госстатиздат, 1962.

Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР, Союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М.: «Статистика», 1973.

Йернслеттен Й-Л.Л., Клоков К.Б. Устойчивое оленеводство. Тромсё: Издание центра саамских исследований Ун-та Тромсё, 2002–2003.

Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX вв. (хозяйство и социальная культура). М.: Изд-во Московского ун-та, 1982.

Карпов Е.В. Проблемы социальной мобильности эвенков Забайкалья в 1950–1990-х годах. Иркутск, 2003.

Карпов Е.В., Чипизубов В.И. Ориентация эвенков Забайкальского Севера на традиционные и нетрадиционные отрасли и виды занятий // Социальные проблемы труда у народностей Севера. Новосибирск, 1986. С. 114–119.

Клоков К.Б., Красовская Т.М., Ямсков А.Н. Проблемы перехода к устойчивому развитию районов расселения коренных народов российской Арктики // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 141. М.: ИЭА РАН, 2001.

Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Ч. I. Республика Саха (Якутия). СПб.: НИИ географии СПбГУ, 2001.

Клоков К.Б. Оленеводство и оленеводческие народы Севера России. Ч. II. Север Средней Сибири (Таймырский и Эвенкийский автономные округа, Туруханский район Красноярского края). СПб., 2001.

Клоков К.Б. Традиционное природопользование елогуйских кетов (опыт социально-экологического изучения процесса аккультурации). СПб.; М., 1999.

Ковязин Н.М., Кузаков К.Г. Советская Эвенкия (экономико-географический очерк). М.; Л., 1963.

Колесникова В.Д. Словарь эвенкийско-русский и русско-эвенкийский: Пособие для учащихся начальной школы. Л.: Просвещение, 1983.

Конституция Российской Федерации: Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. М.: Юридическая литература, 1993.

Крибл Р. Нормативно-правовые основы положения аборигенов Канады // Обычай и закон. М., 2002. С. 135–146.

Кривоногов В.П. Западные эвенки на рубеже тысячелетий. Красноярск: РИО КГПУ, 2001.

Кривоногов В.П. Этнические последствия перехода кочевников-олленоводов к оседлости (на примере енисейских ненцев) // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4. Новосибирск: НГУ, 2001. С. 118–121.

Кропоткин П.А. Отчет об Олёмминско-Витимской экспедиции для отыскания скотопрогонного пути из Нерчинского округа в Олёмминский, снаряженной в 1866 году олёмминскими золотопромышленниками, при содействии Сибирского отдела Географического общества. СПб., 1873.

Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989.

Крылов Б.С., Харючи С.Н., Андриченко Л.В. и др. Комментарии к Федеральному закону о гарантиях прав коренных малочисленных народов РФ. М., 1999.

Кузнецов О.В. Конфликт промышленного развития и традиционно природопользования эвенков севера Забайкалья // Социальная теория и антропологические вызовы XXI века: социальная антропология в научных и образовательных практиках современного общества. Чита: ЧитГУ, 2010.

Кузнецова Г.Н. Судебная защита прав коренных народов на традиционное природопользование // Обычай и закон. М., 2002. С. 202–212.

Кулаков В. С., В. С. Рыжий, А. Е. Снегур. География Каларского района. Чита, 2002.

Культура и быт народов Бурятии. Улан-Удэ, 1965.

Лебедева Е.П., Константинова О.А., Монахова И.В. Эвенкийский язык. Учебное пособие для пед. училищ. Л., 1985.

Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока // Труды Ин-та этнографии. Новая серия. Т. XXXVI. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Левин М.Г. К проблеме этногенеза тунгусов. М.: Изд-во Восточной литературы, 1960.

Логонова Л.В., Матвеев А.М. Особенности развития традиционных отраслей хозяйствования в Эвенкийском автономном округе // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4. Новосибирск: НГУ, 2001. С. 130–134.

Лопуленко Н.А. Народы Крайнего Севера России во второй половине 90-х годов XX в. Экономика. Культура. Политика. Обзор по материалам российской прессы. М., 2000.

Лопуленко Н.А. Опыт автономии в Канадской Арктике – Нунавут // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 170. М.: ИЭА РАН, 2004.

Лукьянченко Т.В. Эвенкийский автономный округ // Народы Советского Севера (1960–1980-е годы). М.: Наука, 1991. С. 205–217.

Лукьянченко Т.В. Промысловое хозяйство саамов Кольского полуострова в условиях развивающихся рыночных отношений // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 50–63.

Лукьянченко Т.В. Сельская семья илимпийских эвенков (по материалам 1980-х годов) // Социально-экономическое и культурное развитие народов Севера и Сибири: традиции и современность. М.: ИЭА РАН, 1995. С. 64–76.

Лярская Е.В. Северные интернаты и трансформация традиционной культуры (на примере ненцев Ямала). Дисс. на соиск. уч. ст. к.и.н. СПб, 2003.

Мазин А.И. Быт и хозяйство эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск, 1992.

Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1984.

Мамонтова Н.А. Языки малочисленных народов Севера и Европейская языковая Хартия // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Вып. 218. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 79–95.

Мангатаева Д.Д. Коренные народы Севера Бурятии (Пути возрождения). Улан-Удэ, 1997.

Мангатаева Д.Д. Социальные ориентиры у эвенков Бурятии // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск: ЦЭРИС, 1997. С. 130–136.

Мангатаева Д.Д. Эволюция традиционных систем жизнеобеспечения коренных народов Байкальского региона. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000.

Мартынова Е.П. Коренное население Ямало-Ненецкого автономного округа: социальные проблемы современной жизни // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею доктора исторических наук, профессора З.П. Соколовой. М., 2010. С. 211–220.

Мартынова Е.П., Пивнева Е.А. Традиционное хозяйство обских угров и рынок: возможности сосуществования // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 122–127.

Мархинин В.В. Северные межэтнические сообщества в испытании «радикальными реформами» // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск: ЦЭРИС, 1997. С. 98–107.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур: (по материалам социологических исследований в районах традиционного северного природопользования коренных национальностей и русского старожильческого населения Ханты-Мансийского АО). Новосибирск, 1996.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Проблемы взаимоотношений традиционного хозяйства народов Севера и нефтегазового комплекса // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 112–118.

Мархинин В.В., Удалова И.В. Социокультурные проблемы и межэтнические отношения в национально смешанных поселениях Ханты-Мансийского АО (по материалам социологических экспедиций 90-х годов) // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 4. Новосибирск: НГУ, 2001. С. 163–170.

Мештыб Н.А. Трансформация традиционной системы природопользования у народов Нижнего Амура в XX в. // Этноэкологические исследования. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 171–190.

Миддендорф А. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2. Отдел 6 (извлечение) // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономики народов Северной Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты и др.). М., 2000. С. 165–167.

Миссонова Л.И. Межэтнические отношения на Сахалине: влияние этнической среды на трансформацию малочисленного этноса // Среда и культуры в условиях общественных трансформаций. М., 1995. С. 90–104.

Миссонова Л.И. Остров Сахалин: современные проблемы жизнедеятельности уйльта (орочонов) // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 162. М.: ИЭА РАН, 2003.

Михайлов Т.М. Народы и культуры Байкальского региона: проблемы взаимодействия // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 5. Новосибирск: НГУ, 2003. С. 169–176.

Мищенко В.Л. Конституционные и законодательные основы защиты прав коренных малочисленных народов на традиционное природопользование: концепция юристов-экологов, защищающих общественные интересы // Человек и право. Книга о Летней школе по юридической антропологии. М., 1999. С. 75–81.

Мурашко О.А. Почему не работает Федеральный закон о территориях традиционного природопользования // Территории традиционного природопользования коренных народов Севера: опыт Канады и России. Сборник мат-лов российско-канадского семинара «Организация и управление территориями традиционного природопользования коренных народов Канады и Российской Федерации». 18–19 ноября 2002 г. М., 2002. С. 20–22.

Назаров-Рыгдылон В.Э. Социально-экономические аспекты быта и культуры Баунтовского района Бурятской АССР // Социально-культурные процессы в Советской Сибири: Тезисы докладов обл. науч. конф. по динамике социально-культурных процессов и управления сферой культуры. Омск: Омск. гос. ун-т, 1985. С. 80–83.

Население России. 2000. 9-й ежегодный демографический доклад. М., 2001.

Национальный состав населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1990.

Недешев А.А. Забайкалье: экономика, ресурсы, достижения, проблемы. Иркутск: Восточносибирское кн. изд., 1981.

Недешев А.А. (ред.). Освоение природных ресурсов Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1985.

Недешев А.А., Котельников А.М. БАМ и развитие производительных сил Читинской области // Социально-экономическое и культурное развитие Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1980. С. 189–205.

Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск, 1964.

Никульшин Н.П. Первобытные производственные объединения и социалистическое строительство у эвенков. Л., 1939.

Новикова Н.И. Традиционное природопользование – право и/или обязанность // Юридическая антропология. Закон и жизнь. М., 2000. С. 212–220.

Новикова Н.И. Как живет оленю президента России // Расы и народы. Вып. 28. М., 2002. С. 133–146.

Новикова Н.И. Обычное право коренных малочисленных народов Севера в системе российского законодательства: прошлое и настоящее // Обычай и закон. М., 2002. С. 175–192.

Новикова Н.И. (отв. ред.). Люди Севера: права на ресурсы и экспертиза. М., 2008.

Обычное право народов Сибири (буряты, якуты, эвенки, алтайцы, шорцы). М., 1997.

Основные показатели здоровья и медицинского обслуживания населения Читинской области в 1998–2002 гг. Чита: Государственное учреждение здравоохранения «Медицинский информационно-аналитический центр», 2003.

Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников (с приложением к II ч. трех племенных карт) // Зап. ИРГО по отделению этнографии. Т. XXXI. Ч. I. Вып. 1. Тунгусы собственно. СПб., 1906.

Пекарский Э.К., Цветков В.П. Очерки быта приаянских тунгусов (извлечение) // Традиционная нормативная культура, организация вла-

сти и экономики народов Северной Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты и др.). М., 2000. С. 167–177.

Пивнева Е.А. Грозит ли депопуляция малочисленным народам Севера? // *Среда и культуры в условиях общественных трансформаций*. Сб. статей. М., 1995. С. 70–81.

Пивнева Е.А. Заболеваемость и смертность как индикаторы здоровья коренных народов Севера (по материалам Березовского района Ханты-Мансийского АО) // *Этнодемографический сборник. Народы Севера России*. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 93–131.

Пивнева Е.А. Здоровье и медико-социальные проблемы // *Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независ. экспертный доклад*. Новосибирск, 2004. С. 77–94.

Пивнева Е.А. Современная этнодемографическая ситуация и состояние здоровья малочисленных народов Севера // *Расы и народы*. Вып. 28. М., 2002. С. 5–20.

Пика А.И. Демографическая политика в районах проживания народов Севера: проблемы и перспективы // *Региональные проблемы социально-демографического развития*. М., 1987. С. 43–55.

Пика А.И. Неотрадиционализм на Российском Севере: идти в будущее, не забывая прошлого // *Социологические исследования*. № 11. 1996. С. 47–53.

Поворознюк О.А. Каларские эвенки (современное положение и перспективы устойчивого развития) // *В поисках себя: Народы Севера и Сибири в постсоветских трансформациях*. М.: Наука, 2005. С. 7–39.

Поворознюк О.А. Культурный ландшафт и адаптация в современных условиях Российского Севера (на примере читинских эвенков) // *Расы и народы*. Вып. 33. М.: Наука, 2007. С. 188–208.

Поворознюк О.А. Природопользование каларских эвенков: государственное регулирование и традиционная нормативная система // *Олень всегда прав*. М., 2003. С. 163–186.

Подлесных О.Н. Европейская языковая хартия и Россия // *Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии*. № 218. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 42–65.

Попков Ю.В. (ред.). *Этносоциальные и правовые процессы в Эвенкии*. Новосибирск, 1994.

Похозяйственная перепись Приполярного Севера СССР 1926/27 года. Территориальные и групповые итоги похозяйственной переписи. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1929.

Прохоров Б.Б. Экология человека и изучение региональных социально-демографических проблем // Региональные проблемы социально-демографического развития. М.: Ин-т социол. иссл-й АН СССР, 1987. С. 7–33.

Романова А.В., Мыреева А.Н. Фольклор эвенков Якутии. Л.: Наука, 1971.

Рычков К.М. Енисейские тунгусы [1917] (извлечение) // Традиционная нормативная культура, организация власти и экономики народов Северной Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты и др.). М., 2000. С. 177–184

Савоскул С.С. Этнические изменения в Эвенкийском национальном округе // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. С. 179–194.

Симонов М.Д. Материалы по этнографии сымских эвенков // Генезис и эволюция этнических культур Сибири. Новосибирск: СО АН СССР. Ин-т истории, филологии и философии, 1986. С. 15–29.

Симченко Ю.Б. Народы Севера России. Проблемы. Прогноз. Рекомендации. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 112. М.: ИЭА РАН, 1998.

Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П. Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М., 1993. С. 201–243.

Симченко Ю.Б., Соколова З.П. Народы Севера России в условиях экономической реформы и демократических преобразований // Демократические, экономические, социальные и культурные проблемы развития народов Дальнего Востока в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М.: ИЭА РАН. М., 1994. С. 220–229.

Сирина А.А. Преимственность в организации среды жизнедеятельности (на примере эвенков верховья р. Нижняя Тунгуска) // ЭО. 1992. № 2. С. 77–89.

Сирина А.А. Родовые общины малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия): шаг к самоопределению? // Исследования по прикладной и неотложной антропологии. № 126. М.: ИЭА РАН, 1999.

Сирина А.А. Катангские эвенки в XX в.: расселение, организация среды жизнедеятельности. М.; Иркутск, 2002.

Сирина А.А. Народы Севера Иркутской области // Исследования по прикладной и неотложной антропологии. № 152. М.: ИЭА РАН, 2002.

Сирина А.А. Хозяйство и социальная сфера // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независ. экспертный доклад. Новосибирск, 2004. С. 54–94.

Сирина А.А. От совхоза к родовой общине: социально-экономические трансформации у народов Севера в конце XX века. М.: ИЭА РАН, 2010.

Скачко А.Н. Проблемы Севера // Советский Север. 1930. № 1. С. 15–37.

Смоляк А.В. Проблемы этногенеза тунгусоязычных народов Нижнего Амура и Сахалина // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 177–195.

Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина. Середина XIX – начало XX в. М.: Наука, 1975.

Соболева С.В. Социально-демографические аспекты воспроизводства и формирования малых национальных групп (на примере Сибири) // Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 1. Новосибирск: ЦЭРИС, 1997. С. 47–56.

Соколова З.П. Заметки об эвенках бассейна р. Кети // Труды Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Т. 78. IV Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 165–175.

Соколова З.П. Адаптивные свойства культуры народов Севера // СЭ. 1991. №4. С. 3–17.

Соколова З.П. (ред.). Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М.: ИЭА РАН, 1994.

Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

Соколова З.П. Перспективы социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов Севера (концепция развития) // Расы и народы. Вып. 28. М, 2002. С. 61–79.

Соколова З.П. Этнокультурные основы социально-экономического районирования России // Народы Российского Севера и Сибири. М., 1999. С. 225–299.

Соколова З.П. Этнический состав и демографическая ситуация // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 14–30.

Соколовский С.В. «Национальное меньшинство»: продукт гражданского общества? // Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 261–186.

Соколовский С.В. Территории традиционного природопользования Сахалина // Расы и народы. Вып. 28. М.: Наука, 2002. С. 160–187.

Соколовский С.В. Перспективы развития концепции этнонациональной политики в Российской Федерации. М., 2004.

Соколовский С.В., Тишков В.А. Европейская языковая Хартия и защита языковых меньшинств // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 218. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 4–10.

Соловьев С.А. Развитие социальной инфраструктуры в условиях Крайнего Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск: Наука, 1986. С. 40–48.

Соскин В. Л. (ред.). Культурное строительство в Сибири, 1941–1977. Новосибирск: Новосибирское книж. изд-во, 1987.

Спеваковский А.Б. Этнокультурные контакты тунгусоязычных народностей на востоке Сибири (эвенки и эвены) // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л.: Наука, 1984. С. 121–131.

Спеваковский А.Б. Традиционное в современной хозяйственной деятельности коренного оленеводческого населения севера Дальнего Востока // Культурные традиции народов Сибири. Л.: Наука, 1986. С. 121–131

Ссорин-Чайков Н.В. Обмен и социальные связи в эвенкийском обществе советского периода: набросок программы исследования // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М.: ИЭА РАН, 1994. С. 204–231.

Статус малочисленных народов России (правовые акты и документы). М.: Юридическая литература, 1994.

Суслов И.М. Социальная культура у тунгусов бассейна Подкаменной Тунгуски и верховьев р. Таймуры (Из материалов Чунской экспедиции 1926 года) // Традиционная нормативная культура, организация

власти и экономики народов Северной Евразии и Дальнего Востока (ненцы, манси, ханты и др.). М., 2000. С. 184–189.

Таксами Ч.М. Подготовка специалистов из среды народов Севера // Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М: Наука, 1971. С. 172–199.

Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 гг.) // Труды научно-исследовательской ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР. Т. 1. Вып. 1/2. Л., 1932.

Титов Е.И. Тунгусско-русский словарь с приложением книги М.А. Кастрена «Основы изучения тунгусского языка». Иркутск: Издание Читинского краевого государственного музея, 1926.

Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.

Тишков В.А. (ред.). Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независимый экспертный доклад. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004.

Туголуков В.А. Витимо-олёкминские эвенки // Труды Ин-та этнографии. Т. 78. IV Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 67–97.

Туголуков В.А. О положении эвенкийского населения в Тунгокоченском, Каларском и Тунгиро-Олёкминском районах Читинской области // Этнологическая экспертиза. Народы Севера России (1956–1958). М.: ИЭА РАН, 2004. С. 342–368.

Туголуков В.А. Преобразования в хозяйстве и культуре у эвенков Амурской области // Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. С. 226–256.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969.

Туголуков В.А. Социальная организация эвенков и эвенов // Общественный строй у народов Северной Сибири. М.: Наука, 1970. С. 214–263.

Туголуков В.А. Тунгусы (эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985.

Туголуков В.А. Эвенки // Этническая история народов Севера. М.: Изд-во «Наука», 1982. С. 129–154.

Туголуков В.А. Эвенки бассейна реки Турухан // Социальная организация и культура народов Севера. М.: Наука, 1974. С. 58–81.

Туголуков В.А. Этнические корни тунгусов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 152–176.

Туголуков В.А., Шубин А.С. Колхозное строительство у эвенков Северной Бурятии и его влияние на их быт и культуру // Этнографический сборник. Вып. 5. Улан-Удэ, 1969. С. 42–65.

Тураев В.А. Дальневосточные эвенки: этнокультурные и этносоциальные процессы в XX веке. Владивосток, 2008.

Туров М. Г. Хозяйство эвенков таежной зоны Средней Сибири в конце XIX – начале XX вв. (принципы освоения угодий). Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990.

Туров М.Г. Эвенки: экологическое сознание этноса в традициях охотничье-оленоводческого хозяйства // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. С. 129–147.

Турченко В.Н., Траскунова М.М., Еремин С.Н. О совершенствовании системы образования и подготовки к труду молодежи в условиях Советского Севера // Культура народностей Севера: традиции и современность. Новосибирск: Наука, 1986. С. 123–133.

Уварова Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX веках. М.: ИНИОН РАН, 2005.

Увачан В.В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX в. М., 2001.

Увачан В.Н. Советская Эвенкия. Красноярск, 1962.

Файнберг Л.А. О некоторых параллелях в культуре самодийцев и эскимосов (к проблеме древних этнических связей между Азией и Америкой) // Традиционные культуры Северной Сибири и Северной Америки. М.: Наука, 1981. С. 128–142.

Функ Д.А. Трансформация этнических идентификаций тюрков (аборигенов) юга Западной Сибири // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 400–417.

Функ Д.А. Формирование новых этнических идентичностей у тюрков Юга Западной Сибири в 1980-е – первой половине 1990-х годов (на примере бачатских телеутов) // ЭО. 1999. № 5. С. 109–128.

Функ Д.А. Языки малочисленных тюркских народов Южной Сибири и Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств // Европейская языковая хартия и Россия. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 218. М.: ИЭА РАН, 2010. С. 66–78.

Функ Д.А., Х. Бич, Л. Силланпяя (отв. ред.). Практика постсоветских адаптаций народов Сибири. М.: ИЭА РАН, 2006.

Функ Д.А., Зенько А.П., Силланпяя Л. Материалы по современной культуре и социально-экономическому положению северной группы уйльта // ЭО. 2000. № 3. С. 14–30.

Функ Д.А., Л. Силланпяя (ред.). Коренные малочисленные народы Севера и Сибири. Руководство для исследователей. Вааса: Ун-т Академии Або, 1999.

Функ Д.А., Харитоновна В.А. Духовная культура и религия // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: Независ. экспертн. доклад. Новосибирск: СО РАН, 2004. С. 149–176.

Хабек Й.О. Гендер, «культура», северные просторы // ЭО. № 4. 2006. С.59–68.

Харючи Г.П. Культурные места – священные ландшафты в традиционном мировоззрении ненцев // Олень всегда прав. М., 2003. С. 140–149.

Хрущев С.А., Клоков К.Б. Северный нomaдизм в России. СПб.: НИИ географии СПбГУ, 2001.

Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Статистический сборник ЦСУ СССР. М.: изд-во «Финансы и статистика», 1984.

Чистобаев А.И. (ред.). Кочевое оленеводческое население: оценка возможностей этносоциальной адаптации и развития // Этногеографические исследования. Вып. 1. СПб.: НИИ географии СПбГУ, 1996.

Чураев А. Население Восточной Сибири. М.; Иркутск, 1933.

Шаховцов К.Г. Льгота ли быть селькупом // Практика постсоветских адаптаций народов Сибири. М.: ИЭА РАН, 2006.

Шубин А.С. Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII – XX вв.). Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1973.

Шубин А.С. К вопросу об этнографических особенностях в материальной культуре эвенков Севера Бурятии // Этнографический сборник. Вып. 6. Улан-Удэ: СО АН СССР, Бурят. филиал. 1974. С. 44–49.

Шубин А.С. Эвенки Прибайкалья. Улан-Удэ: Бэлиг, 2001.

Юргин К.И. Эвенкийские гидронимы. Автореф. диссер. на соис. уч. ст. к. филол. н. Новосибирск, 1974.

Ямсков А.Н. Права малочисленных народов российского Севера на территории традиционного природопользования: владение или пользование? // Обычное право и правовой плюрализм. Мат-лы XI Ме-

ждунар. конгр. по обычному праву и правовому плюрализму. М.: ИЭА РАН, 1999. С. 119–126.

Anderson D.G. Identity and Ecology in Arctic Siberia: the Number One Reindeer Brigade. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Anderson D.G. 1991. Turning Hunters into Herders: A Critical Examination of Soviet Development Policy among the Evenki of Southeastern Siberia // Arctic (Journal of the Arctic Institute of North America). Vol. 44. № 1. March, 1991. P. 12–22.

Anderson D.G. Property Rights and Civil Society in Siberia: An Examination of the Social Movements of the Zabaikal'skie Evenki // Praxis International. A Philosophical Journal. Vol. 12. № 1. April, 1992. P. 83–105.

Appadurai A. Global Ethnoscapes. Notes and Queries for a Transnational Anthropology // Recapturing Anthropology, Writing in the Present. Santa Fe; NM: SAR Press, 1991. P. 191–210.

Ashwin S. (ed.). Gender, state and society in Soviet and post-Soviet Russia. L.: Routledge, 2000.

Barnard A., Spencer J. (ed.). Encyclopedia of Social and Cultural Anthropology. L.; N.-Y.: Routledge. 1996.

Baskin L.B. Reindeer husbandry/hunting in Russia in the past, present and future // In Polar Research. Vol. 19. № 1 (2000). P. 23–30

Beach H., Funk D., Sillanpää L. Post-Soviet Transformations. Politics of Ethnicity and Resource Use in Russia. Uppsala: Uppsala Universitet, 2009.

Colchester M. Salvaging Nature: Indigenous Peoples Protected Areas and Biodiversity Conservation. Geneva: United Nations Research Institute for Social Development, 1994.

Collier J.F., Yanagisako S.J. Toward a Unified Analysis of Gender and Kinship // Gender and Kinship. Essays Toward a Unified Analysis. Stanford, California: Stanford University Press, 1990. P. 14–51.

Donahoe B. Ethnicity, Indigeneity, and Conflict in the Making // Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2002–2003. Halle/ Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology. P. 320–323.

Elfimov A. Ethnographic Practices and Methods: Some Predicaments of Russian Anthropology // Ethnographic Practice in the Present. N.-Y.; Oxford: Berghahn Books, 2010. P. 95–106.

Ferraro G. Cultural Anthropology: an Applied Perspective. Belmont: An International Thomson Publishing Company, 1998.

Fondahl G.A. Gaining Ground? Evenkis, Land, and Reform in Southeastern Siberia. Boston: Allyn and Bacon, 1998.

Fondahl G.A., Lazebnik O., Poelzer G., Robbek V. Native «Land Claims», Russian style // *The Canadian Geographer*. № 4 (2001). P. 545–561.

Fondahl G.A., Lazebnik O., Poelzer G. Aboriginal Territorial Rights and the Sovereignty of the Sakha Republic // *Post-Soviet Geography and Economics*. № 41 (2002). P. 401–417.

Forsyth J.A. History of Peoples of Siberia – Russia's North Asian colony 1581–1990. N.-Y.: Cambridge University Press, 1998.

Granberg L. Rural Paths in Russia // *Reflecting Transformation in Post-Soviet Rural Areas*. Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2007. P. 49–62.

Grant B. In the Soviet House of Culture: A Century of Perestroikas. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1995.

Gray P. Chukotkan Reindeer Husbandry in the Post-Socialist Transition // *Polar Research*. Vol. 19. № 1 (2000). P. 31–38.

Gray P. The Obschina in Chukotka: Land, Property and Local Autonomy. // Max Planck Institute for Social Anthropology Working Papers. Working Paper № 29. Halle/Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2001.

Gron O., Marie Holm-Olsen I., Tommervik H., Kuznetsov O. Reindeer Hunters and Herders: Settlement and Environmental Impact. // *Niku Norsk Institutt for Kulturminneforskning*. № 5 (1999). P. 17–24.

Habeck J.O. Cultured Places in an Uncultured Landscape // Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2002–2003. Halle / Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology, 2003. P. 325–326.

Habeck J.O. How to Turn a Reindeer Pasture into an Oil Well, and vice versa: Transfer of Land, Compensation and Reclamation // *People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 125–147.

Habeck J.O. What it Means to be a Herdsman. The Practice and Image of Reindeer Husbandry among the Komi of Northern Russia. Münster: Lit Verlag, 2005.

Habeck J.O., Donahoe B., Gruber S. Constellations of Culture Work in Present-Day Siberia // *Reconstructing the House of Culture: Community, Self, and the Makings of Culture in Russia and Beyond*. N.-Y.: Berghahn Books, 2011. P. 137–160.

Humphrey C. Marx Went Away, but Karl Stayed Behind (Updated Edition of Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm). Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998.

Humphrey C. The Unmaking of Soviet Life: Everyday Economics after Socialism. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

Sántha I. Buryat-Evenki Interethnic Relations // Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2002–2003. Halle / Saale: Max Planck Institute for Social Anthropology. P. 330–333.

King A.D. Reindeer Herders' Culturescapes in the Koryak Autonomous Okrug // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 63–80.

Konstantinov Y. Pro-Soviet Pasts of Reindeer Herding Collectives. Ethnographies of Transition in Murmansk Region. // Acta Borealia. Vol. 2. 2002. P. 49–65.

Konstantinov Y. Soviet and Post-Soviet Reindeer-Herding Collectives: Transitional Slogans in Murmansk Region. // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 171–187.

Krupnik I. Arctic Adaptations: Native Whalers and Reindeer Herders of Northern Eurasia. Hanover, NH, L.: University Press of New England. 1993.

Krupnik I., Vakhtin N. In the «House of Dismay»: Knowledge, Culture and Post-Soviet Politics in Chukotka, 1995–1996 // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 7–43.

Kuper A. The Return of the Native // Current Anthropology. Vol. 44. № 3. June 2003. P. 389–402.

Kwon H. Movements and transgressions: human landscape in Northeastern Sakhalin // Arctic Ecology and Identity. Budapest: Akadémiai Kiadó. P. 143–168.

Maffi L. Endangered Languages, Endangered Knowledge. // International Social Science Journal. Indigenous Knowledge. Sept., 2002. № 173. Oxford: Blackwell Publishing / UNESCO. P. 385–394.

Novikova N. The Status of Indigenous Peoples of the Russian North in the Context of Legal Pluralism // Indigenous Affairs 1–2/10. Copenhagen: IWGIA. P. 84–94.

Osherenko G. Property Rights and Transformation in Russia: Institutional Change in the Far North // *Europe-Asia Studies*. Vol. 47. 1995. P. 1077–1108.

Pika A., Dahl J., Larsen I. (eds.). *Anxious North. Indigenous Peoples in Soviet and Post Soviet Russia. Selected Documents, Letters, and Articles*. Copenhagen: IWGIA, 1996.

Povoroznyuk O. Evenks of Chitinskaya Province: Society and Economy (Still) in Transition // *Indigenous Affairs* 2–3/2006. Copenhagen: IWGIA. P. 68–74.

Povoroznyuk O., Habeck J.O., Vaté V. Introduction: On the Definition, Theory, and Practice of Gender Shift in the North of Russia. // *Anthropology of East Europe Review*. 29 (2). 2010. P. 1–37.

Shirokogoroff S.M. *Social Organization of the Northern Tungus. With Introductory Chapters Concerning Geographical Distribution and History of These Groups*. Shanhai, China: The Commercial Press Limited, 1929.

Sillanpää L.A. Comparative Analysis of Indigenous Rights in Fennoscandia // *Scandinavian Political Studies*. Vol. 20. № 3. 1997. Copenhagen: Scandinavian University Press. P. 197–217.

Slezkine Y. *Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North*. Ithaca: Cornell University Press, 1994.

Stammler F. *Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, Property and Globalisation at the End of the Land*. Münster: Lit Verlag, 2005.

Stammler F., Eilmsteiner-Saxine G. (ed.). *Biography, Shift Labour and Socialisation in a Northern Industrial City // The Far North: Particularities of Labour and Human Socialization*. University of Lapland, 2008.

Stammler F., Wilson E. Dialogue for Development: an Exploration of Relations between Oil and Gas Companies, Communities and the State // *Sibirica*. Vol 5. № 2. 2006. P. 1–42.

Tuisku T. Reindeer Herding, Collectivization and Oil and Gas Exploitation: a Case Study of Nenets Reindeer Herding // *Sustainable Development in the North. Local Initiatives vs Megaprojects*. Université Laval, Québec, 1998. P. 149–159.

Tuisku T. Transition Period in the Nenets Autonomous Okrug: Changing and Unchanging Life of Nenets People. // *People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 189–205.

Tuisku T. Surviving in the Oil and Gas Age. Co-existence of the reindeer herding and petroleum development. // Social and Environmental Impacts in the North. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 449–461.

Vakhtin N.B. Native Peoples of the Russian Far North. L.: Minority Rights Group, 1992.

Vinokurova L.I. Yakutia's Men Today: Widowing Wives and Longing for Life? // Anthropology of East Europe Review. 29 (2). 2010. P. 140–163.

Vitebsky P. Reindeer people: living with animals and spirits in Siberia. London: HarperCollins; Boston: Houghton Mifflin, 2005.

Willerslev R. «Urbanites without a City»: Three Generations of Siberian Yukaghir Women // Acta Borealia, Vol. 27. № 2. 2010. P. 189–207.

Zyker J.P. Land Use and Economic Change among the Dolgan and Nganasan // People and the Land. Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia. Seattle: University of Washington Press, 2002. P. 207–224.

Интернет-ресурсы

Игорь Макаров: "Итера" составила шорт-лист стратегических партнеров // <http://ria.ru/interview/20110531/382154913.html> (по состоянию на 21.12.2011).

Материалы Всероссийской переписи населения 2002 г. // www.perepis2002.ru

Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 г. // <http://www.sibfo.ru/strategia/strdoc.php> (по состоянию на 21.12.2011).

Тематические новости металлургии. Удокан // <http://www.metalinfo.ru/ru/news/s1624.html> (по состоянию на 07.03.2011).

Чинейское месторождение находится в коме // <http://www.chita.ru/news/25443/> (по состоянию на 21.12.2011).

Материалы государственных архивов

Государственный архив Российской Федерации

Ф. Р–Ф–3977. Комитет Севера при ВЦИКе. Д. 87.

Государственный архив Читинской области

Ф. Р–772. Оп. 1. Сводные планы и планы по колхозам Каларского района, Д. 43, 44.

Ф. Р–517. Оп. 1. Протоколы заседаний исполкома секции и общих собраний членов секции изучения и улучшения быта туземных племён ДВ за 1923 г. Д. 6.

Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 1. Протоколы Витимо-Каренгского районного съезда Советов, заседаний Президиума райисполкома общих собраний туземцев поселка Талачи.

Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 11. Протоколы заседаний сельсоветов и общих собраний граждан сел района. 1937.

Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 508. Докладная записка обкому КПСС о состоянии северного оленеводства в колхозах [Тунгокоченского] района, 1961 г.

Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 667. Докладная о ходе выполнения решения обисполкома № 613 от 14.VII. 1969 г. «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» за 1970 г.

Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 712а. Тунгокоченский райисполком. Документы по быту эвенкийского населения (сведения, справки, информации, демографические показатели). 1973 г.

Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 43. Отчеты о развитии животноводства [Тунгокоченского] района за 1941 г.

Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 394. Сводные данные по основным показателям деятельности колхозов [Тунгокоченского] района за 1955–1959 гг.

Ф. Р-617. Оп. 1. Д. 652а. Документы по выполнению решения [Тунгокоченского] райисполкома от 10.04.69 № 68 «О мерах по улучшению условий труда и быта эвенкийского населения (анализ, справки, информации, сведения)». 1969 г.

Ф. Р-612, Оп. 1. Д. 57. Сводки, отчеты, доклады о хозяйственном и культурном развитии Витимо-Олёкминского округа за 1932 г.

Ф. Р-612. Оп. 1. Д. 318. План развития Витимо-Олёкминского национального округа.

Ф. Р-927. Оп. 1. Каларский райисполком. Д. 678, 679, 682-685, 692, 694, 695, 700, 702, 706, 711, 714.

Ф. Р-2283. Оп. 1. Отдел культуры Каларского района. Д. 11, 12, 17-19.

Материалы текущих архивов органов власти и организаций

Данные Комитета здравоохранения // Администрация Читинской области, 2004.

Данные Комитета культуры // Администрация Читинской области, 2000.

Данные Комитета экономики // Администрация Читинской области, 2000.

Данные Комитета экономики // Администрация Читинской области, 2004.

Данные Отдела культуры // Администрация Каларского района Читинской области, 2003.

Данные Отдела культуры // Администрация Каларского района Читинской области, 2004.

Данные Управления экономики // Администрация Каларского района Читинской области, 2003.

Информация для подготовки заседания Консультативного Совета по делам коренных малочисленных народов Севера при полномочном представителе Президента Российской Федерации в СибФО // Министерство территориального развития Забайкальского края, 2011.

Информация о социально-демографической ситуации КМНС края и проведении комплекса мероприятий по улучшению условий и качества жизни населения на территориях компактного проживания КМНС // Министерство территориального развития Забайкальского края, 2010.

Информация о социально-экономическом положении территорий Забайкальского края, отнесенных к районам Крайнего Севера и приравненных к ним местностям // Министерство территориального развития Забайкальского края, 2011.

Информация по эвенкийскому населению Тунгокоченского района // Администрация Тунгокоченского района Читинской области, 2006.

Краевая долгосрочная целевая программа «Экономическое и социальное развитие коренных малочисленных народов Севера в Забайкальском крае на 2010-2012 годы» // Правительство Забайкальского края, 2010.

Отчет Отдела краеведения и туризма Каларского районного краеведческого музея, 2002 // Каларский районный краеведческий музей.

Отчет Центра национальной культуры Каларского района за 2002 г. // Администрация Каларского района, 2003.

Отчет Центра национальной культуры Каларского района за 2003 г. // Администрация Каларского района, 2004.

Программа «Экономическое и социальное развитие КМНС на 2006–2010 гг. Тунгокоченского района» // Администрация Тунгокоченского района Читинской области, 2006.

Распоряжение правительства Забайкальского края от 28 апреля 2009 г. № 249 «Положение о Совете коренных малочисленных народов в Забайкальском крае» // Правительство Забайкальского края, 2010.

Справка о социально-экономическом положении коренных малочисленных народов в Читинской области // Администрация Читинской области, 2005.

Устав и документы о регистрации общины КМНС «Геван» // Община КМНС «Геван», 2002.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКБ	Агитационная культурная бригада
АКМНС и ДВ РФ	Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
АО	Автономный округ
АО	Акционерное общество
АССР	Автономная советская союзная республика
БАМ	Байкало-Амурская железнодорожная магистраль
ВОЗ	Всемирная организация здравоохранения
ВЦИК	Верховный центральный исполнительный комитет
ГАРФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАЧО	Государственный архив Читинской области
ГПА	Государственная полярная академия
Госкомстат	Государственный комитет статистики
ГУП	Государственное унитарное предприятие
ДК	Дом культуры
ЗТФ	Зверо-товарная ферма
ИЭА РАН	ИЭА Российской академии наук
КАО	Корякский автономный округ
КДУ	Культурно-досуговое учреждение
КМНС	Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации
КТБ	Культурно-творческая бригада
МТФ	Молочно-товарная ферма
МУП	Муниципальное унитарное предприятие
Наркомздрав	Народный комиссариат здравоохранения
Наркомнац	Народный комиссариат по делам национальностей
Наркомпрос	Народный комиссариат просвещения
ОАО	Открытое акционерное общество
ОКБ	Областная клиническая больница
ОмГУ	Омский государственный университет
ООО	Общество с ограниченной ответственностью

ПДК	Предельно допустимый коэффициент
ПМА	Полевые материалы автора
ППО	Простейшее производственное объединение
ППТ	Простейшее производственное товарищество
РДК	Районный дом культуры
Ревком	Революционный комитет
РГНФ	Российский гуманитарный научный фонд
РГО	Российское географическое общество
РГПУ	Российский государственный университет им. А.И. Герцена
РИК	Районный исполнительный комитет
РК КПСС	Районный комитет Коммунистической партии Советского Союза
РОКК	Российское общество красного креста
СДК	Сельский дом культуры
СибФО	Сибирский Федеральный округ
СМИ	Средства массовой культуры
СНК	Совет народный комиссаров
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
СУЗ	Среднее учебное заведение
ТОЗ	Тульский оружейный завод
ТОО	Товарищество с ограниченной ответственностью
ТТП	Территории традиционного природопользования
ТузРИК	Туземный районный исполнительный комитет
ФАП	Фельдшерско-акушерский пункт
ФЦП	Федеральная целевая программа
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
ЦНК	Центр национальной культуры
ЦРБ	Центральная районная больница
ЦСУ	Центральное статистическое управление
ЧГУ	Читинский государственный университет
ЧО	Читинская область
ЯНАО	Ямало-Ненецкий автономный округ